

РАЗСКАЗЫ

О

ТЕМНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ,

О ВОЛШЕБСТВѢ, НАТУРАЛЬНОЙ МАГІИ, ОБМАНАХЪ
ЧУВСТВЪ, СУЕВѢРІЯХЪ, ФОКУСНИЧЕСТВѢ, КОЛДУ-
НАХЪ, ВЪДЬМАХЪ И Т. П.

ИЗДАНЫ

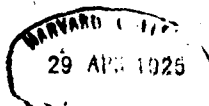
И. С. ХОТКИНСКИМЪ.

Съ полнѣннѣйшими рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1881.

~~24215,64~~

Handwritten signature

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 21-го декабря 1860 года.

Ценсоръ П. Новосильскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія.

I. О суевѣріяхъ	1
II. О натуральной магіи вообще и о заблужденіяхъ зрѣнія въ особенности	103
III. Обманы слуха	235
IV. Фокусы и диковинки механики	319
V. Фокусы и диковинки химіи	378
VI. О чернокужіи и волшебствѣ въ средніе вѣка	433
VII. Чародѣйство, колдуны и вѣдьмы въ старинной Россіи	496

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Около двадцати лѣтъ занимаюсь я собираніемъ и разработкою матеріаловъ, для приготовляемой мною къ печати «*Исторіи чародѣйства и Тайныхъ наукъ*».

Различныя обстоятельства, о которыхъ здѣсь распространяться было - бы неумѣстно, не позволили мнѣ понынѣ издать этого труда, и хотя онъ почти совершенно готовъ, но я и теперь не могу положительно опредѣлить времени, когда онъ появится въ свѣтъ. Для этого необходимо превозмочь различныя затрудненія и имѣть въ распоряженіи довольно значительную сумму денегъ. Все сочиненіе составитъ три большіе тома, со множествомъ рисунковъ.

Между-тѣмъ я печаталъ, по временамъ, въ разныхъ журналахъ и подъ разными заглавіями, болѣе или менѣе сокращенныя отрывки изъ моей, почти готовой, «Исторіи чародѣйства». Семь такихъ статей, явившихся въ «Сынъ Отечества», предлагаются теперь читателямъ особою книжкою. Если эта книжка будетъ встрѣчена благосклонно, то не замедлятъ явиться—*вторая, третья, а можетъ быть и четвертая*. Въ матеріалѣ нѣтъ недостатка.

Считаю нужнымъ предупредить читателя, что я отнюдь не имѣю претензіи приписывать этому труду какое-либо особое значеніе. Мои притязанія ограничиваются желаніемъ доставить нѣсколько сотенъ страницъ не утомительнаго, а можетъ-быть и не бесполезнаго чтенія.

М. Хотинскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
въ декабрѣ 1860 г.

II.

О СУЕВѢРІЯХЪ.

Внутреннее влеченіе человѣка къ таинственному и чудесному породило магію и другія тайныя науки.

- *Бэконъ.*

Дурно-понятія явленія природы были источникомъ безчисленныхъ суевѣрій и предрасудковъ.

Кантъ.

Исторія заблужденій человѣческаго ума и чувствъ представляетъ едва-ли не любопытнѣйшую часть исторіи развитія и цивилизаціи вообще. Всегда и вездѣ, вслѣдствіе шаткости ума и несовершенства чувствъ, чистыя идеи и ясныя понятія потемнялись заблужденіями и предрасудками. Незвѣстныя прежде болѣзни, необыкновенныя происшествія, явленія природы, выходящія изъ обычнаго порядка вещей и т. п., поражали воображеніе и, при малоразвитости ума и знаній, нерѣдко давали поводъ къ сверхъестественнымъ объясненіямъ. Отсюда беретъ начало химерическое владычество духовъ и волшебниковъ, представившее немало поэтически-

го, но еще болѣе грустнаго въ исторіи человѣчества.

Страсти, преимущественно властолюбіе и любостяжаніе, породили волшебниковъ, астрологовъ, алхимиковъ, знахарей, колдуновъ и вѣдьмъ. Одни увѣряли, что умѣютъ читать судьбу чловѣка въ сочетаніяхъ свѣтилъ небесныхъ, другіе ухищрялись прозрѣвать будущее въ толкованіяхъ сонныхъ грезъ, полета птицъ, состоянія внутренностей жертвы, закланной на алтарѣ языческаго бога, въ трепетъ листьевъ, въ свистъ вѣтра, въ пѣніи пѣтуха, въ морщинахъ кожи на рукахъ и на лицѣ, въ отраженіи предметовъ отъ зеркальной поверхности, въ сочетаніи картъ стасованной колоды, въ кофейной гущѣ и во множествѣ другихъ предметовъ, допускающихъ безчисленныя сочетанія формы и количества. Медея, заклиная вѣтры, Цирцея, превратившая Улиссовыхъ спутниковъ въ поросятъ, Орфей, заставлявшій плясать камни, волшебникъ Тирезій въ своемъ гротѣ,—все очень-похожи на волшебниковъ и вѣдьмъ, которыхъ жгли на кострахъ, по приговорамъ средневѣковыхъ судилищъ.

Остатки языческихъ убѣжденій, съ которыми такъ не легко разставались народы, принимавшіе христіанское ученіе, и дурно наблюдаемыя и

еще хуже объясняемая явленія природы породили бездну суевѣрій и предрасудковъ. Нагъ, бѣденъ, слабъ, глушь и легковѣренъ родился человекъ; наги, бѣдны, слабы, глушы и легковѣрны первобытныя, неразвитыя семьи и общества людей. По-мѣрѣ развитія ума и расширенія понятій, человекъ наблюдалъ окружающую его природу, узнавалъ свойства и причины вещей и явленій, и научался покорять себѣ природу, заставляя ее служить въ его пользу. Мало-по-малу онъ сдѣлался богатъ, могучъ, уменъ—сдѣлался царемъ земли. Крѣпче всѣхъ прочихъ недостатковъ прилѣпилось къ нему легковѣріе, еще очень-замѣтное въ большей части людей, даже сильно развитыхъ, богатыхъ матеріально и умственно. Правду говоритъ Сальвертъ, въ своемъ сочиненіи: «О тайныхъ наукахъ», что человекъ рождается и умираетъ легковѣрнымъ, но это легковѣріе происходитъ изъ свѣтлаго источника, изъ прирожденнаго человеку стремленія къ правдѣ. Величайшій обманщикъ чаще готовъ вѣрить чужимъ словамъ, чѣмъ подозрѣвать въ нихъ ложь. Чувство правды такъ присуще человеку, что въ самыхъ даже уклоненіяхъ отъ него безпрерывно проявляется невольное къ нему уваженіе. Но легковѣріе, при содѣйствіи страстей, особенно страха и надежды, было по-

стоянно одною изъ главныхъ причинъ распростра-
ненія суевѣрій и предрасудковъ.

Вѣрованія Грековъ и Римлянъ, отличавших-
ся, впрочемъ, значительною степенью своеобраз-
наго просвѣщенія, были сплетеніемъ безчислен-
наго множества заблужденій, иногда поэтиче-
скихъ, но часто странныхъ до нелѣпости, безо-
бразныхъ до чудовищности. Язычникъ вмѣстѣ
съ молокомъ матери всасывалъ въ себя зароды-
ши предрасудковъ и суевѣрій, сопровождавшихъ
его на пути цѣлой жизни и не покидавшихъ
даже на смертномъ одрѣ. Знаменитѣйшіе мужи
древности: герои, философы, поэты, законода-
тели, художники, не смотря на то, что въ нихъ
верѣдко горѣлъ огонь геніальныхъ вдохновеній,
находились постоянно подъ вліяніемъ странныхъ
предубѣжденій, подъ гнетомъ мнимыхъ таин-
ственныхъ дѣятелей. Самые выпренніе поры-
вы ихъ ума, самый широкій размахъ крыльевъ
ихъ генія, ощущали противодѣйствіе желѣзной
сѣти закоренѣлыхъ умственныхъ заблужденій,
неразрывно скованныхъ съ ихъ языческою ре-
лигіею, образомъ жизни, нравами и обычаями.

Чтеніе древнихъ авторовъ, доставляющее
намъ часто столько эстетическихъ наслажденій,
имѣетъ, какъ и все человѣческое, своего рода
недостатки. Извѣстно, что физическія и есте-

ственные науки у древнихъ находились на весьма-низкой степени развитія, и потому въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ классиковъ часто попадаются такія мѣста, которыя, не смотря на талантъ и серьезный тонъ автора, невольно вызываютъ улыбку на уста просвѣщеннаго читателя. А вѣдь не всякій и въ наше время знаетъ достаточно физику и естественную исторію, чтобы понять нелѣпность разсказа. Притомъ, бредни, изложенныя геніальнымъ писателемъ и вкрапленныя въ превосходное созданіе ума, невольно вливаются въ наши понятія, вмѣстѣ съ ихъ эстетическою обстановкою, и мы, наслаждаясь чтеніемъ классическаго автора, не различаемъ, или, лучше сказать, забываемъ различать ложь отъ истины: обѣ одинаково вѣдряются въ нашу память, и ложь находитъ въ ней мѣсто подъ эгидою истины, или благодаря поэтической формѣ, въ которую она облечена.

Представимъ примѣры странныхъ разсказовъ, встрѣчаемыхъ у древнихъ классиковъ. Мы при этомъ выберемъ преимущественно относящіяся къ естественной исторіи.

Плиніи, въ своей исторіи рыбъ, разсказываетъ, что въ Средиземномъ морѣ живетъ родъ многи, называемой *рсмора* (*remoга*), которая обладаетъ такою страшною силою, что если зу-

бами ухватится за корабль, то можетъ остановить его на всемъ ходу. Корабль, на которомъ Антоній плыль въ Акціуму *рѣшитъ судьбу вселенной*, былъ остановленъ одною изъ такихъ миногъ. Впрочемъ, это не единственный случай такого рода: точно такія-же происшествія случились съ Періандромъ, Калигулою и другими менѣе-замѣчательными лицами.

Читайте Геродота, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Тита-Ливія, Эліана, Светонія, Помпонія-Мелу и многихъ другихъ, и вы найдете въ этихъ авторахъ кучу рассказовъ о далекихъ странахъ, гдѣ живутъ люди съ собачьими и оленьими головами, безъ глазъ и съ одною ногою, на которой скачутъ, а когда захотятъ бѣжать, то становятся по-двое вмѣстѣ и, охватившись руками, бѣгутъ, передвигая общую пару ногъ. Впрочемъ, по мнѣнію тѣхъ-же авторовъ, есть страны, гдѣ живутъ люди совершенно безголовые. У нихъ-же вы прочтете, что левъ боится пѣнія пѣтуха, что рысь можетъ видѣть сквозь стѣну и другія непрозрачныя тѣла, что кротъ совершенно слѣпъ, что вороны, олени, карпы и попугаи живутъ по нѣскольکو сотъ и даже тысячъ лѣтъ, что крокодилъ, для приманки добычи, подражаетъ дѣтскому крику, что пеликанъ раздираетъ себѣ грудь и кормитъ своихъ

птенцовъ собственною кровью, что страусъ, преслѣдуемый непріателемъ, прячетъ голову въ песокъ и полагаетъ, что скрылся изъ виду непріателя, потому-что самъ его не видитъ. Отъ листочка петрушки лопается стекло; Аннибалъ пролагаетъ себѣ путь сквозь Альпы, растворяя горы укусомъ; діодоровы *илофан*, питаются исключительно древесными листьями, прыгаютъ по деревьямъ, какъ бѣлки, и самыя тонкія вѣтви не гнутся подъ ихъ тяжестью, хотя эти люди были ростомъ ничуть не меньше Грековъ. Съ древнѣйшихъ временъ существовало у пастуховъ повѣрье, что овца никогда не подойдетъ близко къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ какая-либо частица волчьяго трупа, и что, заигравъ на скрипкѣ, струны которой сдѣланы изъ волчьихъ внутренностей, можно разогнать какое угодно стадо. Іезуитъ Кирхеръ, который писалъ обо всемъ (даже объ астрономіи), рѣшился повѣрить это сказаніе, и повѣсилъ на шею овцѣ высушенное волчье сердце: разумѣется, что овца наслась съ этимъ талисманомъ также спокойно, какъ и безъ него.

Начитавшись древнихъ классиковъ, почти въ наше время, Риттеръ въ Германіи и Тувенель во Франціи, люди не только образованные, но и весьма ученые, пытались возобновить вѣру въ

диковинки фокусниковъ, отыскивающихъ подземные ключи помощью волшебнаго прута. Заблужденія свойственны всѣмъ вѣкамъ, сословіямъ и возрастамъ; только они видоизмѣняются согласно окружающимъ ихъ постороннимъ влияніямъ. Въ человѣкѣ малообразованномъ онѣ развиваются вслѣдствіе слишкомъ-тѣснаго круга, открытаго для дѣйствія мышленія, и суть слѣдствія невѣжества; у людей образованныхъ они проистекаютъ отъ перехода воображенія за назначенный ему разумомъ предѣлъ. Какъ-скоро умъ выйдетъ изъ опредѣленныхъ ему самою организаціею человѣка границъ, онъ немедленно начинаетъ дѣйствовать ненормально. Дѣйствіе при этомъ будетъ постоянно неправильное, хотя и разнovidное, смотря потому, за какія границы переступилъ умъ — за внѣшнія или внутреннія. Въ первомъ случаѣ слишкомъ-обширное поле дѣйствія ослабляетъ дѣятеля; во второмъ—онъ, по слишкомъ-ограниченному пространству, не можетъ выполнять назначенныхъ для него природою нормальныхъ отпращиваній.

Ученый іезуитъ Кирхеръ въ своемъ «*Подземномъ мірѣ*»¹, и въ наше время Сальгъ²

¹ Mundus subterraneus.

² См. Сочиненіе Сальга: «О заблужденіяхъ и предразсудкахъ».

въ подробности разсмотрѣли суевѣрія, предразсудки и другія заблужденія ума, проявлявшіяся какъ въ древнія, такъ и въ новыя времена. Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ будетъ интересно прочесть короткій обзоръ главнѣйшихъ изъ этихъ аномалій здраваго разсудка.

Напримѣръ, не только въ древности, но и въ новѣйшія времена, до послѣднихъ микроскопическихъ изслѣдованій берлинскаго микрографа Эренберга, господствовало между многочисленными учеными мнѣніе, будто-бы органическія вещества, подвергшіяся гніенію, могутъ воспроизводить новыя, живыя организмы. Чего не набредили по этому поводу древніе матеріалисты! Намъ, конечно, смѣшно читать теперь мнѣніе Демокрита, полагавшаго, что люди были первоначально подъ формою червей, и увеличиваясь мало-по-малу, совершенствовались и приняли настоящую форму. Анаксимандръ производилъ насъ изъ скорлупы, похожей на скорлупку каштана, которая, раскрывшись отъ дѣйствія теплоты, произвела на свѣтъ мужчину и женщину, распространившихъ родъ человѣческой. Это напоминаетъ яйца Леды. Другіе превращали рыбъ въ людей, какъ головастикъ превращается въ лягушку, и эта послѣдняя нелѣпность такъ понравилась Малье, что онъ началъ утверждать,

будто-бы существуютъ дѣйствительно морскіе люди, тритоны и сирены (о которыхъ, впрочемъ, было писано довольно много), и что эти морскія дива — мужчины и женщины, не успѣвшіе еще сбросить рыбьихъ хвостовъ. Наконецъ, почти въ наше время, уважаемый французскій натуралистъ Ламаркъ выкинулъ дикую мысль, будто-бы человѣкъ находился первоначально въ звѣроподобномъ образѣ. Такъ заблуждаются во всѣ вѣка даже свѣтлые умы, слишкомъ преданные одностороннимъ соображеніямъ.

Эпикуръ утверждалъ, что земля въ самомъ началѣ заключала въ себѣ зародыши всѣхъ индивидуумовъ органической жизни, на ней нынѣ существующей. Эти зародыши, находясь подъ первоначальной оболочкой, ожидали только благоприятнаго случая для своего развитія. Пошелъ дождь, пригрѣло солнце—и органическая жизнь развилась на планетѣ.

«Жалкія и тщетныя попытки объяснить грубымъ матеріализмомъ то, что не подвержено ни изслѣдованіямъ наблюденія, ни изслѣдованіямъ опыта!» какъ говоритъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ.

Не только у Аристотеля и у перипатетиковъ, но и у большей части греческихъ и римскихъ философовъ существовало положительное мнѣ-

ніе, что при гніеніи органическихъ тѣлъ зарождаются насѣкомыя и другія животныя низшихъ классовъ. Но не будемъ тревожить кости статрита ³, а посмотримъ, что говоритъ объ этомъ Кирхеръ, одинъ изъ представителей средне-вѣковой мудрости.

Возьмите—говоритъ онъ въ своемъ «*Mundus subterraneus*»—мертвыхъ мухъ, помочите ихъ въ медовой водѣ и, разложивъ на металлической доскѣ, нагрѣвайте горячимъ пескомъ: вы увидите, что будутъ образовываться маленькіе червячки, которые, выросши, превратятся въ мухъ.

Подобнымъ-же образомъ можно производить и змѣй. Изрубите весною нѣсколько змѣй, изжарьте и, зарывъ въ жирную землю, поливайте дождевою водою. Если эта земля будетъ освѣщаема солнцемъ, то черезъ недѣлю въ ней появятся черви. Поливайте ихъ теплымъ молокомъ съ водою и черезъ нѣсколько времени черви переродятся въ змѣй, которыя будутъ плодиться.

Почти такимъ-же образомъ можно, по словамъ Кирхера, разводить и лягушекъ.

Каковы превратныя понятія о физиологическомъ процессѣ! А при этомъ должно упомянуть,

³ Аристотеля.

что Кирхеръ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ своего вѣка и сдѣлалъ множество открытій, особенно въ физикѣ. Посмотримъ, что-то скажутъ черезъ сотню лѣтъ о тѣхъ изъ нашихъ ученыхъ, которые видятъ въ физиологическихкихъ процессахъ одни только процессы химическіе. Чему дивиться, если Кирхеръ утверждаетъ, что внутри земнаго шара живутъ слѣпые зѣленые люди, когда въ нынѣшнемъ столѣтіи одинъ извѣстный морякъ публично вызывалъ Александра Гумбольдта и сэра Гумфри Деви спуститься съ нимъ въ сѣверное полярное море, гдѣ неподалеку отъ полюса есть будто-бы отверстіе, по которому можно спуститься внутрь земнаго шара. Этотъ ученый сумасбродъ описывалъ даже всѣ подробности пустоты, существующей около центра нашей планеты. Мы беремъ это извѣстіе не изъ какого-либо подозрительнаго или темнаго источника: оно напечатано самимъ Гумбольдтомъ въ первой части его «Космоса».

Не будемъ, однакожь, винить древнихъ безусловно: и между ними были свѣтлые умы, которые знали и чувствовали, что матеріализмъ—плохое орудіе для познанія тайнъ природы. Гомеръ за три тысячи лѣтъ, и гораздо раньше чѣмъ стагирскій философъ, объяснилъ зарожденіе червячковъ изъ гнѣющаго тѣла, зная, что черви за-

рождаются на мертвыхъ трупѣхъ отъ мухъ. Развернемъ «Илліаду».

Ахиллесъ, выходя изъ шатра на бой съ Гекторомъ, опасается, чтобы въ его отсутствіе черви не повредили Патроклова тѣла, которому онъ не отдалъ еще послѣдняго долга. Ахиллъ говоритъ матери своей, богинѣ Ѡетидѣ:

. объ одномъ безпокойно
Сердце мое, чтобы тою порою на Патрокловомъ
тѣлѣ
Мухи, проникши въ глубокія, мѣдью пробитыя
раны,
Алчныхъ червей не родили; они искажать его
образъ.

(Перев. Гнѣдича, пѣснь XIX, ч. II, стр. 202)

Перейдемъ къ другому повѣрью, будто-бы воображеніе женщинъ имѣетъ вліяніе на красоту или безобразіе дѣтей. И тутъ найдутся грустныя свидѣтельства брѣнности и ненадежности выводовъ человѣческаго ума.

Отецъ медицины—Иппократъ, говоритъ, что если беременной женщинѣ захочется козлятины или телятины, то необходимо тотчасъ-же удовлетворить ея желаніе, иначе она родитъ дитя, похожее на Юпитера Аммона.

По словамъ Плинія, одна знакомая ему рим

ская дама родила слона, потому-что во время беременности часто со вниманіемъ смотрѣла на этихъ колоссальныхъ животныхъ. Другая римлянка, любившая глядѣть на львовъ, родила львенка.

Въ гелветической хроникѣ Семпта находимъ извѣстіе, что жена одного большого любителя картинъ, изображающихъ звѣрей, родила сына, мохнатого, какъ волченокъ или медвѣженокъ. Мало-ли можно подобрать подобныхъ мнимо-дѣйствительныхъ фактовъ; но выводить изъ нихъ серьезное заключеніе, значить строить громадное зданіе на сыпучемъ пескѣ.

Сила воображенія у Малевранша рѣшительно брала верхъ надъ разсудкомъ. Онъ такъ былъ убѣжденъ въ началахъ своей метафизики, что для него самыя странныя и невѣроятныя явленія казались чрезвычайно простыми. Увлекаясь разгуломъ горячей фантазіи, онъ часто попадалъ на ложный путь и толковалъ факты совершенно произвольно. Прочитайте его «*Recherches de la vègité*», и вы согласитесь съ моимъ мнѣніемъ.

Какихъ диковинокъ не найдешь, если только захочешь порыться въ пыли библіотекъ! Не говоря уже о минотаврѣ, полу-человѣкѣ и полу-быкѣ, о царицѣ съ гусиными лапами и о матери франкежаго короля Меровея, у которой былъ

будто-бы рыбій хвостъ, мы найдемъ, что въ 1684 году въ Авиньонѣ было разбито яйцо, въ которомъ находилось маленькое человѣческое лицо съ носомъ, впадинами для глазъ, губами, широкимъ ртомъ и подбородкомъ. Эту головку подвергали даже анатомическому разсѣченію, и изображеніе ея приложено было къ одному изъ номеровъ «*Journal des Savants*». Всего любопытнѣе, что издатели ученаго журнала присовокупили, будто-бы такая чудовищность произошла вслѣдствіе того, что курица безпрестанно бѣгала за хозяиномъ птичьяго двора и очень любила глядѣть ему прямо въ лицо.

Попробуйка рассказать эту исторію Иванъ Ивановичъ Ивану Никифоровичу, такъ и тотъ-бы отвѣчалъ съ негодованіемъ: Богъ съ вами, Иванъ Ивановичъ! Гдѣ вы это такой дичи набрались? Ну, гдѣ-же слыхано, чтобы курица влюбилась въ человѣка? Вѣдь человѣкъ, какой онъ тамъ ни будь, хоть самая дрань, все-таки человѣкъ; а курица—тварь безсловесная. Вотъ ужъ я такой диковинкѣ не повѣрю. Да и что же это за извѣстіе? Просто гиль, галиматья, сапоги въ смятку!!

А ученые, записные ученые, вѣрили иногда такимъ диковинкамъ. «*Верденскій журналъ*» за юль 1755 г. рассказываетъ о дитяти, родив-

шемся съ циферблатомъ на глазахъ, вслѣдствіе сильнаго желанія его матери имѣть часы. Удивительную память кардинала Перрона приписывали желанію его беременной матери имѣть въ своемъ распоряженіи библиотеку. У многихъ еще въ свѣжей памяти сто разъ напечатанные и подтвержденные сотнями авторитетовъ рассказы о младенцѣ, у котораго въ зрачкѣ былъ портретъ Наполеона. И мало-ли еще что такое.

Какъ-бы ни были разнообразны уродливости людей и животныхъ, всё они подчинены известнымъ постояннымъ законамъ природы. Въ этихъ уклоненіяхъ отъ обыкновеннаго порядка, въ этихъ, такъ называемыхъ, случайностяхъ, нѣтъ ничего случайнаго, или выходящаго изъ законнаго порядка вещей, а все совершается на основаніи дознанныхъ новѣйшею наукою правилъ. Это доказалъ Жофруа Сентъ-Илеръ въ своей «Histoire des Anomalies de l'organisation».

Сколько говорено и писано о толкованіи сновъ и о способахъ угадывать по нимъ будущее, начиная отъ Гомера, свидѣтельствующаго, что Юпитеръ насылаетъ сны смертнымъ, до послѣдняго сонника, изданнаго спекуляторомъ-книгопродавцемъ. Эней, желая покинуть прелестную Дидону, говоритъ ей о тѣни Анхиза, являвшейся ему во снѣ; Аеалія умерщвляетъ внука, пови-

нуясь вліянію сонныхъ грезъ; при восточныхъ дворахъ держали особыхъ снотолкователей; всѣ древніе герои и полубоги видятъ вѣщіе сны; философы Аристотель и Платонъ вѣрятъ снамъ. Самъ отецъ медицины сообразуется съ сновидѣніями при леченіи болѣзней. Напримѣръ, если кто-нибудь видѣлъ во снѣ померкнувшія звѣзды, то немедленно предписывалось ему начать бѣгать кругообразно ⁴. «Желательно-бы знать, — говоритъ одинъ писатель, — по какой линіи бѣжалъ Иппократовъ умъ, когда онъ писалъ приведенныя сейчасъ строки?»

Галіенъ признается, что онъ сталъ заниматься медициною вслѣдствіе сна, видѣннаго его отцемъ, и что онъ однажды велѣлъ себѣ пустить кровь изъ указательнаго пальца для облегченія боли въ боку, потому-что видѣлъ во снѣ, будто-бы такое кровопусканіе исцѣлитъ его. Храмъ Эскулапа наполнялся каждую ночь мечтателями и ипсохондриками, которые приходили спать у жертвенниковъ, въ надеждѣ, что увидятъ во снѣ, какія лекарства могутъ изцѣлить ихъ недуги. Граждане Спарты поочередно спали въ храмѣ Пазифан, ожидая, что увидятъ во снѣ предсказанія, полезныя для ихъ республики. Франклинъ,

⁴ De insomnis, IV et V.

одинъ изъ свѣтлыхъ умовъ прошлаго вѣка, ни какъ не рѣшался дѣйствовать противно указаніямъ, которыя почерпалъ въ толкованіяхъ сновъ^б.

А сколько есть разказовъ о сбывшихся снахъ! Кому неизвѣстенъ разказъ Цицерона о двухъ друзьяхъ, пріѣхавшихъ въ Мегару? Платонъ разказываетъ о Сократѣ, что онъ, услышавъ во снѣ извѣстный стихъ Гомера:

«Черезъ три дня ты узришь плодоносныя страны», былъ убѣжденъ, что умретъ черезъ три дня, что дѣйствительно и сбылось съ нимъ. Силла во снѣ призывала парка, и онъ, пробудившись, тотчасъ созвалъ друзей и составилъ духовное завѣщаніе; послѣ того вскорѣ захворалъ горячкою и скончался, не доживъ до вечера. Плиній-Младшій приводитъ собственное очевидное свидѣтельство, что во время сна одного изъ его рабовъ въ запертой комнатѣ явились какія-то два привидѣнія въ бѣлыхъ одеждахъ и обрили тому рабу волоса. Маркъ Аврелій соображался съ сонными своими видѣніями при пользованіи отъ головокруженія и кровохарканія.

Еще въ древности начали искать соотношеній между сонными видѣніями и обстоятельствами

^б Cabanis, Rapport du physique et dumora de l'homme, III, 449.

дѣйствительной жизни. Изъ этихъ изысканій составились цѣлыя методы для истолкованія сновъ и явились тысячи снотолкователей, разумѣется, не даромъ, а за добрую плату трудившихся надъ таинственными выводами прорицаній судьбы въ сонныхъ грезахъ.

Многіе изъ древнихъ писателей собрали эти методы, но до насъ дошли только записки Артемидора и Синеція. Особенно замѣчательенъ первый изъ нихъ, жившій въ царствованіе Антонина-Благочестиваго. На основаніи этихъ древнихъ авторитетовъ, составлялись снотолкователи среднихъ вѣковъ, которыхъ безобразныя сказки видимъ въ современныхъ намъ сонникахъ, весьма обильныхъ во всѣхъ, безъ исключенія, европейскихъ литературахъ.

Приведемъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ Артемидора.

Видѣть во снѣ:

Значить:

Лишеніе зрѣнія	Близкую потерю одного изъ дѣтей или ближняго родственника.
Смерть	Близкій бракъ.
Цвѣты	Благополучіе.
Сокровища	Горе, заботы и бѣдность.

Видѣть во снѣ: *Значить:*

Паденіе съ горы . . Изгнаніе или заключе-
ніе въ темницу ⁶.

По мнѣнію Галіена, здоровье человѣка нахо-
дится въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ его
соннымъ грезамъ. Людямъ, страдающимъ избыт-
комъ жолчи, снится огонь, а буде жолчь у нихъ
черная, то снится дымъ; если-же въ человѣкѣ
преобладаетъ мокрота, то онъ видитъ во снѣ во-
ду и ледъ. Подобнаго рода предсказанія и объ-
ясненія находимъ даже у Ишпократа.

Большая часть снотолкователей не согласны
въ методахъ объясненія сонныхъ видѣній. Одни
полагаютъ, что сны должно толковать прямо со-
образно съ представляющимися въ нихъ образа-
ми, а другіе утверждаютъ, что надо прини-
мать все въ противную сторону. Подобное-же
разногласіе находили и въ отношеніи обстоятель-
ствъ времени и мѣста. Плутархъ утверждаетъ,
что осенніе сны не могутъ заключать въ себѣ
никакой важности, потому-что осень была въ

⁶ Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ *сонниковъ*, са-
мый остроумный составленъ моимъ другомъ, да-
ровитымъ поэтомъ Н. Ф. Щербиною. Сонникъ
этотъ, вѣроятно, надолго останется въ рукописи.
Признаюсь, что такого рода *сонники* я готовъ
читать хоть всякій день, безъ скуки.

его время порою хлѣбосольтва и взаимныхъ пировъ: поэтому сны въ это время года происходятъ собственно вслѣдствіе дурнаго пищеваренія отъ пресыщенія желудка.

Одинъ нѣмецкій докторъ, Адрианъ Юнге, сочинилъ латинскую поэму, въ которой приводитъ всѣ способы снотолкованій. Пословамъ этого доктора, видѣть во снѣ чистую воду означаетъ спокойствіе ума и сердца, разлитіе рѣки— скорое изгнаніе, сладкое кушанье и питье— горе и печали, а слезы и горькія явства— радость и благополучіе. Кто увидитъ во снѣ салатъ—латукъ, тотъ бойся скорой и тяжелой болѣзни, а если кому приснятся золото и серебро, тотъ навѣрное скоро пойдетъ по міру, съ котомкою за плечами.

Цицеронъ весьма остроумно смѣялся надъ снотолкователями и тѣми, которые имъ вѣрили. Эпикурейцы, и въ особенности Ксенофанъ, сравнивали состояніе чловѣка во время сонныхъ грезъ съ состояніемъ опьянѣлаго или сумасшедшаго. «Еслибы олимпійскіе жители вмѣшивались во всякіе сны, то вѣрно-бы въ послѣднихъ было по больше порядка и здраваго смысла», говоритъ Ксенофанъ. Слѣдовательно и къ древности были люди, которые смѣялись надъ суе-

вѣріемъ снотолкователей, которое еще и въ наше время встрѣчаетъ многихъ поклонниковъ.

Снотолкованіе, какъ остатокъ древняго идолопоклонства, было осуждаемо правительствами многихъ европейскихъ государствъ. Капитуляріи французскихъ королей присуждали толкователей сновъ къ тяжкимъ наказаніямъ за ихъ безстыдный обманъ. Екатерина II, въ уставѣ благочинія, изданномъ въ 1782 году, приказывала за толкованіе сновъ отсылать къ суду.

Намъ возразятъ, можетъ-быть, замѣчаніями, что иные сны дѣйствительно сбываются, и всякій можетъ рассказать одинъ или нѣсколько примѣровъ этого рода. Что-же въ этомъ мудренаго? Легковѣрная женщина, у которой мужъ лежитъ въ тяжелой болѣзни, видитъ во снѣ дымъ, мракъ, кладбище, плачь и похоронную процессію. Она обращается къ снотолкователямъ и для большей вѣрности прибѣгаетъ къ такимъ, которые толкуютъ сны по разнымъ методамъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтитъ, что больной непременно умретъ, а другой увѣряетъ, что онъ непременно выздоровѣетъ: нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ нихъ скажетъ правду. А въ тѣхъ случаяхъ, когда не было двухъ разнорѣчивыхъ показаній, часто помогаетъ случай, потому-что въ случаѣ возможности двухъ отвѣтовъ—

да и *илтъ*, половина вѣроятностей на сторонѣ
каждаго изъ нихъ. А замѣтите, что на одинъ
сбывшійся сонъ причтется множество не сбыв-
шихся; помнятъ и считаютъ первые, вовсе забы-
вая о послѣднихъ.

Если мы отъ снотолкованій обратимся къ ас-
трологіи, то намъ представится необозримое мо-
ре заблужденій и нелѣпостей, приведенныхъ въ
систему. Самыя произвольныя и смѣшныя тол-
кованія положеній и движеній небесныхъ свѣ-
тилъ были обработаны ученымъ образомъ и со-
ставили особенную химерическую науку. И не
должно думать, что она появилась только во вра-
чѣ невѣжества среднихъ вѣковъ. Нѣтъ, она су-
ществовала у Грековъ, у Римлянъ, даже у Егип-
тянъ и у другихъ древнѣйшихъ народовъ. Ма-
нилій и Петроній передали намъ толкованія ка-
сательно вліянія созвѣздій на судьбу новорож-
денныхъ. За двѣ и за три тысячи лѣтъ тому на-
задъ. точно также, какъ и еще въ недавнее вре-
мя, въ Брюсовомъ и другихъ астрологическихъ
календаряхъ, объяснялось, что родившійся подъ
вліяніемъ созвѣздія Овна будетъ богатъ стадами,
а подъ вліяніемъ Тельца будетъ имѣть гнѣвный и
жестокій нравъ. Левъ располагаетъ къ гордости
и обжорству, Дѣва—къ щегольству, волокит-
ству и трусости, а Козерогъ—къ несчастнымъ

супружествамъ. Подъ созвѣздемъ Вѣсовъ родятся купцы, Водолея—Гидравлики, а Рыбъ—моряки, и рыболовы.

Эти весьма древнія идеи были еще болѣе развиты Арабами, которые каждому отдѣльному свѣтилу назначали въ завѣдываніе особыя части человѣческаго тѣла: Солнцу отданы были сердце, мозгъ и правый глазъ; Меркурію—языкъ, руки, ноги и воображеніе (?); Сатурнъ завѣдывалъ печенью, селезенкою и правымъ ухомъ; Юпитеръ легкими; Марсъ—кровью, носомъ и желудочнымъ сокомъ; Луна владѣла лѣвымъ ухомъ и глазомъ; а Венера—частями тѣла, служившими для воспроизрожденія породы.

Въ герметической философіи каждая планета, кромѣ упомянутыхъ владѣній тѣлеснаго состава, имѣла еще свои нравственныя вліянія. Такимъ образомъ, Солнце покровительствовало славѣ, Венера любви, Меркурій краснорѣчію, Луна бережливости, а Сатурнъ завѣдывалъ печальными ощущеніями духа. Каждое планетное свѣтило имѣло сверхъ - того свой привилегированный цвѣтъ: голубой принадлежалъ Юпитеру, желтый Солнцу, зеленый Венерѣ, красный Марсу, бѣлый Лунѣ, черный Сатурну, а Меркурію посвящена была нестрота цвѣтовъ.

Въ древности считалось семь планетъ; то-

есть къ извѣстнымъ въ то время Меркурію, Венерѣ, Марсу, Юпитеру и Сатурну присовокупляли Солнце и Луну, но зато Земля исключалась изъ планетнаго списка. Египетскіе жрецы и послѣдователи пифагорейскаго ученія, зародившагося въ Индіи, придавали большую важность цифрамъ, какъ выраженіямъ количествъ, и потому обратили особое вниманіе на соотвѣтственность числа *семь* въ различныхъ земныхъ предметахъ. Такъ, было семь планетъ, семь металловъ и семь дней недѣли. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы построить цѣлую систему хитросплетенныхъ толкованій о взаимной связи и зависимости планетъ, металловъ и дней недѣли между собою. Пифагорейцы передали средневѣковымъ алхимикамъ и астрологамъ знаменитую таблицу, которую мы здѣсь приводимъ, и которая играла важную роль, роль краеугольнаго камня, при выкладкѣ гороскоповъ о судьбѣ новорожденныхъ и при соображеніяхъ для отысканія знаменитаго философскаго камня.

Эта табличка — слѣдующая:

<i>Числа:</i>	<i>Планеты:</i>	<i>Металлы:</i>	<i>Дни недѣли:</i>
I.	Солнце.	Золото.	Воскресенье.
II.	Луна.	Серебро.	Понедѣльникъ.
III.	Марсъ.	Желѣзо.	Вторникъ.
IV.	Меркурій	Ртуть.	Среда.
V.	Юпитеръ.	Олово.	Четвергъ.
VI.	Венера.	Мѣдь.	Пятница.
VII.	Сатурнъ.	Свинець.	Суббота.

Угодно-ли теперь читателю знать, какимъ образомъ совершалось вліяніе планетъ?

Всякій младенецъ въ мгновеніе своего рожденія составляетъ центръ круга, внутри котораго небесныя свѣтила занимаютъ каждое извѣстныя, по различныя между собою положенія. Въ это роковое мгновеніе общее вліяніе всѣхъ свѣтилъ устремлено на поворожденнаго, какъ на центръ общаго сочетанія планетъ, и въ это мгновеніе свѣтила таинственными истеченіями своего свѣта запечатлѣваютъ младенцу особую своеобразность, обусловливающую все будущее его развитіе и даже всю судьбу его жизни. Такимъ-образомъ участь поворожденнаго и всѣ, какъ добрыя, такъ и дурныя его качества, мгновенно опредѣляются планетнымъ вліяніемъ, при чемъ каждая планета дѣйствуетъ сообразно своему положенію. Огромные фоліанты нависаны съ цѣлью опредѣлить и пояснить значеніе этихъ положеній!

Каждая планета имѣетъ свое любимое жилище на небесномъ зодіакѣ, называемое *домомъ*. Такихъ домовъ, по числу знаковъ зодіака, двѣнадцать. Первый домъ предназначенъ жизненной организаціи и тѣлосложенію младенца: смотри по тому, какая планета находится въ этомъ домѣ въ мгновеніе рожденія младенца, онъ выйдетъ

умницею или дуракомъ, красавцемъ или уродомъ, гигантомъ или карликомъ, добродѣтельнымъ или злодѣемъ. Положеніе свѣтилъ во второмъ домѣ обуславливаетъ богатство, въ третьемъ — семейныя связи, въ четвертомъ — общественныя отношенія, и такъ далѣе, до двѣнадцатаго, который вмѣщаетъ въ себѣ зло и пагубы, ведетъ къ безславію, нищетѣ, болѣзнямъ, изгнанію и позорной смерти.

Все это очень мало понятно, скажетъ читатель. Я въ этомъ съ нимъ вполне согласенъ; но чтобы имѣть возможность вычислить геросконы, нужно изучить едва-ли не цѣлые томы. Мы представимъ въ особой статьѣ правила вычисленія гороскоповъ и приведемъ примѣры такихъ вычисленій.

Астрологи были въ такой-же модѣ при дворѣ Октавія Августа, какъ и при дворѣ Маріи Медичи. Римскіе императоры ничего не предпринимали важнаго не посоветовавшись съ звѣздами и выбивали медали съ изображеніемъ созвѣздій, господствовавшихъ на небѣ въ минуту ихъ рожденія. Начиная съ Франциска I, каждый порядочный человекъ во Франціи считалъ необходимою имѣть своего астролога, какъ теперь у всякаго есть свой портной или прачка. У придворныхъ дамъ Маріи Медичи были свои га-

датели, носившіе названіе бароновъ, и съ ними совѣщались во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Царь Павелъ III наградилъ своего астролога епископствомъ *Чивите-дукале*. Гаданіямъ и предсказаніямъ астрологовъ вѣрили умнѣйшіе люди. Генрихъ IV и кардиналы Ришельё и Мазарини постоянно совѣщались съ астрологами, и долгое время, въ царствованіе Людовика XIV, Жанъ Батистъ Морень получалъ пенсію (по 2,000 фр. въ годъ), назначенную ему Мазарини за гороскопы. Математикъ Карданъ, предсказавшій, по сочетанію свѣтилъ, день своей смерти, и видя, что этотъ день проходитъ благополучно, самъ лишилъ себя жизни, ради непогрѣшительности астрологіи.

А сколько можно отыскать разсказовъ о сбывшихся предсказаніяхъ астрологовъ! Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ, что передъ вступленіемъ Александра Македонскаго въ Вавилонъ астрологи предсказали ему смерть въ стѣнахъ этого города, что и сбылось на самомъ дѣлѣ. Светоній увѣряетъ, что астрологъ Спуринна предрекъ Кесарю смерть въ мартовскія иды, и великій Римлянинъ погибъ въ назначенную эпоху. Жребій Нерона и его матери былъ предсказанъ Агрипинѣ. Астрологъ предвѣщалъ Генриху II, что онъ умретъ отъ раны, нанесенной ему въ

глазъ на турнирѣ. Морень назначилъ впередъ часъ смерти Густава Адольфа, Сенъ-Марса и кардинала Ришельё. Мы могли-бы насчитать здѣсь сотни примѣровъ этого рода, сбереженныхъ лѣтописцами.

Но всего лучше нравится намъ отвѣтъ, данный Людовику XI его астрологомъ. Этотъ король подарилъ любимцу звѣздъ большія суммы, но потомъ какъ-то усумнился въ истинѣ предсказаній, извлекаемыхъ изъ сочетанія небесныхъ свѣтилъ. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ своихъ подозрѣній, онъ приказалъ двумъ воинамъ стать за дверью и по извѣстному знаку войти къ нему въ кабинетъ и убить человѣка, который будетъ съ нимъ тогда разговаривать.

Отдавъ такое приказаніе, король послалъ за своимъ астрологомъ. Тотъ немедленно явился.

— Ты, который читаешь мою судьбу въ звѣздахъ,—сказалъ король—вошедшему адепту, можешь-ли прочесть въ нихъ свою собственную.

— Могу,—отвѣчалъ астрологъ, не запинаясь, и боясь потерять свой вѣсъ во мнѣніи короля отрицательнымъ отвѣтомъ.

— Такъ скажи-же мнѣ, когда ты умрешь?—спросилъ его Людовикъ съ самою невинною миною.

Вопросъ этотъ озадачилъ астролога, который, зная характеръ властителя Франція, опасался западни. Однакожь, мудрецъ не смутился и только попросилъ у короля позволенія посоветоваться со звѣздами.

Король повелъ его къ окну, отворилъ его и, указывая на устьянное звѣздами небо, примолвилъ.

— Посоветуйся хорошенько съ своими друзьями и попроси ихъ, чтобы они не обманули тебя на этотъ разъ.

Тутъ магикъ догадался, что дѣло плохо. Впрочемъ, дѣлать было нечего, и онъ придумывалъ средство вывернуться изъ бѣды.

Постоявъ съ четверть часа, какъ-бы въ созерцаніи ночныхъ свѣтилъ, астрологъ затворилъ окно, обратился къ королю и сдѣлалъ ему низкій поклонъ.

Король замѣтилъ его смущеніе и спросилъ о причинѣ, ободряя его ласковымъ голосомъ.

— Государь, — отвѣчалъ звѣздочетъ, — я прочелъ на небѣ, что мнѣ въ эту минуту угрожаетъ смертельная опасность.

Такой отвѣтъ озадачилъ короля. Людовикъ XI подумалъ съ минуту и спросилъ.

— А прочелъ-ли ты въ звѣздахъ часъ твоей смерти.

— Что до этого касается,—возразилъ астрологъ, преклоняясь передъ королемъ, то судьба отличила меня передъ милліонами смертныхъ, связавъ часъ моей смерти съ часомъ смерти первой особы во Франціи.

— Что это значитъ?—спросилъ удивленный король, уже готовившійся подать знакъ палачамъ, стоявшимъ за дверями.

— Я умру ровно тремя днями ранѣе вашего величества.

Этотъ отвѣтъ такъ озадачилъ суетвѣрнаго Людовика, что онъ немедленно отпустилъ астролога, подаривъ ему кошелекъ съ деньгами.

Послѣ этого анекдота, за достовѣрность котораго не ручаемся, хотя онъ рассказанъ былъ многими романистами за истину, приведемъ другой примѣръ астрологическихъ бредней, почерпнутый изъ лѣтописей астрономіи.

Нѣмецкій математикъ Штоффлеръ въ началѣ XVI вѣка взволновалъ умы всей западной Европы. Онъ распространилъ извѣстіе, что въ февраль 1524 года должно случиться соединеніе планетъ Юпитера, Сатурна и Марса въ знакѣ Рыбъ, и что вслѣдствіе этого астрономическаго событія произойдетъ потопъ. Всякій, кто только могъ, запасался лодкою или другимъ судномъ, а бѣдняки связывали для себя плоты. Наконецъ

насталъ страшный февраль и простоялъ весьма сухо, такъ-что не упало въ теченіе этого мѣсяца ни капли дождя. Въ мартѣ трусы ободрились и стали смѣяться надъ Штоффлеромъ. Последній, однакожь, не смутился отъ неудачи и предсказалъ конецъ міра, долженствовавшій случиться, по его мнѣнію, въ 1588 году. И этому вѣрили въ свое время.

Астрологъ Авенаръ предсказалъ Евреямъ пришествіе Мессіи въ 1444 году, и причинилъ немалое волненіе между германскими и итальянскими Евреями того времени, которые съ 1444 по 1446 годъ не затворяли оконъ своихъ домовъ для принятія ожидаемаго ими Мессіи.

Карданъ предсказалъ долголѣтіе англійскому королю Эдуарду VI, но тотъ умеръ достигнувъ 16-ти лѣтняго возраста.

Довѣріе къ астрологійи исчезло еще въ прошедшемъ столѣтіи, и астрологическія предсказанія вошли въ одну категорію съ толкованіями сновъ.

Самое понятное сочиненіе объ астрологійи о способѣ узнавать судьбу человѣка помощью свѣтилъ есть: «*Enchiridion curieux par le Sieur de Peruchio*», изданное въ Парижѣ въ 1653 году. Мы впоследствии представимъ изъ него выписки.

Вліяніе пифагорейскихъ мечтаній о важности числа *семь* породило множество предразсудковъ о *климатерическихъ годахъ* и объ опасности ихъ для человѣка. Вообразили себѣ, будто-бы смерть угрожаетъ человѣку преимущественно на седьмомъ году возраста и въ теченіе годовъ кратныхъ числа 7, какъ-то: 14, 21, 28, 35, 42, 49. Последнее число, представляющее произведение 7 на 7, называлось *великимъ*, и думали, что 49 годъ есть одинъ изъ опаснѣйшихъ въ жизни. Подобной-же опалѣ подвергались годы кратныя числа 9, то-есть 18, 27, 36, 45, 54, 63. Последній былъ еще страшнѣе, чѣмъ 49. Но всѣхъ болѣе должно было бояться 81 года.

Статистическія розысканія вполне показываютъ несправедливость всѣхъ хитросплетенныхъ умышленій касательно климатерическихъ годовъ—большихъ и малыхъ.

Древніе были гораздо богаче насъ предразсудками опредзнаменованійхъ. У нихъ море, небо, земля, метеоры, кометы—всѣ служили указателями будущихъ событій. Гремѣлъ громъ, и тотчасъ замѣчали, съ которой стороны онъ раздался: если съ правой, то это было дурнымъ знакомъ; если-же съ лѣвой, то хорошимъ. О появленіи кометъ и говорить нечего: онѣ подавали

поводъ къ самымъ страннымъ толкованіямъ. Считали необходимымъ и согласнымъ съ обыкновеннымъ ходомъ вещей въ природѣ, что за кометами слѣдовали для человѣческаго рода напасти и бѣдствія. Смерть великихъ людей, а иногда просто богачей, моровыя повѣтрія и войны неперемѣнно предвѣщались кометами. Когда въ 1531 году явилась блестящая звѣзда съ хвостомъ (одно изъ явленій Галлесовой кометы), в за тѣмъ въ теченіе шести лѣтъ не случилось въ Европѣ никакого особеннаго несчастія, то умы начали бродить, и все ожидали чего-то необыкновенно-страшнаго, потому-что, по тогдашнимъ понятіямъ, комета не могла-же явиться даромъ, что называется, ни съ того, ни съ другаго. Наконецъ, къ большому удовольствію тогдашней публики и къ счастью людей, желавшихъ успокоенія умовъ, въ одной деревнѣ близъ Рима, королева отелилась двуголовнымъ теленкомъ, имѣвшимъ на лбу бѣлую звѣздочку съ хвостомъ. Суевѣры убѣдились, что комета являлась именно для того, чтобы предвозвѣстить такое необыкновенное событіе, и что за тѣмъ нечего бояться дальнѣйшихъ бѣдствій. Ту-же самую комету, уже прежде являвшуюся въ 1456 году, папа Калликстъ проклиналъ вмѣстѣ съ Турками, распространявшими свои завоеванія въ Европѣ. Ко-

та скрылась, и вслѣдъ за тѣмъ Іоаннъ Корвинъ Гуниадъ разбилъ и прогналъ мусульманъ.

Въ память этого происшествія, въ нѣкоторыхъ католическихъ государствахъ по нынѣ существуетъ обыкновеніе звонить въ колокола ровно въ полдень ⁷.

Странное тщеславіе людей, считавшихъ всю вселенную, созданную для одного человѣческаго рода, поставило землю неподвижною въ срединѣ міра; а всѣ замѣчательныя явленія на небѣ и землѣ относило непосредственно къ судьбѣ людей. Эта мнимая подчиненность всего мірозданія человѣку была главною причиною и источникомъ всѣхъ астрологическихъ мечтаній. Новѣйшая

⁷ Лѣтописецъ Калвизій говоритъ:

«His cometa et bello exterritus Papa Callixtus III ad advertendam Dei iram aliquot dierum supplicationes indixit, constituitque in urbibus, ut in meridie campanae pulsarentur, ut omnes de precibus contra Turcarum tyrannidem fundendis admonerentur».

Такъ-какъ вслѣдъ за проклятіемъ комета исчезла, а за тѣмъ послѣдовала побѣда христіанъ надъ Турками, то Кромерусъ называетъ эту комету:

«Christianis laetum nuntius, claude turcica et turpifuga Mahomedis» (См. Астрономію Хотинскаго. Томъ II, стр. 552).

астрономія разъяснила намъ ничтожность всей нашей земли въ сравненіи съ громадностью цѣлаго мірозданія.

Сувевріе такъ сильно дѣйствовало на Римлянъ, что, по ихъ мнѣнію, появленіе внутри севаста крысы или зайца могло измѣнить судьбу республики. Такъ, внезапное появленіе мыши заставило Фабія Максема сложить съ себя диктаторство, а заяцъ побудилъ консула Фламинія отказаться отъ начальства надъ конницею. Въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ совѣтовались съ священными курами и цыплятами, и законы издавались не иначе, какъ послѣ наблюденія внутренностей закланнаго на жертвенникѣ козла, и по числу зеренъ, склеванныхъ въ храмѣ цыпленкомъ. Прежде объявленія войны или заключенія мира, всегда прислушивались къ блянію барана, приведеннаго къ жертвеннику, и мнѣіе жрецовъ, основанное на этомъ бляніи, одерживало иногда верхъ надъ мнѣніями опытныхъ полководцевъ.

Титъ Ливій жалуется на то, что современники его мало вѣрили авгурамъ и арусвиціямъ. «Этими мелочами не слѣдуетъ пренебрегать, говорилъ онъ, потому-что отъ нихъ зависитъ судьба республики». Духъ просвѣщенія возникалъ уже и въ Римѣ, когда Цицеронъ написалъ свой трактатъ

тать о ничтожествѣ гаданій и предзнаменованій, а Катонъ отвѣчалъ встревоженному гражданину, съ ужасомъ рассказывавшему, что крысы съѣли ночью его сандалии:

«Успокойся, другъ мой, потому—что случай, который ты рассказываешь, не предвѣщаетъ ничего худаго. Вотъ было-бы другое дѣло, если-бы сандалии твои съѣли крысы».

Рожденіе уродливаго младенца считалось весьма дурнымъ предзнаменованіемъ, и велѣдствіе этого родители сами убивали несчастныхъ малютокъ или бросали ихъ въ Тибръ для умилостивленія гнѣва олимпійскихъ боговъ. Разъ какъ-то сова влетѣла въ храмъ и въ тотъ-же день у одного Грека родился двуголовый младенецъ. Сенатъ собрался для разсужденія объ этомъ столкновеніи неблагопріятныхъ предзнаменованій и, по совѣту авгура, новорожденнаго бросили въ Тибръ, а его родителей вмѣстѣ съ совою похоронили живыхъ на Марсовомъ полѣ.

Римляне до того были суевѣрны, что войско едва не возмутилось противъ своего любимаго вождя Октавія Августа, когда узнало, что онъ нечаянно надѣлъ правую сандалию на лѣвую ногу. Даже въ XVI столѣтіи одинъ изъ величайшихъ астрономическихъ геніевъ, Тихонъ Браге, трепеталъ при видѣ зайца и если встрѣчалъ его

на дорогѣ, то, оставивъ самыя важныя дѣла, возвращался домой.

Да что говорить о томъ, что было встарину, когда и наше поколѣніе не совѣмъ свободно отъ самыхъ безтолковыхъ предразсудковъ! Многие понынѣ думаютъ, что выпавшая изъ печи головня или нечаянно погашенная свѣча предзнаменуетъ прибытіе нечаяннаго гостя; тоже самое говорятъ, когда увидятъ облизывающуюся кошку. Звонъ въ ухѣ также имѣетъ свое значеніе: если звѣнитъ въ правомъ ухѣ, то предстоитъ бѣда, а если въ лѣвомъ, то счастье. Когда чешется правый глазъ, то будешь скоро плакать; когда-же лѣвый, то смѣяться. Чешущаяся правая ладонь предвѣщаетъ скорую выдачу денегъ, а лѣвая скорое ихъ полученіе. Есть люди, которые считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, когда пробѣжитъ по нимъ паукъ; а наши простолюдины никогда не убиваютъ черныхъ таракановъ⁸, полагая, что они приносятъ счастье хозяину дома. Что до меня касается, то хотя я и не принадлежу къ числу отъявленныхъ трусовъ, но невольная дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу и сердце судорожно сжимается при одномъ видѣ чернаго таракана, тогда-

⁸ *Blatta orientatis*.

какъ всякое другое насѣкомое я безъ отвращенія могу взять въ руки. Но если, по несчастію, отвратительное черное животное, котораго одинъ видъ такъ для меня ненавистенъ, коснется моего тѣла, то со мною дѣлаются судороги. А я, какъ натуралистъ, очень хорошо знаю, что это животное совершенно безвредно.

Но это уже примѣръ антипатіи, а не суевѣрія или предразсудка. Еслибы я захотѣлъ оглянуться, то могъ-бы назвать многихъ очень умныхъ и образованныхъ людей, не предпринимающихъ ничего важнаго въ понедѣльникъ или пятницу и страшущихся слѣдствій нечаянно-просыпанной за столомъ соли. Какъ часто случается видѣть, что новый собесѣдникъ, являющійся за столъ, гдѣ уже сидятъ двѣнадцать гостей, блѣднѣетъ и отказывается сѣсть, пока не выйдетъ изъ-за стола кто-либо изъ домашнихъ или не выручитъ его прибытіе новаго гостя, — и все это во избѣжаніе того, чтобъ за столомъ не было роковаго числа 13, влекущаго за собою, какъ извѣстно, смерть одного изъ собесѣдниковъ въ теченіе того-же года.

Но вотъ еще новая бѣда. Одинъ изъ гостей человекъ молодой и, слѣдовательно, неопытный, незнающій, что извѣстное положеніе вилки, ножа и ложки можетъ повлечь за собою бездну

вѣсчастій, кладеть эти орудія крестъ-на-крестъ на своей тарелкѣ. Скорѣе уничтожьте этотъ роковой знакъ, иначе неотразимая смерть грозитъ неопытному юношѣ или одному изъ его близкихъ родственниковъ.

А вѣдь есть-же люди, которымъ и три зажженные свѣчи, поставленные на одномъ и томъ-же столѣ, нипочемъ!

Я никакъ не принадлежу къ такимъ вольнодумцамъ и твердо держусь правила не выѣзжать со двора въ пятницу, если случится дурная погода, не платить въ понедѣльникъ долга, который могу заплатить во вторникъ, не сидѣть тринадцатымъ за столомъ, гдѣ кушанье готовлено на двѣнадцать персонъ, и зажигать всегда четвертую свѣчку, когда недостаточно свѣтло при трехъ.

Большая часть этихъ понынкѣ господствующихъ предразсудковъ дошла къ намъ еще отъ языческихъ временъ. У Грековъ и Римлянъ были таблицы счастливыхъ и несчастныхъ дней года, — *dies fasti et nefasti* — и въ послѣдніе никогда не предпринималось ничего важнаго. Самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ несчастныхъ дней считалось у нихъ 24-е февраля високосныхъ годовъ, и это было также вѣрно, какъ и то, что браки, совершаемые въ маѣ мѣсяцѣ, всегда бы-

ваютъ несчастливы, и супруги будутъ маяться во всю жизнь.

Каждый изъ упомянутыхъ предразсудковъ имѣетъ свое основаніе, которое, впрочемъ, не всегда возможно отыскать. Только подробнымъ систематическимъ развитіемъ происхожденія и постепеннаго распространенія между людьми извѣстныхъ предразсудковъ можно показать, что ложь происходитъ часто отъ истины, и дѣлается ложью только вслѣдствіе самонадѣянности и шаткости человѣческаго ума.

Не всѣ, однакожь, суевѣрія и предразсудки прожили до нашего времени. Уже давно никто не вѣритъ ни въ убійственный взглядъ василиска, ни въ возрожденіе феникса, ни въ саламандръ, обитающихъ въ огнѣ, ни въ nereidy, тритоновъ, сиренъ, драконовъ, грифоновъ, крылатыхъ змѣй и т. п., хотя большая часть этихъ рассказовъ основана на дѣйствительной формѣ животныхъ первобытнаго міра, которыхъ окаменѣлые остатки мы теперь находимъ въ разныхъ напластованіяхъ земной коры.

Не далѣе какъ въ началѣ текущаго столѣтія, англійскіе журналы извѣщали о красивой собою сиренѣ, явившейся въ Шотландіи и имѣвшей зеленые длинные волосы и рыбій хвостъ. Она около полутора часа плескалась на поверхности

моря, не оскорбляясь, что множество зрителей любовались обнаженными ея формами. Многіе повѣрили этому извѣстію. Что-же удивляться, если находимъ у натуралиста Плинія, что, въ царствованіе Клавдія, видѣли на морскомъ берегу, близъ Лиссабона, молодого тритона: Подобное-же чудо случилось въ Галліи, во времена Августа. Тритоновъ и сиренъ видѣли вездѣ, особенно въ Африкѣ. Павзаній, писатель правдивый и просвѣщенный, увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ тритона. Эліанъ рассказываетъ о засушенномъ тритонѣ, показывавшемся въ Ливадіи. По словамъ Фульгозія, въ папство Евгенія IV, тритонъ вышелъ на берегъ и похитилъ ребенка; но былъ преслѣдованъ и убитъ. Онъ былъ совершенно также устроенъ, какъ всякій чело-вѣкъ, только имѣлъ на лбу два рожка, за плечами два крылышка и плавательныя перья на рукахъ и ногахъ.

Въ 1547 году, іезуитъ Генрихезъ собственными глазами видѣлъ девять хорошенькихъ тритоновъ, пойманныхъ неведомъ въ западной Индіи.

Изъ формальнаго юридическаго протокола, составленнаго на островѣ Мартиникѣ въ 1672 году видно, что 4 негра и 1 Французъ видѣли

старого тритона, съ сѣдыми волосами, плывшего у скалы *Алмазъ*.

Конрадъ Гесснеръ видѣлъ 3-го ноября 1525 года морскаго человѣка, вышедшаго изъ воды; а Федоръ Газа хвалится тѣмъ, что ему удалось спасти жизнь сиренѣ, выброшенной моремъ на берега Греціи, гдѣ она умирала, распростертая на песокъ. Онъ снесъ несчастную въ море, гдѣ она скоро оправилась и ушла. Георгій Трапезунтскій, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, утверждаетъ, что онъ видѣлъ на морскомъ берегу прелестнѣйшую сирену, которую обезобразивалъ только рыбій хвостъ.

По разсказу Пьера Жюля, въ Эпирѣ былъ колодезь, близъ котораго, въ глубокой пещерѣ, прятались тритоны и похищали дѣвушекъ, приходившихъ за водою. Одною изъ такихъ воровъ поймали и представляли въ судъ. Онъ былъ совершенно похожъ на обыкновеннаго человѣка; но будучи посаженъ въ тюрьму, вскорѣ умеръ, вѣроятно, отъ тоски по родной стихіи.

Австрійскій эрцгерцогъ, сынъ императора Фердинанда, вывезъ изъ Генуи, въ 1548 году, мертвую сирену. Въ 1682 году, въ Сестри, близъ Генуи, былъ пойманъ тритонъ, совершенно похожій на человѣка, за исключеніемъ рыбь-

яго хвоста, которымъ оканчивалось туловище. Тритонъ умеръ отъ голода и тоски.

Въ исторіи Нидерландовъ заключается сказаніе, что въ 1430 г., послѣ большаго наводненія, дѣвушка изъ города Эдама, въ Зеландіи, нашли увязшую въ грязи неренду. Ее увели въ городъ, гдѣ она выучилась одѣваться, креститься и пряхъ, но не могла сказать ни одного слова. Она была совершенно во всемъ похожа на другихъ дѣвицъ; только ее должно было постоянно стеречь, чтобы она не ушла въ воду.

По свидѣтельству Бартолини, въ Даніи также была поймана маленькая сирена, съ красными волосами, которая не только выучилась пряхъ и одѣваться, но еще читала молитвы и предсказывала будущее.

Кирхеръ, съ большою подробностью описавшій сиренъ и тритоновъ, утверждаетъ, что они ловки и поворотливы, какъ обезьяны, строятъ себѣ подводныя жилища изъ раковинъ и устилаютъ полъ ихъ мелкимъ пескомъ, на которомъ любятъ лежать. Изрѣдка выходятъ они на сушу, для того, чтобы погрѣться на солнцѣ и набрать плодовъ, которые страстно любятъ.

Бартолини говоритъ о сиренахъ съ двойными хвостами, а Кирхеръ упоминаетъ о сиренахъ съ дьявольскими лицами. Тритоны иногда влюбляютъ

ся въ дѣвушекъ. Николай Римбергъ утверждаетъ, что древняя фамилія Манини произошла отъ тритона и испанки.

Наконецъ упомянемъ, что съ небольшимъ за двадцать лѣтъ, извѣстный американскій шарлатанъ Барнумъ развозилъ на показъ маленькую сирену, будто-бы пойманную близъ острововъ Фиджи. Это было чучело, весьма-искусно сдѣланное, вѣроятно, Китайцами: верхняя часть туловища принадлежала обезьянѣ, а нижняя была рыбій хвостъ. Эту сирену показывали и въ Петербургѣ, въ звѣринцѣ Зама, лѣтъ 15 или 16 тому назадъ.

Сова всеяла въ Римлянъ невольный ужасъ и считалась такою зловѣщею птицею, что всякій, случайно увидавшій ее, снѣшилъ въ храмъ для очищенія, и не разъ авгуры требовали очищенія цѣлаго города по тому поведѣ, что въ него залетѣла сова. Плиній увѣряетъ, что женщина, увидѣвшая сову, становится безплодною; зато яичница изъ совиныхъ яицъ рекомендуется какъ лучшее и самовѣрнѣйшее лекарство отъ запоя. Страхъ, внушаемый совою, существовалъ еще въ средніе вѣка, и древніе Франки твердо вѣрили, что непременно будетъ въ скоромъ времени покойникъ въ томъ домѣ, на который сядетъ сова. Однакожь, по странной ано-

малии человѣческихъ понятій, они-же считали признакомъ великаго благополучія, если сова залетитъ въ голубятню. Когда осуществлялось такое радостное событіе, то цѣлыя селенія приходили поздравить счастливаго хозяина голубятни, которую сова удостоила своимъ посѣщеніемъ, и даже издалека стекались любопытные поглядѣть на счастливаго человѣка. По силѣ древняго закона короля Дагоберта, онъ освобождался отъ платежа всякихъ податей и повинностей, какъ личныхъ, такъ и денежныхъ, и считался въ числѣ почетныхъ лицъ роднаго селенія. Тѣмъ-же закономъ опредѣлялось отрубить руку и дать сто ударовъ плетью тому, кто украдетъ или убьетъ сову, прилетѣвшую въ чужую голубятню, если это совершено съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить счастливую будущность избранника таинственной птицы.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о симпатіи и антипатіи.

Одинъ изъ древнѣйшихъ писателей о симпатіи называетъ ее *сродствомъ ума и сердца*. Древніе, однакожь, удивительно распространили кругъ этого сродства: по ихъ мнѣніямъ, слонъ имѣлъ сродство съ бараномъ, потому-что при видѣ барана будто-бы утихаетъ гнѣвъ раздраженнаго слона. Агриппа находитъ симпатію меж-

ду виноградною лозою и оливковымъ деревомъ, а также между смоковницею и миртомъ. Подобнаго рода симпатіи были также открыты между львомъ и пѣтухомъ, ворономъ и совою, виноградомъ и капустою, и многія другія.

Математикъ Карданъ увѣрялъ, что ящерица чувствуетъ симпатію къ человѣку, а, по мнѣнію Ронделя, всѣ большія морскія животныя, не одаренныя острымъ зрѣніемъ, имѣютъ вокругъ себя прислужниковъ изъ маленькихъ рыбокъ, которыя стараются отыскивать для своего повелителя добычу и наводятъ его на нее. Это нѣчто въ родѣ мальчика, который, по словамъ романа, водитъ слѣпаго Велизарія, хотя, не во гнѣвъ автору романа, Велизарій никогда не былъ водимъ мальчикомъ.

Натуралисты и философы въ прошедшемъ столѣтіи принимали два вида симпатіи — чувственный и нравственный. Дѣйствія чувственной симпатіи—чисто физиологическія и механическія. Ихъ часто смѣшивали съ естественными явленіями сильно-развитыхъ органовъ чувствъ или съ животнымъ инстинктомъ. Такъ младенецъ ищетъ грудь матери, животное умѣетъ отличать полезную пищу отъ вредной; шерсть у лошади становится дыбомъ при видѣ льва или медвѣдя; а собака отыскиваетъ слѣды своего

господина, вслѣдствіе сильно развитыхъ органовъ обонянія.

Нравственная симпатія имѣетъ началомъ своимъ нравственное чувство, свойства индивидуальныхъ характеровъ, нравы, обычаи и привычки. Встрѣчаясь въ первый разъ съ человекомъ, вы иногда чувствуете къ нему влеченіе или отвращеніе, по-видимому, ни на чемъ не основанныя. Но разберите хорошенько ваши чувства, разберите свойства этой симпатіи или антипатіи, и вы увидите, что онѣ берутъ свое начало въ незамѣтномъ, такъ-сказать, невольномъ сужденіи вашего ума, который при первой встрѣчѣ съ новымъ лицомъ дѣлаетъ, по нѣкоторымъ наведѣніямъ, сравненіе между качествами этого человека (котораго вы часто вовсе не знаете) и между вашими собственными понятіями, склонностями и вкусами. Повторяемъ, что умъ, схватывающій весьма-быстро характерные признаки, невольно и незамѣтно составляетъ сравненіе по наведеніямъ, ему свойственнымъ, между новымъ лицомъ и вашими собственными качествами и выводитъ свое заключеніе. Дѣйствіе это происходитъ такъ быстро и независимо отъ воли, что мы замѣчаемъ обыкновенно только одинъ его результатъ, или крайній его выводъ.

Ясно, что все таинственное, которымъ старались объяснять странныя чувства симпатіи и антипатіи, подходитъ подъ опредѣленные законы, и строго-логическій пытливый умъ можетъ служить надеждою руководною нитью въ этомъ темномъ лабиринтѣ.

А у врачей и алхимиковъ XV и XVI столѣтій можно найти большія диковинки о симпатіи. Фанъ Гельмонтъ рассказываетъ, что одинъ брюссельскій житель, человѣкъ очень богатый, потерявъ въ сраженіи носъ, обратился къ хирургу, предлагая ему огромную сумму, если онъ можетъ вновь вырастить ему носъ. Хирургъ согласился и, отыскавъ одного бѣдняка, котораго организація, по мнѣнію его, симпатизировала съ организаціею безносаго брюссельца, уговорилъ бѣднягу позволить отрѣзать ему носъ за вознагражденіе десятью фунтами золота. Отрѣзанный носъ былъ приставленъ брюссельскому гражданину и приросъ какъ нельзя лучше, потому-что носъ симпатизировалъ съ остальнымъ организмомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, бѣднякъ, продавшій носъ, умеръ: проданный членъ началъ холодѣть на лицѣ новаго своего хозяина, загнилъ и вскорѣ вовсе отпалъ, потому-что онъ все-таки имѣлъ болѣе симпатіи съ организаціею стараго хозяина, чѣмъ новаго.

Фанъ-Гельмонтъ ссылается на свидѣтельство многихъ бруссельскихъ жителей, могшихъ подтвердить справедливость факта. Но такъ-какъ этому дѣлу прошло около трехъ столѣтій, то справки навести будетъ довольно мудрено.

Лежандръ рассказываетъ о двухъ близнецахъ, изъ которыхъ одинъ почувствовалъ сильную боль въ груди въ то самое мгновеніе, когда близнецъ его былъ раненъ въ сраженіи, и именно въ грудь. Сраженіе это происходило въ Италіи, а первый близнецъ находился въ то время въ Парижѣ.

Этьенъ Пакье приводитъ примѣръ другихъ двухъ близнецовъ, изъ которыхъ одного хотѣли уморить голодомъ въ тюрьмѣ. Но всѣ старанія оставались тщетными, потому-что близнецъ, находившійся на свободѣ, преиспрано кушалъ за двоихъ; когда-же заключенному отрубили голову, то близнецъ его также мгновенно умеръ, и послѣ его смерти найденъ красный рубецъ на шеѣ.

Есть не менѣе странные анекдоты объ антипатіяхъ. Иной не можетъ видѣть мыши, другой кошки; маршалъ Альберъ, человѣкъ самой отчаянной храбрости, дрожалъ какъ листъ при видѣ свиньи. Актриса Конта имѣла такую антипатію къ зайцамъ, что проходя мимо вывѣски

одного купца, на которой былъ нарисованъ заяцъ, упала въ обморокъ.

Было время, когда повсемѣстно въ Европѣ укоренилось мнѣніе, что кровь убитаго человѣка приходитъ въ волненіе въ присутствіи убійцы. Такому странному повѣрью принесено много невинныхъ жертвъ. Когда кардиналъ Медичи, сынъ Козьмы Тосканскаго, былъ умерщвленъ, то при входѣ брата его, Гарсіи Медичи, въ залу, гдѣ находилось тѣло убитаго, кровь умерщвленнаго кардинала потекла будто-бы вновь изъ раны. Козьма, признавъ это за доказательство виновности Гарсіи, немедленно приказалъ его казнить.

Шарлатаны умѣли искусно пользоваться предрасудками касательно симпатіи. Не говоря уже о заговариваніяхъ зубной и другихъ болей, скажемъ, что существовало повѣрье, будто, имѣя въ рукахъ клочекъ волосъ какого-либо человѣка, можно лечить его отъ болѣзни, хотя-бы онъ находился отъ врача и лекарства на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Въ этомъ отношеніи славился нѣкогда симпатическій порошокъ кавалера Дигби, долгое время морочившаго всю англійскую аристократію. Какой-нибудь Англичанинъ, раненый во Франціи или Испаніи, спѣшилъ послать въ Англію къ сэру Дигби ком-

прессъ, снятый съ раны и обогранный кровью больного. Дигби посыпалъ компрессъ своимъ порошкомъ, и больному немедленно становилось легче; онъ клалъ компрессъ на ледъ, и больной чувствовалъ въ ранѣ холодъ; когда-же компрессъ, посыпанный порошкомъ, приближали къ огню, то больной за тысячи верстъ чувствовалъ въ ту-же минуту жаръ; и всему этому вѣрили, вѣрили слѣпо, и считали невѣждою того, кто бы смѣлъ усомниться въ дѣйствительности порошка Дигби.

Образчики порошка Дигби дошли до нашего времени, и химическій анализъ показалъ, что таинственное снадобье состояло изъ желѣзнаго купороса, адрагантовой камеди и нѣкоторыхъ другихъ растительныхъ веществъ, неодаренныхъ никакими особенно-замѣчательными свойствами.

Искусство заговаривать было чрезвычайно распространено у древнихъ, особенно въ отношеніи къ новобрачнымъ. У Геродота читаемъ, что нильскій пастухъ заговорилъ Амазиса Великаго и Лаодикію. Тацитъ рассказываетъ, что мстительная Нумантіна была обвинена передъ сенатомъ въ томъ, что заговорила перваго своего мужа, претора Сильвана: но она сумѣла оправдаться въ этомъ обвиненіи. Жена Стиликона, Сфена, заговорила императора Гонорія,

желавшаго жениться на несовершеннолѣтней Маріи. По свидѣтельствѣ Оеокрита и Виргилія, сицилійскіе и мантуйскіе пастухи, достигшіе сѣдыхъ волосъ, заговаривали молодыхъ своихъ товарищей, чтобы уронить ихъ во мнѣніи пастушекъ. Французскій историкъ Гиберъ-ле-Ножанъ увѣряетъ, что родители его были заговорены въ теченіе семи лѣтъ, и что какая-то добрая старушка, зашедшая къ нимъ въ гости, уничтожила очарованіе, вслѣдствіе чего родился нашъ историкъ. На провинціальныхъ соборахъ, въ Миланѣ, Турѣ, Монте-Кассинѣ, Феррарѣ и Меленѣ (1579), преданы проклятію люди, обладавшіе тайною заговаривать. Въ сочиненіяхъ шотландскаго короля Іакова I приведены сотни примѣровъ заговариваній.

Хроники среднихъ вѣковъ содержатъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ разсказовъ по этому предмету. Когда Изабелла, дочь Альфонса Аррагонскаго, выходила замужъ за Галеаса Миланскаго, то Людовикъ Сфорца заговорилъ новобрачныхъ изъ ревности. Марія Падилла, любовница Петра Кастильскаго, заговорила его къ королевѣ Біанкѣ.

По словамъ демонолога Дельріо, Венера, разсердясь на паросскихъ женщинъ, заговорила всѣхъ мужей и юношей на Паросѣ, и только

многочисленными жертвами умилостивили богиню любви.

Парламенты во Франціи признавали заговариванье новобрачныхъ уголовнымъ преступленіемъ. Въ 1582 году парижскій парламентъ приговорилъ къ висѣлицѣ Абея Деларю за то, что онъ заговорилъ Жана Моро, изъ Куломье, на первый день брака. Подобному-же наказанію подвергнулся Шамульяръ, въ 1597 году, за заговариванье дѣвушекъ, вступавшихъ въ бракъ. Ріомскіе судьи сожгли Видала де-ла Постъ за такое заговариваніе. Еще въ 1718 году бордосскій парламентъ сжегъ колдуна, заговорившаго семейство одного знатнаго барина и всѣхъ его слугъ и служанокъ.

Описаніе древнѣйшихъ способовъ заговариваній находимъ у Овидія и Виргилія. Дѣлали изъ воску фигурку, похожую на то лицо, которое хотѣли заговорить, и, обвязавъ фигуру ленточками и снурками, поочередно затягивали ихъ, приговаривая заклятія; потомъ концы всѣхъ снурковъ и ленточекъ привязывали къ булавкѣ (буде заговаривалась женщина) или къ гвоздю (буде мужчина) и втыкали булавку или гвоздь въ животъ восковой фигурки, которая послѣ того бросалась въ воду или зарывалась въ землю. Заговоръ считался дѣйствительнымъ, пока

была цѣла фигурка съ завязанными лентами и шурками.

Средневѣковые колдуны разнообразили не только силу заговариваній, но и самую ихъ манипуляцію, то-есть приемы, употребляемые при такихъ чарованіяхъ. У демонолога Бодена описано болѣе пятидесяти способовъ заговариванья. Дѣйствительнѣйшее изъ его средствъ состоитъ въ слѣдующемъ. Взять ремешокъ или шнурокъ и завязать на немъ первый узелъ, пронося слово *рибальдъ*, при второмъ узлѣ слово *небалъ*, а при третьемъ *ванарби*. Эти узлы должно завязывать въ то самое время, когда совершается обрядъ вѣнчанія. Первый узелъ завязывается слегка, второй по крѣпче, а третій совершенно крѣпко.

Множество другихъ приемовъ и способовъ описано у іезуита Дельрію, инквизитора Шпренгера, целестинца Креспе, Деланкра, Віеруса, Бодена и вообще авторовъ, занимавшихся демонологією.

Заговаривали не однихъ новобрачныхъ, но и всѣ возможные предметы. Отъ заговариваній, по мнѣнію легковѣрныхъ, переставала течь вода, мельницы останавливались, войска оставались на мѣстѣ, какъ окаменѣлые, и не могли сражаться, купцы не могли торговать,

адвокаты говорить, огонь горѣть, птицы летать, кони бѣгать и т. п. Созимень рассказываетъ, будто-бы нѣкто Сопатръ заговорилъ вѣтеръ, такъ-что остановился подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Византію, и только казнью колдуна разрѣшилось его чарованіе. Олай Великій свидѣтельствуетъ, что шведскій король Эрикъ могъ заставить дуть вѣтеръ въ ту сторону, въ которую онъ повертывалъ забрало своего шлема. Григорій Турскій пишетъ въ своей хроникѣ, что французскій король Сигбертъ былъ побѣжденъ магическими дѣйствіями Гунновъ, заговорившихъ его войско.

Петрарка рассказываетъ про Карла Великаго слѣдующій анекдотъ, присовокупляя, что нѣтъ возможности сомнѣваться въ его истинѣ.

Находясь въ Ахенѣ, Карлъ былъ заколдованъ одною женщиною, такъ-что не только держалъ ее при себѣ во время ея жизни, но не могъ даже разстаться съ ея трупомъ послѣ (вскорѣ воспослѣдовавшей) смерти красавицы-колдуньи. Ученый Турпинъ воспользовался минутою сна своего повелителя и, осмотрѣвъ уже начинавшій портиться трупъ, нашелъ подъ языкомъ умершей кольцо, скованное пополамъ изъ золота и желѣза. Турпинъ вынулъ кольцо и Карлъ, проснувшись, немедленно приказалъ похоронить

трупъ. Но кольцо сохранило свою волшебную силу и Карлъ душою и тѣломъ привязался къ Туршину, которому такая привязанность сдѣлалась наконецъ тягостною. Тогда онъ зарылъ кольцо въ землю въ Ахенѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ очарованный Карлъ выстроилъ впоследствии свой дворецъ, не въ состояніи будучи оставить этого города и основавъ въ немъ свое постоянное мѣстопробываніе.

Если было множество средствъ для заговариваній, то не менѣе того можно найти ихъ для разрушенія произведенныхъ чаръ и произнесенныхъ заклятій. Средства эти различались, смотря по времени и понятіямъ общества. Они описаны у тѣхъ-же демонологовъ, о которыхъ мы выше упоминали.

Общее средство отъ всѣхъ заговариваній, какого-бы рода оны ни были, состояло въ натираніи всего тѣла кунжутнымъ масломъ съ вороньею желчью. Противъ любовнаго заговариванья хорошо помогало, какъ думали, масло изъ божьяго дерева ⁹, кустарника весьма обыкновеннаго въ нашихъ садахъ, также листья пижмы ¹⁰ и римской ромашки ¹¹, смѣшанные пополамъ. Такъ

⁹ *Thuja occidentalis.*

¹⁰ *Tanacetum.*

¹¹ *Anthemis nobilis.*

же принимали теракъ съ звѣробоемъ, если полагаться на слова Николая Флорентина.

Въ прошломъ вѣкѣ Тьеръ, въ своемъ «*Traité des superstitions*», насчиталъ двадцать два средства, употреблявшіяся противъ заговариванья. Главнѣйшія и дѣйствительнѣйшія изъ числа предохранительныхъ были слѣдующія:

1) Положить себѣ въ карманъ соли, завернутой въ треугольную бумажку, или въ каждый изъ чулковъ положить по мѣдной монетѣ, когда бѣжать вѣнчаться.

2) Въ день сватъбы надѣть на себя двѣ рубашки, изъ которыхъ нижнюю наизнанку.

3) Держать въ лѣвой рукѣ бумажку, на которой написаны слова: «*Omnia ossa mea arida*». Тогда всякое заговариванье окажется не дѣйствительнымъ.

4) Тотъ, кто въ-теченіе девяти дней сряду, передъ самымъ солнечнымъ восходомъ будетъ писать на пергаментѣ новымъ перомъ трижды слово *риазирторъ*, тотъ, сжегши въ десятое утро этотъ пергаментъ, смѣло можетъ идти на встрѣчу всякому колдовству въ-теченіе девяти мѣсяцевъ.

5) Если, вставая утромъ съ постели, произнести трижды слово *темонъ*, закрывъ глаза и закинувъ руки за спину, то нечего бояться въ

тотъ день заговариванья. Но это средство дѣйствительно только во время ясной погоды; если же пойдетъ дождь, то необходимо, выйдя на улицу, трижды потереть глаза дождевою водою, произнося слова: *кабиръ, нутехъ, серендибъ*.

б) Если кто на солнечномъ восходѣ, взявъ лѣвою рукою правое ухо черной кошки, повернется трижды на лѣвой ногѣ и, пока мяучить кошка, успѣетъ сказать девять разъ слова *пулъ, чвасъ*, тотъ при первомъ взглядѣ на колдуна увидитъ на лбу его три красныя пятна въ видѣ треугольника.

Отъ дальнѣйшихъ нелѣпостей этого рода мы уолиимъ нашихъ читателей, полагая, что дали имъ достаточное понятіе о заговариваніяхъ и другихъ подобныхъ средствахъ.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о существующемъ во многихъ мѣстахъ суевѣріи, будто-бы помощію палочки или вѣтви орѣховаго дерева можно отыскивать не только клады и скрытые подъ землею родники воды, но даже слѣдить и открывать совершившихъ тайное убійство. У насъ, въ Россіи, такое мнѣніе совсѣмъ не существуетъ, и хотя есть повѣрія о способахъ отыскиванія кладовъ, но только не помощію орѣховаго прута, а другими средствами, о которыхъ не будемъ теперь рас-

пространяться, предоставляя себѣ познакомить читателей нашего журнала съ этимъ предметомъ въ особой статьѣ. Въ западной-же Европѣ, и особенно во Франціи, вѣтвь орѣшника играетъ между простолюдными важную роль и нерѣдко является передъ уголовнымъ судомъ. Мнѣ самому случилось присутствовать при двухъ такихъ процессахъ: первый разъ въ Кольмарѣ, а второй въ Страсбургѣ.

Мы расскажем здѣсь одинъ примѣчательный случай, сохранившійся въ лѣтописяхъ ліонскаго уголовного суда.

Одинъ богатый винопродавецъ въ Ліонѣ былъ убитъ ночью, вмѣстѣ съ женою, двумя малолѣтними дѣтьми, служанкою и прикащикомъ, и деньги его украдены. На утро, когда узнали о преступленіи, полиція употребляла различныя мѣры для открытія злодѣевъ, но все усилія оставались тщетными, такъ-что приходилось наконецъ прекратить поиски и предать дѣло суду Божию. Въ это время случился въ Ліонѣ крестьянинъ изъ Дофине, по имени Эймаръ (Aymar), который славился колдуномъ въ своемъ околоткѣ и самъ разглашалъ своимъ знакомымъ, что съ помощію орѣховаго прутика онъ не только можетъ узнавать всякую порчу, происходящую отъ колдовства, но даже открывать воровъ и

убійць. Слухи эти дошли до слѣдственнаго судьи, и тотъ, желая обличить хвастуна, потребовалъ его къ себѣ.

— Правда-ли, что ты обладаешь способностью открывать убійць, скрывшихся отъ руки правосудія?—спросилъ судья у крестьянина, нѣсколько смутившагося отъ такого вопроса.

— Правда, — отвѣчалъ тотъ, подумавъ немного.

— А если я сейчасъ захочу испытать тебя, согласишься-ли ты исполнить мое желаніе?

— Я согласенъ, — отвѣчалъ крестьянинъ рѣшительно, — только мнѣ нуженъ пруть изъ орѣшника и присутствіе на мѣстѣ преступленія во время восхода солнца.

Довольный такимъ отвѣтомъ, судья сдѣлалъ немедленное распоряженіе, и на другой день, при восходѣ солнца, Эймаръ стоялъ въ погребѣ, гдѣ совершилось убійство, съ прутикомъ въ рукахъ.

Окно жилья погребщика было обращено къ востоку, и едва первый лучъ восходящаго солнца блеснулъ въ обогрешномъ недавнею кровью покоѣ, какъ Эймаръ сильно задрожалъ, пруть завертѣлся въ его рукахъ и направился къ двери. Колдунъ пошелъ по этому указанію, а за нимъ судья, полицейская стража и множе-

ство любопытныхъ. Слѣдуя влеченію прутика, Эймаръ прошелъ по городскимъ улицамъ, дошелъ до воротъ города и выйдя въ поле, слѣдовалъ по правоберегу Роны. Пройдя, такимъ образомъ, нѣсколько верстъ, повернули въ сторону и остановились у дома какого-то небогатаго огородника. Эймаръ утверждалъ, что воры останавливались здѣсь, и войдя въ домъ, отыскалъ помощію прута три пустыя бутылки, утверждая, что убійцы пили изъ одной изъ нихъ. Огородника не было дома, но десятилѣтній сынъ его вмѣстѣ съ сестрою годомъ моложе его, показали, что за нѣсколько дней (и именно на другой день послѣ убійства) три незнакомыхъ мужчины заходили сюда утромъ, и выпивъ бутылку вина, щедро заплатили за нее хозяину.

Этотъ первый результатъ произвелъ удивительный эффектъ на толпу, шедшую за колдуномъ изъ Ліона, и заставилъ судью призадуматься. Многіе изъ ліонскихъ гражданъ рѣшились слѣдовать за Эймаромъ далѣе, но вскорѣ должны были отказаться отъ такой рѣшимости, произведенной неодолимымъ любопытствомъ. Эймаръ, выйдя изъ дома огородника, направился къ рѣкѣ и объявилъ, что злодѣи взяли здѣсь лодку и поплыли отсюда водою.

По справкѣ оказалось, что дѣйствительно въ день посѣщенія трехъ подозрительныхъ людей у огородника была украдена лодка, привязанная у того мѣста, которое означилъ колдунъ.

Достали другую лодку, и судья сѣлъ въ нее съ Эймаромъ и нѣсколькими полицейскими солдатами. Любопытные граждане поневолѣ должны были возвратиться въ Лионъ, гдѣ пошли толки про необыкновенный даръ крестьянина изъ Дофине.

Проплывъ по рѣкѣ и пройдя арку Віенскаго моста, подъ которою, обыкновенно, никогда не проѣзжали лодки, Эймаръ вышелъ на берегъ и пустился съ пристани, по указанію прутика, въ кабакъ. Такимъ-образомъ обходилъ онъ селенія, останавливаясь у ностоялыхъ дворовъ, харчевень и кабаковъ, узнавая мѣста, гдѣ останавливались преступники, и указывая постели, на которыхъ они спали, и стаканы, изъ которыхъ пили. Каждое открытіе такого рода повѣрялось допросомъ и служило новымъ торжествомъ для колдуна. Наконецъ онъ останавливается передъ Саблонскимъ лагеремъ: орѣховый пруть быстро вѣртится въ его рукахъ и какъ-бы собственною силою, вырвавшись, упалъ на землю, по направленію къ лагерю. Тогда Эймаръ объявилъ, что убійцы въ лагерѣ. Но судья, не

имѣвшій при себѣ нужныхъ полномочій, встрѣтилъ здѣсь препятствіе со стороны мѣстнаго начальства и долженъ былъ возвратиться въ Ліонъ для изготовленія по формѣ нужныхъ бумагъ.

Когда надлежащія распоряженія были сдѣланы ліонскимъ начальствомъ и нужныя предписанія посланы, куда слѣдовало, судья беретъ съ собою Эймара и ѣдетъ въ лагерь; но убійць уже здѣсь не было. Прибѣгають опять къ волшебному прутку и помощью его доходятъ до Бокера. Орѣховая вѣтвь ведетъ къ городской тюрьмѣ, гдѣ содержалось тогда до пятнадцати человѣкъ, обвиняемыхъ въ различныхъ проступкахъ. Эймаръ спокойно проходитъ передъ четырнадцатымъ и останавливается передъ послѣднимъ заключеннымъ, низенькимъ и горбатымъ старичкомъ, посаженнымъ въ тюрьму за кражу, сдѣланную во время ярмарки, бывшей за нѣсколько дней предъ тѣмъ.

Эймаръ объявилъ положительно, что горбунъ былъ однимъ изъ убійць погребщика.

Напрасно клялся горбунъ и заширался отъ участія въ такомъ ужасномъ преступленіи. «Хоть я и воръ, но не убійца,—говорилъ онъ,—и въ цѣлую жизнь мою никогда не бывалъ въ Ліонѣ». Не смотря на то, горбуна взяли

изъ тюрьмы и повели на тѣ мѣста, гдѣ Эймаръ указывалъ, что преступники останавливались: вездѣ узнавали горбатаго старика, и онъ, пораженный таинственнымъ ужасомъ, откровенно признался въ своемъ злодѣяніи.

Изъ его признанія было видно, что онъ сошелся въ трактирѣ съ двумя негодяями, которые предложили ему участвовать въ ограбленіи погребщика, обѣщая дать ему половину всей украденной суммы. Причиною такого приглашенія было-то, что горбунъ былъ нѣкогда механикомъ и славился между мошенниками искусствомъ отпирать безъ ключа самые крѣпкіе замки. Онъ, въ — самомъ — дѣлѣ, не положилъ охулки на руку и въ десять минутъ отворилъ желѣзную дверь погреба. Въ первой комнатѣ спалъ прикащикъ, и, боясь помѣхи съ его стороны, воры отрубили ему голову взятымъ съ собою на всякій случай топоромъ. За тѣмъ они убили самого хозяина, но хотѣли пощадить дѣтей и женщинъ; тѣ, однакожь, проснувшись и видя страшную сцену, начали кричать и звать на помощь, почему злодѣи умертвили и ихъ. За тѣмъ взломали конторку, вынули деньги и ушли точно по тому направленію, которое указывалъ Эймаръ помощію орѣховаго прута. Они оставались нѣсколько дней

въ Саблонскомъ лагерѣ, откуда пошли на Бокерскую ярмарку, гдѣ горбунъ былъ пойманъ въ кражѣ, и, попавъ въ тюрьму, потерялъ своихъ товарищей изъ виду.

Послѣ этихъ признаній Эймаръ былъ вновь отправленъ въ Бокеръ для отысканія слѣдовъ другихъ преступниковъ. Короче сказать онъ напалъ на слѣды двухъ остальныхъ злодѣевъ и преслѣдовалъ ихъ черезъ Марсель до Тулона: здѣсь онъ указалъ гостиницу, гдѣ они останавливались. Но уже было поздно: преступники, обобравшіе въ Марсели очень богатаго купца, уѣхали за два дня передъ прибытіемъ Эймара на корабль и скрылись отъ преслѣдованія.

Горбунъ былъ присужденъ къ смертной казни, и, взойдя на эшафотъ, подтвердилъ истину своего признанія и торжество гренобльскаго крестьянина—колдуна.

Вслѣдъ за тѣмъ предстояло новое испытаніе искусству Жана. Вблизи Ліона обокрали богатаго фермера, и всѣ обратились къ Эймару съ просьбою отыскать вора. Вооруженный орѣховою вѣткою, Жанъ отправился на мѣсто преступленія и скоро не только отыскалъ вора, но и мѣсто, гдѣ были спрятаны деньги.

Какъ ни убѣдительно были такіе опыты,

многіе считали, однакожь, Эймара за искуснаго обманщика и рѣшились сдѣлать ему новое испытаніе. Въ то время, какъ онъ отыскалъ вора, обокравшаго фермера, нѣкоторые изъ присутствующихъ сговорились нарочно украсть у Жана кошелекъ, и когда тотъ замѣтилъ пропажу, то предложили ему употребить въ дѣло волшебный прутикъ. Послѣдній остался, однакожь, недѣйствительнымъ, и Эймаръ отвѣчалъ, что онъ умѣетъ отыскивать только истинныхъ преступниковъ, похитители-же его кошелекъ не воры, а просто шутники и сговорились позабавиться надъ нимъ.

Скептики накушались грязи и сѣвъ на коврѣ недоумѣнія, положили въ ротъ палецъ удивленія. ¹²

Слава гренобльскаго крестьянина прогремѣла въ цѣлой Франціи, и многіе издалека пріѣзжали совѣтоваться съ владѣтелемъ магическаго орѣховаго прутика. Эймара считали за волшебника, и родился онъ сотнею лѣтъ раньше, то не миновать-бы ему костра или смерти въ застѣнкѣ тюремъ инквизиціи. Къ счастью, онъ жилъ не въ XVI, а въ началѣ XVIII вѣ-

¹² См. *Lettres sur la magie et les malefices, écrites par le docteur de Saint-André, № 7.*

ка. Въ искусствѣ Жана никто болѣе не сомнѣвался, но только не могли постигнуть, какимъ-образомъ совершаетъ онъ свои открытія. Академики и другіе ученые вмѣшались въ дѣло и не только не пояснили его, но еще болѣе запутали. Лебрень и ученый Малевбраншъ написали цѣлые томы страшной галиматъи объ Эймарѣ и его таинственныхъ дѣйствіяхъ. Читая этихъ господъ, скорѣе можно повѣрить, что писали не академики, а постоянные нахлѣбники дома умалишенныхъ.

Не долго, однакожъ, продолжалось торжество и знаменитость гренобльскаго крестьянина.

Какихъ ни вымышляй причинъ,
Чтобъ мужу—бую умудриться:
Нельзя-же вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.

Такъ открылась истина таинственныхъ дѣйствій Жана Эймара, и громкое его имя, вмѣстѣ съ разказами о диковинкахъ, имъ произведенныхъ, исчезло какъ сновидѣніе, оставивъ только слѣдъ у современныхъ демонологовъ, да у собирателей повѣствованій о диковинныхъ приключеніяхъ.

Но прежде, чѣмъ мы примемся за развязку этого таинственнаго полуромана, надо упомянуть еще о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ нашего кол-

дуна, прославившихъ его на короткое время въ цѣлой Франціи.

Вскорѣ послѣ казни преступника, пойманнаго въ Бокерѣ, и исторія котораго уже разсказана нами, совершенно близь Гренобля новое уголовное преступленіе: мужъ срубилъ женѣ своей голову одною изъ косъ, которыми косилъ сѣно въ окрестностяхъ города. Убіиство было открыто черезъ нѣсколько часовъ, и виновный признался въ своемъ преступленіи, указавъ даже то мѣсто, куда спряталъ орудіе, которымъ убійство было совершено. Коса лежала вмѣстѣ съ тремя другими, принадлежавшими также убійцѣ, и отличалась отъ нихъ едва замѣтными слѣдами засохшей крови. Слѣдственный судья вздумалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для испытанія Эймара. Онъ потребовалъ его къ себѣ, и, завязавъ ему глаза, далъ въ руки волшебный прутикъ; немедленно за тѣмъ онъ положилъ найденныя у преступника четыре косы въ сосѣднюю комнату, такъ-что каждая изъ нихъ лежала въ отдѣльномъ углу, и введя Жана Эймара, приказалъ ему отыскать прутикомъ ту, которая служила для совершенія преступленія. И на этотъ разъ жезлъ не измѣнилъ козлуцу: онъ повернулся надъ окровавленную ко-

сою, оставшись безъ движенія надъ тремя остальными

Ученый врачъ Сентъ-Андре былъ свидѣтелемъ этого подвига и написалъ по этому поводу нѣсколько весьма любопытныхъ писемъ, надѣлавшихъ въ свое время очень много шума. Въ этихъ письмахъ доказывалось, между прочимъ, что искусство открывать преступниковъ помощью орѣховаго прутика было извѣстно гораздо ранѣе Эймара, но что преимущественно орѣховый жезлъ употреблялся прежде для отысканія скрытыхъ подъ землею родниковъ и кладовъ. По увѣренію того-же автора, въ средніе вѣка, въ Англіи были особенные искусники дрессированія собакъ для преслѣдованія воровъ и убійць. Какъ скоро совершались гдѣ-либо кража или уголовное преступленіе, виновники которыхъ скрылись отъ руки правосудія, то дрессированныя *ad hoc* собаки приводились на мѣсто преступленія, гдѣ хозяинъ хлесталъ ихъ орѣховыми прутьями и потомъ пускалъ бѣжать по волѣ. Ученое животное немедленно пускалось по слѣдамъ виновнаго, руководствуясь не столько чутьемъ, даннымъ ему въ удѣлъ природою, сколько необыкновеннымъ инстинктомъ, сообщеннымъ ему орѣховыми розгами; и преслѣдованіе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока

виновные не были настигнуты и преданы въ руки правосудія.

По-видимому, ничего не можетъ быть лучше и полезнѣе подобнаго рода открытій, помощью которыхъ такъ удобно отъискивать бездѣльниковъ, преграждая имъ путь къ нанесенію обществу дальнѣйшаго вреда. Стоитъ только гулять по свѣту съ орѣховымъ прутикомъ въ рукахъ или, еще лучше, въ сопровожденіи стада собакъ, высѣченныхъ орѣховыми розгами, и забирать безъ справокъ всѣхъ, надъ кѣмъ повернется прутикъ или кому вѣпятся собаки въ икры.

Такъ-какъ ничего не можетъ быть проще и удобнѣе подобнаго рода слѣдствій и преслѣдованій преступниковъ, то они и были приняты съ полною довѣренностью многими судилищами западной Европы. Въ Англіи, Франціи и Германіи находились судьи, которые забирали подѣ стражу, какъ воровъ и убійцъ, всѣхъ тѣхъ, которые обличались поворотомъ орѣховаго жезла или нападеніемъ высѣченныхъ собакъ. Мало того, мода на подобныя таинственныя средства дошла до крайности: молодые люди ходили по городу и гульбищамъ съ орѣховыми тростями для испытанія вѣрности и цѣломудрія особъ женскаго пола, близкихъ ихъ сердцу. Это не

сказка, и истина такихъ сумасбродствъ подтверждается подлинными актами судебныхъ процессовъ. Прекрасный полъ пришелъ въ неописанный ужасъ и волненіе, а слава колдуновъ росла все выше и выше.

Такъ росла извѣстность и нашего гренобльца, заинтересовавшаго собою даже записныхъ ученыхъ. Академіи и ученые общества пустились толковать о причинахъ, производившихъ такіе таинственные и невѣроятные результаты. Мы уже упомянули выше, что вмѣшательство ученыхъ ни чуть не пояснило, а еще болѣе запутало дѣло, породивъ цѣлые томы страшной галиматѣи, достойной постоянныхъ обитателей дома умалишенныхъ. И дѣйствительно, многіе ученые того времени полагали, что таинственные дѣйствія Жана Эймара суть необходимыя слѣдствія законовъ движенія теоріи кружащихся вихремъ атомовъ и животной эманациі. Декартова теорія вихрей и атомовъ существовала тогда въ полномъ своемъ блескѣ. Подвиги гренобльскаго колдуна объяснились мнимо-натуральнымъ образомъ, магнитными изліяніями атомовъ, рождающихъ извѣстное сродство между орѣховымъ прутомъ, окровавленнымъ металломъ и тѣломъ какого-либо мошенника. Конечно, это было совершенно

непонятно, за то было чрезвычайно запутано и совершенно соотвѣтственно тогдашнимъ понятіямъ о силахъ природы.

Правда, что и тогда находились благоразумные философы и натуралисты, которые не довольствовались хитросплетенными бреднями. Они весьма основательно возражали, что вода, находящаяся на нѣсколько сажень подъ землею, окровавленный кусокъ металла или испаренія тѣла убійцы, находящагося на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, отнюдь не могутъ насильственно повертывать пруть въ рукахъ сильнаго крестьянина. Кража, убійство и тому подобныя преступленія суть дѣйствія, относящіяся единственно къ нравственному состоянію челоука, и нисколько не измѣняютъ физическаго сложенія тѣла виновнаго. Убійца и воръ отдѣляютъ совершенно одинаковыя эманации, какъ прежде, такъ и послѣ совершенія преступнаго дѣйствія. Протівъ такихъ истинъ мудрено было спорить, не вдаваясь въ явныя нелѣпности.

Испуганные такими затрудненіями и не находя физическихъ объясненій таинственнаго могущества орѣховаго прута, ученые Лебрень и Малекраншъ бросились въ другую, не менѣе чудовищную крайность: они вздумали приписы-

вать способность Жана Эймара скрытому содѣйствію нечистой силы! Слѣдствіемъ такого страннаго объясненія было новое преніе, измѣнившее физическій характеръ прежняго въ де-монологическій, но нисколько не разрѣшившее прежнихъ затрудненій. Противники упомянутыхъ нами двухъ ученыхъ утверждали, что невозможно предположить, чтобы духъ зла, радующійся каждому преступленію человѣка, сталъ помогать преслѣдователямъ преступниковъ и гонаться по сушѣ и морямъ за людьми ему приверженными, съ цѣлью предать ихъ заслуженному наказанію. Гораздо основательнѣе думать, что темныя силы покровительствуютъ злодѣямъ, а не противоборствуютъ имъ. Но Лебренъ и Малекраншъ не удовлетворялись подобными возраженіями и продолжали нести страшную дичь, подкрѣпляя ее множествомъ ученѣйшихъ цитатъ и указаніями на *собственные опыты*.

Наконецъ шумъ ученыхъ споровъ и повсемѣстные рассказы о необыкновенной способности Жана Эймара достигли до первѣйшихъ особъ двора Людовика XIV. Принцъ Конде, удивленный странными похождениями гренобльскаго крестьянина, пожелалъ лично увидѣться съ нимъ и испытать его искусство. Вслѣд-

ствіе этого Эймартъ былъ привезенъ въ Парижъ на иждивеніе принца и помѣщенъ для жительства въ собственномъ его дворцѣ, гдѣ его окружили невиданною имъ до того времени роскошью.

Давъ колдуну отдохнуть въ теченіе нѣсколькихъ дней, его представили принцу. Эймартъ нѣсколько смутился, но принцъ поспѣшилъ ободрить его ласковымъ привѣтомъ.

— Правда-ли то, что про тебя рассказы-ваютъ?—спросилъ Конде у крестьянина.

— Мало-ли что болтаютъ про людей,—робко отвѣчалъ Эймартъ:—не всякому слуху вѣрь.

Принцъ улыбнулся.

— Можешь-ли ты отыскать вора и похищенную имъ вещь?

— Могу; но для этого нужно нѣсколько условій.

— Какія именно?

— Мнѣ нужно находиться на самомъ мѣстѣ, гдѣ случилось похищеніе, и, притомъ, именно въ то время, когда первые лучи солнца покажутся на востокѣ. Въ-добавокъ, мнѣ необходимъ мой орѣховый прутъ.

— Какимъ-образомъ можешь ты напасть на слѣды вора?

— Движеніе прута руководить меня,

— По этому ты дѣйствуешь совершенно безсознательно и повинешься движенію прута.

— Да.

— Воля твоя нисколько не участвуетъ въ движеніи прута?

— Нисколько.

— Но если пруть будетъ оставаться неподвижнымъ?

— Тогда я продолжаю свои поиски.

— А если и въ продолженіе этихъ дальнѣйшихъ поисковъ пруть не будетъ вертѣться?

— Въ такомъ случаѣ я объявляю, что на указанномъ мнѣ мѣстѣ не совершилось преступленія.

— Какимъ случаемъ открылъ ты въ себѣ способность къ такому таинственному дѣйствію?

— Этого я и самъ не знаю.

— Думаешь-ли ты, что всякій другой можетъ сдѣлать помощью прута то, что ты дѣлаешь?

— И это мнѣ неизвѣстно.

— Не чувствуешь-ли ты въ себѣ чего-либо необыкновеннаго, отличающаго тебя отъ прочихъ людей?

— Ничего.

— Старался-ли ты когда-нибудь дать самому себѣ объясненіе таинственныхъ и не-

обыкновенныхъ дѣйствиі, производимыхъ орѣвовымъ прутомъ въ твоихъ рукахъ?

— Я неоднократно пытался размышлять объ этомъ, но мысли мои при такихъ попыткахъ такъ перепутывались, что я невольно долженъ былъ прекращать подобнаго рода размышленія.

— Увѣренъ - ли ты, что способность твоя есть врожденная?

— Я думаю такъ, по-крайней-мѣрѣ.

— Не старался - ли ты усовершенствоваться какими-либо средствами эту способность?

— Никогда.

— Не обманывало-ли тебя при какомъ-нибудь случаѣ указаніе орѣховаго прутика?

— До-сихъ-поръ ни разу.

— И ты увѣренъ, что никогда не обманетъ?

— Не знаю, но надѣюсь, что движеніе прута въ моихъ рукахъ всегда укажетъ мнѣ истину.

— Готовъ-ли ты показать мнѣ опытъ своего искусства?

— Извольте приказать, ваше высочество.

— Если ты дѣйствительно оправдаешь слышанные мною о тебѣ рассказы, то я щедро награжу тебя и постараюсь, чтобы способность твоя принесла и тебѣ и другимъ пользу! Но если ты просто обманщикъ, то берегись: я

раздѣляюсь съ тобой за плутовство. Готовъ-ли ты и послѣ этого принять испытаніе?

— Я откровенно высказалъ вашему высочеству все, что самъ знаю, и тысячи свидѣтелей могутъ подтвердить истину опытовъ, которые я дѣлалъ моимъ прутикомъ. Я готовъ и теперь и всегда повиноваться вашей волѣ; но послѣдствія зависятъ не отъ меня, потому-что я, какъ уже сказывалъ вамъ, дѣйствую безотчетно и повинуюсь независящему отъ меня влеченію. По этому я не заслуживаю ни награды въ случаѣ удачи, ни наказанія въ случаѣ неуспѣха. Впрочемъ, вполне полагаюсь на правосудіе вашего высочества.

Какъ послѣ такого откровеннаго и чисто-сердечнаго признанія можно было сомнѣваться въ искренности Жана Эймара.

Принцъ отпустилъ его очень милостиво, объявивъ, что на-дняхъ будетъ сдѣлано испытаніе необыкновенной его способности.

Въ-самомъ-дѣлѣ, дня черезъ четыре Эймара разбудили до разсвѣта и повели въ кабинетъ принца, сказавъ ему, что его высочество желаетъ подвергнуть испытанію силу его орѣховаго жезла, по случаю пропажи, случившейся прошлымъ вечеромъ въ его кабинетѣ. Жана ввели въ раззолоченную комнату, въ которой

находился Конде со многими изъ придворныхъ и небольшою свитою избранныхъ собесѣдниковъ, проведшихъ съ нимъ ночь за ужиномъ. Какъ только ввели Эймара, общее вниманіе устремилось на колдуна, и принцъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Ты мнѣ очень понравился, Эймаръ, твоею искренностью въ разговорѣ, который былъ у насъ четвертаго дня. Я такъ убѣжденъ въ истинѣ той способности, которою ты обладаешь, что хотѣлъ отпустить тебя безъ всякаго испытанія, но вдругъ представился неожиданный случай, заставившій меня прибѣгнуть къ твоему искусству.

Принцъ остановился на нѣсколько секундъ. Жанъ Эймаръ въ это время ему низко поклонился.

— Слушай, — продолжалъ принцъ: — вчера вечеромъ случилась въ моемъ кабинетѣ пропажа, и это обстоятельство тѣмъ страннѣе, что никто не входилъ въ это время въ мой кабинетъ, кромѣ меня самого, моего перваго камердинера и четырехъ дворянъ, которыхъ ты видишь по правую сторону отъ моего кресла.

Эймаръ взглянулъ на собесѣдниковъ, на которыхъ указалъ ему принцъ. Онъ не зналъ ихъ въ лицо, но замѣтилъ по одеждѣ и другимъ

признакамъ, что они должны принадлежать къ числу знатныхъ придворныхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ эти господа принадлежали къ лучшему французскому дворянству.

Принцъ далъ Эймару время оглядѣться и потомъ вновь обратился къ нему съ вопросомъ:

— Можешь - ли ты отыскать мнѣ вора и украденную вещь? Сейчасъ взойдетъ солнце, а за орѣховымъ прутомъ послать недалеко, если только ты не взялъ его съ собой.

Жанъ Эймаръ вынулъ орѣховый прутикъ изъ кармана и съ низкимъ поклономъ объявилъ принцу, что онъ готовъ повиноваться и показать ему опытъ своего искусства.

Нашего чародѣя повели въ кабинетъ принца его высочество пошелъ туда-же со всею своею свитою.

Эймаръ, взявъ въ руку орѣховый прутокъ, нѣсколько разъ прошелся по кабинету, но прутокъ остался неподвижнымъ въ его рукѣ. Жанъ, по-видимому, смутился, а тѣ изъ придворныхъ, которые и прежде спорили противъ дѣйствительности таинственныхъ знаній Эймара, съ улыбкою ожидали торжественнаго оправданія ихъ подозрѣній. Наконецъ колдунъ остановился передъ самимъ привдеиъ.

— Ну, что-же, успѣлъ-ли ты открыть слѣ-

ды вора?—спросилъ у него Конде ласковымъ голосомъ.

— Ваше высочество, въ этой комнатѣ не случилось вчера никакой покражи, или что-нибудь унесено изъ нея въ шутку и потому во все не украдено, — отвѣчалъ гренобльскій коллунъ.

Принцъ обернулся къ свитѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшей развязки, и сказалъ:

— Господа, нашъ чародѣй совершенно правъ: у меня отсюда ничего не пропало и я только хотѣлъ сдѣлать испытаніе.

Придворные изумились. Одни изъ нихъ молчали, другіе разсыпались въ похвалахъ таинственной способности Эймара.

Послѣ такого испытанія должны были, по-видимому, исчезнуть всѣ сомнѣнія въ дѣйствительности силы орѣховаго прутика. Все говорило въ пользу Эймара, а онъ все-таки былъ ничто иное, какъ обманщикъ, хитро успѣвшій пользоваться стеченіемъ обстоятельствъ. Дальнѣйшія испытанія вполнѣ доказали это.

Чтобы вполнѣ убѣдить скептиковъ, принцъ рѣшился приступить къ новымъ испытаніямъ.

Онъ приказалъ вырыть въ саду пять ямъ, и потомъ, приказавъ рабочимъ отойти въ сторону, положилъ въ одну яму нѣсколько золотыхъ, а во вторую серебряныхъ монетъ, закидавъ ихъ

собственноручно землю. Велѣдъ за тѣмъ какъ эти, такъ и пустыя ямы были зарыты, и принцъ предложилъ Эймару указать, въ которой ямѣ находились благородные металлы. Тутъ нашъ колдунъ смутился, и орѣховый его прутикъ указывалъ золото тамъ, гдѣ было серебро, и серебро тамъ, гдѣ ничего не было, кромѣ песку и камней. Велѣдствіе этого волшебный жезлъ и его владѣтель сдѣлались очень подозрительными.

На другой день случилось вотъ какое происшествіе:

У сестры принца Конде украденъ былъ серебряный подсвѣчникъ. Эймаръ былъ призванъ для отысканія покражи. Онъ явился съ своимъ прутикомъ, обошелъ нѣсколько улицъ и наконецъ остановился передъ дверью одного извѣстнаго серебряника, утверждая, что украденная вещь находится у него въ мастерской. Полиція сдѣлала тотчасъ строжайшій обыскъ, но не нашла ничего, могущаго подтвердить такое обвиненіе. Въ добавокъ, мастеръ, оскорбленный несправедливымъ навѣтомъ, сталъ укорять Эймара въ клеветѣ, сплетенной для оправданія собственнаго шарлатанства и плутовства. Полиція и зрители, заинтересованные этимъ дѣломъ, приняли разныя стороны, и дѣло дошло до драки,

такъ-что принуждены были привести изъ ближайшей караулни взводъ солдатъ и разогнать осверѣпѣвшихъ спорщиковъ.

Чтобы выпутаться изъ бѣды, Жанъ Эймаръ увѣрялъ, что серебряникъ успѣлъ расплавить украденный подсвѣчникъ.

На другой день, рано утромъ, мажордомъ принцессы получилъ черезъ комисіонера деньги, съ безыменной запискою, въ которой объяснялось, что воръ раскаивается въ своемъ поступкѣ, но будучи въ физической невозможности возвратитъ подсвѣчникъ въ натурѣ, препровождаетъ сумму, равняющуюся его цѣнности. Къ запискѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, было приложено 36 ливровъ; подсвѣчникъ-же стоилъ дѣйствительно только 32 ливра.

Конде призвалъ къ себѣ начальника парижской полиціи и приказалъ ему непременно розыскать это дѣло. Но какъ ни билась полиція, она не могла добраться до истины; только многія обстоятельства указывали, будто-бы самъ Эймаръ прислалъ деньги и записку, въ оправданіе клеветы, взведенной имъ на серебряника.

Пока розыскивалось это дѣло, изъ бассейна въ Шантильи были выкрадены ночью форели. Конде приказалъ Эймару отыскать похитителя. Эймаръ прибѣгнулъ къ помощи своего жезла и указалъ

на одного мальчѣка, находившагося въ числѣ садовыхъ работниковъ. Строгій розыскъ показалъ, однакожь, что этотъ мальчикъ нисколько не былъ виновенъ въ кражѣ форелей, а что истинный похититель былъ младшій сынъ садовника.

Одинъ изъ придворныхъ принца распустилъ слухъ, что его обокрали, и нарочно выбилъ въ своемъ кабинетѣ раму. Эймаръ явился съ своимъ орѣховымъ прутомъ, и послѣ извѣстныхъ манипуляцій объявилъ, что воръ вышелъ и скрылся черезъ выбитое окно. За тѣмъ онъ отправился отъискивать его на улицѣ и, вѣроятно, обвинилъ-бы кого-нибудь въ кражѣ, еслибы расхохотавшійся придворный не признался въ своей шуткѣ.

Два дня спустя, квартирмейстера полка, содержавшаго караулы въ Шантильи, дѣйствительно украли изъ комода 800 ливровъ. Привели Эймара, и такъ-какъ орѣховый пруть оставался неподвиженъ, то гренобльскій колдунъ объявилъ, что покражи вовсе не было. Несчастный шарлатанъ воображалъ, что его снова мистифируютъ, и опять попался въ просакъ.

Такъ-какъ за Эймаромъ слѣдили сотни глазъ и полиція тайно за нимъ присматривала, то вскорѣ открылись за нашимъ колдуномъ самыя неблаговидныя продѣлки.

Одинъ молодой человекъ, обрученный съ дочерью купца, получилъ однажды безыменное письмо, въ которомъ ему совѣтовали прибѣгнуть къ искусству Эймара для узнанія нѣкоторыхъ тайныхъ подробностей о невѣстѣ. Женихъ этотъ, будучи весьма ревнивъ, не замедлялъ явиться къ Эймару, который, получивъ въ задатокъ 50 лундоровъ, обѣщаль открыть истину, съ условіемъ, что женихъ собственноручно напишетъ вопросы, на которые онъ желаетъ имѣть отвѣты. Женихъ охотно согласился на это и тотчасъ-же написалъ съ полдюжины вопросовъ, прямо касавшихся поведенія и нрава его невѣсты.

Эймаръ обѣщаль принести отвѣтъ черезъ трое сутокъ. Но едва только молодой человекъ удалелся, какъ нашъ колдунъ отправился къ невѣстѣ и, выхлопотавъ тайное свиданіе, объявилъ ей, что если она не дастъ ему 5,000 ливровъ, то онъ погубить ее во мнѣніи страстно-любимаго ею жениха и разстроитъ свадьбу невозвратнымъ образомъ. Въ удостовѣреніе-же о дѣйствительности сомнѣній жениха Эймаръ показаль собственноручно написанные имъ вопросы. Невѣста знала мнительность и ревливый нравъ своего суженаго и, притомъ, будучи весьма богатою, рѣшилась

пожертвовать просимою у ней суммою для избѣжанія козней мошенника ; но , не имѣя наличныхъ денегъ, она отдала Эймару брилліантовыя серги, стоившія 8,000 ливровъ. Велѣдствіе такого богатаго подарка, молодой чело-вѣкъ получилъ о своей невѣстѣ самыя успокоительныя свѣдѣнія и съ радости подарилъ Эймару еще тысячу ливровъ.

Казалось, нашъ колдунъ обдѣлалъ это дѣло какъ—нельзя лучше. Недѣли черезъ двѣ обманутая имъ цара соединилась законнымъ бракомъ, и Эймаръ думалъ, что теперь не будетъ болѣе и помину о его чародѣйныхъ изысканіяхъ касательно поведенія и моральныхъ качествъ невѣсты. На другой день послѣ брака, женихъ, вполне удостовѣрившись въ несправедливости прежнихъ своихъ подозрѣній, съ раскаяніемъ объявилъ молодой своей женѣ о томъ, какъ онъ прибѣгалъ къ посредничеству Эймара. Разтроганная молодая супруга также не утерпѣла при этомъ случаѣ и рассказала, какимъ - образомъ она наказала неумѣстную недовѣрчивость, поставивъ ревнивца въ дураки. Новобрачные, вдоволь насмѣявшись надъ этимъ происшествіемъ, рассказали о немъ въ тотъ-же день королевскому прокурору, приходившемуся имъ близкимъ родственникомъ.

Этотъ чиновникъ принялъ, однакожь, это дѣло не въ шутку, а счелъ долгомъ наказать виновнаго и возвратить дорогія серьги ихъ законной владѣтельницамъ.

Наканунѣ ночью былъ зарѣзанъ часовой. Убійцы были, случайнымъ образомъ, немедленно открыты и на тайномъ допросѣ чистосердечно повинились во всемъ, въ подробности указавъ улицы; по которымъ они проходили по совершеніи убійства, и мѣсто, гдѣ хотѣли скрыться. Королевскій прокуроръ тотчасъ-же потребовалъ Эймара и предложилъ ему показать чудесныя свойства его жезла. Жанъ повиновался; но жезлъ его вралъ страшную чепуху и повелъ его вовсе не въ ту сторону, гдѣ скрывались убійцы. Когда объявили колдуну объ его ошибкахъ и заставили виновныхъ повторить показанія въ его отсутствіи, то гренблець отзывался тѣмъ, что жезлъ его можетъ отыскивать преступниковъ только дотѣхъ-поръ, пока они еще не пойманы или, по крайнѣй-мѣрѣ, пока нѣтъ еще сознанія виновныхъ.

Но такія отговорки не пособили шарлатану. Къ тому - же, прокуроръ успѣлъ въ тотъ-же день отыскать ювелира, которому Эймаръ продалъ серьги, выманенныя имъ у молодой дѣ-

вухи. Пошли дальнѣйшіе розыски, и открылось, что Эймаръ имѣлъ множество соучастниковъ, пособлявшихъ ему обманывать легковѣрныхъ и морочить даже судебныя мѣста. Открылись многія мошенничества, произведенныя этою шайкою, главою которой былъ мнимый обладатель волшебнаго жезла.

Эймара судили и вмѣстѣ съ двадцатью- семью сообщниками высѣкли публично плетью, послѣ чего отослали на мѣсто жительства. Остальные его сообщники отдѣлались позорнымъ столбомъ или другими легчайшими наказаніями.

Знаменитый волшебникъ вскорѣ былъ забытъ, и никто болѣе не старался объяснять его продѣлокъ.

Какъ же теперь объяснить, что по-нынѣ есть еще довольно-образованные люди, которые вѣрятъ въ таинственную силу орѣховаго прутика. Лѣтъ 10 или 15 тому назадъ, въ южной Франціи жилъ одинъ школьный учитель (который, вѣроятно, и по-нынѣ здравствуетъ); онъ славился искусствомъ открывать родники помощію орѣховаго прутика. Но, неудовлетворившись этою спеціальностью, онъ вздумалъ также открывать клады. По этому поводу возникъ судебный процессъ, во-время котораго мэръ общины, сборщики податей и

нѣсколько образованныхъ чиновниковъ и обывателей положительно объявили, что они были очевидцами чудесныхъ открытій, совершаемыхъ помощію орѣховаго жезла.

Тутъ не помогли ни объясненія науки, ни розыски слѣдователей, ни приговоръ суда. Суевѣры остались при своемъ мнѣніи и, кажется, еще сильнѣе убѣдились въ его истинѣ.

Суевѣріе едва - ли не самый неотвязчивый врагъ человѣческаго ума и счастія. Самый несчастный изъ людей забываетъ о своихъ страданіяхъ, когда сонъ одѣнетъ его благодѣтельнымъ покровомъ; сонный не помнитъ о боли и страданіяхъ, удручающихъ его тѣло или духъ; но суевѣріе не рѣдко владычествуетъ надъ соннымъ и въ этомъ состояніи рисуетъ ему обманчивые образы—источники будущихъ его страданій.

И не только одни малообразованные люди съ невѣжественными о вещахъ понятіями испытывали надъ собою власть подобныхъ заблужденій. Нѣтъ! самые свѣтлые умы заплатили дань вѣку. Скептическій Бэль (Bayle) вѣрилъ привидѣніямъ и боялся пятницы; Джонсонъ страшился колдуновъ; великій авторъ «Математическую началъ естественной философіи», безсмертный Ньютонъ, подъ конецъ своей жиз-

ни занимался странными толкованіями Апокалипсиса; Волней толковалъ сны; Гельвецій гадалъ на картахъ; Руссо боялся числа 13; Наполеонъ смущался предсказаніями госпожи Ленорманъ; Хобсъ (Hobbes) вѣрилъ въ хиромантию. Изъ нашихъ современниковъ мы-бы могли назвать отличнаго ученаго, занимающагося отысканіемъ философскаго камня, — извѣстнаго математика, вѣрящаго въ кабалу и чародѣйство, и, наконецъ, уважаемаго астронома, который съ сожалѣніемъ смотритъ на рожденіе дѣтей, будучи внутренно увѣренъ, что черезъ пять-сотъ лѣтъ роду человѣческому не будетъ мѣста на землѣ и онъ вымретъ отъ голода!!.

Послѣ этого должно-ли удивляться, что архангельскіе мужички, промышляющіе на Шпицбергенѣ (Груманти), вѣрятъ въ *грумантскаго пса* и увѣряютъ, что имъ самимъ случилось видѣть *цыгнугу* въ образѣ старухи, разѣзжающей на карбасѣ съ красивыми сестрами ¹³, или что Тунгусы и Якуты вѣрятъ въ существованіе какой-то Аграфены Жиган-

¹³ См. статью Харитоновъ: «Русскіе промысленики на Грумантѣ», въ октябрьской книжкѣ «Отеч. Зап.» за 1849 годъ.

ской ¹⁴, хотя и давно умершей, но по-нынѣ насылающей еще страшную болѣзнь, слывущую подъ названіемъ *мирака*.

Кстати о грумантскомъ псѣ и объ олицетворенной цынгѣ.

Груманланы, т. е. русскіе промышленники, пускающіеся на Шпицбергенъ, рассказываютъ, что на этомъ островѣ цынга ходитъ въ-явь, видимая всѣми, и говоритъ какъ человѣкъ. Эта неодолимая въ тамошнемъ климатѣ болѣзнь представляется промышленниками въ образѣ страшной старухи, дочери царя Ирода; у ней есть еще одиннадцать сестеръ, обольщающихъ своею привлекательною наружностью и занимающихся распространеніемъ болѣзни на островѣ. Эти адскія красавицы могутъ принимать на себя образъ женщинъ, почему-либо дорогихъ для промышленниковъ: онѣ являются спящему охотнику въ видѣ невесты или молодой жены, и несчастливецъ предается сладостному сну, который влечетъ его въ тамошнемъ климатѣ съ неодолимою силою и способствуетъ быстрому развитію цынги. Старуха съ сестра-

¹⁴ См. путешествіе Врангеля по сѣверо-восточной Сибири.

ми любить особенно показываться во время непогоды, когда вѣтеръ свиститъ въ каменныхъ утесахъ Шпицбергена; въ это время видятъ старуху съ сестрами, сквозь крутящійся въ воздухѣ снѣгъ, освѣщенныхъ блѣдносинимъ блескомъ сѣверныхъ сіяній. Онѣ поютъ подъ вой вѣтра:

«Здѣсь все наше! Здѣсь нѣтъ ни пѣня церковнаго, ни звона колокольнаго: здѣсь все наше!»

Разсказываютъ, что даже случалось иногда видѣть, какъ двѣнадцати-весельный карбасъ летитъ мимо острова такъ близко, что можно разглядѣть всѣ малѣйшія черты лицъ, сидящихъ въ немъ. Страшная старуха стоитъ на кормѣ съ весломъ, а сестры ея—красавицы разряженныя, съ пѣснями, исполняютъ должность гребцовъ. Не троньте ихъ, онѣ проѣдутъ мимо, потому—что чуютъ у промышленниковъ табакъ и кислую морошку (средства противуцынготныя).

Чтобы выказать характеры этихъ сестеръ старухи цыгги еще рельефнѣе, расскажем анекдотъ, слышанный г. Харитоновымъ отъ многихъ промышленниковъ, бывавшихъ на Шпицбергенѣ.

Версть за-сорокъ къ востоку отъ становой

избушки ¹⁵, на берегу небольшого залива, стоялъ жалкій станокъ, наскоро сколоченный изъ барочныхъ досокъ. Въ этомъ станкѣ поселились два охотника, изъ которыхъ старшій, совершенно опухшій отъ цынги, наказывалъ товарищу, парню лѣтъ двадцати, зарыть тѣло его съ молитвою въ землю. Прошла ночь. Утромъ молодой паренъ вытащилъ за станокъ посинѣлый трупъ товарища и закопалъ его въ землю. Возвратясь въ избу и засвѣтивъ жирнякъ, онъ испугался своего одиночества. Чтобъ прогнать врачья думы, онъ затушилъ огонь, сѣлъ на лавку и, заигравъ на бывшей у него скрипкѣ, затянулъ пѣсню:

Я съ тобою хмѣль спознался,
 Много муки напирался!
 Не за разумъ я схватился,
 А на Грумантъ покрутился!

Не успѣлъ нашъ виртуозъ дотянуть послѣдьяго стиха, какъ въ станкѣ раздался топотъ

¹⁵ Такъ называется жалкая хижина, въ которой находится главная квартира промышленниковъ, зимующихъ на Шпицбергенѣ; здѣсь проживаетъ лоцманъ судна съ четырьмя или пятью лучшими охотниками. Остальные охотники разсѣиваются артелями отъ двухъ до четырехъ человекъ по станкамъ, часто удаленнымъ на многіе десятки верстъ отъ избушки.

пляски, хлопанье въ ладоши и смѣхъ, да такой звонкій, ребячій смѣхъ, что у парня выпаль смычекъ изъ рукъ и языкъ прильнулъ къ гортани. Пляска продолжается, а хохоть все звѣнитъ громче и громче. Залегъ у мужика на сердцѣ этотъ веселый хохоть: дай, думаетъ, вырублю огонька, да посмотрю, кто такой живъ-человѣкъ тутъ потѣшается. Сказано—сдѣлано. Ударилъ мужикъ огнивомъ по кремню: посыпались искры, зашипѣлъ труть, умолкли пляска и хохоть; по прежнему онъ одинъ въ избѣ, а вѣтеръ воетъ въ снѣжныхъ вершинахъ горъ и наводитъ на мужика думу, что вотъ сей-часъ войдетъ къ нему въ избу только-что зарытый покойникъ. Парень думалъ опять разогнать страхъ музыкой, но прежде, чѣмъ взялся за скрипку, спряталъ зажженный жирникъ въ берестяной буракъ. Не успѣлъ онъ пропѣть:

Грумантъ островъ—отъ страшонъ,
Кругомъ льдами обнесенъ,
И горами обвышонъ
И звѣрами украшонъ....

какъ снова послышались пляска, хлопанье въ ладоши и смѣхъ. Парень, какъ угорѣлый, поскорѣй выхватилъ жирникъ изъ бурака и передъ нимъ сверкнули ясныя очи молодой дѣвки. Она испугалась; но и мужику было не лучше: весь

дрожить и бьется, какъ въ лихорадкѣ, и не можетъ отвести глазъ отъ ея румянныхъ щекъ, да русыхъ кудрей. Дѣвка какъ-будто застыдилась и закрыла лицо волосами.

— Не нужись, хорошая,—сказаль мужикъ, — дай насмотрѣться на тебя, а потомъ хоть въ пору и умереть.

Отъ этихъ словъ дѣвка ободрилась и, отбросивъ назадъ косы, отвѣчала ему:

— Твоя воля! твоя власть! Если ты однажды увидаль меня, то властенъ заставить меня хоть и вѣкъ жить съ тобой. А со мною тебѣ здѣсь жить будетъ не худо: только не покидай меня, да не уѣзжай отсюда. Если-же бросишь меня, то будетъ бѣда; а уйти тебѣ отъ меня некуда.

Была-ли то добрая сестра старухи, или полюбился ей парень, только стали они жить да поживать вдвоемъ, какъ нельзя лучше. Молодица берегла промышленика отъ цынги и всякихъ нуждъ, загонала песцовъ въ его ловушки, доставляла ромъ цѣлыми анкерами. Житье мужику, да и только!

И прижилъ онъ съ страшною подругою сына; но надоѣла ему эта жизнь и сердце просится на родную Русь. Вотъ разъ, какъ молодицы не было дома, пришла къ тому мѣсту

ладья и стала поспѣшно грузиться шкурами, саломъ, да гагачьимъ пухомъ; затѣмъ вздулся паруса и сильный сѣверный вѣтеръ погналъ ее стрѣлою на Нордъ-Капъ. Уже судно отплыло отъ острова верстъ на десять, какъ вдругъ промышленники услышали визгъ, да такой пронзительный, что онъ даже заглушилъ вой вѣтра въ парусахъ. Потомъ они увидѣли что-то летящее по воздуху за ладьею: предметъ упалъ близъ самой кормы, и въ немъ узнали младенца, прижитаго Васильемъ съ сестрою старухи.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ про *грумантскаго пса*, котораго такъ боятся и чествуютъ груманланы. Въ ихъ воображеніи это злой и гордый духъ, обладатель Шпицбергена. Чтобы нѣсколько задобрить его, обыкновенно кидаютъ перваго убитаго на островѣ оленя на утесъ, слывущій подъ названіемъ *болвана безъ шапки*.

Грумантскій песъ живетъ въ каменныхъ ущельяхъ шпицбергенскихъ утесовъ, не скучая, потому-что всегда окруженъ сестрами старухи-цынги. Случалось промышленникамъ видѣть его на карбасѣ вмѣстѣ съ красавицами-сестрами. Этотъ духъ является почти всегда въ человѣческомъ образѣ и даже имѣетъ людскія слабости. Такъ-какъ онъ любитель горя-

чихъ напитковъ, то, въ случаѣ оскудѣнія виннаго запаса, перелѣтаетъ съ сѣвернымъ вѣтромъ на Нордъ-Капъ и выжидаетъ тамъ судна съ ромомъ и спиртомъ. Когда суда, нагруженные этимъ добромъ, подплываютъ къ Нордъ-Капу, онъ надуваетъ ихъ паруса рѣзкимъ южнымъ вѣтромъ, ломаетъ снасти, разметываетъ суда, а плавающія бочки съ ромомъ и спиртомъ гонитъ волнами на свой пустынный, каменный островъ.

Промышленники нашли гдѣ-то необъятной величины вертепъ, природой устроенный въ каменной горѣ: живое ихъ воображеніе тотчасъ превратило этотъ гротъ въ баню, гдѣ грумантскій песъ парится наканунѣ всякаго праздника. Они увѣряютъ даже, что заставляли каменку еще довольно теплою и возлѣ нея находили соразмѣрной величины опаренные вѣники. Должно, однакожь, при этомъ упомянуть, что на Шпицбергенѣ нѣтъ ни сучка не только лиственного, но даже и хвойнаго лѣса.

Охотникъ, желающій снискать дружбу грумантскаго пса, отправляется ночью во время новолунія одинъ въ пещеру, находящуюся близъ утеса, называемаго *болваномъ безъ шапки*. Онъ беретъ съ собою ножъ, которымъ, пришедши въ пещеру, очерчиваетъ около себя кругъ

и втыкаетъ ножъ внѣ черты круга; тогда ему слышится громкій собачій лай, впрочемъ, кромѣ его никому не слышимый; спустя нѣсколько времени, въ самую глухую полночь, вбѣгаетъ огромный черный песъ.

Тогда промышленнику остается только ходить за этимъ псомъ, для всѣхъ другихъ невидимымъ и не слышимымъ, и онъ едва будетъ успѣвать носить въ избу застрѣленныхъ звѣрей. Песъ пригоняетъ въ его ловушку несмѣтное число песцовъ, наводитъ на мѣткое дуло винтовки цѣлыя стада дикихъ гусей и указываетъ мѣста гагачьихъ гнѣздъ, изобилующихъ дорогимъ пухомъ.

Мы упоминали о *болванъ безъ шапки*. Это утесъ на южномъ берегу Шпицбергена, имѣющій поразительное сходство съ человѣкомъ, стоящимъ безъ шапки, бокомъ. Съ этимъ утесомъ связана легенда о норвежскомъ принцѣ-чародеѣ, удалившемся на Шпицбергенъ съ своею возлюбленною, дабы тамъ на просторѣ заниматься колдовствомъ. Но грумантскій песъ укралъ красавицу и спряталъ ее на этомъ утесѣ.

Въ заключеніе этой статьи скажемъ нѣсколько словъ о сказочныхъ животныхъ.

Кто не слыхалъ, или не читалъ повѣствованій о драконахъ, крылатыхъ змѣяхъ, грифѣ

Фонахъ, левіаѳанѣ, птицахъ рокѣ и фениксѣ, единорогѣ, исполинскомъ ракѣ кракенѣ и т. п. Сказки древнихъ и новыхъ народовъ, особенно арабскія, богаты этими диковинками, которыя помѣщались, обыкновенно, въ странахъ земли мало-извѣстныхъ или вовсе неизслѣдованныхъ. Большая часть этихъ баснословныхъ сказаній имѣли основаніемъ своимъ дѣйствительность, и первообразы сказочныхъ животныхъ можно найти между остатками допотопныхъ тварей, жившихъ въ геологическія эпохи. Здѣсь не мѣсто развивать этотъ вопросъ, и мы ограничимся немногими словами, заключающими въ себѣ сущность древнихъ сказаній о птицѣ *фениксѣ*, возрождающейся изъ собственнаго пепла и представляющей мифическій смыслъ возрожденія матеріи и безсмертія созданія.

Умнѣйшіе люди древности не сомнѣвались въ существованіи феникса. Тацитъ положительно говоритъ, что эта рѣдкая птица была видима въ Египтѣ, въ консульство Павла Фабія и Луція Вителлія, и что появленіе ея было предметомъ толковъ между учеными Египтянами и Греками. Онъ утверждаетъ, что періодическое возвращеніе феникса принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ фактовъ. ¹⁶

¹⁶ Caeterum aspici aliquando in Aegypto eum

Солинъ, говоря о томъ-же предметѣ, приводитъ и ссылается на официальные акты. По его словамъ, фениксъ былъ пойманъ въ Египтъ, въ 800 г. отъ построения Рима, привезенъ въ столицу имперіи и выставленъ на показъ народу, по повелѣнію Клавдія. Фактъ этотъ записанъ въ официальные акты. ¹⁷

Солинъ приписываетъ фениксу существованіе также въ 500 лѣтъ, а нѣкоторые другіе авторы еще болѣе, и доходятъ почти до 13 тысячъ лѣтъ!! Геродотъ, ранѣе прочихъ упоминающій о фениксѣ, не показываетъ большаго легковѣрія относительно этого предмета. Онъ говоритъ, что эта священная птица появляется изрѣдка и только въ одномъ Египтѣ. Самъ онъ видалъ ее только на картинѣ. По словамъ жителей Эліополя, фениксъ появляется у нихъ однажды въ каждые 500 лѣтъ, по смерти своего родителя. Судя по изображеніямъ, онъ по виду и величинѣ походитъ на орла, но имѣетъ красныя перья. Перелетъ его совершается изъ Аравіи въ Египетъ и обратно. ¹⁸

volucrum non ambigitur. Tacit. Annal. Lib. VI, cap. 28.

¹⁷ Quod gestum praeter censuram quae acti etiam urbelis sontinetur. Solin, cap. XXXIII.

¹⁸ Herod. Lib. II.

Солникъ весьма-подробно описываетъ феникса. «Птица эта величиною съ орла; голова ея украшена коническимъ хохломъ изъ красныхъ перьевъ; горло и шея украшены брызгами и блестятъ какъ золото; остальная часть тѣла пурпурная, но хвостъ образованъ изъ синихъ и лазурныхъ перьевъ. ¹⁹

Помпоній Мела, Сенека, Овидій, Луканъ, Стацій и Филостратъ также говорятъ о фениксѣ, а Клаудіанъ посвятилъ ему цѣлую поэму, въ которой восхваляетъ не только красоту священной птицы, но и ея набожность. Онъ говоритъ, что фениксъ, собираясь умирать, поручаетъ себя богамъ и солнцу и сожигаетъ себя на кострѣ изъ ароматовъ; но что изъ пепла его возрождается новый фениксъ.

Плутархъ свидѣтельствуетъ, что мозгъ феникса — самое вкусное изъ всѣхъ кушаньевъ; но едва-ли кто-нибудь имѣлъ случай его попробовать. Даже въ описаніи пиршествъ Нерона, Эліогабала и Вителлія мы не встрѣчаемъ этого блюда. Аристотель, Страбонъ и Діодоръ Сицилійскій вовсе не упоминаютъ о фениксѣ.

¹⁹ Solin. Lib. XXXIII.

Плиніи говорить, что фениксъ, привезенный въ Римъ, по словамъ Тацита, былъ подложный. Бл. Августинъ прямо отвергаетъ возможность возрожденія феникса изъ пепла. Нынѣ ни одинъ человѣкъ, хотя немного знакомый съ естественными науками, не вѣритъ въ басни о фениксѣ.

III.

О НАТУРАЛЬНОЙ МАГІИ ВООБЩЕ

И О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ЗРѢНІЯ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Я нимало не сомнѣваюсь, что большая часть сверхъестественныхъ явленій, о которыхъ упоминають писатели, можетъ быть объяснена самымъ естественнымъ образомъ.

Бэконъ.

Глазъ есть самое обманчивое орудіе чувствъ.

Брюстеръ.

Предметъ натуральной магіи чрезвычайно-обширенъ, потому-что жизнь древнихъ и средне-вѣковыхъ обществъ была неразрывно связана съ таинственными дѣйствіями и вліяніями языческихъ жрецовъ или съ суевѣріями, поддерживаемыми невѣжествомъ и личными выгодами немногихъ людей, знавшихъ нѣкоторые физическіе законы, недоступные толпѣ. Всѣ тайны ма-

гіи заключались въ немногихъ механическихъ, химическихъ, физическихъ и физиологическихъ процессахъ. Такъ-напримѣръ, акустическіе и оптическіе опыты, хорошо извѣстные въ наше время, несгораемость человѣческаго тѣла, недавно объясненная опытами Бутиньи, и вліяніе нѣкоторыхъ наркотическихъ средствъ на живую экономію, составляли если не цѣлый арсеналъ волшебства, то, по-крайней-мѣрѣ, главную основу всѣхъ чародѣйствъ, изумлявшихъ и ужасавшихъ въ былое время.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рассказы дошедшіе до насъ о подвигахъ древнихъ волшебниковъ, искажены и преувеличены; но тѣмъ не менѣе, они дѣлали многое, что казалось непонятнымъ и чудеснымъ въ то время, когда физическія и естественныя науки составляли исключительное достояніе немногихъ лицъ, принадлежавшихъ къ одной привилегированной кастѣ. Къ тому-же должно сказать, что мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о степени развитія тѣхъ наукъ въ древнее время, потому — что ученныя открытія скрывались тогда отъ массы публики и передавались адептомъ или словесно отъ учителей, или въ сочиненіяхъ, имѣвшихъ такую таинственную форму, что безъ помощи опытнаго учителя нельзя было понять ни слова въ цѣлой

книгѣ. Въ такомъ вкусѣ были написаны, между-прочимъ, герметическія книги алхимиковъ.

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о томъ, какъ выражались эти господа, приведемъ, напримѣръ, одно мѣсто изъ сочиненія извѣстнаго алхимика Фламея.

Этотъ ученый, трудясь въ своей лабораторіи, сдѣлалъ неожиданное химическое открытіе, которое тотчасъ записалъ слѣдующими словами: ¹

«Знайте всѣ путешествующіе на Востокъ, что если Марсъ, въ блестящемъ своемъ вооруженіи, бросится въ объятія Венеры, раставшей въ слезахъ, то онъ вскорѣ покраснѣетъ».

Прочитавъ эти строчки, вы можете ломать надъ ними голову, сколько вамъ угодно. Если вы незнакомы съ языкомъ алхимиковъ, то никогда не добьетесь здѣсь толку. Но если вы изъ числа адептовъ, то мнимая галиматія вышеприведенныхъ строкъ укажетъ вамъ на одно изъ прекрасныхъ химическихъ открытій.

Угодно-ли, мы объяснимъ вамъ таинственный смыслъ этихъ странныхъ строчекъ?

Надо сперва сказать вамъ, что Востокъ по-

¹ Мы представляемъ здѣсь близкій переводъ съ подлинника, написаннаго варварскою латынью. Книга Фламея напечатана въ Базелѣ, въ 1593 году.

стоянно назывался страной солнца, потому-что солнце восходит на Востокъ. Солнце обозначало металлъ золото, а потому *путешествующіе на Востокъ — искатели золота.*²

Далѣе, на языкѣ алхимиковъ:

Марсъ означаетъ *жельзо*.

Венера синонимъ *мѣди*.

Слезы выражаютъ растворъ въ *жидкости*.

Таинственныя строки Николая Фламелья, переведенныя на обыкновенный языкъ, будутъ значить:

- «Знайте, алхимики, что если отполировать «кусочекъ желѣза и окунуть его въ растворъ «мѣди,³ то желѣзо приметъ на поверхности «красный цвѣтъ».

И такъ, мнимая галиматія содержитъ въ себѣ самый опредѣленный смыслъ. Дѣйствительно, Фламель открылъ, что при погруженіи кусочка полированного желѣза въ растворъ мѣдной соли, мѣдь весьма-быстро осѣдаетъ на поверхность желѣза въ металлическомъ состояніи, и поэтому поверхность желѣза, покрываясь пленкою чистой металлической мѣди, принимаетъ

² Правильнѣе: *искатели искусства добыть золото или алхимики.*

³ То-есть *мѣдиана купороса* или другой *мѣдной соли*.

красный цвѣтъ, свойственный послѣдному металлу.

И вообще, почти всѣ изслѣдователи законовъ природы, въ древніе и средніе вѣка, любили выражаться таинственными и условленными рѣченіями, недоступными для профановъ. До насъ дошло весьма немногое изъ того, что было писано древними о физическихъ законахъ и явленіяхъ природы; да и то, что дошло до насъ, не совершенно для насъ понятно. Знаменитый англійскій ученый, сэръ Давидъ Брюстеръ справедливо замѣчаетъ по этому случаю, что такъ-какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ чародѣянія основаны на физическихъ законахъ, то изученіе подробныхъ описаній волшебствъ, совершенныхъ въ извѣстную эпоху, можетъ служить намъ хорошимъ руководствомъ къ опредѣленію степени развитія въ ту эпоху физическихъ знаній.

Акустика, о которой мы сейчасъ упоминали, оказала мнимому волшебству не мало услугъ. Знаніемъ ея законовъ производился въ языческихъ храмахъ громоподобный грохотъ, заставлявшій легковѣрныхъ убѣждаться въ присутствіи невидимой духовной силы. Такъ-напримѣръ, золотые истуканы дѣвъ въ дельфійскомъ храмѣ издавали гармоническіе тоны. Цактольскій ка-

мень рѣзкими звуками, изъ него излетавшими, устрашалъ нечестивыхъ воровъ, задумавшихъ похитить скрытое подъ нимъ сокровище. Металлическая голова произносила оракулы въ Лебосѣ, а Мемнонова статуя привѣтствовала восходящее солнце. Въ былое время все это считалось чудеснымъ и сверхъестественнымъ; онъ теперь на любомъ изъ столичныхъ театровъ подражаютъ грому лучше, чѣмъ въ древнихъ языческихъ храмахъ, а говорящія головы можно видѣть у всякаго заѣзжаго фокусника. Да что говорить о какихъ-нибудь Деблерахъ, Пинетти, Боско или Филиппѣ, котораго парижане прозвали *колдуномъ бульвара «Bonne Nouvelle»*, гдѣ онъ ежедневно показывалъ свои мнимыя чудеса! Кто изъ петербургскихъ старожиловъ не помнитъ недавно умершаго добренькаго старичка Антона Марковича Гамулецкаго, страстнаго охотника до всякихъ фокусныхъ машинокъ и рѣдкостей: у него былъ маленькій кабинетъ, въ которомъ стѣны, полъ и потолокъ были устроены изъ зеркалъ, и въ этомъ кабинетѣ, между многими другими диковинками, большая голова, отдѣланная подъ бронзу и поставленная въ особомъ мѣстѣ на зеркальномъ стеклѣ, явственно отвѣчала на предложенные вопросы. **Добрый старичекъ** очень охотно показывалъ своей

кабинетъ не только короткимъ пріятелямъ, но и всякому шанечному знакомцу; въ древности онъ-бы весьма хорошо могъ занять мѣсто гимнософиста въ какомъ-нибудь египетскомъ храмѣ или управлять механическою частью дельфійскаго оракула; но въ средніе вѣка онъ сильно-бы рисковалъ попасть на костеръ инквизиціи.

Гидростатика не менѣе акустики была полезна древнимъ магикамъ. Безъ помощи «науки о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ» невозможно было-бы устроить знаменитый фонтанъ на островѣ Андросѣ, описанный Плиніемъ: изъ этого фонтана была вода попеременно съ виномъ. Тоже самое должно сказать и о публичномъ фонтанѣ въ Римѣ, который во время триумфальнаго шествія Августа, послѣ возвращенія изъ сицилійскаго похода, внезапно сталъ изливать не воду, а масло, и это чудесное превращеніе продолжалось цѣлый день. Въ Эвлідѣ три каменные урны, посвященныя Бахусу, внезапно и сами собою наполнялись виномъ въ день празднества этого бога. Плачущія статуи, неистощимыя лампы и сосуды и, наконецъ, стеклянная гробница Бела, наполненная масломъ, которая, будучи опорожнена Ксерксомъ, не могла быть вновь наполнена, хотя въ нее было влито нѣсколько сотъ бочекъ масла,—всѣ эти диковин-

ки древняго міра весьма-хорошо объясняются основными законами равновѣсія и давленія жидкостей въ сосудахъ имѣющихъ между собой сообщеніе. Въ любомъ физическомъ кабинетѣ найдется нѣсколько приборовъ, которые ясно укажутъ механизмъ, результаты котораго казались нѣкогда такъ сверхъестественными.

Много было споровъ о томъ, какія познанія древніе мудрецы и жрецы имѣли въ механикѣ. Конечно, до насъ не дошло никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ о степени развитія, до котораго была доведена ими эта наука; но воздвигеніе пирамидъ и дивныхъ храмовъ древняго Египта доказываетъ, что строители этихъ гигантскихъ зданій располагали значительными механическими пособіями, безъ которыхъ они не въ состояніи были-бы даже предпринять такіа колоссальныя постройки. Правда, механическія орудія и машины были въ то время тщательно скрываемы отъ глазъ толпы, которую старались поддерживать въ вѣрованіи во всемогущество силы ихъ правителей и жрецовъ; но тѣмъ не менѣе, результаты понынѣ свидѣлствуютъ о дѣйствительномъ существованіи причинъ ихъ произведшихъ, хотя мы не можемъ въ точности опредѣлить формы проявленія этихъ причинъ,

т.-е. устройства тѣхъ машинъ и другихъ снарядовъ.

Нерѣдко находимъ мы у классическихъ авторовъ свидѣтельства, что люди были похищаемы богами во время мистерій. Нѣтъ сомнѣнія, что эти похищенія совершались помощью опускаемыхъ дверей и другихъ машинъ, подобно какъ въ наше время на театральной сценѣ волшебныхъ оперъ и балетовъ. Похищенные такимъ-образомъ лица низвергались въ пропасти или немедленно умерщвлялись другимъ способомъ, такъ-что нѣкому было разоблачить шутовство и злодѣяніе. Также механическимъ устройствомъ производились искусственныя землетрясенія, и мы находимъ весьма-подробное описаніе такого явленія у Аполлонія, котораго индійскіе жрецы ввели въ святилище ихъ божества, причемъ земля колебалась подъ ногами Грека, какъ волнующееся море.

Сюда относятся и движущіеся самопроизвольно жертвенники, видѣнные Аполлоніемъ въ томъ-же индійскомъ храмѣ. Быстрое, таинственное нисхождение поклонниковъ внутрь Трофоніева грота, движущіяся статуи въ Антіумѣ и въ Іерополисскомъ храмѣ, деревянный голубь Архита и многіе другіе примѣры этого рода служатъ

свидѣтельствами пособій, оказанныхъ древней магіи механикою.

Но изъ всѣхъ физическихъ наукъ *оптика* богаче прочихъ поразительными для толпы и мнимо-чудесными явленіями. Въ-самомъ-дѣлѣ, что можетъ-быть удивительнѣе возможности помощію нѣсколькихъ маленькихъ кусочковъ стекла приближать самые-отдаленные предметы на произвольное разстояніе, или представлять въ гигантскихъ размѣрахъ матеріальныя формы, невидимыя обыкновеннымъ образомъ? Правда, древніе не знали способовъ сочетанія стеколъ и зеркалъ, помощію которыхъ образуются телескопы и микроскопы; но они очень-хорошо умѣли отбрасывать, помощію вогнутыхъ и выпуклыхъ стеколъ и зеркалъ, изображенія предметовъ въ желаемомъ мѣстѣ и въ прямомъ или въ обращенномъ видѣ. Весьма-вѣроятно, что древніе жрецы часто прибѣгали къ оптикѣ для произведенія сверхъестественныхъ видѣній, прославившихъ ихъ храмы. Появленіе боговъ въ блестящей одеждѣ и съ лучезарными вѣнцами среди мрака святилища прямо указываетъ намъ на подражаніе нашей нынѣшней фантазмагоріи; но только теперь эти дивныя явленія никому не кажутся чудесными и перешли въ руки фокусниковъ, забавляющихъ ими толпу, и даже на-

МОТЪХУ ДѢТЯМЪ, СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ ПРИВОДЯЩИМЪ ВЪ ДѢЙСТВІЕ ВСѢ ДИКОВИНКИ ВОЛШЕБНАГО ФОНАРИЯ.

Еслибы кто изъ современныхъ ученыхъ, знакомый съ древнею исторіею и археологіею, а также и съ физическими и естественными науками въ ихъ современномъ развитіи, вздумалъ посвятить нѣсколько лѣтъ жизни и тяжкаго труда для собранія данныхъ касательно магіи и чародѣйства древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ дошедшихъ до насъ твореніяхъ, и объяснилъ эти мнимыя чудеса помощію знаній новѣйшей науки, то, несомнѣнно, такой трудъ представилъ-бы твореніе, интересное въ высшей степени. Попытка такого рода была уже сдѣлана Евсеіемъ Сальвертомъ въ его сочиненіи: «О тайныхъ наукахъ»⁴; но должно откровенно признаться, что, не смотря на умъ, знаніе и трудолюбіе этого автора, собранные имъ факты слишкомъ-малочисленны, а объясненія часто весьма-неудовлетворительны. Мы уже не говоримъ объ одностороннемъ взглядѣ автора, скептицизмъ котораго зашелъ слишкомъ-далеко.

Вскорѣ послѣ Евсеія Сальверта, извѣстный

⁴ Des sciences occultes, par Eusèbe Salverte, 2 vol.

англійскій физикъ, сэръ Давидъ Брюстеръ, въ своемъ трактатѣ: «О натуральной магiи», разсмотрѣлъ по-очередно важнѣйшія явленія природы и искусственныхъ произведеній, представляющихъ съ перваго взгляда сверхъестественный характеръ, — также обманы нашихъ чувствъ, доставляющіе мозгу превратныя ощущенія, служащія поводомъ къ ложному представленію и пониманію природы. Англійскій физикъ старался по-возможности объяснить всѣ эти мнимыя чудеса самымъ естественнымъ и общепонятнымъ образомъ.

Есть люди, которые смѣются надъ натуральною магiею, считая ее исключительнымъ достоинствомъ фигляровъ и фокусниковъ. Мы не сердимся на такихъ судей, а жалѣемъ о ихъ невѣдѣніи. Величайшіе ученые считали натуральную магiю предметомъ достойнымъ полного вниманія и тщательнаго изученія физиковъ и натуралистовъ. Одинъ изъ первыхъ умовъ нашего вѣка на поприщѣ физическихъ наукъ, сэръ Давидъ Брюстеръ, ученый пользующійся не только европейскою, но всемірною извѣстностью, написалъ, какъ мы уже упоминали, цѣлый трактатъ о натуральной магiи и гордится этимъ сочиненіемъ наравнѣ съ другими сочиненіями, навсегда прославившими его имя. Но какая до того нуж-

да фельетоннымъ крикунамъ? Книга Брюстера для нихъ недоступна, по ограниченности ихъ собственныхъ познаній въ физикѣ; за то штуки Шинетти и Боско совершенно въ ихъ вкусѣ.

Мы попытаемся познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ любопытнѣйшихъ естественныхъ искусственныхъ явленій, кажущихся чудесными, но проистекающихъ изъ незыблимыхъ, вѣчныхъ и при томъ весьма-простыхъ законовъ природы, которые постараемся также объяснить.

Изъ всѣхъ органовъ, помощію которыхъ мы постигаемъ природу и приобретаемъ познанія о внѣшнихъ явленіяхъ, самый-замѣчательный и самый-важный есть *глазъ*. Знанія доставляемая намъ всѣми остальными органами чувствъ гораздо-ограниченнѣе тѣхъ, которыя доставляются помощію глаза. Чувство вкуса ограничено прикосновеніемъ извѣстныхъ тѣлъ къ поверхности языка и нѣбу во рту. Чувство осязанія ограничивается поверхностью нашего тѣла. Обоняніе имѣетъ болѣе-обширную, но все-таки весьма-ограниченную сферу дѣйствія. Даже слухъ ограничивается предѣлами нѣсколькихъ верстъ, внутри которыхъ слышны отдаленные раскаты сильного грома, выстрѣлы изъ боль-

шихъ артиллерійскихъ орудій, грохотъ взрыва пороховыхъ массъ или воздушнаго метеора.

За то кругъ дѣйствія органа зрѣнія едва не безпредѣленъ. Помощію глаза мы постигаемъ не только весьма отдаленные предметы и явленія на землѣ, но и на другихъ небесныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ большая часть удалены отъ насъ на разстояніе, передъ которымъ блѣднѣютъ самые-пылкіе порывы воображенія. Несмѣтное множество свѣтилъ, украшающихъ небесный сводъ въ ясные ночи, состоитъ преимущественно изъ солнцевъ, называемыхъ звѣздами; только эти солнца удалены отъ насъ на страшно-великія разстоянія. Ярчайшая звѣзда сѣвернаго неба, и при томъ одна изъ самыхъ-близкихъ къ землѣ, блистательная *Альфа Лиры* отдѣлена отъ земли промежуткомъ пространства въ 150,000,000,000,000 верстъ!

Чтобы понять это ужасное разстояніе, всю огромность этого числа, должно вспомнить, что отъ Петербурга до Тифлиса, не смотря на всѣ изгибы и повороты дороги, можно уложить въ рядъ только 10,000,000,000 песчинокъ, изъ которыхъ каждая будетъ не болѣе $\frac{1}{10}$ линія въ поперечникѣ. Даже на разстояніи 13-ти тысячъ верстъ, отдѣляющихъ Петербургъ отъ Петропавловскаго порта на восточномъ берегу Камчатки,

нельзя уложить въ рядъ болѣе 50,000,000,000 такихъ мелкихъ песчинокъ. А это послѣднее число, не смотря на всю свою огромность, въ 3,000 разъ меньше числа верстъ, отдѣляющихъ насъ отъ близкой къ намъ звѣзды *Альфы Лиры*.

Большая часть звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, удалена отъ насъ въ десятки и сотни разъ болѣе. Если-же прибѣгнуть къ телескопамъ, то помощію ихъ зрѣніе наше откроетъ свѣтила, отъ которыхъ лучъ свѣта, движущійся съ быстротою 300,000 верстъ въ каждую секунду, достигаетъ до земли только по прошествіи тысячелѣтій! Однакожь, на этомъ дивно-огромномъ удаленіи, глазъ человѣческой еще ясно различаетъ цвѣта, формы и движенія предметовъ.

Основываясь на вышесказанномъ, не вправдѣ ли мы сказать, что кругъ дѣйствій глаза почти неограниченъ?

Самый обыкновенный наблюдатель невольно дивится красотѣ формы, могуществу движеній и разнообразію выраженій человѣческаго глаза; но философъ и натуралистъ, ближе изслѣдовавшіе этотъ органъ, еще болѣе дивятся неподражаемому механизму его устройства. Здѣсь не мѣсто описывать строеніе глаза и физиологическій процессъ видѣнія. Довольно сказать, что

остроумнѣйшіе наблюдатели не могли придумать ничего совершеннѣе и превосходящѣ удивительнаго органа зрѣнія.

По прекрасному выраженію одного современнаго физика, глазъ есть стражъ, стоящій въ предѣлахъ двухъ міровъ—естественнаго и сверхъестественнаго. Если что-нибудь чудесное передается намъ чувствомъ слуха, то умъ нашъ поражается этимъ не такъ сильно, и часто размышленіе имѣетъ довольно силы, чтобы открыть естественную причину, объясняющую чудесное, переданное слухомъ, и тогда очарованіе исчезаетъ, и чудесное переходитъ въ рядъ обыкновенныхъ явленій. Напротивъ того, если глазъ видитъ необъяснимыя съ перваго взгляда явленія, совершающіяся въ опредѣленныхъ формахъ очертаній, съ принадлежностью положительныхъ красокъ предметовъ,—если вдругъ посреди воздушнаго пространства являются намъ образы отсутствующихъ лицъ, если обыкновенные предметы то появляются, то исчезаютъ безъ всякой видимой причины,—если наконецъ глазъ постигаетъ дѣйствительные или фантастическіе предметы, присутствіе которыхъ умъ не въ состояніи объяснить, тогда невольно и неотразимымъ образомъ поселяется въ насъ убѣжденіе о присутствіи

или вліяніи какого-либо сверхъестественнаго дѣателя.

Исслѣдованіе оптическихъ иллюзій, или обмановъ зрѣнія, отъ какихъ-бы причинъ они ни происходили, составляетъ не только предметъ любопытства, но даже полезнаго научнаго знанія. А такихъ обмановъ зрѣнія существуетъ чрезвычайно много, и каждому изъ насъ случилось испытать ихъ.

Но много-ли есть лицъ, которыя, замѣтивъ такой обманъ зрѣнія, старались-бы объяснить его? Мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, какъ общихъ всемъ безъ исключенія, такъ и свойственныхъ только отдѣльнымъ субъектамъ.

Многіе-ли, напримѣръ, изъ нашихъ читателей знаютъ, что если смотрѣть однимъ глазомъ, то существуетъ передъ каждымъ человѣкомъ мѣсто въ пространствѣ, для котораго глазъ остается нечувствительнымъ и какъ-бы слѣпымъ? Пусть находится въ этомъ мѣстѣ какой-либо предметъ, глазъ не увидитъ его. Многимъ покажется такое увѣреніе чрезвычайно страннымъ, но въ дѣйствительности его не можетъ быть никакого сомнѣнія; это странное явленіе не есть какая-либо особенность, а общее для всѣхъ глазъ. Если, напримѣръ, закрывъ плотно лѣвый глазъ, смотрѣть однимъ правымъ, то упомянутый не-

видимый пунктъ находится на 15 градусо́въ вправо отъ точки, на которую устремленъ глазъ или, что все равно на 15 градусо́въ вправо отъ оптической оси глаза, по направленію которой глазъ видитъ предметы яснѣйшимъ образомъ.

Если, закрывъ правый глазъ, смотрѣть лѣвымъ, то невидимый пунктъ будетъ находиться на 15 градусо́въ влево отъ оптической оси глаза и отъ того предмета, на который устремленъ глазъ.

Это, по-видимому, странное обстоятельство извѣстно уже вѣскольکو лѣтъ. Оно впервые было открыто извѣстнымъ физикомъ Мариоттомъ. Всякій, впрочемъ, можетъ на опытѣ убѣдиться въ истинѣ нашего увѣренія. Такъ-какъ подобнаго рода опытъ чрезвычайно простъ и, вѣроятно, многіе захотятъ повторить его для собственнаго личнаго убѣжденія, то мы расскажемъ, какимъ образомъ можно достигнуть этого простѣйшимъ образомъ.

Возьмите листъ бѣлой бумаги и наклейте на него двѣ цвѣтныя облатки (пожалуй, хоть красныя) въ разстояніи около $1\frac{3}{4}$ вершка одна отъ другой. Потомъ держите этотъ листъ на разстояніи 5 или 6 вершковъ отъ глазъ, такъ чтобы линія, проведенная отъ одной облатки до другой, была параллельна линіи, проведенной

отъ одного глаза къ другому. Закройте потомъ лѣвый глазъ, а правымъ смотрите пристально на лѣвую облатку, тогда правая сдѣлается совершенно для васъ невидимою. Чтобы разнообразить опытъ, закройте правый глазъ и откройте лѣвый, который должно устремить на правую облатку, въ тоже мгновеніе лѣвая облатка исчезнетъ отъ зрѣнія. Еще лучше, если вы сперва направите глазъ на указанную облатку, а потомъ уже закроете другой, тогда опытъ представится вполне удовлетворительнымъ.

Если мы захотимъ узнать, какая именно часть сѣтчатой оболочки глаза представляетъ такую нечувствительность, то мы найдемъ, что это есть точка основанія зрительнаго нерва, гдѣ этотъ послѣдній касается сѣтчатой плевы, или, правильнѣе, начинаетъ образовывать ее своимъ расширеніемъ.

Если-же мы возьмемъ, вмѣсто обыкновенныхъ предметовъ, каковы цвѣтныя облатки, тѣла сильно-свѣтящіяся, напримѣръ, раскаленные угли или пламя свѣчи, то изображенія ихъ не вполне потеряются для глаза и останутся нѣсколько видимыми даже въ вышеприведенныхъ условіяхъ. Только свѣтъ такихъ тѣлъ сдѣлается для глаза весьма тусклымъ и потеряетъ много своей дѣйствительной яркости, такъ-что будетъ являться

въ родѣ бѣлаго облачка, недающаго никакого правительнаго понятія о фигурѣ источника свѣта.

Если вмѣсто красныхъ облачковъ на бѣлой бумагѣ, наклеить бѣлыя облатки на черную бумагу, то въ сказанныхъ выше условіяхъ бѣлая облатка исчезнетъ и мѣсто ея занимаемое покажется совершенно чернымъ. А такъ-какъ свѣтъ, освѣщающій какой-нибудь ландшафтъ, играетъ въ своемъ мѣстѣ ту-же самую роль, какъ въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ бѣлая облатка, то, естественнымъ образомъ, представляется мысль, что какъ-бы ни разсматривать ландшафтъ, однимъ или двумя глазами ⁵, — необходимо должны встрѣтиться въ немъ одно или два черныхъ пятна въ 15° отъ предмета, на которой преимущественно устремляются глаза.

Но премудрый художникъ, создавшій дивное орудіе глаза, не благоволилъ оставить свое тво-

⁵ Когда оба глаза открыты, то предметъ, изображеніе котораго падаетъ на нечувствительную часть глазной оболочки, видимъ другимъ глазомъ такъ, что тутъ собственно не можетъ быть вполнѣ невидимой точки. Но такъ-какъ предметы, находящіеся въ тѣхъ точкахъ, будутъ видимы только однимъ глазомъ, а все остальное ихъ окружающее двумя глазами, то они должны быть непременно вдвое тусклѣе и слѣдовательно все-таки темными пятнами.

реніе столь несовершеннымъ. Хотя основаніе оптическаго нерва нечувствительно къ падающему на него прямо свѣту, оно способно, однакожь, принимать свѣтовыя впечатлѣнія отъ окружающихъ частей, и если (обращаясь къ приведенному выше примѣру) облатка исчезаетъ, то мѣсто ея, вмѣсто-того, чтобы являться чернымъ, принимаетъ постоянно цвѣтъ бумаги, на которой облатка наклеена, то-есть цвѣтъ окружающаго пространства. Если бумага бѣлая, то мѣсто облатки покажется бѣлымъ; если красная, то краснымъ; если черная, то чернымъ и такъ далѣе.

Это странное и съ тѣмъ вмѣстѣ любопытное явленіе можетъ быть объяснено самымъ обыкновеннымъ и даже немного пошлымъ примѣромъ.

Вообразите себѣ листъ неклееной бумаги, на которомъ лежитъ небольшой кусокъ губки. Выставьте этотъ листъ на сильный дождь, онъ замочитъ бумагу, прямо падая на нее, исключая того мѣста, которое защищено губкою. Но все-таки это мѣсто не останется сухимъ, потому что оно напитывается сыростью отъ окружающей его со всѣхъ сторонъ мокрой бумаги.

Замѣните неклееную бумагу глазомъ; губку—основаніемъ оптическаго нерва, а потокъ

дождя потокомъ свѣта, и вы получите грубое, но правильное объясненіе описаннаго сейчасъ явленія.

Одному изъ первѣйшихъ оптиковъ нашего времени, Брюстеру представилась, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, другая иллюзія глаза, болѣе общая въ своихъ дѣйствіяхъ и гораздо важнѣйшая въ своихъ послѣдствіяхъ.

Когда глазъ постоянно занятъ разсматриваніемъ какого-либо особеннаго предмета, и когда онъ принимаетъ опредѣленное направленіе, а умъ въ тоже время работаетъ надъ какимъ-нибудь важнымъ соображеніемъ, то упомянутый разсматриваемый предметъ совершенно исчезаетъ отъ зрѣнія и глазъ становится какъ-бы слѣпымъ для предмета, на который онъ пристально обращенъ, тогда-какъ всѣ прочіе окружающіе предметы остаются совершенно ясно видимыми. Это странное явленіе осуществляется независимо отъ того, однимъ или двумя глазами разсматривается предметъ. Пропавшій предметъ вновь появляется безъ всякаго измѣненія въ положеніи глаза, въ то время, какъ другіе предметы, послѣдовательно то исчезаютъ, то вновь появляются, безъ всякой видимой причины.

Точно также, если охотникъ, отправившійся на охоту съ нѣсколькими собаками, будетъ очень

пристально слѣдить за движеніемъ одной изъ нихъ, то другія собаки будутъ то исчезать, то опять появляться его зрѣнію, безъ всякой видимой физической причины. Мѣста такихъ исчезающихъ собакъ замѣнятся лѣсомъ, кустами или другими окружающими предметами.

Еслибы кто пожелалъ повѣрить дѣйствительность сейчасъ описанной иллюзіи глаза, то всего удобнѣе прибѣгнуть къ слѣдующему простому средству.

На зеленое сукно ломбернаго стола положите маленькій кусочекъ бѣлой бумаги и въ разстояніи полуторыхъ или двухъ вершковъ отъ этого кусочка узенькую ленточку изъ той-же бумаги. Станьте такъ, чтобы глазъ вашъ былъ въ разстояніи семи или осьми вершковъ отъ упомянутаго лоскутка бумаги, и смотрите не него пристально, не развлекаясь другими предметами; въ самое короткое время, и отнюдь не болѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ, бумажная ленточка совершенно исчезнетъ, какъ-будто-бы ея вовсе не было на столѣ. Эта ленточка вновь появится и опять исчезнетъ, и такія явленія будутъ рѣшительно зависѣть отъ постоянной пристальности глаза.

Описанная здѣсь иллюзія имѣетъ мѣсто не только при разсматриваніи предмета однимъ гла-

зомъ, но даже и обоими, хотя въ первомъ случаѣ она случается чаще и проявляется отчетливѣе. Эта иллюзія совершается также, если разсматриваемый предметъ будетъ свѣтящійся.

Если какой-либо предметъ разсматривается непосредственно, то онъ никогда не исчезнетъ вполне, но сливается въ какую-то облачную массу, съ голубымъ средоточіемъ, окруженнымъ блестящимъ кольцомъ желтаго цвѣта.

Неспособность глаза выдерживать долгое время косвенное видѣніе предметовъ, вознаграждается большею неподвижностью частей глаза, отличающихся упомянутымъ недостаткомъ. Глазь видитъ предметы совершенно ясно только въ то время, когда прямо смотримъ на нихъ; всѣ-же предметы видимые косвенно—усматриваются неявственно. Тѣмъ страннѣе фактъ, который засвидѣтельствуетъ вамъ каждый астрономъ—наблюдатель.

Весьма слабыя свѣтила, видимыя въ то время, когда свѣтъ ихъ падаетъ на глазъ косвенно, исчезаютъ, если прямо глядѣть на нихъ, и снова появляются при косвенномъ направленіи глаза.

Последній фактъ весьма легко повѣрить всякому, разсматривая въ ясную ночь звѣздное небо. Лучше всего испытать это при помощи

зрительной трубы, направленной на планету Сатурнъ, или, лучше сказать, на окрестности этой планеты ⁶. Тогда глазъ будетъ по-временамъ примѣчать мелкія звѣздочки, явственно видимыя при косвенномъ положеніи глаза, но исчезающія тотчасъ, если захотѣтъ ихъ разсматривать прямо. Это спутники Сатурна, замѣтные косвенно даже въ небольшую зрительную трубу, выдерживающую увеличеніе отъ 40 до 60 разъ, но для прямого разсматриванія которыхъ необходимы гораздо сильнѣйшія оптическія орудія.

Такая особенность глаза, несмотря на свою интересность, понынѣ не объяснена удовлетворительно.

Еще замѣчательнѣйшія дѣйствія проявляются въ глазѣ, когда онъ пытается разсматривать предметы, освѣщенные слишкомъ слабымъ свѣтомъ. Естественно, такіе предметы видимы очень неясно, и это самое обстоятельство заставляетъ глазъ устремляться на нихъ самымъ

⁶ Если планета будетъ находиться въ полѣ телескопа, то она яркостью своего блеска такъ утомляетъ зрѣніе, что дѣлаетъ его все неспособнымъ для усмотрѣнія такихъ тусклыхъ свѣтилъ, каковы Сатурновы спутники. Вообще, близость яркаго свѣта сильно вредитъ видимости другаго, тусклѣйшаго.

пристальнымъ образомъ. Но чѣмъ-болѣе напрягается глазъ, тѣмъ — болѣе встрѣчаетъ онъ препятствій къ достиженію желаемой цѣли. Органъ зрѣнія находится въ это время въ состояніи насильственного напряженія, а дурно освѣщенный предметъ то увеличивается, то уменьшается и даже частью исчезаетъ, пока глазъ не придетъ въ нормальное свое положеніе и не освободится отъ состоянія, которое всего приличнѣе сравнить съ помѣшательствомъ ума.

Чтобы составить себѣ правильное понятіе объ иллюзіяхъ этого рода, надобно помѣститься въ комнатѣ, весьма слабо освѣщаемой потухающими углями въ печкѣ или каминѣ. Охотникъ бываетъ подверженъ такой иллюзіи даже среди бѣлаго дня, особенно когда онъ старается среди совершенно-монотонной равнины разсмотрѣть мѣсто, гдѣ открывается спустившаяся дичь, предметъ его поисковъ.

Пользуясь самыми легкими измѣненіями въ однотонномъ освѣщеніи, охотникъ постоянно смотритъ впередъ на ту точку, къ которой онъ подвигается; но всякій разъ, когда противоположность освѣщенія чрезвычайно слаба, онъ непременно теряетъ изъ виду точку своего наблюденія, и если сѣтчатая плева глаза успеетъ уловить ее, то немедленно вновь теряетъ.

Подобнаго рода иллюзіи гораздо разительнѣе посреди мрака, когда окружающіе предметы освѣщены до такой крайности слабо, что едва можно различать самыя рѣзкія и крупныя очертанія. Здѣсь находится неисчерпаемый источникъ страховъ и опасеній для людей суевѣрныхъ, трусливыхъ и легковѣрныхъ. Замѣтимъ, что дѣйствіе совершеннаго мрака, гдѣ рѣшительно не видно ни зги, вовсе не такъ сильно, какъ дѣйствіе мрака несовершеннаго, гдѣ остается возможность различать нѣкоторыя формы, хотя и весьма неясно. Въ послѣднемъ случаѣ къ страху, порождаемому суевѣріемъ и воображеніемъ, присоединяется вліяніе нормальнаго состоянія глаза. Такъ-какъ глазъ невольно старается разсматрѣть предметы слишкомъ слабо освѣщенные, то онъ принимаетъ то состояніе, въ которомъ можетъ собрать въ себя наибольшее количество свѣта: именно—зрачекъ расширяется до крайней возможности и занимаетъ почти все пространство радужной оболочки. Но въ такомъ неестественномъ состояніи глазъ чрезвычайно дурно постигаетъ формы предметовъ и передаетъ о нихъ мозгу весьма ошибочное заключеніе. Не мудрено, что такіе фантастическіе выводы глаза, не подвергаясь контролю просвѣщеннаго наукой ума, приводятъ легковѣрныхъ трусовъ въ то

странное и страшное положеніе, когда человекъ воображаетъ себя игралищемъ неземныхъ силъ и свидѣтелемъ таинственныхъ явленій сверхъестественнаго міра.

Кому неизвѣстно, что во всѣхъ разсказахъ о привидѣніяхъ эти послѣднія всегда являются *бѣлыми*. Причина тому самая естественная, потому-что въ темнотѣ возможно разсматрѣть только одинъ цвѣтъ именно—бѣлый. Что-же касается до самихъ привидѣній, то они образуются или неодушевленными предметами свѣтлаго цвѣта или одушевленными, которыхъ цвѣтъ и перемѣна мѣста дѣлаютъ болѣе замѣтными при несовершенномъ мракѣ. Когда глазъ открываетъ, въ такихъ условіяхъ, весьма слабо и несовершенно освѣщенное тѣло, то преимущественное его вниманіе обращается на тѣ части, которыя отражаютъ отъ себя болѣе свѣта и слѣдовательно освѣщены лучше прочихъ; другія-же, хуже освѣщенные части, то появляются, то вновь исчезаютъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по степени напряженія глаза. Такое измѣненіе въ видимости и происходящія оттого фантастическія измѣненія въ формѣ предмета придаютъ послѣднему видъ живаго, движущагося тѣла, хотя то въ самомъ дѣлѣ будетъ тѣло неподвижное и неодушевленное. Слабый умъ, будучи увѣренъ,

что на указанномъ мѣстѣ не можетъ находиться живое существо, одаренное притомъ фантастическими формами, все болѣе-и-болѣе поддается суевѣрному ужасу, еще прежде порожденному иракомъ; онъ припоминаетъ всѣ слышанные имъ рассказы о привидѣніяхъ и явленіяхъ духовъ, и съ трепетомъ погружается въ непремѣнное убѣжденіе, что передъ нимъ находится существо не здѣшняго міра.

Бѣдный умъ нашъ такъ настроенъ, что мы скорѣе готовы принять самую фантастическую нелѣпость за истину, чѣмъ согласиться, что собственныя наши чувства насъ обманываютъ. Человѣкъ говоритъ: *я видѣлъ*, и не принимаетъ никакихъ возраженій противъ дѣйствительности видѣннаго, потому-что въ умѣ его осталось впечатлѣніе видѣнія. Какая ему нужда до того, что видѣнное имъ было недѣйствительностью, а только обманомъ чувства зрѣнія! «Кому-же мнѣ вѣрить, какъ не собственнымъ моимъ глазамъ!» отвѣтитъ вамъ субъектъ, лично имѣвшій случай видѣть духовъ, мертвецовъ и привидѣнія. Попробуйте объяснить ему, какимъ физическимъ или физиологическимъ процессомъ совершилось ложное его видѣніе, онъ выслушаетъ васъ съ недоувѣрчивостью и все-таки придетъ окончательно къ слѣдующему заключенію.

«Хорошо толковать тому, кто самъ ничего не видѣлъ. Какъ-же переувѣрить меня, что я не видалъ того, что видѣлъ. Нѣтъ, ужъ и собственнымъ моимъ глазамъ повѣрю больше, чѣмъ всякому физику. Пусть себѣ толкуетъ на досугѣ, пока Богъ милуетъ; а придетъ нелегкій часъ, такъ забудетъ и физику, какъ душа уйдетъ въ пятки!»

Намъ самимъ не разъ случалось говорить съ людьми, видѣвшими привидѣнія собственными глазами. Мы каждый разъ пытались объяснить имъ, что въ ихъ видѣніяхъ не было ничего сверхъестественнаго. Но, либо наши доводы были слишкомъ слабы, либо упрямство суетворовъ было слишкомъ сильно, а мы почти постоянно должны были отказываться отъ всякаго спора и способовъ убѣжденія, выслушавъ фразу въ родѣ сейчасъ прописанной.

Что-жь дѣлать? Неужели оставить такихъ людей коснѣть въ ихъ предразсудкахъ?

Нѣтъ! надо стараться распространять какъ можно бѣлѣе положительныхъ научныхъ свѣдѣній между молодымъ поколѣніемъ, потому-что молодость гораздо воспримчивѣе и легче усваиваетъ себѣ знанія. Надо стараться, чтобы какъ-можно большее число людей убѣдилось въ истинѣ пословицы:

«Ученье свѣтъ, а не ученье тьма».

Въ изложенныхъ нами наблюденіяхъ мы предположили, что зритель недоступенъ ни дѣтскому страху, ни предразсудкамъ, и правильно объясняетъ своимъ умомъ явленія, представляющіяся его чувствамъ. Но если, напротивъ-того, наблюдатель вѣрить привидѣніямъ и возможности волшебныхъ сношеній съ неземнымъ міромъ, то легко можно представить себѣ, какія заключенія выведетъ его умъ изъ ложныхъ образовъ, переданныхъ обманутымъ чувствомъ зрѣнія.

Кромѣ вышеописанныхъ иллюзій глаза, есть еще другія, въ числѣ которыхъ многія изслѣдованы понынѣ весьма несовершенно. Поговоримъ о нихъ.

Такъ, напримѣръ, нѣжная нервная ткань, образующая сѣтчатую плеву глаза и достигающая мозга, въ видѣ оптического или зрительнаго нерва, обладаетъ страннымъ свойствомъ дѣлаться *фосфорическою* черезъ сжатіе или давленіе. Если сжимать глазное яблоко такъ, какъ будто-бы хотѣли его выдвинуть изъ глазной впадины, то-есть надавить пальцемъ между внутреннимъ краемъ глаза и переносьемъ, то является свѣтлый кругъ, который знаменитый сэръ Исаакъ Ньютонъ описываетъ представляю-

щимъ подобіе павлиняго хвоста. Ньютонъ при-
совокупляетъ, что если оставить, вслѣдъ за
сжатіемъ, глазъ и палецъ спокойными, то крас-
ки свѣтлаго круга и даже самый кругъ быстро
исчезаютъ; но если палецъ повертывать, то
цвѣтной кругъ является немедленно вновь. Надо
замѣтить, что цвѣта зависятъ здѣсь отъ инди-
видуальности, и многія лица видятъ блестящій
кругъ, сейчасъ описанный, престо бѣлымъ или
краснымъ. Я вижу въ немъ бѣлый, красный и
желтый цвѣта, тогда-какъ одно близкое мнѣ
лицо видитъ постоянно въ этомъ кругѣ только
желтый да голубой.

Очевидно, что появленіе блестящаго круга и
его цвѣтовъ, совершающееся даже въ совер-
шенной темнотѣ, не можетъ зависѣть отъ чѣго-
либо другаго, какъ только отъ собственной
фосфоричности глаза.

Подробныя изслѣдованія сэра Давида Брю-
стера надъ вышеупомянутымъ явленіемъ при-
вели его къ положительному заключенію, что
когда сѣтчатая плева глаза будетъ сжата въ
совершенной темнотѣ, то она рождаетъ сама-
собою явленіе свѣта. Когда-же она будетъ
сжата подъ вліяніемъ свѣта, она дѣлается со-
вершенно нечувствительною и глазъ становит-
ся на то время слѣпымъ,

При совершенно здоровомъ состояніи человѣческаго тѣла, фосфоричность глаза, въ различныхъ случаяхъ, обнаруживается самопроизвольно. Кто не знаетъ, что если человѣка сильно ударить по глазу или даже по головѣ, то въ глазахъ являются какъ-будто блестящія искры. Отсюда, какъ всякому извѣстно, произошло весьма обыкновенное въ общежитіи выраженіе: «*посыпались искры изъ глазъ*». Многіе можетъ-быть замѣтили, что во время чиханья появляются въ глазахъ блестящіе лучи, соединяющіеся въ одно свѣтлое явленіе: они происходятъ отъ давленія, производимаго изнутри на глазъ потокомъ воздуха, быстро вдыхаемаго и выдыхаемаго черезъ носъ, во время чиханья.

Кромѣ этого существуетъ еще много другихъ фосфорическихъ явленій глаза, совершающихся безъ всякаго посторонняго насилія, въ совершенно здоровомъ состояніи тѣла.

Но если такія явленія имѣютъ мѣсто въ нормальномъ положеніи здоровья, то во время болѣзненныхъ страданій организма фосфоричность сѣтчатой плевы глаза проявляется новыми, болѣе разительными феноменами. Человѣкъ, страдающій случайнымъ несвареніемъ пищи въ желудкѣ и при томъ головною болью, видитъ передъ собой, даже въ совершенной темнотѣ,

массы красиваго голубаго свѣта, безпрерывно движущіяся и не только перемѣняющія свое положеніе, но даже форму и размѣры. Часто этотъ голубой свѣтъ постепенно усиливается, становится зеленымъ, даже желтымъ и иногда доходить до краснаго. Бываютъ случаи, что всѣ упомянутыя краски являются по-очередно, или даже и вмѣстѣ, въ различныхъ сочетаніяхъ, посреди совершеннаго мрака. Это явленіе происходитъ отъ сжатія сѣтчатой плевы глаза кровеносными сосудами.

Если больной, передъ которымъ совершаются такія фантазмагорическія явленія, суевѣренъ и обладаетъ пылкимъ воображеніемъ, раздражительность котораго увеличивается болѣзненнымъ состояніемъ организма, то немудрено, что разнородные переливы красокъ, свѣта и тѣни, посреди окрестнаго мрака, будутъ рисовать ему самыя фантастическія картины. Тогда въ въ глубокой темнотѣ, передъ глазами больнаго будутъ совершаться тѣ видѣнія и страшныя картины, которыя переносятъ насъ въ сферу дѣятельности иного, нематеріальнаго міра. Вспомнимъ при этомъ, что воображеніе, однажды настроенное на этотъ ладъ, стремится все быстрѣе и быстрѣе по ложному пути, и таинственные образы волшебнаго міра развиваютъ

передъ глазами больного постоянно возрастающую дѣятельность, съ увеличеніемъ разнообразія размѣровъ, странности формъ и ужасовъ фантастической драмы. Послѣ этого, какъ удивляться, если выздоровѣвшій духовидецъ будетъ рассказывать содержаніе дивнаго и страшнаго зрѣлища, котораго онъ былъ *очевидцемъ*. А если онъ не знакомъ съ физическими науками, то какъ увѣрите вы его, что всѣ эти видѣнія суть естественныя слѣдствія физическихъ свойствъ глаза, *дополненныхъ и умноженныхъ* болѣзною, пылкимъ воображеніемъ, суевѣрнымъ страхомъ и, пуще всего, незнаніемъ физическихъ законовъ природы!

Разскажемъ любопытный примѣръ вліянія воображенія на образованіе опредѣленныхъ формъ, среди массъ неправильныхъ тѣней и смѣси темноты со свѣтомъ. Мы заимствуемъ этотъ разсказъ изъ жизнеописанія Петра Хамана, извѣстнаго морскаго разбойника новѣйшихъ временъ. Этотъ злодѣй, родомъ шведъ, былъ казненъ за содѣянные имъ преступленія, въ Лейптъ, въ 1822 году. ⁷

⁷ Мы почти буквально перевели этотъ разсказъ съ подлинника, составляющаго библиографическую рѣдкость, не смотря на повизну книги. Брошюра писана на голландскомъ языкѣ.

Пиратъ рассказываетъ самъ.

«Случилось, что разъ нужно было сдѣлать въ нашемъ суднѣ кос-какія незначительныя, но весьма необходимыя поправки, такъ-что я, для скорости работы, самъ взялъ кисть и началъ обмазывать смолою починенныя мѣста. Но каковъ-же былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ въ зеркальной поверхности жидкой смолы явствен-ное изображеніе висѣлицы и подъ нею человѣка безъ головы. Одежда этого человѣка очень походила на мою собственную, а голова его лежала подлѣ ногъ, не много въ сторонѣ. Я отъ страха отскочилъ съ крикомъ и объявилъ о видѣнномъ тѣмъ изъ моего экипажа, которые сбѣжались на мой крикъ. Многіе изъ нихъ полюбопытствовали посмотрѣться въ зеркало жидкой смолы, и каждый изъ нихъ видѣлъ то-же самое, что и я; только безголовый человѣкъ имѣлъ одежду того лица, которое смотрѣло на поверхность смолы. Всѣ смотрѣвшіе перепугались еще пуще, чѣмъ я, и вселили въ товарищей такой страхъ, что никто не смѣлъ приступить къ страшному мѣсту, которое покрыли парусомъ. На другой день матросы мои успокоились и высмолили все, что было нужно, не выдавъ вчерашняго явленія. Но я съ-тѣхъ-поръ никакъ не могъ смотрѣть на жидкую смолу, потому-что

каждый разъ возобновлялось прежнее явленіе, предвѣщавшее мнѣ и моему экипажу участь, ожидавшую насъ въ будущемъ».

Разбойнику не для чего было лгать и выдумывать подобный разсказъ, еслибъ дѣйствительно съ нимъ не случилось такого явленія. Онъ объявилъ объ этомъ страшномъ видѣніи за часъ до смерти на эшафотѣ, и объявилъ торжественно своему духовнику и другимъ свидѣтелямъ при томъ бывшимъ, изъясняя знаки искренняго, хотя поздняго раскаянія. Нѣтъ сомнѣнія, что воображеніе разбойника, ожидавшаго достойнаго возмездія за свои преступленія, дѣйствительно нарисовало ему, при помощи естественныхъ иллюзій глаза, въ смѣси тѣней, образуемыхъ отраженіемъ отъ поверхности расплавленной смолы, страшную картину нами описанную.

Мы могли-бы привести еще сотни другихъ разсказовъ въ этомъ-же родѣ, и хотя изъ нихъ многіе невѣрны и преувеличены, зато другіе основаны на истинныхъ иллюзіяхъ, о которыхъ мы говорили.

Чтобы дополнить исторію оптическихъ обмановъ глаза, необходимо дать нѣсколько понятій явленіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *глазныхъ спектровъ*, или случайныхъ цвѣтовъ.

Французы называютъ эти явленія *spectres oculaires*, или *couleurs accidentelles*.

Вырѣжемъ изъ красной бумаги какую-нибудь фигуру и наклеимъ ее на листъ бѣлой бумаги. Если, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ или даже минутъ, будемъ пристально смотрѣть на какую-либо часть красной фигурки, то замѣтимъ, что мало-по-малу красный цвѣтъ ея начинаетъ блѣднѣть и дѣлаться менѣе яркимъ. Но если мы вдругъ послѣ того обратимъ наше зрѣніе съ красной фигурки на бѣлое полѣ листа, на которой она наклеена, то увидимъ на этомъ бѣломъ полѣ новое изображеніе той-же самой фигурки, и только уже не краснаго, а зеленаго цвѣта. Эта-то зеленая фигурка и есть *спектръ* красной, а зеленый цвѣтъ—*случайный* или *дополнительный* краснаго.

Если вмѣсто красной фигурки наклеить на бѣлый листъ фигурку какого-либо другаго цвѣта, то, при вышеописанныхъ условіяхъ, мы опять увидимъ спектръ, но только не зеленый. Явленія этого рода можно разнообразить до чрезвычайности, измѣняя цвѣта фигурки. Мы предлагаемъ здѣсь табличку, въ *первомъ столбцѣ* которой обозначены цвѣта фигурокъ, а во *второмъ столбцѣ*—цвѣта ихъ спектровъ.

Красный — зелено-голубоватый.

Оранжевый — голубой.

Желтый — синий.

Зеленый—красный (съ фиолетовымъ отливомъ).

Голубой — красно-оранжевый.

Синий — желто-оранжевый.

Фиолетовый — желтый.

Бѣлый — черный.

Черный — бѣлый.

Фигурки первыхъ семи цвѣтовъ всего лучше вырѣзывать изъ цвѣтной бумаги и наклеивать на бѣлый листъ. То-же можно сказать и о черной фигуркѣ. Бѣлую-же лучше всего наклеивать на черную бумагу или ткань.

Такого рода *глазные спектры* часто являются намъ безъ всякаго усилія съ нашей стороны и даже иногда совершенно безъ нашего вѣдома. Такъ, напримѣръ, если войти въ комнату выкрашенную яркою краскою, въ то время, какъ въ нее сильно ударяютъ солнечные лучи, то мѣста стѣнъ, на которыя не падаетъ прямой свѣтъ и которыя, слѣдовательно, остаются въ тѣни, покажутся намъ окрашенными дополнительнымъ или случайнымъ цвѣтомъ, то есть въ ярко-зеленой комнатѣ — мѣста, оставшіяся въ тѣни, будутъ казаться красноватыми, а въ синей—желто-оранжевыми, и такъ далѣе.

На томъ-же самомъ основаніи, солнечный

лучь, проходящій черезъ дыру красной занавѣски, кажется зеленоватымъ, а свѣтъ прошедшій черезъ голубое стекло является оранжевымъ. Однимъ словомъ, всегда найдемъ, что если глазъ сильно поражается какимъ-либо цвѣтомъ, тотчасъ рядомъ образуется спектръ случайнаго или дополнительнаго цвѣта, и чѣмъ ярче былъ главный цвѣтъ, тѣмъ ярче будетъ и дополнительный.⁸

Если господствующій цвѣтъ будетъ бѣлый и при томъ весьма яркій, то спектръ имъ производимый будетъ чернымъ только на одно мгновение и вслѣдъ за тѣмъ начнетъ постепенно принимать разнообразныя цвѣта. Лучше всего дѣлать опытъ надъ солнцемъ, свѣтъ котораго есть чисто бѣлый и при томъ чрезвычайно яркій. Но такъ какъ прямо глядѣть на солнце можно только при извѣстныхъ условіяхъ (не рискуя ослѣпнуть), то лучше всего избирать то время, когда солнце близко къ горизонту; въ противномъ-же случаѣ можно, для ослабленія блеска, смотрѣть на изображеніе дневнаго свѣтила, отраженное въ зеркалѣ или водѣ. Если, напри-

⁸ Тоже самое существуетъ и въ отношеніи слуха. Если музыкальная струна приходитъ въ дрожательное движеніе, то ухо слышитъ одновременно первоначальныя и гармоническія звуки.

мѣрь, посмотрѣть пристально, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ на такое изображеніе солнца, то потомъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы будемъ постоянно имѣть передъ глазами изображеніе солнечнаго спектра, безирывно измѣняющаго свой цвѣтъ; и это явленіе будетъ существовать независимо отъ того, будутъ-ли глаза открыты, или закрыты. Первоначально, при открытыхъ глазахъ спектръ будетъ краснобурый съ лазуревою коймою, а при закрытыхъ глазахъ тотъ-же спектръ будетъ зеленый съ красною каймою. Впечатлѣніе бываетъ сначала очень сильное, а красный и голубой цвѣта весьма ярки. Но, по мѣрь увеличенія промежутка времени, дополнительные цвѣта тускнѣютъ и блѣднѣютъ; впрочемъ, ихъ можно вновь усилить, если нѣсколько прижать пальцемъ глазное яблоко.

Описанное нами явленіе спектровъ есть общее для всѣхъ глазъ; только для однихъ оно бываетъ сильнѣе и отчетливѣе, а для другихъ слабѣе и не такъ опредѣлительно. Подобная-же разница замѣчается и въ продолжительности явленія. У иныхъ оно продолжается два или три часа, у другихъ-же нѣсколько дней или недѣль. Были даже примѣры, что люди, посмотрѣвшіе однажды пристально на солнце, хотя и не ослѣ-

пли, но въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно видѣли передъ собой солнечные спектры. Мы могли-бы привести примѣромъ для послѣдняго случая, знаменитаго естествоиспытателя Бойля, современника и друга Ньютона. Этотъ ученый, посмотрѣвши нѣсколько разъ сряду на солнце, видѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ спектръ дневнаго свѣтила каждый разъ, когда его глаза попадали на какой либо блестящій предметъ.

Странно было-бы утверждать, что всѣ явленія, представляющія характеръ сверхъестественности, необходимо происходятъ отъ иллюзій глаза и обмановъ зрѣнія, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Но весьма часто случается, что живая фигура, движущаяся посреди сильноосвѣщеннаго пространства, производитъ въ нашемъ глазѣ явленіе ея спектра, которое можетъ сохраниться весьма долгое время и представляться ночью съ самою фантастическою обстановкою. Вотъ одинъ случай видѣнія, подходящій подъ эту категорію.

Одинъ молодой человѣкъ, жившій въ деревнѣ, ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ прибытія нотаріуса, котораго онъ пригласилъ къ себѣ по весьма важному дѣлу. Нотаріусъ замедлилъ пріѣздомъ, и молодой человѣкъ въ нетерпѣніи выдѣ на балконъ, съ напряженіемъ смотрѣлъ

въ ту сторону, откуда долженъ былъ прибыть ожидаемый гость. Въ это время небо было покрыто весьма густыми облаками, между которыми, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проглядывала свѣтлая лазурь неба. Домъ молодаго человѣка былъ засланъ густою тучею, какъ вдругъ въ отдаленіи проглянуло солнце и освѣтило яркимъ свѣтомъ узкую полосу далекой равнины, которой вся остальная часть была по прежнему въ тѣни; въ тоже время появился вдали всадникъ, одѣтый въ черное платье, сидящій на бѣлой лошади. Онъ ѣхалъ именно по такому направленію, что солнце сильно освѣщало его, а окрестность находилась въ густой тѣни отъ тучъ. Подозрѣвая въ этомъ всадникѣ ожидаемаго нотаріуса, молодой человѣкъ съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ движущуюся фигуру; наконецъ, убѣдившись, что это дѣйствительно тотъ, кого онъ ожидалъ, онъ было вздумалъ спѣшить ему навстрѣчу. Но каково же было удивленіе нашего юноши, когда онъ, оборотившись на балконѣ и случайно взглянувъ въ противоположную сторону, увидѣлъ тамъ въ облакахъ, на темномъ фонѣ тучъ, другаго, точно такого-же всадника, какъ и нотаріусъ, но только одѣтаго въ бѣлое и ѣдущаго на черной лошади. Мало того, въ которую сторону ни обращался упомянутый молодой

человѣкъ, вездѣ являлось ему новое изображеніе бѣлаго всадника на черномъ конѣ. Ясно, что то былъ спектр нотаріуса. А еслибы молодой человекъ не зналъ физики и былъ суевѣренъ, то это приключеніе могло-бы породить не одну исторію о привидѣніяхъ.

Весьма замѣчательно обстоятельство, что если образъ какого-либо предмета напечатлѣвается на сѣтчатой плевѣ глаза только въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній, то этотъ образъ сохраняетъ всегда первоначальный цвѣтъ самага предмета. Если, напримѣръ, стать въ глубинѣ комнаты и посмотрѣть пристально на закрытое сильно освѣщенное окно, а потомъ взглянуть на стѣну, то на этой послѣдней будетъ рисоваться нѣсколько мгновеній изображеніе окна съ освѣщенными стеклами и темнымъ оконнымъ переплетомъ, но вслѣдъ за тѣмъ появится на стѣнѣ изображеніе окна съ темными стеклами и бѣлымъ переплетомъ.

Примѣръ спектра, постоянно сохраняющаго первоначальный цвѣтъ предмета, можно видѣть на опытѣ, когда лучинку съ тлѣющимъ концомъ или раскаленный кусокъ угля быстро вертѣть по кривой сходящейся линіи, въ темной комнатѣ. Положимъ, для простоты, что это вращеніе будетъ производиться по круговой линіи, тогда мы

увидимъ не раскаленную точку, а блестящій кругъ того-же самаго краснаго цвѣта, какъ раскаленный уголь или тлѣющій конецъ лучинки.

Благодаря той-же способности глаза, одинъ и тотъ-же предметъ можетъ быть одновременно видимъ въ различныхъ мѣстахъ. Такимъ-образомъ можно видѣть разомъ двѣ противоположныя стороны предмета, то-есть, напримѣръ, цѣлую фигуру, которой одна половина будетъ нарисована на одной сторонѣ карты, а другая половина на другой сторонѣ той-же самой карты.

Извѣстный французскій ученый Арагò нашель, что впечатлѣніе свѣта на сѣтчатую плеву продолжается еще около $\frac{1}{10}$ секунды послѣ того, какъ впечатлѣніе свѣтящаго тѣла уже прекратилось. Основываясь на этомъ свойствѣ глаза, докторъ Пари (Paris) устроилъ весьма интересный маленькій снарядъ, названный *тауматропомъ*, или *волшебною вертушкою*. Этотъ снарядъ состоитъ изъ извѣстнаго числа круглыхъ карточекъ отъ одного до двухъ вершковъ въ діаметрѣ, могущихъ обращаться съ большою быстротою, помощію шелковыхъ снурковъ, прикрѣпленныхъ къ противоположнымъ ихъ сторонамъ: эти снурки приводятся въ движеніе указательнымъ и большимъ пальцами обѣихъ рукъ. На каждой сторонѣ упомянутыхъ круглыхъ кар-

точекъ нарисовано по половинѣ какой-нибудь фигуры, такъ-что обѣ стороны каждой карты вмѣстѣ взятыя представляютъ какое-либо цѣлое изображеніе, на примѣръ, туловище арлекина нарисовано на одной сторонѣ, а голова его, руки и ноги на другой. Если привести снарядъ въ вращательное движеніе, то фигура является цѣлою и мы одновременно видимъ обѣ ея половины или обѣ стороны карты.

Понятно, что такого рода снарядъ можетъ имѣть безчисленное множество видоизмѣненій, и что помощію его можно представлять не только неподвижныя, но и какъ-бы движущіяся изображенія. Для этого одна и таже фигура рисуется на всѣхъ картахъ, только въ послѣдовательно измѣненныхъ положеніяхъ. При вращеніи фигура покажется какъ-бы движущеюся. Сдѣлавъ снарядъ нѣсколько сложнѣе, заставивъ его вертѣться помощію зубчатыхъ колесъ и принаровивъ къ нему систему экрановъ, приличнымъ образомъ расположенную, и можно устроить дѣйствительно любопытные эффекты оптическихъ иллюзій. Такимъ-образомъ не трудно представить восхожденіе солнца, изверженіе вулкана и тому подобныя картины съ движущимися изображениями.

Что еслибы древніе жрецы знали упомяну-

тое выше свойство глаза и устроили нѣчто подобное сейчасъ описанному инструменту? Какое бы могущественное пособіе нашли они тутъ для своихъ фиглярствъ и особенно для чудесныхъ явленій ихъ боговъ передъ глазами изумленныхъ поклонниковъ!

При нѣкоторыхъ болѣзняхъ глаза замѣчаются иногда любопытные примѣры неправильнаго зрѣнія.

Здѣсь въ первомъ ряду стоитъ весьма нерѣдкое явленіе, что каждый предметъ бываетъ видимъ вдвойнѣ; это явнымъ образомъ происходитъ отъ временной потери способности направлять обѣ глазныя оси на одинъ и тотъ-же пунктъ. Гораздо труднѣе объяснить видоизмѣненіе этого-же явленія, состоящее въ томъ, что предметы двоятся даже и тогда, если смотрѣть на нихъ однимъ только глазомъ. Должно, впрочемъ, признаться, что случаи подобнаго рода встрѣчаются весьма рѣдко.

Гораздо важнѣе и замѣчательнѣе состояніе глаза, при которомъ только одна половина каждаго предмета остается видимою, а другая исчезаетъ и какъ-бы не существуетъ для больнаго глаза. Факты этого рода не подвержены никакому сомнѣнію, и не одному физику удалось испытать ихъ надъ самимъ собой. Та-

кого рода случаи дважды повторялись надъ знаменитымъ Уольстономъ, котораго, бывало, по-русски называли Волластономъ (Wollaston), человекомъ, оказавшимъ оптикѣ и другимъ физическимъ наукамъ незабвенныя услуги. Ученому доктору случилось какъ-то разъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ утомиться до-нельзя ходьбою и механическими трудами. Вдругъ онъ ощутилъ весьма странный недостатокъ зрѣнія: всѣ предметы являлись ему только на половину видимыми, такъ-что правая половина каждаго предмета представлялась глазу весьма отчетливо, лѣвая—же совершенно была невидима. Не только у всѣхъ встрѣчныхъ онъ видѣлъ только одну половину туловища и лица и по одной рукѣ и ногѣ, но, проходя мимо квартиры пріятеля своего Джонсона, на дверяхъ котораго находилась мѣдная дощечка съ надписью: *Johnson*, онъ видѣлъ и могъ прочесть одинъ только слогъ *son*, первый—же слогъ, *John*, оставался ему невидимымъ.

Такой странный случай повторился съ Уольстономъ и въ другой разъ; но только въ первомъ случаѣ онъ видѣлъ правую сторону предметовъ, а во второмъ—лѣвую. Да и не одинъ Уольстонъ, но многіе другіе испытали это явленіе, въ совершенно здоровомъ состояніи

гла, и обыкновенно послѣ большихъ механическихъ трудовъ и усилій. При существованіи такой аномаліи зрѣнія, вообще непродолжительной, наблюдатель, если только онъ незнакомъ съ подобными явленіями и обманами чувствъ, можетъ вѣрить вліянію сверхъестественной силы. Да и какъ не повѣрить, что совершается нѣчто чудесное или волшебное, если, глядя, напримѣръ, на двухъ людей, стоящихъ вмѣстѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ наблюдателя, только одинъ будетъ видимъ, а другой исчезаетъ безъ всякой извѣстной причины, и притомъ, смотря по положенію глаза, будетъ поочередно видимъ то тотъ, то другой? Сколько, въ такихъ обстоятельствахъ, можетъ представиться странныхъ степеній обстоятельствъ, и если наблюдатель будетъ чловѣкъ мало просвѣщенный и притомъ суевѣрный, то навѣрное онъ явится героемъ, или очевиднымъ свидѣтелемъ какого-либо сверхъестественнаго, необъяснимо-таинственнаго приключенія.

Такимъ-образомъ родилась не одна исторія о привидѣніяхъ и колдовствѣ, основанная на показаніяхъ самыхъ благонадежныхъ и повидному достовѣрныхъ очевидцевъ. А все ча-

родѣйство заключалось только въ скоропреходящемъ аномальномъ состояніи глаза.

Еще одна особенность глаза, но не скоропреходящая, а вполне постоянная, обманываетъ не только субъекта, который ей подверженъ, но и другихъ зрителей. Это нечувствительность глаза къ нѣкоторымъ цвѣтамъ или краскамъ. Странно, что эта особенность проявляется по большей части у лицъ вполне здоровыхъ, не страдающихъ никакимъ другимъ недостаткомъ, и притомъ часто у такихъ, чьихъ зрѣніе отличается особенною силою и остротою.

Люди, у которыхъ встрѣчается сейчасъ упомянутый нами недостатокъ, представляютъ самыя разнообразныя видоизмѣненія способности различать краски. Одни изъ нихъ видятъ рѣшительно все предметы одноцвѣтными и не могутъ постигнуть, какимъ образомъ другіе различаютъ одну вещь отъ другой только по цвѣту. Для нихъ все въ природѣ имѣетъ однообразный цвѣтъ, но какой именно, этого никакъ нельзя доказать, потому-что они рѣшительно лишены всякой способности судить о различіи цвѣтовъ. Это самая высшая степень нечувствительности глаза къ ощущенію различія красокъ.

Множество другихъ людей не могутъ отличать какого-либо одного или нѣсколькихъ цвѣтовъ, тогда-какъ въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ они сохранили нормальную чувствительность глаза. И при этомъ, они видятъ обыкновеннымъ образомъ одинъ только извѣстный цвѣтъ, а другіе иначе. Вальтеръ-Скоттъ самъ признается, что онъ не имѣетъ никакого понятія о зеленомъ цвѣтѣ: для него въ цѣломъ мірѣ не существуетъ ничего зеленого, и все зеленое, для другихъ ему кажется краснымъ. При этомъ, чѣмъ ярче зеленый цвѣтъ, тѣмъ ярче кажется онъ ему краснымъ, и вообще, всѣ оттѣнки зеленого онъ относитъ къ соответствующимъ оттѣнкамъ красного, такъ что, въ-самомъ-дѣлѣ, для него нѣтъ никакого различія между этими двумя цвѣтами. Онъ также не могъ отличить лазуреваго цвѣта отъ пурпурнаго, хотя весьма хорошо различалъ всѣ остальные оттѣнки голу-баго и синяго цвѣтовъ.

Есть люди, которые видятъ всѣ предметы либо черными, либо бѣлыми, допуская при этомъ всѣ степени сѣраго, какъ смѣшенія первыхъ двухъ цвѣтовъ. Собственного различія красокъ для нихъ не существуетъ, но все темное приближается для нихъ къ черному или

черно-сѣрому, а все свѣтлое—къ бѣлому или сѣро-бѣлому.

Можно рассказать кучу анекдотовъ, сохраненныхъ авторами, писавшими объ этомъ предметѣ. Множество подобныхъ разсказовъ найдется въ каждомъ обширномъ сочиненіи объ оптикѣ. Харвей упоминаетъ, на примѣръ, о портномъ, который смѣшивалъ синій цвѣтъ съ краснымъ, и однажды сшилъ синій фракъ краснымъ шелкомъ. Во Франціи недавно еще жилъ извѣстный любитель картинъ, который рѣшительно не имѣлъ понятія о различіи красокъ, и которому масляныя картины представлялись въ родѣ гравюръ, имѣющихъ только два тона — черный и бѣлый. Дочь его также не различаетъ цвѣтовъ, но масляныя картины кажутся ей имѣющими самыя многоразличныя измѣненія сѣраго цвѣта съ коричневыми тонами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ находится ярко-красная или желтая краска.

Мнѣ самому извѣстны два случая такой особенноти зрѣнія, и оба относятся къ лицамъ, имѣющимъ по званію своему постоянное дѣло съ цвѣтами и красками. Первое изъ этихъ лицъ есть садовникъ, человекъ лѣтъ пятидесяти. Онъ не можетъ отличать синихъ и голубыхъ цвѣтовъ иначе, какъ сравнивая ихъ

съ зелеными, и дѣйствительно синіе и голубые цвѣта кажутся ему мутно-зелеными, только въ различныхъ степеняхъ. Фиолетовый цвѣтъ для него вовсе не существуетъ и онъ смѣшиваетъ его съ мутно-оранжевымъ; все же прочіе цвѣта онъ видитъ и различаетъ весьма хорошо. Замѣчательно, что этому субъекту все цвѣта, видимые не нормально, кажутся мутными, и эта мутность такова, что онъ, наученный опытомъ, самъ тотчасъ укажетъ цвѣтъ, который является ему не въ естественныхъ краскахъ.

Другой извѣстный мнѣ лично примѣръ относится къ живописцу, довольно искусному. Онъ всячески старается избѣгать въ своихъ картинахъ яркихъ оттѣнковъ краснаго, потому что эти оттѣнки кажутся ему мутно-зелеными. Блѣдно-желтый цвѣтъ является этому художнику грязно-сѣрымъ. Убѣжденный съ недостаткомъ своего зрѣнія, онъ совѣтуется съ другими каждый разъ, когда ему необходимо употребить краску, дурно имъ различаемую.

Сколько-бы можно было привести примѣровъ, гдѣ иллюзіи, или обманы чувствъ были причиною явленій по-видимому неестественныхъ. Иногда фантастическое видѣніе хотя вовсе не существуетъ въ природѣ, но, тѣмъ не менѣе, оно дѣйстви-

тельно имѣетъ мѣсто на сѣтчатой оболочкѣ глаза, и тогда глазъ видитъ явленіе какъ-будто оно дѣйствительно существуетъ въ природѣ. Примѣръ этому можно найти у знаменитаго Ньютона, который самъ испыталъ надъ собой такого рода явленіе. Посмотрѣвъ однажды на изображеніе солнца въ зеркалѣ, онъ куда ни обращался, вездѣ видѣлъ свѣтлый ликъ солнца, даже съ закрытыми глазами, и это изображеніе представлялось ему такъ ясно, какъ будто оно было дѣйствительное, хотя онъ очень хорошо зналъ, что въ темной комнатѣ и съ закрытыми глазами онъ не могъ видѣть настоящаго изображенія солнца. Всякій можетъ повторить этотъ опытъ, который я самъ дѣлалъ нѣсколько разъ и послѣ котораго изображеніе солнца постоянно оставалось передъ глазами во всѣхъ возможныхъ условіяхъ, то-есть въ темнотѣ и при свѣтѣ, съ закрытыми и открытыми глазами. Сначала этотъ образъ былъ такъ ярокъ, что глазамъ дѣлалось больно; но мало-по-малу онъ ослабѣвалъ и исчезалъ совершенно не ранѣе, какъ черезъ два или три часа. Однакожь, послѣ cadaго такого опыта я въ теченіи сутокъ не могъ заняться ни чтеніемъ, ни письмомъ, такъ сильно была поражена сѣтчатая оболочка глазъ.

Въ другихъ случаяхъ видѣніе не существуетъ

ни въ природѣ, ни въ глазѣ, а только въ одномъ воображеніи, и тѣмъ не менѣе представляется чрезвычайно ясно, какъ—будто натуральный предметъ. Такихъ примѣровъ существуютъ тысячи, и мы впослѣдствіи расскажем нѣкоторые изъ нихъ.

Есть, впрочемъ, весьма простое и надежное средство тотчасъ различить, существуетъ-ли видѣніе въ глазѣ, или только въ воображеніи. Для этого стоитъ только пожать одинъ глазъ съ боку пальцемъ, при чемъ, какъ извѣстно, каждый предметъ, находящійся передъ глазами, дѣлается видимымъ вдвойнѣ. Тогда всякій призракъ, видимый какъ внѣшній предметъ, и существующій или въ природѣ, или только на сѣтчатой оболочкѣ глаза, раздвоится и будетъ видимъ вдвойнѣ; призракъ-же, созданный воображеніемъ, и слѣдовательно видимый безъ помощи глазъ, останется въ прежнемъ положеніи, не смотря на то, что оптическія оси глазъ перестанутъ быть параллельными.

Сэръ Дэвидъ Брюстеръ въ своихъ письмахъ о натуральной магіи рассказываетъ слѣдующее происшествіе, случившееся съ одною весьма почтенною и образованною англійскою дамою, съ которою онъ былъ хорошо знакомъ. Эта дама убѣдилась сейчасъ приведеннымъ способомъ,

что привидѣнія, являвшіяся ей, существовали только въ ея воображеніи. Такого рода опытомъ она обязана совѣтамъ знаменитаго физика.

Госпожа М*** была постоянно здорова и не замѣчала никакихъ необыкновенныхъ видѣній. 26-го декабря 1830 года, въ половинѣ пятого часа, вечеромъ, сидя передъ каминомъ, она вспомнила, что пора уже было одѣваться къ обѣду. Боясь опоздать, она встала съ поспѣшностью, но неуспѣла сдѣлать двухъ шаговъ, какъ вдругъ ей послышался голосъ ея мужа, кричавшій: «поди сюда, поди скорѣе!» Полагая, что мужъ ея за дверью, она торопливо отворила ее, но, къ удивленію, не нашла тамъ никого. Въ это самое время вновь послышался ей голосъ, повторявшій тѣ-же призывныя слова, за другую дверь, бывшую въ той-же комнатѣ. Госпожа М*** отворила и эту дверь, но не нашла и тамъ никого. Это ей показалось до того страннымъ, что она немного встревожилась и для успокоенія вновь присѣла на кресло, стоявшее противъ камина. Но тутъ послышался ей вновь голосъ мужа; на этотъ разъ онъ былъ громче, нетерпѣливѣе и выражалъ какъ-будто страданіе, повторяя тѣ-же самыя слова, какъ и въ первые два раза. Госпожа М***, не вставая со стула, громко отвѣчала, полагая, что мужъ

ищетъ ее: «я не знаю, откуда ты зовешь меня; я сижу у камина». Не получая на это никакого отвѣта и не видя мужа, дама пошла искать его по всѣмъ комнатамъ, но, къ удивленію, не нашла его въ цѣломъ домѣ. Уже полчаса спустя господинъ М*** позвонилъ у входа, возвращаясь домой къ обѣду. Жена рассказала ему странный случай, который мы сейчасъ описали, и мужъ объявилъ ей, что полчаса тому назадъ онъ былъ еще на противоположномъ концѣ города.

Къ обѣду явилось нѣсколько знакомыхъ. Случай былъ имъ рассказанъ и послужилъ предметомъ для веселаго разговора, при чемъ одна дама призналась, что съ нею было сходное явленіе за десять лѣтъ передъ тѣмъ, во Флоренціи, гдѣ она, возвратясь съ бала, слышала голосъ мужа, бывшаго въ то время въ Англіи. Все это было обращено въ шутку и навѣрное-бы забылось, какъ незначашій случай, еслибы черезъ четыре дня послѣ того не произошло новаго, болѣе замѣчательнаго явленія. Въ первый разъ былъ обмануть слухъ; во второй разъ обманывалось зрѣніе.

30-го декабря, въ 4 часа по-полудни, госпожа М***, возвращаясь въ гостиную, изъ которой вышла на нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, увидѣла мужа своего, стоящаго спиною къ ка-

мину. Зная, что онъ вышелъ за полчаса передъ тѣмъ для прогулки, которая обыкновенно продолжалась отъ одного до двухъ часовъ, она съ удивленіемъ спросила у него, отчего онъ такъ рано возвратился домой. Фигура, неподвижно стоявшая передъ каминомъ и какъ двѣ капли воды похожая на ея мужа, пристально посмотрѣла на госпожу М***, съ выраженіемъ задумчивости и печали на лицѣ, но не произнесла ни слова. Дамы, полагая, что мужъ получилъ неожиданно какое-либо непріятное извѣстіе, подошла къ нему и сѣла на кресла передъ каминомъ, едва въ двухъ футахъ отъ привидѣнія, которое считала своимъ мужемъ. Видя, что тотъ не спускаетъ съ нея глазъ, она, посидѣвъ минуты съ три, обратилась къ нему съ вопросомъ, отчего онъ молчитъ, и протянула руку, чтобы приблизить его къ себѣ. Въ то-же самое мгновеніе фигура отодвинулась отъ нея и быстрыми шагами пошла къ окну, при чемъ, къ удивленію дамы, неслышно было ни шума шаговъ, ни шороха платья, ни движенія воздуха; подойдя къ окну, фигура остановилась и продолжала смотрѣть на госпожу М***.

Англичанка была женщина не робкаго десятка, и ей не разъ случалось говорить съ учеными о привидѣніяхъ. Мгновенно мелькнула въ умѣ

ея мысль испытать средство, слышанное ею нѣкогда отъ сэра Давида Брюстера, для отличенія видѣній дѣйствительныхъ отъ призраковъ воображенія, состоящее въ пожатіи одного глаза пальцемъ съ боку. Но прежде, чѣмъ госпожа М*** собралась съ духомъ, чтобы сдѣлать этотъ опытъ, привидѣніе исчезло за занавѣсью окна. Въ недоумѣніи, что объ этомъ подумать, и все еще сомнѣваясь, не мужъ-ли это, она бросилась къ окну, но не нашла тамъ никого. Видя невозможность для тѣлеснаго существа скрыться подобнымъ образомъ, дама убѣдилась, что привидѣніе было результатомъ ея воображенія, занятаго мыслью о мужѣ; а такъ-какъ это была женщина весьма умная и образованная, то она нисколько не тревожилась этимъ видѣніемъ.

Замѣтимъ, что оно случилось при дневномъ свѣтѣ и продолжалось около пяти минутъ. Привидѣніе было рѣшительнымъ двойникомъ госпожи М***, и являлось со всѣми признаками тѣлеснаго существованія, закрывая собою предметы, находившіеся за нимъ. Последнее обстоятельство очень памятно г-жѣ М***.

Оба рассказанныя нами видѣнія случились съ госпожею М*** въ то время, когда она была одна въ комнатѣ, но 4-го января 1831 года видѣніе повторилось въ другихъ обстоятельствахъ.

Въ упомянутый день, въ десять часовъ вечера, господинъ и госпожа М*** сидѣли вмѣстѣ въ своей гостиной, и первый наклонился къ камину, чтобы поправить горѣвшіе угли. Въ это мгновеніе жена его векричала: «кто пустилъ сюда эту кошку?» Мужъ обернулся, и видя, что жена показываетъ на уголь возлѣ камина, гдѣ рѣшительно ничего не было, ударилъ по этому мѣсту щипцами. «Не тронь ее!—закричала жена—это Китти!» Въ домѣ находились двѣ кошки, изъ которыхъ одну дѣйствительно звали этимъ именемъ. «Китти! Китти!—продолжала звать госпожа М*** — поди сюда! Кто пустилъ тебя въ гостиную?» Мужъ, не видя ничего, увѣрялъ жену, что она ошибается и въ гостиной нѣтъ кошки; но дама встала съ дивана, и чтобы доказать мужу, что она права, хотѣла взять кошку на руки; но та будто побѣжала отъ нея и спряталась подъ стулъ.

Кликнули людей, но кошки не оказалось въ гостиной и сама госпожа М*** не видѣла ее болѣе. Лежавшая у ногъ мужа собака, очень не любившая кошекъ, оставалась во все время видѣнія совершенно спокойною, и, въ добавокъ, обѣ кошки тотчасъ-же найдены въ комнатѣ у ключницы, гдѣ онѣ давно уже спали. Тутъ только госпожа М*** убѣдилась въ томъ, что сцена

эта была плодомъ видѣнія, созданнаго ея воображеніемъ.

Не смотря на эти странности, М*** оставалась постоянно здоровою, какъ тѣлесно, такъ и уиственно.

Прошло съ мѣсяць и уже мужъ началъ полагать, что подобныя сцены не повторятся болѣе, какъ вдругъ неожиданно случилось новое странное явленіе.

Госпожа М***, бывшая цѣлый день на ногахъ, очень устала къ вечеру и потому торопилась лечь въ постель. Было одиннадцать часовъ вечера, и она убирала на ночь свои волосы, стоя передъ зеркаломъ и думая только о томъ, какъ-бы поскорѣе улечься и заснуть. Вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ: въ зеркалѣ увидѣла она, что за нею стоитъ одинъ изъ ея родственниковъ, бывший въ то время въ Шотландіи. Привидѣніе казалось стояло за ея лѣвымъ плечомъ, и глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ. Пришлецъ былъ закутанъ съ головы до ногъ въ саванъ, какимъ обыкновенно обертываютъ покойниковъ; выраженіе лица было сердитое и вмѣстѣ печальное, а глаза, хотя и открытые, смотрѣли мутно, какъ-бы лишенные жизни. Нѣсколько минутъ госпожа М*** находилась подъ вліяніемъ того обаянія, которое отнимаетъ у насъ иногда весь произ-

волю дѣйствій и приковываетъ зрѣніе исключительно къ одному предмету. Невольно смотрящая она въ зеркало на пришлеца изъ могилы и могла въ подробности разсмотрѣть даже какимъ швомъ и покроемъ былъ сшитъ саванъ. Наконецъ, когда, опомнившись, она обернулась, чтобъ убѣдиться въ истинѣ призрака, — привидѣніе исчезло и не появлялось болѣе ни въ зеркалѣ, ни въ комнатѣ.

Родственникъ госпожи М***, тѣнь котораго такъ ее перепугала, былъ въ это время дѣйствительно въ Шотландіи и пользовался совершеннымъ здоровьемъ.

Въ началѣ марта случилось, что мужъ нашей героини провелъ большую часть ночи внѣ дома, на званомъ вечерѣ. Во все это время жена его, лежа въ постели, не спала и безпрерывно слышала близь себя не только дыханіе мужа, но и повороты его въ постели. Какъ ни старалась она увѣрить себя въ невозможности подобнаго явленія, оно продолжало совершаться передъ нею какъ въ мракѣ, такъ даже и тогда, когда внесена была въ комнату свѣча. Жена не видѣла своего мужа, но постоянно слышала его дыханіе и его движенія.

Очень часто случалось ей впоследствии слышать голосъ мужа въ то время, когда онъ былъ

въ отсутствіи. Этотъ голосъ не только произносилъ отдѣльныя фразы, но велъ цѣлыя разговоры съ какими-то лицами, отвѣты которыхъ не были слышны. Голосъ мужа не отвѣчалъ на вопросы жены, и вообще, когда обращался къ ней, то никогда не предлагалъ вопросовъ. Рѣчь ограничивалась описаніемъ окрестныхъ видовъ, разсказомъ слышаннаго и видѣннаго, или изложеніемъ разныхъ проектовъ объ улучшеніяхъ по имѣнію. Невидимый собесѣдникъ говорилъ какъ-будто онъ дѣйствительно тутъ былъ, никогда не дѣлалъ вопросовъ и не отвѣчалъ на нихъ.

17-го марта, госпожа М***, приготовляясь лечь въ постель, взяла ножную ванну и выслала отъ себя горничную. За часъ передъ тѣмъ она читала «Edinburgh Review», и теперь припомнила себѣ одну замѣчательную статью этого журнала. Вдругъ, поднявъ глаза, она увидѣла на кушеткѣ сидящую фигуру, точь-въ-точь похожую на ея покойную родственницу и пріятельницу, сестру ея мужа. Привидѣніе было одѣто въ платье, которое покойница любила носить въ послѣдній годъ ея жизни; оно сидѣло весьма покойно, немного развалиясь и держа въ рукѣ платокъ. Госпожа М*** замѣтила изысканную простоту туалета, разглядѣла даже всѣ мелочи и хотѣла заговорить съ привидѣніемъ, которое

пристально смотрѣло на нее; однакожь внутреннее волненіе не позволило ей выговорить слова раньше, какъ по прошествіи минутъ трехъ. При первомъ звукѣ голоса привидѣніе исчезло, и немедленно вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ спальню мужъ госпожи М***. Она рассказала ему всѣ подробности видѣнія, совершившагося, по ея словамъ, съ необыкновенною ясностью, отличающею дѣйствительныя естественныя явленія.

Какъ при этомъ, такъ и при другихъ иллюзіяхъ чувства зрѣнія, госпожа М***, за нѣсколько часовъ до видѣнія призрака, чувствовала въ глазахъ какое-то особенное, неизъяснимое ощущеніе, достигавшее высшаго развитія во время самаго видѣнія и исчезающее вмѣстѣ съ нимъ.

5-го октября, ночью, госпожѣ М*** являлось привидѣніе ея тещи, умершей въ Парижѣ, въ 1824 году. 11-го числа, въ то время, какъ у ней были гости, показалось нашей дамѣ, что одна ея пріятельница, умершая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вдругъ вошла и сѣла на кресло, противъ камина. Такъ-какъ комната была наполнена гостями, то хозяйка, отложивъ въ сторону пустой страхъ, рѣшилась встать съ дивана и сѣсть на кресло, занятое привидѣніемъ. Но едва только подошла она къ креслу, какъ привидѣніе мгновенно исчезло.

26-го числа госпожѣ М*** показалось, что карета, запряженная четвернею, въѣзжала къ ней на дворъ, и она уже хотѣла отойти отъ окна, приготовляясь принимать гостей, какъ вдругъ полюбопытствовала взглянуть сперва, кто къ ней пріѣхалъ. Карета была въ это мгновеніе прямо подъ окномъ, и несчастная женщина съ ужасомъ увидѣла, что какъ кучеръ, такъ и особы, сидѣвшія въ каретѣ, были скелеты, одѣтые въ нарядное платье. Нѣсколько минутъ она стояла какъ-бы окаменѣлая отъ страха, и только когда мужъ вошелъ въ комнату, она собралась съ силами и вскрикнула. Въ тоже самое мгновеніе карета и скелеты исчезли, не оставивъ слѣда.

Сэръ Давидъ Брюстеръ рассказываетъ еще нѣсколько случаевъ о госпожѣ М***, въ родѣ тѣхъ, которые мы уже сообщили читателю. Онъ старается объяснить ихъ естественнымъ образомъ, поврежденіемъ состоянія здоровья этой женщины. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти видѣнія были только призраки воображенія; но тѣмъ не менѣе, едва-ли Брюстеру и другимъ удастся объяснить удовлетворительно психологическое и фізіологическое состояніе человѣка, которому чуются призраки среди бѣлаго дня.

Если, однакожь, мы никогда не будемъ въ состояніи въ точности понять процессы, помощью

которыхъ являются привидѣнія у людей съ здравымъ умомъ, то все-таки наука даетъ намъ средства разяснить эти явленія до такой степени, что они теряютъ свой, по-видимому, сверхъестественный характеръ. Процессъ зрѣнія естественныхъ предметовъ, какъ непрерывно окружающихъ, представляетъ неодолимая трудности, если мы захотимъ изслѣдовать вліяніе духа на физиологическое явленіе. Ученый удовлетворяется объясненіемъ процесса зрѣнія, доказавъ, какимъ-образомъ внѣшніе предметы изображаются на сѣтчатой плевѣ глаза, которая передаетъ ихъ мозгу помощью нервовъ; онъ нейдетъ далѣе, потому-что человѣку не дано проникнуть завѣтныхъ тайнъ природы и суждено смирать умъ тамъ именно, гдѣ онъ проявляется въ своемъ высшемъ развитіи и силѣ.

Ученый англійскій докторъ Хиббертъ (Hibbert), въ прекрасномъ сочиненіи своемъ о предметѣ нашей бесѣды, доказываетъ, что явленія привидѣній суть ничто иное, какъ идеи или образы, собранные умомъ воедино, и вслѣдствіе нѣкоторыхъ страданій или ненормальностей нашего физическаго состава дѣлающіе на мозгъ сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ дѣйствительные предметы. Здѣсь представляется случай, что умственный глазъ видитъ яснѣе глаза тѣлеснаго.

Докторъ Хиббертъ приводитъ этому неопровержимыя доказательства; но Брюстеръ идетъ еще далѣе. Онъ стремится доказать, что умственный глазъ и глазъ тѣлесный дѣйствительно тождественны, и что какъ тотъ, такъ и другой получаютъ впечатлѣніе отъ сѣтчатой плевры, и по этому въ обоихъ зрѣніе совершается по однимъ и тѣмъ-же законамъ оптики.

По словамъ знаменитаго англійскаго физика, это правило справедливо не только относительно явленія привидѣній, но и относительно всѣхъ идей воспроизводимыхъ памятью или созданныхъ воображеніемъ, такъ-что его можно принять за основной законъ пневматологіи.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя изъясненія даже въ описанія опытовъ, относящихся къ этому предмету. Скажемъ только вообще, что всѣ привидѣнія, вызванныя памятью или воображеніемъ, постоянно являются въ прямомъ направленіи зрѣнія, и въ точности раздѣляютъ движенія впечатлѣній свѣтящихся тѣлъ, послѣ того, какъ эти послѣднія будутъ удалены.

Когда организмъ здоровъ и душевно и тѣлесно, относительное напряженіе впечатлѣній обоихъ видовъ на сѣтчатку распредѣляется надлежащимъ образомъ. Умственные или мысленныя изображенія бываютъ скоропреходящи и

сравнительно слабы, такъ-что въ наибольшей части случаевъ никогда не могутъ затемнить или видоизмѣнить изображеній предметовъ истинныхъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, еслибы природа не устроила такимъ-образомъ, то порядокъ нашей жизненной дѣятельности совершенно-бы измѣнился, и живыя впечатлѣнія дѣйствительности перемѣшивались-бы и затѣмнялись блестящими изображеніями прошлаго, вызванными памятью, или фантастическими картинами воображенія. Впрочемъ, два противоположенные впечатлѣнія не могутъ существовать одновременно, и таже самая фибра, или нервное волокно, которое приносить сѣтчаткѣ изображенія, созданныя памятью, не можетъ въ тоже самое мгновеніе служить проводникомъ впечатлѣній внѣшнихъ предметовъ отъ сѣтчатки къ мозгу. Умъ нашъ не въ состояніи въ одно и тоже мгновеніе совершать два различныя отправленія, и если оны устремится на одно какое-либо впечатлѣніе, то не можетъ одновременно заниматься другимъ, особенно противоположнымъ; такъ-что если изображенія дѣйствительныхъ предметовъ передаются отъ сѣтчатки мозгу, въ тоже время память или воображеніе не могутъ передавать своихъ изображеній сѣтчаткѣ, потому-что онѣ должны прибѣгать къ посредничеству нерва уже занята-

го передачею изображеній по противному направленію, и обратно.

Должно, впрочемъ, сказать, что дѣйствіе мыслительной способности совершается такъ быстро, что попеременные появленія и исчезанія двухъ противоположныхъ впечатлѣній не могутъ быть различаемы. Такъ-напримѣръ, если мы смотримъ на какое-либо зданіе, положимъ на Казанскій соборъ, и въ то время вдругъ вспомнимъ соборъ св. Петра въ Римѣ, или даже сѣговую вершину Монблана, то помощью такого усилія памяти изображеніе Казанскаго собора, хотя и напечатлѣнное въ то мгновеніе на сѣтчатой плевѣ нашего глаза, мгновенно уступитъ мѣсто видѣнному нѣкогда собору римскому или великану швейцарскихъ Альповъ, хотя и далекихъ отъ насъ въ настоящую секунду. Но хотя точное изображеніе, вызванное памятью, становится на первомъ планѣ, затемняя собою предметъ дѣйствительно-находящійся передъ глазами, все-таки оно является не такъ ясно, съ худо-опредѣленными контурами и блѣдными красками. Естественнымъ образомъ, такое усиліе памяти бываетъ весьма-скоропреходящее, и тогда вызванный ею образъ отсутствующаго предмета мгновенно исчезаетъ, и вмѣсто его

является тотъ, который дѣйствительно находится передъ глазами.

Среди мрака и уединенія, когда внѣшніе предметы не образуютъ впечатлѣній, могущихъ возмущать или затемнять изображенія, созданная мыслію, послѣднія необходимо должны являться гораздо яснѣе и отчетливѣе. Въ томъ состояніи, которое предшествуетъ сну и не можетъ назваться ни сномъ, ни бдѣніемъ, интенсивность мысленныхъ изображеній подходитъ почти къ ясности изображеній видимыхъ. Особенно у людей преданныхъ умственнымъ занятіямъ, мысленные образы являются чрезвычайно-опредѣлительными, такъ-что при отвлеченныхъ изысканіяхъ видимые предметы иногда совершенно исчезаютъ и уступаютъ мѣсто картинамъ, созданнымъ мыслію. Всякій, съ любовію занимающійся науками, особливо отвлеченными, навѣрное неоднократно испыталъ на себѣ явленія того состоянія, при которомъ человѣкъ мгновенно какъ-бы лишается употребленія всѣхъ своихъ чувствъ. Погруженный въ глубокія размышленія, ученый не видитъ и не слышитъ домашнихъ, входящихъ въ его кабинетъ; и такого рода состояніе продолжается нѣсколько десятковъ секундъ послѣ того, какъ окружающіе примутъ различныя полудѣйствительныя мѣры, для

извлеченія мыслителя изъ той уединенной среды, въ которую онъ погружался мыслию; а между-тѣмъ глазъ его и ухо принимаютъ впечатлѣнія свѣта и звуковъ, хотя онъ не видитъ и не слышитъ окружающихъ его предметовъ и часто даже остается безчувственнымъ къ ихъ прикосновенію.

Нечего удивляться тому, что человекъ, погруженный въ глубокое размышленіе и слѣдящій за идеей, сильно его интересующей, жертвуетъ ей мгновенно всѣми остальными ощущеніями. Каждый изъ насъ, не будучи мыслителемъ или ученымъ, почти ежедневно, особенно ночью, передъ усыпленіемъ, вызываетъ мысленныя изображенія, которыя иногда представляются съ ясностью, едва уступающею дѣйствительности.

Мысленные образы и иллюзіи привидѣній, будучи произведеніями впечатлѣній, переданныхъ съчатой левой глаза, различаются между собою только степенью ясности, съ которою они представляются. Всѣ страшныя видѣнія, скелеты и мертвецы, суть ничто иное, какъ образность нашихъ обыкновенныхъ мыслей, происшедшая отъ какого-либо разстройства въ отиравленіяхъ организма. Необыкновенная ясность такого рода образовъ, увеличивающая силу страха,

зависитъ въ свою очередь отъ нѣкоторыхъ физиологическихъ особенностей глаза, которыя хорошо изслѣдованы новѣйшею оптикою.

Медицинское изслѣдованіе показало, что призраки, видѣнные госпожею М***, зависѣли отъ разстройства, причиненнаго желудочною болѣзнію, сперва незамѣченною. Если такого рода разстройства произойдутъ отъ вліянія ядовитаго вещества, то они сильно отражаются на сѣтчатой плевѣ и процессъ зрѣнія значительно видоизмѣняется. Сколько есть примѣровъ, что люди, случайно или другимъ образомъ принавше внутрь бѣлену, дурманъ, красавицу, дѣлалась какъ-будто помѣшанными и принимали прудъ за огородъ, рѣку за домъ, облака за людей; нѣкоторые изъ нихъ видятъ предметы отсутствующіе или вовсе не существующіе, или видятъ все въ неестественныхъ краскахъ. Мы современемъ познакомимъ нашихъ читателей съ явленіями такого рода, въ высшей степени замѣчательными у развитыми нерѣдко въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Они были вызваны вліяніемъ столь-извѣстнаго на Востокѣ полутайнаго вещества, называемаго *хамшиемъ*, котораго основное дѣйствующее начало есть не что иное, какъ смола, выпотѣвающая на головкахъ индѣйскаго конопля. Это самое то веще-

ство, которымъ графъ Монте - Кристо (въ известномъ романѣ Александра Дюма) подчивалъ за десертомъ своихъ гостей въ таинственной пещерѣ своего пустыннаго острова. Смѣло можемъ поручиться изъ собственного опыта, что какъ ни блестяще воображеніе французскаго романиста, онъ ни мало не преувеличивалъ странныхъ впечатлѣній, ощущаемыхъ подъ вліяніемъ хашиша, и мнѣ самому случалось испытывать впечатлѣнія такого рода, что никакое человѣческое слово не въ состояніи ихъ выразить.

Но возвратимся теперь къ нашимъ видѣніямъ, происходящимъ отъ затемненія изображенія дѣйствительныхъ предметовъ изображеніями мысленными.

При изслѣдованіи вопроса о привидѣніяхъ, необходимо замѣтить одно весьма-важное обстоятельство, придающее призракамъ видъ сущестственности. Вообще замѣчено и почти всѣ свидѣтельства единогласны въ томъ, что привидѣнія заслоняютъ отъ глаза видящаго ихъ предметы, непосредственно находящіеся за призракомъ, точно такъ, какъ-бы заслоняла ихъ матеріальная фигура. Съ перваго взгляда это обстоятельство объяснить довольно трудно. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Брюстеръ:

Опредѣлительность и ясность впечатлѣній на

сѣтчатой плевѣ совершенно независимы отъ расположенія глаза, для яснаго распознаванія видимыхъ предметовъ. Когда глазъ находится въ покоѣ и не устремленъ на какой-либо опредѣленный предметъ, находящійся на известномъ разстояніи, то онъ всего яснѣе способенъ видѣть отдаленные предметы. Когда-же передъ нимъ находится ясное изображеніе привидѣнія, то всѣ остальные окружающіе предметы будутъ видимы неявственно, потому-что когда глазъ устремленъ на какой-либо опредѣленный предметъ, онъ не различаетъ другихъ, лежащихъ по тому-же самому направленію. Всякій можетъ замѣтить весьма обыкновенное, хотя и странное явленіе, что изъ двухъ предметовъ, находящихся прямо передъ глазами, видимъ бываетъ только одинъ. Положите рядомъ два куска матеріи или два листа бумаги различнаго цвѣта, положимъ, одинъ *краснаго*, а другой *желтаго*, то если пристально смотрѣть на нихъ, обращая исключительное вниманіе на красный, то желтый часто исчезнетъ совсѣмъ изъ глазъ. Разумѣется, что если обратиться исключительно къ желтому, то исчезнетъ красный. Въ такихъ случаяхъ оба листа производятъ каждый свое впечатлѣніе на сѣтчатку, и дѣйствительно видимы вмѣстѣ; но если одна и таже часть плены возбуждена дѣ-

ствиемъ вѣшнихъ лучей, идущихъ отъ какого-либо предмета, и притомъ относящимся къ тому-же предмету сильнымъ умственнымъ напряженіемъ, то она теряетъ способность возбуждаться одновременно лучами, идущими отъ сосѣдняго вѣшняго предмета. Тогда глазъ видитъ только одинъ предметъ, точно какъ натянутая струна не можетъ издавать одною вибраціею двухъ звуковъ. Этимъ поясняется, почему глазъ, сильно пораженный фантастическимъ видѣніемъ, не открываетъ предметовъ, лежащихъ непосредственно за фигурою спектра. Не мало помогаетъ здѣсь и воображеніе. Пораженный ужасомъ разумокъ принимаетъ привидѣніе за дѣйствительную матеріальную фигуру, и помня, что въ такомъ случаѣ фигуры должны заслонять предметы находящіеся сзади ихъ, теряетъ отъ такой увѣренности желаніе видѣть тѣ предметы, а слѣдовательно и не видитъ ихъ.

Если разобрать хладнокровно все обстоятельства явленія привидѣній, то все они безъ исключенія потеряютъ свое сверхъестественное значеніе. Бѣда только, что не всякому достаетъ нужныхъ на то положительныхъ знаній и присутствія духа.

Въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ, человекъ является игралищемъ собственныхъ ил-

люзіи и призраковъ, подобно волшебнику, вызвавшему духовъ, но не умѣющему повелѣвать ими. Посмотримъ теперь на картину съ другой точки зрѣнія. Здѣсь представится намъ чело-вѣкъ жертвою заранѣе обдуманнаго обмана, ра-бомъ собственнаго невѣжества и игралищемъ суевѣрныхъ убѣжденій.

Исторія неоспоримо доказала намъ, что язычскіе жрецы древняго міра слѣдовали обдуманной системѣ обмановъ, дѣйствовавшихъ на суевѣріе народа, и извлекали изъ того выгоды, сообразныя съ скрытыми цѣлями. И не только въ древности, но даже въ мракѣ средневѣковаго невѣжества повторялись, въ той-же средѣ, подобнаго рода продѣлки, исчезнувшія наконецъ передъ свѣтомъ науки.

По общему закону равновѣсія, присутствіе котораго повсемѣстно замѣчается, какъ въ физической, такъ и въ нравственной природѣ, средства дѣйствія всегда соразмѣрялись въ силѣ и напряженіи съ противустоящими имъ средствами противодѣйствія. Чѣмъ невѣжественнѣе была толпа, тѣмъ легче было ее обмануть; но зато тѣмъ слабѣе были средства лицъ, для которыхъ такой обманъ былъ полезенъ. Чтобы надѣлали язычскіе и другіе жрецы, еслибы имъ

дать въ руки всѣ могущественныя орудія новѣйшей науки.

Невозможно сомнѣваться, что большая часть обмановъ, бывшихъ въ ходу у языческихъ жрецовъ, основывалась на оптическихъ иллюзіяхъ—результатѣ знанія свойствъ плоскихъ и вогнутыхъ зеркалъ. Мы находимъ у многихъ авторовъ свидѣтельства, что древніе имѣли у себя зеркала стальные, серебрянныя и изъ бѣлой мѣди, видомъ и составомъ весьма похожей на тотъ металлическій сплавокъ, изъ котораго въ наше время выдѣлываются зеркала для астрономическихъ рефлекторовъ. По одному мѣсту у Плинія можно даже заключить, что древнимъ не безъизвѣстны были и стеклянныя зеркала, приготовлявшіяся, по всему вѣроятію, въ Сидонѣ. Какъ-бы то ни было, всѣ зеркала древнихъ, особенно вогнутыя, не отличались большою правильностію шлифовки, и предметъ, отражаемый ими, требовалъ сильнаго освѣщенія, безъ чего призракъ былъ весьма тусклъ и неопредѣлителенъ. Чтобы, по возможности, избѣгнуть этого недостатка, преимущественно употреблялись серебрянныя зеркала; и, въ-самомъ-дѣлѣ, ни одинъ металлъ не можетъ спорить въ этомъ отношеніи съ серебромъ.

Зеркала древнихъ мажиковъ были плоскія

и вогнутыя. Въ первомъ случаѣ онѣ дѣлались преимущественно съ многими фацетами, или многоугольными. Ясно, что такого рода зеркала употреблялись для доставленія одновременно многихъ отраженій отъ единственнаго предмета, тогда-какъ вогнутыя служили для отраженія предметовъ низомъ кверху. Употребляя различныя сочетанія зеркаль, не трудно было достигнуть результатовъ изумительныхъ для профана.

У Авла-Геллія между-прочимъ, упоминается объ одномъ качествѣ зеркаль, которое поставило въ тупикъ всѣхъ комментаторовъ, трудившихся надъ древними классиками. Въ своихъ «Аттическихъ ночахъ» этотъ авторъ говоритъ, что существуютъ зеркала (*specula*), которыя будучи поставлены на извѣстномъ мѣстѣ, не даютъ никакихъ изображеній предметовъ, тогда-какъ поставленные на другое мѣсто получаютъ вновь свойство отражать образы предметовъ⁹

⁹ Ut speculum in loco certo positum nihil imagnet; aliosum translatum faciat imagines. Aulus Gellius, Noct. Att. lib. XVI. cap. 18.

Въ этомъ мѣстѣ Авлъ-Геллій цитируетъ Варрона и нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что цитата сдѣлана неправильно.

Евсевій Сальвертъ, слѣдуя своей заранѣе составленной системѣ, думалъ объяснить это явленіе *поляризациею*; но онъ явно забылъ, что здѣсь дѣло идетъ о металлическихъ, а не о какихъ-либо другихъ зеркалахъ. Намъ кажется, что все это гораздо проще. Извѣстно, что зеркало, поставленное въ сырое мѣсто, скоро тускнетъ, тогда-какъ въ сухомъ оно вновь получаетъ прежній блескъ; этого рода явленіе скорѣе всего проявляется въ серебряныхъ зеркалахъ, преимущественно употреблявшихся древними.

Самый простой видъ волшебныхъ зеркалъ состоитъ изъ двухъ плоскихъ. Помощію ихъ можно сдѣлать, что изъ двухъ лицъ, стоящихъ передъ зеркаломъ и одинаково удаленныхъ отъ линіи перпендикулярной къ срединѣ, каждое будетъ видѣть только своего сосѣда, а не самого себя. Но, вообще говоря, плоскими зеркалами трудно морочить людей, знакомыхъ съ зеркальнымъ призракомъ: они только хороши для тѣхъ, кто еще никогда не смотрѣлся въ зеркало; а нынѣ такихъ людей труднѣе найти, чѣмъ во времена языческія. Даже и въ то время рѣдко прибѣгали къ простому плоскому зеркалу, а чаще къ многогранному, или еще чаще къ вогнутому.

Вогнутыя зеркала составляютъ издревле одну

изъ важнѣйшихъ принадлежностей волшебныхъ кабинетовъ и магическихъ продѣлокъ. Самая выгодная изъ всѣхъ формъ для такихъ зеркалъ есть эллиптическая. Предметъ, находящійся въ одномъ изъ фокусовъ, отразится тогда въ другомъ, но только въ обращенномъ видѣ. Последній призракъ будетъ казаться висящимъ въ воздухѣ и производить чрезвычайный эффектъ, который для невѣжды или суевѣра долженъ показаться сверхъестественнымъ. Сколько можно было произвести штукъ помощію такого прибора, особенно если устроить его такъ, чтобы зритель видѣлъ только призракъ, не видя ни зеркала, ни предмета, помѣщеннаго въ ближайшемъ къ последнему фокусѣ. А если окуривать этотъ предметъ какимъ-либо дымомъ, то призракъ покажется какъ-бы окруженнымъ облакомъ. И мало-ли можно придумать другихъ видоизмѣненій и принадлежностей, смотря по требованіямъ мѣста, времени и случая. Такимъ-образомъ можно заставить являться самыя разнообразныя привидѣнія въ величайшемъ разнообразіи цвѣтовъ, формъ и движеній, потому-что все то, что будетъ помѣщено или будетъ совершаться въ ближайшемъ къ зеркалу фокусѣ, невидимомъ для зрителя, повторится съ величайшею отчетливостію, но только въ болѣе обширномъ видѣ, въ другомъ

фокусъ, положеніе котораго принаровняется выгоднымъ для зрителя образомъ. Являющійся при этомъ призракъ сохранить въ себѣ все отличительные признаки сверхъестественнаго привидѣнія, потому-что, представляясь глазу въ самыхъ отчетливыхъ формахъ и краскахъ, онъ будетъ ускользать, какъ безплотное существо отъ прикосновенія зрителя.

Одно изъ любопытнѣйшихъ видѣній такого рода было издавна употребляемо магиками для устрашенія самыхъ-недовѣрчивыхъ зрителей. Оно называлось *таинственнымъ кинжаломъ* и заключалось въ слѣдующемъ:

Если кто-либо, будучи сильно освѣщенъ и держа въ рукѣ хорошо отполированный кинжалъ, будетъ поставленъ передъ вогнутымъ зеркаломъ немного подальше главнаго его фокуса, то онъ увидитъ въ воздухѣ, между-собою и зеркаломъ, собственное свое изображеніе, только въ уменьшенномъ и обращенномъ вверхъ ногами видѣ. Если-же при этомъ зритель будетъ стоять не по направленію діаметра той фигуры, котораго зеркало составляетъ часть, то направленіе кинжала призрака измѣнится въ противоположную сторону.

Спрячьте человѣка, стоящаго передъ зеркаломъ и держащаго кинжалъ, за ширму, дверь,

экранъ или что-либо подобное, такъ чтобы его не было видно, одѣньте его въ черное, а руку, держащую полированный кинжалъ, оставьте въ бѣломъ рукавѣ, тогда будетъ видна въ воздухѣ только рука, держащая кинжалъ. Введите въ эту комнату человѣка, не знающаго всѣхъ этихъ приготовленій и, поставивъ его передъ призракомъ, дайте тайный знакъ вашему сообщнику, чтобы онъ занесъ руку съ кинжаломъ, какъ-бы для удара. Гость вашъ навѣрное съ ужасомъ отступитъ назадъ, видя передъ собой въ воздухѣ руку, не принадлежащую никакому тѣлу, но замахивающуюся на него кинжаломъ.

Эту прудѣлку производили, обыкновенно, такъ, что человѣкъ, стоящій близъ фокуса зеркала, держалъ въ рукѣ яблоко или другой фруктъ, а кинжалъ былъ у него спрятанъ подъ рукавомъ или въ черныхъ ножнахъ. Призракъ представлялъ, слѣдовательно, руку съ фруктомъ. Входящаго приглашали принять волшебный плодъ въ подарокъ отъ таинственной руки; но едва зритель протягивалъ руку за плодомъ, какъ, по тайному знаку, спрятанный человѣкъ, лѣвою рукою, обернутою чернымъ, и потому невидимую, схватывалъ плодъ и ножны съ кинжала, которые, слѣдовательно, исчезали, а съ тѣмъ-вмѣстѣ замахивался обнаженнымъ лезви-

емъ, какъ-бы желая пронзить пришлеца, отскакивающего съ ужасомъ.

Помощію такихъ-же вогнутыхъ зеркалъ чародѣи заставляли являться призраки людей давно умершихъ. Для этого ставили въ фокусѣ зеркала, но скрытно отъ зрителя, бюстъ или портретъ умершаго, сильно освѣщенный, причемъ покрывали чернымъ тѣмъ мѣста картины или окружающіе предметы, которыхъ не долженъ былъ видѣть зритель. Окуривая бюстъ или портретъ дымомъ, можно представить призракъ какъ-бы посреди облака, и появленіе дѣлается черезъ то еще поразительнѣе.

Оптика учитъ насъ, что, при всѣхъ опытахъ съ вогнутыми зеркалами, величина изображенія относится къ величинѣ дѣйствительнаго предмета точно-также, какъ ихъ взаимныя разстоянія отъ зеркала; слѣдовательно, измѣняя разстояніе предмета, можно по произволу увеличивать и уменьшать размѣры призрака. Всѣ учившіеся физикѣ видѣли въ кабинетахъ опыты надъ дѣйствіями вогнутыхъ зеркалъ; но такъ-какъ при этомъ устранены всѣ обстоятельства, могущія придать явленію что-либо необъяснимое или чудесное, то лица, видѣвшіе кабинетные опыты и хорошо ихъ понимающіе, все-таки не могутъ себѣ составить истиннаго понятія о явленіи,

когда оно сопровождается со всѣми пособіями для скрытія ‘настоящей причины и для пораженія зрителя мнимою сверхъестественностью. При томъ-же, обыкновенно, въ физическихъ кабинетахъ вогнутыя зеркала бываютъ небольшихъ размѣровъ, тогда-какъ магики и фокусники употребляютъ для своихъ продѣлокъ самыя-большія орудія этого рода. Помощію послѣднихъ, ловко-принаровленныхъ къ окружающимъ обстоятельствамъ, можно произвести явленія по-истинѣ изумительныя и не для однихъ профановъ.

Чтобы судить о различіи опытовъ, производимыхъ въ физическихъ кабинетахъ, при чтеніи курсовъ физики, отъ тѣхъ, которые производятся магами, съ цѣлію поразить зрителя чудесностью явленія, стоитъ вспомнить различіе, существующее между эффектами перспективы, написанной на картинѣ, висящей на стѣнѣ комнаты или музея, и дивными эффектами хорошо установленной діорамы.

Едва-ли можетъ существовать сомнѣніе, что явленія языческихъ боговъ, среди ихъ храмовъ, производились не иначе, какъ помощію вогнутыхъ зеркалъ. Впрочемъ, сказанія древнихъ объ этомъ предметѣ довольно-неопредѣленны относительно подробностей. Въ этихъ сказаніяхъ находимъ явные слѣды оптическихъ иллюзій. Такъ, напри-

мѣръ, въ древнемъ храмѣ Геркулеса, въ Тирѣ, находилось, по словамъ Плинія, сѣдалище, высѣченное изъ священнаго камня; съ этого сѣдалища не разъ видѣли возносящихся кверху боговъ. Въ эскулаповомъ храмѣ, въ Тарсѣ, богъ врачеванія часто являлся своимъ поклонникамъ. Имблѣихъ свидѣтельствуешь, что боги являлись, по зову жрецовъ, среди дыма ароматныхъ курений. Всего лучше описаны эти явленія у Дамасція, и тутъ прямо бросается въ глаза сходство ихъ съ явленіями, извѣстными у насъ подъ именемъ *фантасмагорій*. Кажется, невозможно описать послѣднихъ яснѣе, чѣмъ то сдѣлалъ Дамасцій, повѣствуя о явленіяхъ языческихъ боговъ; тутъ даже встрѣчаются нѣкоторыя мелочныя подробности, вполне подтверждающія тождественность обоого рода явленій.

Весьма извѣстенъ анекдотъ о византійскомъ императорѣ Василиѣ Македонянинѣ, который, будучи погруженъ въ глубочайшую горестъ отъ потери любимаго сына, обратился къ извѣстному въ то время въ Константинополѣ Теодору Санковарену, прося его показать ему хотя призракъ умершаго сына. Въ назначенное время и въ условленномъ мѣстѣ Василій увидѣлъ сына своего, скачущаго къ нему на конѣ и исчезнуваго въ объятіяхъ отца. Если только это была

не халлюцинація или призракъ воображенія, то легко можетъ статься, что Теодоръ воспользовался коннымъ портретомъ умершаго и свойствами выпуклаго зеркала, искусно-принаровленного къ мѣстности. Такъ объясняютъ этотъ фактъ новѣйшіе изслѣдователи натуральной магіи; мнѣ же кажется весь этотъ фактъ похожимъ на одну изъ тѣхъ сказокъ, которыхъ такъ много осталось въ преданіяхъ Византійской имперіи.

Намъ слишкомъ мало извѣстны подробности самыхъ-поразительныхъ явленій боговъ и фантастическихъ зрѣлищъ, являвшихся передъ изумленною толпою, во время особыхъ торжествъ въ языческихъ храмахъ. Довольно-того, что съ одной стороны находилась невѣжественная толпа, а съ другой представители всѣхъ тогдашнихъ знаній, вооруженные всѣми возможными и извѣстными въ то время орудіями обмана, искусно-принаровленными къ мѣстности и времени.

Бенвенутто Челлини оставилъ намъ рассказъ о сценѣ новѣйшей некромантики, въ которой онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Этотъ рассказъ можетъ намъ дополнить и пояснить столь малоизвѣстныя въ наше время магическія явленія языческихъ храмовъ,

Будемъ разсказывать почти собственными словами знаменитаго итальянскаго художника.

«Случай свелъ меня весьма близко съ однимъ сицилійскимъ монахомъ, человѣкомъ гениальнымъ и глубоко изучившимъ классическую древность. Часто просиживалъ я съ нимъ по нѣскольку часовъ сряду, слушая его поучительный разговоръ. Однажды, ночью, зашла у насъ рѣчь о волшебствѣ, магіи и некроантикѣ, и я просилъ почтеннаго моего друга сообщить мнѣ нѣсколько положительныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, давно уже занимавшемъ мое воображеніе.

«Чувствуешь-ли ты въ себѣ довольно твердости духа, чтобы заняться такимъ страшнымъ дѣломъ?» спросилъ у меня сицилиецъ. «Я предвѣдомляю тебя, что изученіе тайныхъ наукъ сопряжено съ такими обстоятельствами, что робкому человѣку нечего и думать объ этомъ, если онъ, дорожа жизнію, не хочетъ умереть отъ страху».

«Такого рода предвѣдомленіе не только не утравило, но еще болѣе подстрекнуло меня, и я поспѣшно отвѣчалъ сицилійцу:

«Если ты въ самомъ дѣлѣ можешь исполнить мою просьбу, другъ мой, то дажи свои уроки какъ можно скорѣе; иначе я буду пола-

гать, что ты считаешь меня за труса, и тогда, признаюсь, не могу долѣе оставаться твоимъ другомъ».

«Монахъ улыбнулся.

«Хорошо! сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

«Мы начнемъ завтра-же, чтобы не терять времени. Приходи ко мнѣ завтра вечеромъ и приведи съ собой еще кого-либо изъ твоихъ пріятелей. Пожалуй, можешь привести и двоихъ: это нисколько не помѣшаетъ дѣлу, а для тебя будетъ если все также страшно, то хотя не такъ скучно.

«На другой день я сдѣлалъ предложеніе искреннему другу моему Виченціо Ромоли заняться со мной тайными науками. Онъ съ охотою согласился и въ тотъ-же день повелъ меня къ одному изъ своихъ пріятелей, пистойскому уроженцу, уже нѣсколько лѣтъ занимавшемуся изученіемъ черной магіи. Послѣдній вызвался сопровождать насъ въ тотъ вечеръ къ монаху, говоря, что самъ радъ научиться чему-либо новому у такого ученаго мужа, какъ мой пріятель сицилиецъ.

«Рано вечеромъ мы были у нашего новаго учителя. Онъ встрѣтилъ насъ съ улыбкою, и на извиненія моихъ товарищей отвѣчалъ весьма

дружелюбно, что для него очень пріятно сдѣлать имъ удовольствіе.

«Монахъ одѣлся и повелъ насъ въ Колизей. Здѣсь онъ началъ свои мистическія приготовленія. Начертивъ черною тростью обширный кругъ, онъ сталъ, произнося непонятныя слова, раскладывать посреди круга небольшой костеръ изъ сухаго хвороста. Окончивъ это дѣло, онъ взялъ насъ за руки, и введя внутрь круга, сильно топнулъ ногою: на этотъ призывъ явился неожиданно, какъ-будто выросъ изъ подъ земли, какой-то маленькій старичекъ, который, неходя внутрь круга, какимъ-то непонятнымъ образомъ зажегъ костеръ и сталъ бросать на него разныя вещества, издававшія самый непріятный запахъ; по-временамъ, впрочемъ, смрадъ смѣнялся благовоніемъ, что, очевидно, зависѣло отъ матеріаловъ, которые старичекъ бросалъ въ огонь. Сицилиецъ читалъ, между-тѣмъ, заклинанія и вдругъ спросилъ меня.

«Бенвенутто! кого ты желаешь теперь видѣть передъ собой изъ твоихъ отсутствующихъ друзей?»

«Я немедленно попросилъ вызвать призракъ моей любовницы Ангелики.

«Заклинанія начались снова, но Ангелика не

являлась, хотя весь окрестный воздухъ наполнился какими-то адскими привидѣніями; только внутри круга ихъ не было.

«Эта сцена продолжалась болѣе часу. Тогда магикъ объявилъ намъ, что заклинанія его не довольно сильны, чтобы вызвать Ангелику, но что онъ берется это исполнить въ другой разъ.

«Мы разошлись по домамъ, не зная, что и подумать о всемъ видѣнномъ въ ту ночь.

«Дня черезъ три магикъ назначилъ повтореніе опыта. Для успѣшнаго хода заклятій, ему нужно было присутствіе невиннаго дитяти, и я привелъ съ собою двѣнадцатилѣтняго мальчика, находившагося у меня въ услуженіи. Кромѣ того еще были со мной Виценціо Ромоли и Аньолино Гадуи, также одинъ изъ искреннихъ общихъ нашихъ друзей.

«Когда мы пришли въ Колизей, то священникъ началъ свою предѣлку точно также, какъ и въ первый разъ; только на этотъ разъ старичекъ не являлся. Забота о поддержаніи огня и сожиганіи въ немъ попеременно зловонныхъ и благоухающихъ составовъ возложена на обоихъ нашихъ друзей; мнѣ-же онъ далъ какую то магическую табличку и, приказавъ обратиться въ опредѣленную сторону, поставилъ мальчика подъ табличку, которая приходилась прямо

надъ его головою. Тогда онъ началъ страшныя заклятія на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ и арабскомъ языкахъ; многія слова даже, вѣроятно, не принадлежали ни къ одному изъ человѣческихъ нарѣчій и могли только служить для бесѣды въ аду. Волшебникъ звалъ духовъ по именамъ, съ страшными угрозами, и вскорѣ вся окрестность наполнилась страшными и страшными существами. Сицилиецъ сталъ говорить съ ними, хотя мы и не слышали ихъ отвѣтовъ; но страхъ нашъ былъ такъ силенъ, что мы все дрожали какъ листья, колеблемые вѣтромъ, и мальчикъ мой отъ страха началъ бредить на-яву, увѣряя, что четыре исполина лезутъ внутрь круга и стараются поймать насъ своими лапами. Потомъ показалось намъ, что весь амфитеатръ въ огнѣ и этотъ огонь все приближается къ намъ, чтобы истребить насъ, между-тѣмъ какъ адскіе призраки плескались въ пламени. Тутъ, казалось, самъ магикъ струсилъ, потому-что былъ блѣденъ какъ полотно. Къ счастью, въ это время ударили въ колоколъ и видѣніе исчезло».

«Нашъ магикъ снялъ свой волшебный костюмъ и убралъ въ мѣшокъ книги, по которымъ читалъ заклинанія. Мы отправились потомъ домой. Посреди темноты намъ все казалось, что

привидѣнія издали гонятся за нами, а два духа бѣгутъ, кувыркаясь, впереди насъ. До утра намъ все мерещились привидѣнія, которыя исчезли совершенно только съ восходомъ солнца.»

Бенвенутто не лгалъ въ этомъ разсказѣ. Какъ-же объяснить это происшествіе?

Сицилійскій патеръ былъ человѣкъ весьма ученый, имѣвшій у себя хорошій магическій кабинетъ. Онъ спряталъ въ развалинахъ Колизея нѣсколько помощниковъ съ вогнутыми зеркалами, научивъ ихъ, какъ поступать съ этими инструментами. Не мудрено было имъ спрятаться въ мѣстѣ весьма для того удобномъ, и, при томъ, въ присутствіи людей, ожидающихъ чрезвычайнаго и занятыхъ исключительно тѣмъ, на что магикъ обращалъ ихъ вниманіе. Привидѣнія явились вокругъ очарованнаго круга, благодаря свойствамъ вогнутыхъ зеркалъ; воображеніе довершило остальное. Дымъ отъ куренія содержалъ въ себѣ одуряющія, наркотическія вещества, и много способствовалъ иллюзіямъ зрѣнія и настроенности воображенія. Прибавимъ еще, что описанныя сцены происходили въ XVI столѣтіи, когда самые образованные люди не сомнѣвались въ дѣйствительной возможности неестественныхъ сношеній съ невидимымъ міромъ, посредствомъ волшебныхъ заклятій.

Почему знать, не употреблялъ-ли ученый патерь, для описанной продѣлки, волшебный фонарь, помощью котораго все явленіе можетъ быть весьма удовлетворительно объяснено? Мы забыли еще упомянуть, что, при второмъ заклинаніи, тѣнь Ангелики явилась, и магикъ сказалъ Бенвенутто, будто его возлюбленная объявила, голосомъ слышнымъ только адепту, что Челлини скоро вновь ее увидитъ. Легко можетъ быть, что патерь, не знавъ кого именно желаетъ видѣть Челлини, не могъ показать ему призракъ въ тоже самое мгновеніе, но на другой день нарисовалъ фигуру, схожую съ упомянутою женщиною, и заставилъ ее явиться въ видѣ призрака, помощью волшебнаго фонаря.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что Бенвенутто умеръ въ 1570 году, а Кирхеръ, изобрѣтатель волшебнаго фонаря, родился 31 годомъ позже. Но кто можетъ поручиться, что волшебный фонарь не былъ извѣстнымъ ранѣе Кирхера, и что послѣдній только усовершенствовалъ его, или, можетъ быть, сдѣлалъ извѣстнымъ устройство этого прибора? Не всегда открытія приписываются тѣмъ, кто дѣйствительно ихъ сдѣлалъ. Новый свѣтъ названъ не по имени Колумба, а по имени Америга Веспучія. Сколько

открытій сохраняется втайнѣ болѣе или менѣе долгое время, пока явится человекъ, который передаетъ завѣтную тайну во всеобщее свѣдѣніе и получить, вмѣстѣ съ матеріальными выгодами, бессмертное въ исторіи наукъ имя *изобрѣтателя*.

Какъ-бы то ни было, а въ XVII вѣкѣ волшебный фонарь былъ въ большомъ ходу у маговъ и чародѣевъ. Вогнутыя зеркала требуютъ особаго, удобнаго помѣщенія, громоздки и могутъ быть съ пользою употребляемы только опытными людьми, тогда-какъ волшебный фонарь уютенъ, можетъ быть поставленъ и спрятанъ почти вездѣ, содержитъ въ небольшомъ ящикѣ всѣ необходимыя принадлежности и можетъ быть управляемъ самою неопытною рукою. Понятно послѣ этого, какую выгоду извлекли магики изъ такого инструмента, и какъ часто прибѣгали они къ его пособію для своихъ чародѣяній.

Здѣсь не мѣсто описывать (весьма простое, впрочемъ) устройство волшебнаго фонаря, которое можно найти въ каждомъ курсѣ физики. Большая часть нашихъ читателей, вѣроятно, имѣла случай видѣть такой фонарь въ натурѣ. При обыкновенныхъ опытахъ, изображенія, бро-

саемыя въ пространство этимъ инструментомъ, отражаются на непрозрачныхъ тѣлахъ; при этомъ, фонарь находится въ той-же комнатѣ, гдѣ помѣщаются зрители и стоитъ къ нимъ задомъ. между ними и непрозрачною отражающею плоскостью, — стѣною, дверью или натянутымъ холстомъ. Но если дается магическое представленіе, то фонарь оборачивается къ зрителямъ передомъ, и между первымъ и послѣдними помѣщается полупрозрачное тѣло — матовое большое стекло или рама, натянутая газовой тканью. Въ послѣднемъ случаѣ, магикъ можетъ произвести отраженіе призраковъ на газѣ, стеклѣ, или, пожалуй, на облакахъ дыма, поднимающагося съ курильницъ, что много пособляетъ къ довершенію очарованія.

Изображенія фигуръ, представляемыхъ волшебнымъ фонаремъ, рисуются на стеклѣ. Уже при обыкновенномъ способѣ производства опытовъ этимъ инструментомъ, неопытный зритель бываетъ сильно пораженъ; но эффектъ увеличивается необыкновенно, если вмѣсто одного стекла употребить два. Соединяя одьновременно движенія двухъ или болѣе стеклянныхъ рисунковъ, можно изобразить движущіяся фигуры, и привидѣнія будутъ разыгрывать въ воздухѣ, передъ

изумленнымъ зрителемъ, любяя фантастическія сцены.

Волшебный фонарь по истинѣ составляетъ инструментъ достойный своего громкаго названія. Должно, однакожь, признаться, что въ настоящемъ состояніи онъ способенъ къ весьма значительнымъ усовершенствованіямъ. Преимущественное вниманіе должно быть тутъ обращено на исполненіе картинокъ на стеклѣ, этихъ основныхъ причинъ волшебныхъ изображеній. Рисунокъ или живопись, прекрасная для простаго глаза, покажется нестерпимымъ малеваньемъ, если разсматривать ея подробности при увеличеніи въ 50 или во 100 разъ; а картинки волшебнаго фонаря, предназначенныя давать изображенія подь упомянутыми увеличеніями, не только не могутъ соперничать съ обыкновенною хорошею живописью, но зачастую исполняются мастерами болѣе похожими на маляровъ, чѣмъ на живописцевъ. Какой-же тутъ можно ожидать иллюзіи! И при всемъ томъ результаты получаются довольно удовлетворительные. Что-же было-бы, еслибъ исполнили рисунки для волшебнаго фонаря съ крайнею тщательностью, въ мельчайшихъ подробностяхъ, и поручить управленіе фонаремъ человѣку ловкому и опытному? Нѣтъ сомнѣнія, что тогда эффектъ превзошелъ.

бы всякое ожиданіе и призраки едва различались бы отъ осязаемой дѣйствительности ¹⁰.

Первыя фантазмагорическія представленія, показанныя публично, съ объявленіемъ, что они будутъ произведены помощью волшебнаго фонаря, относятся къ 1802 году. Нѣкто Филипсталъ давалъ ихъ въ Лондонѣ и Единбургѣ, и привлекалъ въ свой небольшой театръ многочисленную толпу.

Вотъ какъ описываетъ эти представленія сэръ Дэвидъ Брюстеръ, основываясь на показаніяхъ очевидцевъ. Впрочемъ, и въ наше время, фантазмагорія очень похожа на это описаніе.

Театръ, на которомъ Филипсталъ давалъ свои представленія, освѣщался одною только лампою, которая, по произволу, могла быть скрываемая подъ непрозрачнымъ колпакомъ. Зрители помѣщались въ амфитеатръ, при свѣтѣ этого скуднаго освѣщенія. Какъ скоро наступалъ часъ, назначенный для начала представленія, занавѣсъ поднимался и открывалъ на сценѣ пещеру, входъ которой былъ окруженъ дикими скалами, скелетами, черепами и чучелами страшныхъ фантастическихъ чудовищъ. Послѣ-того,

¹⁰ Нынѣ, картинки волшебнаго фонаря превосходно изготавливаются помощью фотографіи,

какъ зрители насмотрѣлись на этотъ театръ будущихъ ужасовъ, раздавались громовые удары, сверкала молнія, и дрожащій свѣтъ лампы постепенно исчезалъ, скрываясь подъ непрозрачнымъ колпакомъ. Въ это самое время, незамѣтно для зрителей, опускался газовый занавѣсъ, раздѣлявшій амфитеатръ отъ сцены: этотъ занавѣсъ оставался для зрителей вовсе незамѣтнымъ, и на немъ-то отражались воздушныя изображенія, о дѣйствительномъ разстояннн которыхъ невозможно было сдѣлать правильнаго заключенія, потому-что недоставало никакихъ окрестныхъ видимыхъ предметовъ для сравненія. Громъ и молнія продолжались. Первый производился катаніемъ чугунныхъ шаровъ до досчатой настѣлкы, имѣвшей снизу пустоту, а молнія весьма-натурально образовывалась электрическими искрами, пробѣгавшими по узенькимъ полосамъ металлической фольги, наклеенной на стекло. Затѣмъ помощью волшебнаго фонаря, поставленнаго внутри пещеры, отбрасывались изображенія болѣе или менѣе страшныхъ предметовъ и лицъ, которыя являлись публикѣ висящими на воздухѣ. Искуснымъ соединеніемъ двухъ и болѣе стеклянныхъ пластинокъ съ нарисованными на нихъ изображеніями, фигуры приходили въ движеніе, разыгрывая извѣстныя,

несложныя сцены. При этомъ, смотря по надобности, уменьшали или увеличивали размѣры фигуръ, черезъ что казалось, будто-бы они удалялись или приближались къ зрителю, а затѣмъня одно стекло другимъ, заставляли изображенія живыхъ людей превращаться въ скелеты и, обратно, скелеты, облекаясь тѣломъ, принимали формы и цвѣтъ живыхъ существъ. Разумѣется, что все это разнообразилось до крайней возможности, достигая предѣловъ самой уродливой фантазіи. Такъ-напримѣръ, юная брачная пара, при первомъ поцалуѣ, внезапно и въ глазахъ зрителей, испытывала ужасное превращеніе: туловище жениха превращалось въ скелетъ, на которомъ голова оставалась въ прежнемъ живомъ видѣ; голова-же невѣсты исчезала и вмѣсто нея являлся убѣленный временемъ могильный черепъ на живомъ тѣлѣ, одѣтомъ въ пышный нарядъ.

Такого рода сцены производили сильное впечатлѣніе на зрителей. Удобство увеличивать размѣры призраковъ составляло новый источникъ эффектовъ. Такъ-какъ при этомъ казалось, что предметы быстро приближаются къ зрителю изъ большой отдаленности, то воображеніе невольно оживляло ихъ; а при крайнемъ развитіи размѣровъ, многіе вскрикивали, потому-что имъ

казалось, будто-бы привидѣніе дѣйствительно коснулось ихъ.

Въ такомъ родѣ были представленія Филипсталя, надѣлавшія въ началѣ нынѣшняго столѣтія много шума въ цѣлой Англіи и доставившія искусному фантазмогорнику огромныя суммы денегъ. Въ скоромъ времени Робертсонъ перенесъ эти представленія въ Парижъ и значительно ихъ усовершенствовалъ. Онъ первый началъ вводить въ фантазмогорическія картины тѣни живыхъ существъ, производившія несказанный и истинно-волшебный эффектъ. Такого рода тѣни весьма были похожи на дѣйствительные предметы, представляющіеся въ полумракѣ, при слабомъ лунномъ свѣтѣ.

А все-таки должно признаться, что рисунки на стеклѣ, какъ Филипсталя такъ и Робертсона, были исполнены весьма-посредственно и раскрашены съ большими недостатками, что особенно выказывалось при сильномъ увеличеніи размѣровъ. При такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, фантазмагорическіе предметы лишались-бы всего эффекта, еслибы настроенное воображеніе не помогало обману чувствъ. Всего замѣтнѣе недостатокъ прозрачности въ фигурахъ при сильномъ увеличеніи, что зависитъ отъ чрезвычайной трудности употреблять прозрачныя

цвѣтные лаки для фигурокъ, имѣющихъ не болѣе дюйма въ поперечникѣ.

Въ наше время, фантазмагорическія представленія усовершенствовались введеніемъ, вмѣсто куколъ и рисунковъ, живыхъ предметовъ, одѣтыхъ въ настоящіе костюмы и дѣйствующихъ натурально, согласно обдуманному плану, производя движенія, сообщаемыя дѣйствительною жизнью. Приборъ для такого рода представленія придуманъ въ Англіи Томасомъ Юнгомъ, и называется *катадіоптрическою фантазмагорією*, потому-что здѣсь одновременно дѣйствуютъ и отраженіе и преломленіе призрака, и выпуклыя стекла. Помощію этого сочетанія приборовъ можно представлять самыя разнообразныя сцены; а такъ - какъ особымъ расположеніемъ прибора ¹¹ можно раздѣлить каждую цѣлую фигуру на части и дать имъ произвольное положеніе, то легко вообразить, до какой степени представленія эти могутъ быть естественны и занимательны. Мнѣ самому не разъ случалось ихъ видѣть въ Парижѣ и Лондонѣ, и хотя я очень хорошо зналъ всѣ малѣйшія подробности явленія, но признаюсь откровенно, что не разъ воображеніе брало верхъ надъ разумомъ. Меж-

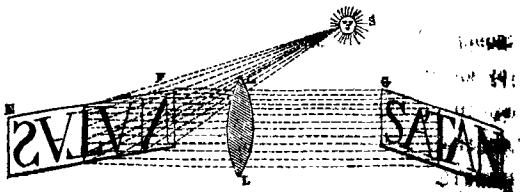
¹¹ Помощію призмы и экрановъ,

ду-прочимъ, одна сцена обезглавленія представлена была такъ натурально, что при ударѣ топора, отдѣлившемъ голову отъ туловища, половина зрителей вскрикнула отъ ужаса; а привидѣнія такъ ясно рисовались передъ глазами, что я не разъ невольно отодвигался, чтобы избѣжать ихъ прикосновенія.

Кирхеръ, изобрѣтатель волшебнаго фонаря, основнаго инструмента всѣхъ фантазмагорическихъ представлений, оставилъ намъ еще одинъ приборъ, играющій также не маловажную роль въ натуральной магіи.

Мы опишемъ здѣсь этотъ приборъ, пояснивъ наше описаніе приложеннымъ рисункомъ.

Приборъ изображенъ на фигурѣ 1. Комната,

Фиг. 1.

въ которой помѣщаются зрители, находится между стекломъ LL и стѣною GH ; близъ LL есть открытое окно, а GH находится внутри стѣны, противоположной окну. На одной изъ поверхно-

стей плоскаго зеркала *EF* пишутъ слова, которыя хотять показать зрителямъ: ¹² когда чечевицеобразное стекло *LL* будетъ на такомъ разстояніи отъ зеркала и будетъ имѣть такую фокусную длину, чтобы написанныя слова и мѣсто ихъ изображенія находились въ совпадающихъ фокусахъ чечевицы, то слова ясно изобразятся на стѣнѣ въ *GH*.

Изъ рисунка видно, что слово, написанное на плоскомъ зеркалѣ, поставлено въ *EF* верхомъ къ низу. Если оно сильно освѣщено лучами солнца (*S* на фигурѣ), то, по увѣренію Шоттгуса, автора приложеннаго рисунка, ясное его изображеніе можетъ образоваться на разстояніи 500 футовъ. Даже самое плоское зеркало не совершенно необходимо. Если буквы будутъ вырѣзаны изъ непрозрачной папки и освѣщены дневнымъ свѣтомъ или свѣтомъ лампы (ночью), то очертаніе ихъ ясно будетъ видимо на стѣнѣ. Только, днемъ, нужно помѣтить буквы на оконечности трубки или длиннаго ящика, на противоположномъ концѣ котораго находится стеклянная чечевица.

Если зрители не были приуготовлены къ зрѣлищу и, притомъ, написанныя слова относятся

¹² Въ нашемъ рисункѣ помѣщено слово SATAN.

до чего-либо занимающаго ихъ умъ, то эффектъ будетъ навѣрно поразителенъ. Можно, очень легко, измѣнять размѣры изображенія, заставляя его исчезать и опять затѣмъ появляться.

Оптическіе фокусы были въ большой модѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Не смотря на то, что инквизиція жгла на кострѣ мнимыхъ волшебниковъ, находились люди очень ученые и почтенные, которые, для собственной забавы, заставляли считать себя колдунами. Бэконъ, ученѣйшій человекъ своего времени, сидя у окна, заставлялъ собственный свой призракъ являться на верху колокольни, что дѣлалъ помощію двухъ зеркалъ. За эту шутку онъ едва не заплатилъ жизнью и нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ своего монастыря.

Въ XVII вѣкѣ были въ ходу цилиндрическія и коническія зеркала, сдѣланныя преимущественно изъ металла. Эти зеркала, образчики которыхъ можно и теперь найти во всякомъ физическомъ кабинетѣ, отличаются естественнымъ свойствомъ, что особо-нарисованныя, по извѣстнымъ правиламъ, картины, представляющія простому глазу безобразную смѣсь линий и контуровъ, будучи разсматриваемы въ эти зеркала, являются весьма - правильными изображениями естественныхъ предметовъ. Форму такихъ зер-

каль можно видоизмѣнять до чрезвычайности и, смотря по формѣ кривизны ихъ поверхности, изображенія естественнаго предмета являются въ нихъ болѣе или менѣе каррикатурными, сохраняя, впрочемъ, извѣстнаго рода сходство или основной типъ предмета. У странствующихъ фокусниковъ всегда имѣется запасъ такого рода зеркаль.

Чрезвычайно любопытны эффекты, производимые окрашенными предметами, когда ихъ освѣтить однороднымъ или одноцвѣтнымъ свѣтомъ. Извѣстно, что бѣлый солнечный свѣтъ, дѣлающій для насъ предметы видимыми, не однороденъ, а состоитъ изъ трехъ составныхъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго и синеаго, смѣси которыхъ въ разныхъ пропорціяхъ образуютъ всевозможныя видоизмѣненія видимыхъ въ природѣ красокъ; смѣшанные-же въ той пропорціи, какъ они находятся въ солнечныхъ лучахъ, они образуютъ чистый бѣлый свѣтъ. Если тѣло, на которое падаетъ этотъ бѣлый свѣтъ, поглощаетъ, останавливаетъ или удерживаетъ въ своемъ существѣ большую или меньшую часть одного или различныхъ цвѣтовъ, составляющихъ своею смѣсью бѣлый, то упомянутое тѣло представится глазу окрашенное цвѣтомъ, происходящимъ отъ смѣси цвѣтовъ не поглощенныхъ, а

отраженныхъ. Такъ-напримѣръ, *красное* сукно поглощаетъ почти всѣ голубые лучи и большую часть желтыхъ, и отражаетъ *красные*; *желтое* сукно поглощаетъ голубые и большую часть красныхъ, а отражаетъ *желтые*; наконецъ, *голубое* сукно отражаетъ *голубые* лучи, поглощая большую часть красныхъ и желтыхъ.

Если *красное* сукно освѣтитъ исключительно однимъ только *желтымъ* свѣтомъ, то оно покажется намъ желтымъ, потому-что оно поглощаетъ не всѣ желтые лучи и отражаетъ нѣкоторую часть ихъ. Но если *голубое* сукно освѣтитъ *желтымъ* цвѣтомъ, то оно не покажется *желтымъ*, а явится *чернымъ*, потому-что оно поглотитъ всѣ безъ исключенія желтые лучи, не отражая ихъ нисколько; а тѣла, вовсе не отражающія лучей свѣта, кажутся намъ черными. Вообще можно сказать, что каковъ-бы ни былъ цвѣтъ сукна, но если оно освѣщено желтымъ цвѣтомъ и нисколько не отражаетъ лучей этого цвѣта, то оно должно явиться чернымъ.

Такое свойство свѣта даетъ поводъ и средства производить множество интересныхъ явленій.

Древніе и даже новые ученые, жившіе болѣе столѣтія тому назадъ, не знали средствъ производить легкимъ образомъ обильные источники

желтаго цвѣта, и поэтому лишены были могущественнаго орудія магическихъ дѣйствій. Правда, уже давно было извѣстно, что поваренная соль, введенная въ свѣтильную свѣчи, придаетъ пламени ея желтый цвѣтъ; но желтые лучи этого пламени смѣшаны съ голубыми и зелеными и при томъ такъ слабо освѣщаютъ, что помощію ихъ дѣлаются явственно-видимыми только весьма близкіе предметы. Теперь мы имѣемъ множество лампъ, въ которыхъ пламя имѣетъ исключительно желтый цвѣтъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ горитъ винный спиртъ, а въ другихъ угольный газъ, и пламя окрашивается въ чисто желтый цвѣтъ присутствіемъ поваренной соли и многими другими реактивами, или химическими составами, содержащими въ себѣ соли натрія.

Выберите небольшую комнату, оклеенную свѣтлыми обоями, на которыхъ по бѣлому полю разбѣяны яркіе цвѣтные узоры. Повѣсьте по стѣнамъ нѣсколько картинъ, написанныхъ яркими красками; разставьте по столамъ цвѣты, и пригласите нѣсколько особъ, одѣтыхъ въ цвѣтные костюмы, въ которыхъ-бы преобладали яркія и свѣтлыя краски. Освѣтите эту комнату одною или двумя карселевыми лампами съ сильнымъ пламенемъ, и тогда яркость цвѣтовъ, которою будутъ отличаться почти всѣ предметы,

находящіяся въ комнатѣ, будетъ весьма поразительна. Позволивъ вашимъ гостямъ вдоволь наслаждаться пестротой и яркостью красокъ, проворно замѣните карселевыя лампы другими, пламя которыхъ исключительно издаетъ только желтые лучи ¹³. Какое внезапное и неожиданное превращеніе! Гости ваши не узнаютъ другъ-друга и окружающихъ ихъ предметовъ. Обои сдѣлаются свѣтло-желтыми съ темными узорами; картины покажутся рисованными тушью; блестяще цвѣты и костюмы смѣсью темныхъ и бурыхъ красокъ по желтому полю. Лица зрителей примутъ тотъ цвѣтъ, которымъ отличается кожа больныхъ желтухою, и тѣмъ совершенно примутъ другой характеръ и выраженіе, по большей части странное и смѣшное. Однимъ словомъ, желтый цвѣтъ будетъ царствовать тамъ, гдѣ прежде красовалась самая обильная пестрота разнообразнѣйшихъ красокъ.

Если на одномъ концѣ комнаты поставить желтую, а на другомъ обыкновенную лампу, то половина каждаго предмета, обращенная въ первую сторону будетъ желтая, тогда-какъ другая

¹³ Мы уже сказали, что такія лампы весьма легко могутъ-быть устроены при нынѣшнихъ нашихъ свѣдѣніяхъ въ физическихъ наукахъ.

половина приметъ естественные цвѣта. Если же, при освѣщеніи комнаты желтымъ свѣтомъ, внести въ нее лампу съ непрозрачнымъ колпакомъ, устроеннымъ въ видѣ сита, такъ-чтобы бѣлый свѣтъ проходилъ черезъ отдѣльныя дырочки, тогда зрѣлище сдѣлается еще интереснѣе. Все это желтое царство покажется испещреннымъ пятнами разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, потому-что вездѣ, гдѣ будетъ падать лучъ бѣлаго свѣта, прошедшій сквозь сито, тамъ явится естественный цвѣтъ предмета, какъ пятно на общемъ желтомъ грунтѣ.

Почти съ такимъ-же удобствомъ, какъ желтый свѣтъ, можно получать въ большомъ количествѣ и красный, примѣшивая къ горящему веществу азотнокислую и еще лучше хлорнокислую соль стронціана. Устроивъ лампу, пламя которой отдѣляло-бы одни красные лучи, можно повторить описанный выше опытъ, съ тѣмъ только различіемъ, что всѣ предметы вмѣсто естественныхъ цвѣтовъ примутъ красный. Жаль только, что трудно повторить подобный опытъ съ голубымъ свѣтомъ, который весьма трудно получить въ достаточномъ количествѣ для яркаго освѣщенія цѣлой комнаты. Всего удобнѣе въ этомъ случаѣ окружить сильное пламя карселевой

лампы шаромъ изъ голубаго или свѣтло-синяго стекла.

Если кто затруднится въ приготовленіи желтаго и краснаго пламени, то упомянутые опыты можно довольно удачно дѣлать, освѣщая комнату нѣсколькими карселевыми лампами, на которыя можно поочередно надѣвать прозрачные стеклянные шары, сдѣланные изъ желтаго, краснаго или голубаго стекла. Попеременнымъ употребленіемъ этихъ шаровъ можно произвести самые любопытные эффекты освѣщенія, и чѣмъ больше будетъ лампъ, тѣмъ интереснѣе будетъ результатъ опыта.

Цѣлый рядъ весьма замѣчательныхъ и часто странныхъ иллюзій рождается отъ изображеній предметовъ въ перспективѣ на плоской поверхности. Изъ нихъ самая любопытная основывается на началахъ, отъ которыхъ зависитъ кажущееся направленіе глазъ портрета. Знаменитый физикъ Уольстонъ нашелъ этотъ предметъ столь важнымъ, что посвятилъ ему длинную, глубокоученную статью, помѣщенную въ «Philosophical Transactions».

Если мы глядимъ на кого-либо, то обращаемъ къ нему лицо и глаза: въ этомъ положеніи круглая разужная плева находится совершенно посреди глазаго яблока, или, что все-равно, по

обѣимъ сторонамъ радужной плены находятся совершенно равныя пространства глазнаго бѣлка. Поэтому зритель, стоящій передъ нами, дѣлаетъ незамѣтно умозаключеніе, изъ котораго выводитъ, что мы прямо смотримъ на него. Но въ хорошо нарисованномъ портретѣ такая зависимость между положеніемъ радужной оболочки въ глазѣ и направленіемъ лица исчезаетъ. Здѣсь становится чрезвычайно труднымъ опредѣлить истинное направленіе нарисованныхъ глазъ, которое является различнымъ для различныхъ зрителей. Уольстонъ доказалъ при этомъ, что глаза одного и того-же портрета для одного и того же зрителя будутъ то удаляться, то приближаться, или, короче, измѣнять свое кажущееся положеніе, вслѣдствіе самаго легкаго измѣненія въ чертахъ портрета. Какъ оно ни странно, но тѣмъ не менѣе справедливо.

Изъ всѣхъ частей лица носъ имѣетъ самое большое вліяніе на направленіе цѣлой фигуры, потому-что малѣйшая перемѣна въ его перспективѣ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ такая-же перемѣна въ другихъ частяхъ лица. Докторъ Уольстонъ взялъ четыре оттиска одного и того-же портрета, но на каждомъ изъ нихъ измѣнилъ положеніе носа нѣсколькими легкими штрихами: всѣ четыре портрета потеряли первоначальное

направленіе глазъ и каждый смотрѣлъ по другому направленію, чѣмъ остальные. И обратно: измѣненіе въ направленіи глазъ измѣняетъ черты лица. На основаніи этихъ положеній, англійскій физикъ объясняетъ неоднократно замѣченный фактъ, считавшійся часто сверхъестественнымъ, что глаза портрета, прямо обращенные на зрителя, пристально въ нихъ вглядѣвагося, остаются устремленными на него и слѣдуютъ за нимъ даже тогда, когда онъ перемѣняетъ свое положеніе относительно портрета. Романисты часто прибѣгаютъ къ этому факту, совершенно естественному, и основываютъ на немъ весьма эффектные и едва вѣроятныя сцены.

Вотъ слова Уольстона:

«Положимъ, что портретъ написанъ en face и смотритъ прямо на зрителя своими неподвижными глазами. Раздѣлимъ лицо портрета продольною линіею, проходящею посрединѣ между глазами, черезъ конецъ носа: на каждой сторонѣ этой линіи будетъ половина лица, совершенно подобная и равная другой, и на каждой изъ этихъ половинокъ будетъ по одному глазу, въ которомъ радужная плева займетъ, въ глазномъ бѣлкѣ, центральное положеніе. Такъ мы будемъ видѣть портретъ, если станемъ прямо противъ него. Но если мы отодвинемся въ которую-либо

сторону, то кажущаяся горизонтальная ширина каждой части головы и лица уменьшится, какъ съ той такъ и съ другой стороны, но только съ одной стороны больше, а съ другой меньше, и происходящее отъ того измѣненіе чертъ лица причесываетъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, явленія движенія глазъ портрета».

Въ каждодневныхъ естественныхъ явленіяхъ мы часто встрѣчаемъ эффекты, по-видимому чудесные и необъяснимые, хотя внимательное изслѣдованіе факта, при пособіи науки, объясняетъ его самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Преданіе удержало за многими такими явленіями названія, свидѣтельствующія о суевѣрномъ ужасѣ, который они вселяли нѣкогда въ изумленную толпу. Упомянемъ здѣсь о брокенскомъ привидѣніи, или о горномъ духѣ Блоксберга, о фата морганѣ Мессинскаго пролива, о корабляхъ—привидѣніяхъ, носящихся посреди облаковъ или высоко на воздухѣ, и о другихъ явленіяхъ *миража*.

Брокенъ есть высочайшая изъ горъ Гарцскаго хребта въ средней Германіи. Она возвышается слишкомъ на версту отвѣсной высоты надъ уровнемъ моря, и съ нея открывается видъ на прекрасную равнину, имѣющую болѣе 200 верстъ въ поперечникѣ и населенную милліонами доб-

рыхъ, трудолюбивыхъ вѣмцевъ, большихъ охотниковъ до легендъ. Брокенъ издавна былъ театромъ, на котóромъ совершались событія, сохранявшіяся въ народныхъ преданіяхъ. Въ языческія времена на вершинѣ этой горы совершались кровавыя жертвоприношенія горному духу, и понынѣ указываютъ гранитныя скалы, служившія мѣстомъ дѣйствія для этихъ страшныхъ сценъ. Вершина горы завалена дикими обломками скалъ, изъ которыхъ одна слыветъ понынѣ кресломъ горнаго духа; близъ нея вытекаетъ изъ земли студеный ключъ, берега котораго поросли анемопами; и ключъ и цвѣты посвящены тому-же горному духу. Въ этой дикой мѣстности стоялъ нѣкогда идолъ древне-германскаго бога Корто, которому приносились иногда человѣческія жертвы. Однимъ словомъ, все соединилось, чтобы сдѣлать вершину Брокена мѣстомъ таинственныхъ ужасовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что брокенское привидѣніе было извѣстно въ отдаленной древности, потому что окрестности горы часто посѣщались пилигримами, а естественный фактъ существовалъ искони вѣковъ. Впрочемъ, неизвѣстно, имѣла-ли легенда о привидѣніи какое-либо отношеніе къ служенію идолу Корто. Исслѣдованія объ этомъ предметѣ не относятся къ нашему

разсказу и потому обратимся къ подробностямъ о явленіи привидѣнія.

Однимъ изъ лучшихъ описаній этого явленія (которое и мнѣ самому привелось видѣть, хотя и въ невыгодныхъ обстоятельствахъ) мы обязаны г. Хауе, который нарочно три раза всходилъ на Брокенъ, чтобы увидѣть привидѣніе. Это наконецъ удалось ему 23-го марта 1797 года.

Сдѣлаемъ выписку изъ весьма любопытнаго разсказа г. Хауе, нынѣ почти-совершенно забытаго всѣми.

«Пробило четыре часа, и сильно рдѣвшая заря предвѣщала близкій восходъ солнца. Воздухъ былъ тихъ, чистъ и прозраченъ; но вскорѣ поднялся тихій вѣтерокъ съ юго-запада отъ Ахтермансхоэ и пригналъ къ горѣ нѣсколько прозрачныхъ паровъ, еще не сгустившихся въ настоящія, тяжелыя облака.»

Въ это время Хауе стоялъ близъ трактира и смотрѣлъ на вершину Брокена, какъ вдругъ по тому направленію, по которому дулъ вѣтеръ, увидѣлъ, въ далекомъ разстояніи, колоссальную человѣческую фигуру: то было брокенское привидѣніе. Хауе устремилъ все свое вниманіе на давно-желанный призракъ, какъ вдругъ пахнулъ

свѣжій вѣтеръ и чуть не сорвалъ шляпы съ головы наблюдателя, который ухватился рукою за свой головной уборъ: тогда, къ величайшему удивленію зрителя, призракъ повторилъ тотъ-же самый жестъ. Хауе спѣшилъ сдѣлать нѣсколько другихъ разнообразныхъ движеній, и всѣ они были съ точностью повторяемы призракомъ, который исчезъ черезъ нѣсколько секундъ послѣ того, хотя наблюдатель не перемѣнилъ мѣста. Послѣ нѣкотораго ожиданія, привидѣніе снова появилось уже надъ самымъ Ахтермансхоэ и опять повторяло всѣ движенія Хауе. Тогда этотъ послѣдній кликнулъ трактирщика, чтобы и онъ полюбовался этимъ зрѣлищемъ, но когда тотъ явился, призракъ опять исчезъ. Недолго ждали однакожь вторичнаго его появленія. Спустя съ четверть часа, надъ вершиною Ахтермансхоэ показались два гигантскихъ привидѣнія, въ точности повторявшіе всѣ движенія Хауе и трактирщика. Вскорѣ къ двумъ призракамъ присоединился третій, впрочемъ гораздо менѣе явственный: тотъ повторялъ одновременно жесты обоихъ. Поднявшееся на горизонтѣ солнце заставило наконецъ всѣ эти три явленія исчезнуть окончательно.

Рисунокъ (фиг. 2 а) служитъ для поясненія этого описанія.

Фиг. 2-я.

Въ 1798 году докторъ Іорданъ видѣлъ тоже самое явленіе при заходящемъ солнцѣ, хотя и не такъ отчетливо. Впрочемъ, призракъ не раздвоился, и несмотря на присутствіе многихъ зрителей, явилось только одно привидѣніе.

Во всякомъ случаѣ, не было сомнѣнія, что призракъ былъ ничто иное, какъ отраженіе тѣни зрителя на пеленѣ прозрачныхъ паровъ, нависшихъ надъ горою.

Многимъ охотникамъ до купанья случилось это испытать надъ собой. Въ-самомъ-дѣлѣ, если купаться при восходѣ или закатѣ солнца въ обширномъ бассейнѣ, надъ которымъ, со стороны противоположной солнцу, носятя легкіе прозрачныя пары, то часто случается видѣть собственную тѣнь, отраженную въ тѣхъ парахъ. Эта

тѣнь иногда представляетъ весьма отчетливо всѣ части человѣческаго тѣла и бываетъ окружена какъ-будто сіяніемъ.

Приведемъ еще здѣсь описанія воздушныхъ призраковъ, видѣнныхъ Джемсомъ Кларкомъ и не подверженныхъ никакому сомнѣнію, по причинѣ самыхъ положительныхъ свидѣтельствъ многихъ очевидцевъ. Мы почерпаемъ ихъ изъ Кларкова описанія Кумберлэндскаго озера.

Лѣтнимъ временемъ 1743 года, Джонъ Рень (Wren) и слуга его Даніэль Страйкъ сидѣли у воротъ дома, какъ вдругъ онъ увидѣли по скату горы, находившейся въ направленіи Соутеръ-Фелля, человѣка съ собакою, преслѣдовавшихъ четырехъ лошадей. Зрѣлище это показалось имъ чрезвычайно-страннымъ, потому-что скатъ горы былъ такъ крутъ, что по немъ едва можно ползти, а не бѣгать и преслѣдовать лошадей, которымъ эта крутизна была рѣшительно недоступна. Рень и его слуга кликнули людей, которые спѣшили посмотреть на такое необыкновенное зрѣлище, пока наконецъ лошади и ихъ преслѣдователи скрылись за вершиною горы. Отправились къ горѣ и ползкомъ достигли тѣхъ мѣстъ, гдѣ мчалось видѣніе; но тамъ не нашли даже и слѣдовъ человѣческихъ или лошадиныхъ ногъ. Это происшествіе сильно подѣйствовало

на умы окрестныхъ жителей всякій толковалъ его по своему; но сомнѣваться въ дѣйствительности видѣннаго многочисленными свидѣтелями, находившимися въ совершенно здоровомъ состояніи, было почти невозможно.

На слѣдующій годъ, 23-го іюня; въ шесть часовъ вечера, семейство г. Ланкастера и вся его прислуга увидѣли почти на томъ-же мѣстѣ новое необыкновенное явленіе. По склону упомянутой выше горы, отъ Соутерфеля къ Феллю и и Блекхиллю, ѣхала толпа всадниковъ ровною рысью; вслѣдъ за этою толпою показалась другая, за нею третья и такъ далѣе: едва исчезала одна толпа за вершиною горы, какъ появлялась другая и слѣдовала тѣмъ-же путемъ. Часто отдѣлялись отъ толпы всадники и ѣхали одиноко или обгоняли своихъ товарищей; другіе, напротивъ того, отставали. Явленіе видимо было не только съ одной мызы г. Ланкастера близъ Уайльтоу-Хилля, но по всей долинѣ Блекхилля на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Оно продолжалось нѣсколько часовъ и исчезло только въ мракѣ наступившей ночи. Многіе любопытные поскакали по направленію, куда ѣхали всадники, но приближаясь къ горѣ, мало-по-малу, теряли ихъ изъ виду. Разумѣется, что потомъ не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ этого поѣзда, и мно-

гіе увѣряли, что хотя лошади и шли рысью, но не касаясь ногами земли, а какъ-будто находя опору въ нижнемъ слоѣ воздуха.

Дѣйствительность этихъ видѣній засвидѣтельствована со всѣми возможными ручательствами за истину показанія. Не зная побочныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершились эти явленія, мы не можемъ объяснить ихъ съ несомнѣнною положительностью; но весьма-вѣроятно, что они относятся къ явленіямъ того-же рода, какъ и *фата-моргана*.

Фата — моргана извѣстна уже давно, но впервые подробно описана ученымъ іезуитомъ Кирхеромъ, жившимъ въ XVII вѣкѣ. Это странное зрѣлище является въ Мессинскомъ проливѣ, отдѣляющемъ Сицилію отъ итальянскаго материка. Окрестные жители, считая ее счастливымъ предзнаменованіемъ, радуются ея появленію и встрѣчаютъ ее кликами: моргана! моргана! — потому-что преданіе приписываетъ это явленіе присутствію на мѣстѣ волшебницы или *феи-Морганы*, благодѣтельствующей прибрежнымъ жителямъ Мессинскаго пролива.

Вотъ физическое объясненіе явленія:

Когда лучи восходящаго солнца ударятъ подъ угломъ 45° на поверхность водъ моря, и притомъ если эта поверхность совершенно-

спокойна и какъ-бы зеркальна, то зритель, находящійся на возвышенномъ берегу и стоящій спиною къ солнцу, а лицомъ къ морю, видитъ на поверхности воды великолѣпныя зданія, дворцы съ колоннами, балконами и окнами, высокія башни, пасущіяся стада въ роскошныхъ долинахъ, окаймленныхъ густыми лѣсами, толпы всадниковъ и пѣшеходовъ и множество отдѣльныхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, особенно отдѣльныхъ частей зданій и архитектурныхъ украшеній. Всѣ эти предметы, въ короткое время своей видимости, скользятъ по зеркалу водъ и, постепенно тускнѣя, исчезаютъ вдали.

Фантастическія зданія феи-морганы и одушевленные сцены ея волшебнаго царства, ничто иное, какъ отраженіе зданій, находящихся на берегу, и сценъ, происходящихъ на окрестной сушѣ. Разумѣется, что эти сцены и предметы видоизмѣнены въ формахъ и перемѣшаны между-собою случайностями направленія преломленныхъ лучей свѣта.

Чѣмъ гуще и непрозрачнѣе атмосфера моря и чѣмъ большее количество паровъ носится надъ водою, тѣмъ явленіе бываетъ опредѣленнѣе и рѣзче. Случается, что фантастическіе образы не уступаютъ въ отчетливой ясности настоя-

щимъ предметамъ, причемъ тѣни возвышаются сажени на 3 или 4 надъ водою. Въ случаѣ-же, если изъ воздуха падаетъ роса, такъ-что образуется радуга, явленіе стелется по самой поверхности моря, и края предметовъ окаймляются красными, желтыми и синими полосками, точно какъ-будто-бы они видимы сквозь стеклянную призму или сквозь неахроматическую зрительную трубу.

Хотя описанное сейчасъ явленіе пользуется громкою извѣстностью, но въ Англіи, въ новѣйшее время, встрѣчались зрѣлища еще болѣе интересныя.

Хастингсъ, на Суссекскомъ берегу, лежитъ почти въ 80 верстахъ разстоянія отъ берега Франціи, и скалы, составляющія послѣдній берегъ, закрыты для Хастингса кривизною земли, такъ-что не могутъ-быть видимы ни въ какую трубу. Однажды, въ среду 26-го іюля 1798 года, членъ лондонскаго королевскаго общества г. Леземъ (Latham), проживавшій въ Хастингсъ, былъ привлеченъ къ окну необыкновеннымъ шумомъ, происходившимъ на улицѣ. Подойдя къ окну, онъ увидѣлъ, что жители густыми толпами бѣжали по направленію къ морю. Удивленный этимъ, онъ послалъ узнать о причинѣ и получилъ въ отвѣтъ, что французскій берегъ

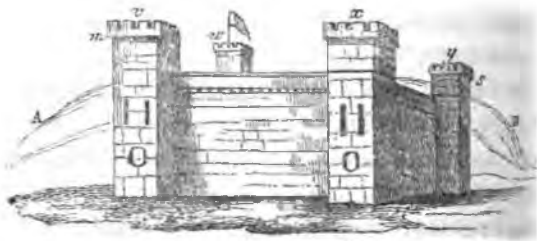
вдругъ придвинулся къ англійскому такъ, что первый теперь легко можно видѣть простыми глазами. Странность такого извѣстія заставила его поспѣшить вслѣдъ за прочими къ берегу, гдѣ онъ дѣйствительно увидѣлъ скалы французскаго берега, тянувшіеся на протяженіи нѣсколькихъ миль: эти скалы, казалось, отстояли отъ англійскаго берега никакъ не болѣе десяти верстѣ. Необычайность этого явленія увеличивалась еще тѣмъ, что французскій берегъ, въ глазахъ зрителей, все продолжалъ понемногу приближаться къ англійскому. Находившіеся тутъ моряки, хорошо знавшіе мѣстность, называли поименно скалы французскаго берега, которыя они хорошо узнавали простымъ глазомъ: близко и ясно были они видны. Леземъ и моряки не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ; но явленіе имѣло тысячи свидѣтелей и было такъ отчетливо, что нельзя было болѣе сомнѣваться въ его дѣйствительности.

Въ такомъ видѣ явленіе продолжалось около часа, дѣлаясь все яснѣе и яснѣе. По прошествіи этого времени, отчетливость контуровъ стала ослабѣвать и скалы виднѣлись то лучше, то хуже, смотря потому, приближались-ли онѣ, или удалялись въ своемъ фантастическомъ передвиженіи.

Между-тѣмъ Леземъ взошелъ съ нѣскольки-

ми моряками на одну изъ самыхъ высокихъ скалъ англійскаго берега. Здѣсь, вооружившись трубами, они увидѣли великолѣпное зрѣлище. Передъ ними возвышались Дуврская скала, Кале, Булонь и весь французскій берегъ до Сент-Валери и даже до Діеппа, различаемаго трубою на западѣ. Но не только скалистый берегъ и города были видимы въ трубу: помощію этого орудія можно было видѣть отдѣльные дома, цвѣтъ почвы и корабли, стоящіе въ французскихъ гаваняхъ. Это зрѣлище оставалось виднымъ до осьми часовъ, хотя солнце между-тѣмъ закрылось тучею.

Не менѣе-замѣчательное явленіе видѣлъ, 6-го августа 1806 года, кембриджскій профессоръ Вайнсъ (Vince) въ Рамсгетѣ. Вершины W, V, X, Y башенъ Дуврскаго замка (фиг. 3) обыкно-

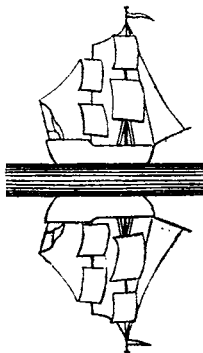
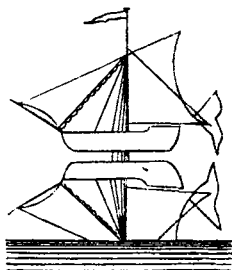
Фиг. 3-я.

венно видѣли изъ Рамсгета на возвышеніи двухъ холмовъ *A* и *B*, служащихъ ему основаніемъ; но въ 7 часовъ вечера вышеупомянутаго дня, при весьма — спокойномъ воздухѣ, профессоръ увидалъ замокъ между холмами, служащими ему основаніемъ, и Рамсгетомъ, — слѣдовательно, гораздо-ближе къ послѣднему, и притомъ въ увеличенныхъ размѣрахъ противъ обыкновеннаго. Профессоръ взялъ зрительную трубу, но и въ нее видѣлъ тоже самое расположеніе предметовъ. Полагая, что собственный его органъ зрѣнія пораженъ какою-то странною иллюзією, онъ призвалъ нѣсколько другихъ лицъ; но все они, какъ простыми глазами такъ и въ трубу видѣли тоже, что и профессоръ. Въ-теченіе 20 минутъ явленіе оставалось въ одинаковомъ видѣ; потомъ пошелъ дождь, и наблюденіе должно было прекратить:

Разстояніе между наблюдателемъ и Дуврскимъ замкомъ составляло по прямой линіи отъ 9-ти до 10-ти верстъ. Образъ зданія былъ такъ ясенъ, что за нимъ нельзя было различить подножія горы, на которой оно дѣйствительно построено, и которая обыкновенно ясно-видима вмѣстѣ съ замкомъ.

Морякамъ часто удается видѣть призраки корабля, невидимаго за отдаленностью или по дру-

гимъ причинамъ. Иногда-же видятъ вмѣстѣ и корабль и его отраженіе въ обращенномъ или другомъ видѣ (фиг. 4). Знаменитый изслѣдователь

Фиг. 4-я.

полярныхъ морей, капитанъ Скоресби, находясь

въ Баффиновомъ заливѣ, близъ западныхъ береговъ Гренландіи, 24-го іюня 1820 года, замѣтилъ 18 судовъ въ разстояніи 10-ти или 15-ти миль. Солнце во весь этотъ день сіяло непомяченными лучами, такъ-что становилось больно глазамъ отъ сильнаго свѣта, и корабельная осмолка таяла отъ жару; а на берегу снѣгъ, быстро превращаясь въ воду, образовалъ многочисленныя ручьи. Было безвѣтріе и море походило на неизмѣримое зеркало, гладкая поверхность котораго прерывалась только разнообразными массами и кусками плывущаго льда, на которыхъ сидѣли бѣлые медвѣди, да около играли и ныряли въ глубину киты. Въ 6-ть часовъ вечера подулъ легкій сѣверо-западный вѣтеръ и нагналъ на горизонтъ легкіе облака. Въ это время, большая часть изъ 18-ти судовъ, видимыхъ на разстояніи 10 или 15-ти миль, начала измѣняться и принимать странныя формы. Скорѣебси смотрѣлъ въ трубу, и видѣлъ какъ корабли повертывались кверху дномъ и мачтами книзу, сохраняя въ точности всю оснастку. Нѣкоторые соединились такъ, что у верхняго мачты были кверху, а у нижняго книзу. Другіе, напротивъ-того, раздвоились, такъ-что корпусъ корабля отдѣлялся отъ мачты и оснастки. Наконецъ, у нѣкоторыхъ совершенно измѣнились

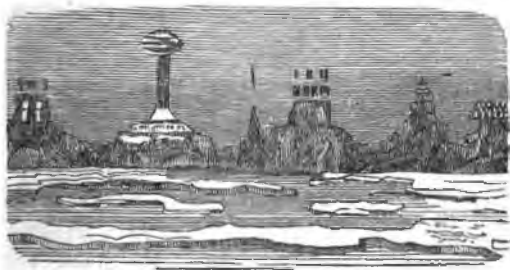
формы: корпусъ принималъ странныя очертанія, а мачты то вытягивались, то понижались. Впрочемъ, по близости судовъ, всѣ подробности изъ видимы были въ телескопѣ съ большою отчетливостью.

15-го 16-го и 17-го іюня зрѣлище возобновилось съ нѣкоторыми варіанціями, которыхъ мы не будемъ здѣсь описывать. Довольно упомянуть, что явленіе представляло всѣ возможные видоизмѣненія, какъ въ формахъ, такъ и въ пространствахъ.

Но изъ всѣхъ оптическихъ обмановъ, испытанныхъ Скоресби, самый замѣчательный описанъ имъ подъ названіемъ *очарованнаго берега*. Дѣло случилось 18 іюля.

Небо было чисто, хотя въ атмосферѣ были изобильно разсѣяны прозрачныя пары. Явленіе началось въ 9 часовъ утра, и тогда термометръ Фаренгейта показывалъ $+ 42^{\circ}$ (около $+ 4\frac{1}{2}^{\circ}$ Реомюра); но наканунѣ вечеромъ онъ опускался гораздо ниже точки замерзанія, такъ-что на морѣ образовалось нѣсколько новаго льду—явленіе необыкновенное въ той широтѣ и при томъ въ самое теплое время года. Приблизившись въ это время къ еще неизслѣдованному берегу Гренландіи, такъ-что можно было различать всѣ его контуры простымъ глазомъ, Скоресби

заялся было снятіямъ его абриса на бумагу, но, къ удивленію, тотчасъ же замѣтилъ, что контуры берега непрерывно измѣнялись. Чтобы разрѣшить это странное явленіе, Скоресби прибѣгнулъ къ помощи телескопа, который показалъ изумленному мореплавателю самую удивительную картину (фиг. 5). На пустынномъ бере-

Фиг. 5-я.

гу Гренландіи, казалось, стоялъ какой-то древній городъ, состоявшій изъ развалинъ, замковъ, дворцовъ, обелисковъ, храмовъ, колоннъ и другихъ примѣчательныхъ и обширныхъ зданій. Шпили и верхи колоколенъ, равно-какъ крыши зданій и зубцы башенъ являлись чрезвычайно отчетливо; а надъ ними висѣли въ воздухѣ скалы, поддерживаемыя какою-то невидимою и неизвѣстною силою. Другія скалы лежали безпо-

рядочко посреди развалившихся зданій. Все это было одушевлено какою-то таинственною жизнію, ибо едва успѣвалъ Скоресби срисовать какой-либо предметъ, какъ уже онъ замѣнялся другимъ, незамѣтно принимая новыя формы и краски. Здѣсь, посреди бѣлаго дня, совершалась какая-то дивная фантазмагорія. Замокъ переходилъ въ обелискъ, а колонна образовывалась въ храмъ, который, въ свою очередь, видоизмѣнялся въ скалу, башню или гору. Между зданіями и горами тянулись широкія долины, черезъ которыя были перекинуты мосты въ нѣсколько верстъ длиною, и однакожь объ одной аркѣ. Нѣкоторыя изъ зданій были украшены великолѣпнѣйшими причудами зодчества, и все было такъ отчетливо, что можно было сосчитать въ трубу снаи камней, трещины въ стѣнахъ и сводахъ и извѣстныя жилы на каменныхъ породахъ горъ. Нѣкоторыя впадины и плоскости были покрыты снѣгомъ, изъ подъ котораго выдавались наружу выступы, зубцы и т. п.

Въ 1822 году случилось Скоресби видѣть еще одинъ замѣчательный примѣръ лучепреломленія. Увидавъ въ воздухѣ призракъ корабля, обернутаго внизъ мачтами, онъ направилъ на привидѣніе свой телескопъ и узналъ корабль своего отца. Видѣніе было такъ явственно, что

онъ даже узнавалъ въ лицо матросовъ, не говоря уже о другихъ подробностяхъ. Призванный лейтенантъ, при первомъ взглядѣ въ трубу, объявилъ, что это «Fame», которымъ командуетъ отецъ Скоресби. И дѣйствительно, потомъ оказалось, что корабль «Fame» находился по близости; но видѣть его въ трубу не было возможности, ибо онъ былъ въ то время удаленъ отъ корабля Скоресби, сына верстъ на 50. Не забудемъ при томъ, что призракъ явился совершенно въ превратномъ противъ своего естественнаго положеніи.

Александръ фонъ-Гумбольдтъ рассказываетъ много примѣровъ миражей, видѣнныхъ имъ во время пребыванія въ тропическихъ странахъ Америки. Такъ, проживая въ Куманѣ, онъ не рѣдко видѣлъ острова Пикниту и Борачу, висящими на воздухѣ, а иногда даже въ обращенномъ положеніи. Ему также случалось наблюдать отраженія рыбацкихъ челноковъ, плавающихъ въ воздухѣ. Въ пустыняхъ Каракаса и на берегахъ Ореноко онъ былъ свидѣтелемъ картины, въ которой горы, лѣса и животныя являлись на нѣсколько сотъ сажень надъ поверхностью пустыни. Вѣтъ также извѣстенъ миражъ, часто повторяющійся въ песчаныхъ степяхъ Африки и Аравіи, гдѣ утомленному зноемъ и жаждою ка-

равану представляются вдали, на горизонтѣ, обширныя озера и тѣнь роскошной растительности оазисовъ; эти видѣнія, возбуждая въ истомленныхъ путникахъ обманчивыя надежды, ввергаютъ ихъ потомъ въ безграничное отчаяніе, часто губящее всю надежду, а слѣдовательно и остальные силы путниковъ.

Размышляя о вліяніяхъ, упомянутыхъ выше, нельзя не согласиться, что природа полна чудесъ, которыхъ сверхъестественность исчезаетъ только передъ свѣтильникомъ науки, разсвѣвающимъ мракъ суевѣрныхъ страховъ и невѣжественной вѣры въ волшебство и чародѣйныя вліянія на наши чувства. Наука объясняетъ намъ таинственныя явленія, зависящія отъ природныхъ законовъ или произведенныя черезъ искусно-расположенный обманъ чувствъ, а разумокъ пріучается брать верхъ надъ воображеніемъ.

Воздушные призраки, явленія миража и другіе оптическіе обманы и иллюзіи довольно хорошо объясняются законами физики и физиологіи; что же касается до призраковъ, рождаемыхъ однимъ воображеніемъ, то они относятся къ явленіямъ такъ-называемыхъ *галлюцинацій* или *ложно-видѣній*.

III.

ОБМАНЫ СЛУХА.

Послѣ глаза, ухо есть самое
обманчивое орудіе чувствъ.

Сэръ Давидъ Брюстеръ.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены говорить о мнимо-чудесныхъ явленіяхъ, зависящихъ отъ обмановъ и заблужденій чувства *слуха*.

Послѣ глаза, ухо наше есть обильнѣйшій источникъ обмановъ, иллюзій и заблужденій, и древніе волшебники умѣли весьма искусно пользоваться ими для своихъ чародѣяній. Наука распространенія звуковъ составляла предметъ весьма тщательныхъ изученій, особенно въ сословіи языческихъ жрецовъ.

Извѣстно, что въ Египтѣ существовало зданіе, называвшееся *лабиринтомъ*¹. Это зданіе состояло изъ двѣнадцати дворцовъ, соединенныхъ

¹ Этотъ египетскій лабиринтъ не нужно смѣшивать съ критскимъ, хотя въ нихъ было много общаго между-собою.

между-собою и заключавшихъ внутри своиѣ стѣнѣ полторы тысячи надземныхъ и столько-же подземныхъ покоевъ. Въ извѣстныхъ мѣстахъ этого зданія, своды и стѣны были устроены такъ, что даже слабые звуки раздавались внутри ихъ громopodobнымъ грохотомъ.

Плиній рассказываетъ, что въ его время нельзя было отворить нѣкоторыхъ изъ главныхъ дверей гѣхъ палатъ, безъ того, чтобы внутри ихъ не раздались перекаты сильного грома; но это было, такъ-сказать, только вступительнымъ прѣтвѣтствіемъ для пришлеца, посѣщавшаго таинственное зданіе. Хотя мы и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ производились громовые раскаты въ лабиринтѣ, но мы легко можемъ ихъ представить себѣ, зная способы произведенія грома на нашихъ театральныхъ сценахъ; а при искусномъ устройствѣ сводовъ, не мудрено усиливать и видоизмѣнять звуки для подражанія грому, дождю, граду и другимъ подобнымъ явленіямъ, съ изумительною точностью.

Дарій Истасиъ, вступивъ на персидскій престолъ, повелѣлъ воздавать лицу своему божескія почести. Въ извѣстные дни и часы, густыя толпы народа стремились въ храмъ, гдѣ въ глубинѣ его возсѣдалъ на золотомъ тронѣ новоположенный богъ, отвѣтствуя на жертвоприно-

шенія поклонниковъ громомъ и молніею. Суевѣрный ужасъ обуялъ Персовъ, которые сперва плохо вѣрили въ божественность своего повелителя. Нынѣ, на театрѣ, для молвій употребляютъ горсть плаунаго сѣмени²; о громѣ—же мы говорили выше.

Главнѣйшій изъ древнихъ акустическихъ снарядовъ состоялъ въ такъ-называемыхъ *говорящихъ* или *поющихъ* *головахъ*. Эти головы устраивались для истукановъ языческихъ боговъ, произносившихъ оракулы. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ головъ этого рода была *Орфеева*, главная принадлежность Лесбосскаго прорицалища, пользовавшагося большою и заслуженною знаменитостью въ древнемъ мірѣ, особливо греческомъ. Впрочемъ, не одна Греція обращалась къ Лесбосскому оракулу: онъ былъ въ большомъ почетѣ и у Персовъ. Особенное довѣріе заслужилъ онъ у послѣднихъ, въ слѣдствіе сбывшагося прорицанія о кровавомъ окончаніи похода Великаго Кира противъ Скифовъ. Разумѣется само собою, что слова оракула были, какъ и всегда, двусмысленны и могли-быть перетолкованы, смотря по надобности, въ ту или другую сторону.

Одинъ или Оденъ, скандинавское божество, былъ, согласно преданію, величайшій изъ сѣвер-

² Ликоподій (Semen Lycopodio).

ныхъ волшебниковъ, познакомившій Скандинавовъ съ чародѣйными знаніями Востока. Онъ принесъ съ собою на Сѣверъ говорящую голову, украшенную золотомъ и драгоценными каменьями и изрекавшую прорицанія. Должно думать, что устройство этой головы было подобно говорящимъ головамъ Египта и Греціи, столь славнымъ въ древности.

И въ средніе вѣка находимъ говорящія головы. Знаменитый знатокъ механики Гербертъ, который въ 1,000 г. по Р. Хр. вступилъ на папскій престолъ, подъ именемъ Сильвестра-Второго, устроилъ такого рода голову, — что служитъ неопровержимымъ доказательствомъ его свѣдѣній въ механикѣ. Въ XIII вѣкѣ, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей того времени, и потому прославившій волшебникомъ, Албертъ-Великій также сдѣлалъ глиняную говорящую голову, которая еще шевелила губами и поводила глазами. Тома Аквинскій, наслышавшись объ этой диковинкѣ, просилъ Алберта показать ему ее; но, при первомъ опытѣ, онъ такъ испугался, что ударилъ по головѣ своимъ посохомъ. Мы сказали, что голова была глиняная, и потому она разбилась въ дребезги, при чемъ великій механикъ, несмотря на все свое уваженіе къ гостю, не могъ воздер-

жаться отъ восклицанія: «Безумецъ, ты погубилъ въ одно мгновеніе трудъ тридцати годовъ»!

Многіе писатели утверждаютъ, будто-бы въ говорящихъ головахъ обманъ производился помощью *чревовѣщанія*, такъ-что жрецъ или фокусникъ продѣлывалъ штуку искусствомъ чревовѣщанія, а не механическимъ устройствомъ головы. Мы ниже будемъ подробнѣе говорить объ этой странной способности; теперь-же выразимъ только сомнѣніе, чтобы чревовѣщаніе было основаніемъ иллюзіи, производимой говорящими головами. Гораздо-естественнѣе допустить, что отверстіе рта таинственной головы приводилось, помощью скрытой трубы, въ сообщеніе съ ближайшимъ покоемъ или скрытымъ помещеніемъ, гдѣ жрецъ или помощникъ волшебника, спрятавшись, говорилъ черезъ трубу условленные отвѣты, причѣмъ звукъ голоса выходилъ изъ отверстія рта истукана или искусственной головы. Подобнаго рода механизмъ весьма-простъ, и нынѣ во многихъ магазинахъ и частныхъ квартирахъ, расположенныхъ въ различныхъ этажахъ, устроены звуко-проводныя трубы, помощью которыхъ переговариваютъ лица, находящіяся въ разныхъ этажахъ, избѣгая непріятной и затруднительной бѣготни по лѣстницамъ. Нѣтъ ничего легче, какъ приноровить это къ говорящимъ головамъ,

которыя будутъ издавать тѣ самые звуки, и слѣдовательно будутъ, по-видимому, произносить тѣ слова, которыя говорить человѣкъ, скрытый гдѣ-либо вблизи и держащій близъ своего рта одинъ изъ концовъ трубки изъ резины, кожи или гутта-перчи, тогда-какъ другой конецъ, проходя сквозь голову, образуетъ отверстіе рта статуи или фигуры.

Есть даже прямыя указанія, что такого рода механизмъ употреблялся въ древности. Такъ Лукіанъ повѣствуетъ, что Александръ заставлялъ говорить статую Эскулапа, самъ произнося слова помощью трубы, сшитой изъ журавлиныхъ горлышекъ и проведенной внутри статуи до ея рта. Теодоритъ рассказываетъ, что подобный механизмъ былъ въ его время въ большомъ употребленіи и могъ приводить въ заблужденіе только непросвѣщенныхъ людей. У него мы находимъ извѣстіе, что когда христіанскій епископъ Теофиль, въ IV вѣкѣ, ревнуя распространенію святой вѣры, разбилъ и разрушилъ въ Египтѣ всѣ оставшіяся языческія капища и статуи ложныхъ боговъ, то обнаружилось, что многія статуи были внутри пустыя и жрецъ могъ помѣщаться въ ихъ внутренности; тогда-какъ у другихъ были проведены трубочки отъ рта до стѣны, къ которой они были прислонены. Разумѣется, что въ

стѣнѣ находилось отверстіе, черезъ которое говорилъ жрецъ; слова-же казались исходящими изъ рта истукана. Невѣжественная толпа была обманута и отъ души вѣрила въ дѣйствительность чудеснаго прорицалища ³.

И въ наше время фокусники и любители диковинокъ устраиваютъ говорящія статуи и головы на вышесказанномъ основаніи. Обыкновенно дѣлается деревянная, гипсовая или даже бронзовая голова, внутри пустая, и становится на пьедесталъ, сквозь который проведена трубка, однимъ изъ концовъ образующая отверстіе рта бюста, другой-же конецъ проводятъ подъ полъ или въ соседнюю комнату, гдѣ находится помощникъ фокусника. Иногда, для большаго эффекта, дѣлаютъ пьедесталъ со стеклянною дверью и устраиваютъ внутри цѣлую систему мѣховъ, колесъ, цилиндровъ, рычаговъ, трубъ и гармоническихъ досокъ, съ цѣлю убѣдить зрителя, что слова, произносимыя бюстомъ, образуются дѣйствіемъ механизма. Для усиленія иллюзіи, даже приводятъ механизмъ въ движеніе, хотя, разумѣется, этимъ несколько не содѣйствуютъ произношенію

³ Подобнаго рода устройство статуй боговъ въ языческихъ храмахъ обнаружилось и во многихъ другихъ мѣстахъ, при разрушеніи капищъ проповѣдниками истинной вѣры.

слышимыхъ изъ рта бюста словъ: настоящій-же проводникъ рѣчи—трубка, черезъ которую произноситъ слова помощникъ производителя опыта, скрыта отъ глазъ въ сложной системѣ внутренняго механизма, заключеннаго въ пьедесталѣ.

Англичанинъ, по имени Тома Айрсонъ ⁴, показывалъ при дворѣ Карла II говорящую голову и привелъ всѣхъ зрителей въ неописанное удивленіе. Вопросы были предлагаемы головѣ на ухо и немедленно за тѣмъ слѣдовали отвѣты на томъ-же самомъ языкѣ, на которомъ сдѣланъ былъ вопросъ. Впрочемъ, король самъ зналъ эту продѣлку и хотѣлъ только позабавиться изумленіемъ своихъ придворныхъ. Въ сосѣдней комнатѣ былъ спрятанъ ученый капелланъ, говорившій на весьма-многихъ языкахъ: трубка отъ уха головы проходила къ его рту, а другая сообщала его ротъ съ отверстіемъ рта истукана. Король приказалъ пажу отворить дверь въ сосѣдную комнату и позволилъ всѣмъ присутствовавшимъ осмотрѣть скрытый механизмъ. Разочарованіе было самое-комическое.

Казалось, подобное открытіе должно-бы повредить Айрсону на дальнѣйшемъ поприщѣ фо-

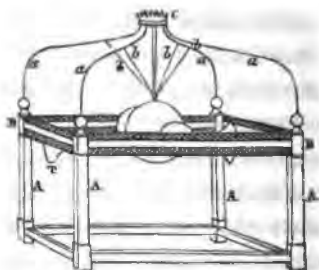
⁴ Thomas Irson.

кусничества. Случилось однакожь не такъ. Щедро-вагражденный Карломъ, онъ переправился на корабль въ Германію, куда еще не достигъ слухъ о приключеніи при англійскомъ дворѣ. Въ то время не было ни газетъ, ни журналовъ; путешественники были рѣдки, а сношенія затруднительны, особливо для частныхъ, небогатыхъ людей. Айрсонъ объѣздилъ всю Германію и собралъ богатую дань съ удивленныхъ Нѣмцевъ, возвѣщая вездѣ объ удивительномъ эффектѣ, который онъ произвелъ на вельможъ двора Карла II.

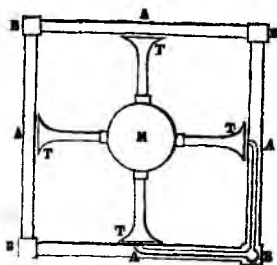
Лѣтъ двадцать тому, нѣкто Шарль удивлялъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Парижъ и Лондонъ, а потомъ Францію, Англію, Германію и Италію, своею *невидимою женщиною*. Механизмъ этого прибора былъ дѣйствительно весьма-остроумень и не только сохранялъ свою таинственность для толпы зрителей, но даже ученые не вдругъ постигли его устройство.

Такъ-какъ механизмъ Шарля есть лучший въ всемъ родѣ и можетъ служить образцомъ для всѣхъ фокусовъ этого рода, то мы опишемъ его здѣсь съ особливою подробностью и пояснимъ наше описаніе рисунками.

Фигура 6-я изображаетъ механизмъ Шарля въ *перспективѣ*; фигура 7-я тотъ-же снарядъ

Фиг. 6-я.

Фиг. 7-я.

въ профиль. Четыре деревянных столбика *м* устоя *А, А, А, А*, соединены между-собой сверху и снизу перекладинами *В, В*. Въ вершинахъ упомянутыхъ четырехъ столбиковъ утверждены согнутые желѣзные пруты

a, a, a, a, оканчивающіеся въ *c*, мѣднымъ вѣнчикомъ. Пустой мѣдный шаръ *M*, имѣющій отъ 7 до 8-ми вершковъ въ діаметръ, повѣшенъ на ленточкахъ *b, b, b, b*, прикрѣпленныхъ къ прутьямъ *a, a, a, a*. На четырехъ сторонахъ этого шара утверждены въ горизонтальномъ положеніи четыре мѣдныя трубы *T, T, T, T*, широкія отверстія которыхъ выходятъ наружу.

Вотъ все, что видитъ зритель изъ этого прибора. Хотя онъ и не передвигается съ-мѣстна-мѣсто, но съ виду кажется совершенно-независимымъ отъ всякаго посторонняго механизма, находящагося гдѣ-либо въ той-же комнатѣ или внѣ оной. Всѣ лица, видѣвшія этотъ приборъ, утверждаютъ, что постановка его была такова, что удаляла всякое сомнѣніе о тайномъ сообщеніи съ какимъ-либо другимъ вспомогательнымъ снарядомъ.

Зритель, заплатившій известную сумму ⁵,

⁵ Любопытство, возбужденное этимъ снарядомъ, было сначала таково, что Шарль бралъ за право сдѣлать вопросъ, въ Лондонѣ по 5-ти шиллинговъ, а въ Парижѣ по 5-ти франковъ. Разумѣется, такая высокая цѣна не могла держаться долгое время. Впрочемъ, заплатившій за входъ имѣлъ право быть только зрителемъ и за каждый вопросъ платилъ особю.

могъ предложить какой ему угодно вопросъ, который произносился имъ въ отверстіе одной изъ трубъ, *T, T, T, T*, и немедленно за тѣмъ получалъ приличный отвѣтъ, который можно было слышать, приложивъ ухо къ отверстию любой изъ четырехъ трубъ. Эти отвѣты произносились всегда слабымъ голосомъ, впрочемъ внятнымъ для всякаго, кто подносилъ ухо къ отверстию трубы. Голосъ былъ женскій или, правильнѣе сказать, принадлежащій маленькой дѣвочкѣ. Онъ отвѣчалъ на вопросы на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ, и эти отвѣты отличались постоянно удачностью, приличіемъ и остроуміемъ.

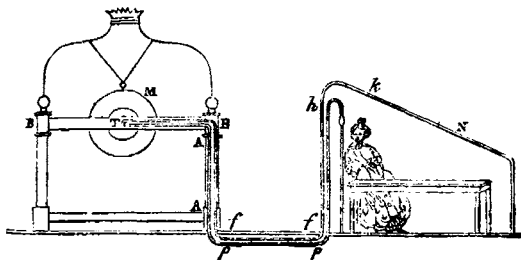
Очевидно, что такого рода зрѣлище было несравненно-любопытнѣе и изумительнѣе говорящихъ головъ, которыхъ механизмъ почти явно зависѣлъ отъ тайнаго сообщенія отверстія рта съ подпольемъ или сосѣднею комнатою, черезъ пьедесталь. Напротивъ-того, въ машинѣ Шарля, шаръ и трубы не сообщались ни съ чѣмъ могущимъ передавать звуки. Всякій зритель легко могъ убѣдиться собственными руками и глазами, что ленты *b, b, b, b*, были дѣйствительно обыкновенныя атласныя и не содержали въ себѣ никакого механизма, могущаго проводить звуки словъ. Что-же касается до дерева-

наго постава *A B*, то всякому кидалось въ глаза, что онъ служитъ только подставкою для поддержанія шара съ трубами и для предохраненія послѣдняго отъ прикосновенія толпы посѣтителей.

Какъ-бы то ни было, а зритель приводился въ заблужденіе сужденіемъ, казавшимся съ перваго взгляда весьма-естественнымъ. Ларчикъ просто открывался, и механизмъ былъ хотя и весьма-замысловатъ, но нисколько не хитеръ.

Вотъ въ чемъ было дѣло:

Въ двухъ поперечныхъ или горизонтальныхъ перекладинахъ, противоположныхъ устьямъ трубъ, находились отверстія, сообщавшіяся по-мощію трубки *T A A* съ вертикальнымъ устоемъ, какъ-то видно на фигурѣ 8-й. Она за-

Фиг. 8-я.

гибалась потомъ, подъ поломъ ff , колѣномъ p p , и такимъ-образомъ проходила въ смежный покой N , гдѣ находилась невидимая женщина, бесѣдовавшая съ посѣтителями. Этотъ покой N , отдѣлялся отъ залы, гдѣ давалось представленіе и гдѣ находился говорящій шаръ съ трубами, перегородкою h f , подлѣ которой сидѣла упомянутая женщина. Противъ самаго ея глаза было продѣлано въ перегородкѣ небольшое отверстіе, незамѣтное съ другой стороны для зрителей: черезъ него эта женщина могла видѣть все, что происходило въ залѣ, и могла наблюдать за тайными знаками, которые ей дѣлалъ фокусникъ, показывавшій машину.

Механизмъ былъ слѣдующій:

Какъ-скоро кто-либо желалъ сдѣлать вопросъ невидимой женщинѣ, фокусникъ предлагалъ ему подойти къ шару и черезъ устье любой изъ трубъ спросить оракула, что и исполнялось любопытствующимъ. Звуки его словъ отражались устьемъ трубы въ отверстіе A , находящееся въ перекладинѣ B , и оттуда скрытою трубкою достигали въ комнату N , къ уху скрытой особы, ожидавшей уже вопроса и приготовлявшейся къ отвѣту, сообразно знакамъ фокусника, самому вопросу и другимъ побочнымъ обстоятельствамъ, которыми такъ искусно умѣетъ пользоваться ум-

ная женщина. Отвѣтъ проходилъ обратно тѣмъ-же путемъ и исходилъ изъ отверстій всѣхъ четырехъ трубъ; но такъ-какъ, при этомъ переходѣ, сила звуковъ весьма-ослабѣвала, то любопытствующій долженъ былъ приложить ухо къ устью трубы, гдѣ довольно-явственно слышалъ отвѣтъ, тогда-какъ прочія лица, находящіяся въ комнатѣ, ничего не слышали. Это еще больше увеличивало очарованіе и таинственность занимательнаго зрѣлища.

Хотя женщина, дававшая отвѣты, была среднихъ лѣтъ и произносила слова своимъ естественнымъ голосомъ, но прохожденіе звука трубами и его отраженія дотого видоизмѣняли и ослабляли первоначальную силу звука, что вопрошающему казалось, будто-бы ему отвѣчаетъ слабый дѣтскій голосъ, заключенный внутри мѣднаго шара. По большей части, сами зрители дѣлали вопросы шопотомъ, такъ-что казалось невозможнымъ слышать ихъ иначе, какъ заключившись внутри шара. А такъ-какъ отвѣты часто содержали въ себѣ подробности, доступныя только лицу, видящему то, что происходитъ внутри залы, не заключавшей въ себѣ никакой мебели, внутри которой можно-бы скрыться помощнику фокусника, то обманъ былъ еще дѣйствительнѣе, и самый просвѣщенный и проникательный на-

блюдатель становился въ тушикъ со всѣми своими догадками.

Исторія невидимой женщины—оракула кончилась комико-трагическимъ образомъ.

Между фокусникомъ Шарлемъ и его помощницею вышелъ споръ изъ-за дѣлежа выручки. Дама-оракуль была уже въ среднихъ лѣтахъ и, при всемъ своемъ остроуміи, не отличалась красотой лица, тогда-какъ Шарль былъ моложе ея и молодецъ собою. Шарль, умѣвшій цѣнить умъ и смѣтливость своей помощницы, ласкалъ ее надеждами на возможность брачнаго союза; зато влюбленная перезрѣлая красавица не слишкомъ настаивала на расчетѣ по дѣлежу выручки. Наконецъ Шарль задолжалъ ей, по ея счету, до 20,000 франковъ; а какъ она притомъ замѣтила, что онъ равнодушенъ къ одной молоденькой танцовщицѣ на канатѣ и волтижеркѣ, то и стала настоятельно требовать или платежа денегъ, или руки вѣтреннаго любовника. Шарль, видя, что дѣло принимаетъ дурной для него оборотъ, перемѣнилъ тактику и вновь пустился любезничать съ своею помощницею, у которой, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, успѣлъ выманить записку въ совершенномъ, любовномъ окончаніи между ними всѣхъ денежныхъ расчетовъ, за что письменно обязался жениться

на новой Писои. Однакожь, вскорѣ за тѣмъ онъ вновь сблизился съ волтижеркою, и когда жрица повзала его къ суду, чтобъ законными мѣрами побудить вѣтренника къ заключенію законныхъ узъ, то оказалось, что письменное обѣщаніе Шарля касательно женитьбы исчезло и не могло отыскаться, а Шарль объявилъ суду, что онъ никогда такого обѣщанія не подписывалъ, въ слѣдствіе чего судья рѣшилъ дѣло въ его пользу.

Однакожь, обиженная и презрѣнная невѣста рѣшилась отомстить своему жениху, напечатавъ особою брошюрою объясненіе тайны невидимаго орскула и пояснивъ это объясненіе чертежами. Можете себѣ представить, что послѣ этого вся таинственность, а слѣдовательно и интересъ зрѣлища, исчезли, и Шарль вмѣсто денегъ получалъ со всѣхъ сторонъ насмѣшки и даже угрозы. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился бѣжать изъ Франціи въ Баварію и тамъ продолжать свои представленія, надѣясь, что туда не проникла брошюра его прежней помощницы. Но месть обиженной женщины неутомима. Отставная Писоія послѣдовала за бывшимъ своимъ женихомъ и сообщникомъ, и, во время торжественнаго представленія въ Аугсбургѣ, привлекшаго огромную толпу любопытныхъ, явилась въ числѣ зрителей и публично рассказала

весь механизмъ машины, укоряя притомъ Шарля въ обманѣ и безнравственной связи съ новою Пиною, бывшею волтижеркою и плясуньею на канатѣ, которую осыпала самыми-изысканными ругательствами. Скандалъ вышелъ весьма-порядочный; но ловкому Шарлю удалось-бы помочь горю и, выпроводивъ разъяренную мстительницу, возстановить кредитъ своихъ магическихъ сеансовъ, если-бы юная Пиноя, раздраженная ругательствами своей предѣстницы, не забыла своей роли и не выскочила изъ-за перегородки на рукопашный бой съ соперницею. Зрителямъ этой комико-трагической сцены открылась тогда вся продѣлка. Пока Шарль и обѣ дамы рѣшали свою распрю рукопашною схваткою, публика разложила механизмъ машины и открывъ тайну приняла участіе въ битвѣ, вступаясь за обличительницу противъ обманщиковъ. Дѣло могло-бы кончиться убійствами, еслибы къ счастью не вмѣшалась въ него полиція и спасла жизнь избитымъ до полусмерти Шарлю и его помощницѣ. Завязался уголовный процессъ, а между-тѣмъ представленія невидимой женщины окончательно прекратились.

Если большая часть говорящихъ машинъ, статуй и головъ была устроена на основаніи описанныхъ выше механизмовъ, то въ нѣкоторыхъ

случаяхъ мнѣшныя чародѣи не довольствовались такими механическими средствами, а увеличивали таинственность и волшебность своихъ представленийъ помощью искусства *чрезовольщанія*.

Этотъ предметъ такъ интересенъ и такъ мало изслѣдованъ, что о немъ не мѣшаетъ поговорить подробнѣе. Мы возвратимся къ этому вѣсколько ниже.

Ни одно заблужденіе чувствъ не доходить до такой высокой степени, какъ то, которое зависитъ отъ невозможности правильнаго сужденія, относительно направленія и разстоянія звуковъ. Каждый изъ моихъ читателей вѣроятно не разъ замѣчалъ, какъ для собственнаго его уха видоизмѣнялся звукъ, смотря потому, какое приписывали ему (постепенно и попеременно) направленіе и происхожденіе. Какъ часто мнѣ самому на охотѣ случалось слышать необъяснимыя отдаленныя звуки, причина которыхъ, по тщательномъ изслѣдованіи, оказывалась весьма-близкою и простою: то былъ или вѣтеръ, дующій въ стволъ ружья, или шорохъ вѣтвей обѣ охотничью суму, или что-либо тому подобное, что съ перваго раза никакъ не приходитъ въ голову. Особенно въ лѣсу и въ ночное или въ сумрачное время, такого рода заблужденія слуха развиваются въ высокой сте-

пени, подкрѣпляемая склонностью фантазіи ко всему таинственному и чудесному, необычайностью мѣста (въ лѣсу или другомъ пустынномъ мѣстѣ) и, наконецъ, пособіями иллюзіи зрѣнія, столь обыкновенныхъ въ сумерки и ночью, когда глазъ не можетъ правильно судить о формахъ и удаленіи предметовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть привидѣній, духовъ и призраковъ, обитающихъ, по суевѣрнымъ и простонароднымъ повѣрьямъ, въ старыхъ зданіяхъ, оставленныхъ людьми, и въ особенности уже подвергшихся частному разрушенію, также въ покояхъ, гдѣ совершились какія-либо злодѣянія или кончили жизнь люди, дававшіе поступками своими пищу суевѣрнымъ разсказамъ, всѣ эти призраки и видѣнія существуютъ, по большей части, только благодаря страшнымъ звукамъ, ихъ сопровождающимъ и завлѣвающимъ отъ весьма-простыхъ и естественныхъ, хотя и не приходящихъ въ голову очевидца, причинъ.

И, въ-самомъ-дѣлѣ, ничего нѣтъ мудренаго, что самому хладнокровному и неустрашимому человѣку, принужденному провести ночь въ необитаемомъ мѣстѣ или зданіи, населенномъ фантазіею окрестныхъ жителей привидѣніями и выходцами ихъ замогильныхъ странъ, самому

положительному и хладнокровному наблюдателю, вовсе не отличающемуся пылкимъ воображеніемъ, могутъ почудиться весьма-страшныя вещи. Въ ночной тишинѣ и посреди окрестнаго безмолвія, трудно судить объ истинномъ направленіи, разстояніи, а слѣдовательно свойствѣ, силѣ и происхожденіи звуковъ, случайно-раздающихся близъ самого наблюдателя или въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. А если этотъ наблюдатель будетъ человекъ не совсѣмъ хладнокровный? Мудрено - ли, что тогда, при помощи иллюзій зрѣнія и благодаря разъигравшейся фантазіи, явятся тѣ мертвецы, духи и привидѣнія, съ цѣпями и кинжалами, которыхъ такъ хорошо умѣла изображать покойница Анна Радклифъ и рассказы о которыхъ мы съ такимъ трепетомъ слушали по вечерамъ въ нашей молодости, готовые при первомъ нежданномъ скрипѣ двери видѣть призракъ, о которомъ идетъ такая страшная и занимательная рѣчь.

Да что говорить о видѣніяхъ, театромъ дѣйствія которыхъ старинныя замки, либо развалившіяся мельницы и тому подобныя мѣста, охотно-посѣщаемыя привидѣніями. Тутъ фантазіи предстоитъ слишкомъ-широкое поле для разгула. Нечего также брать для примѣра людей

трусливыхъ и суевѣрныхъ, которые вездѣ ночью видятъ гигантскіе сверхъестественные ужасы, по пословицѣ, что «у страха глаза велики». Возьмите человѣка смѣлаго и просвѣщеннаго и положите его спать въ незнакомомъ домѣ. Если воображеніе его настроено событіями предъидущаго дня, то весьма-легко можетъ случиться, что проснувшись ночью, онъ будетъ пораженъ какими-либо необыкновенными звуками, которыхъ происхожденія онъ не въ состояніи объяснить. Весь домъ и окрестность погружены въ мертвую тишину, среди которой раздаются необъяснимые звуки. Не смотря на всѣ поиски, причина явленія все болѣе и болѣе ускользаетъ отъ усилій размышленія, и невольное, врожденное человѣку стремленіе къ таинственному мало-по-малу будетъ брать перевѣсъ надъ разсудкомъ. О послѣдствіяхъ говорить нечего.

Для примѣра расскажемъ одно приключеніе, случившееся съ авторомъ этой статьи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ получилъ я неожиданно извѣстіе о скоропостижной смерти одного изъ моихъ родственниковъ, проживавшаго въ послѣднее время въ своемъ помѣстьѣ, въ П....й губерніи, верстахъ въ четырехстахъ отъ Петербурга. Ничто не удерживаю

меня въ Петербургѣ и я, не смотря на глухое осеннее время, рѣшился ѣхать въ П...ю губернію.

Дѣло случилось въ послѣднихъ числахъ ноября. Въ самый день полученія печальной вѣсти и еще наканунѣ валилъ густой снѣгъ, а къ вечеру сильно заморозило. Я проворно собрался и черезъ полторы сутки былъ уже на мѣстѣ.

Возьмемъ разсказъ нашъ нѣсколько выше.

Отецъ покойника, котораго мы пріѣхали теперь хоронить, скончался въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставивъ единственному сыну — Васинькѣ, три тысячи душъ и два милліона рублей ассигнаціями въ ломбардныхъ и банковыхъ билетахъ.

Васинькѣ, какъ его всѣ называли, не смотря на огромные усищи и тридцатилѣтній возрастъ, нѣкогда было долго тужить по батюшкѣ. Онъ успѣшилъ расплатиться съ полковыми долгами, вышелъ въ отставку съ чиномъ ротмистра и наскоро устроивъ имѣнье, поселился въ Петербургѣ, гдѣ началъ вести, по видимому, роскошную и довольно - разгульную жизнь.

Я зналъ Василія Ермолаяча, что называется, вдоль и поперекъ; а потому грѣшно сказать,

чтобы мотовство было его порокомъ. Напротивъ того: онъ былъ скупъ, неизмовѣрно скупъ! Онъ самъ закупалъ для своего дома малѣйшія мелочи, перевѣшивалъ каждый фунтъ муки или капусты, принесенной изъ мелочной лавки, наблюдалъ, чтобы въ печь не положили лишняго полѣна; сахаръ кололи подъ его личнымъ надзоромъ; даже зажигательныя спички выдавались лакеямъ и на кухню *счетомъ* и не болѣе какъ *десятками*, съ требованіемъ отчета въ израсходованіи.

А при всемъ томъ Василій Ермолаичъ занималъ большую квартиру, держалъ экипажъ, рысаковъ, многочисленную прислугу и давалъ вечера и обѣды.

Господствующею и едва-ли не единственною страстью нашего героя было попасть въ аристократическій кругъ знакомства или, по-крайней-мѣрѣ, прослыть за человѣка, посѣщающаго большой свѣтъ.

Чтобы сблизиться съ лицами, посѣщающими аристократическій свѣтъ, Василій Ермолаичъ давалъ обѣды и вечера, не жалѣя притомъ денегъ, и только для этой цѣли забывалъ свою скупость. Правда, что и тутъ она кое-гдѣ выказывалась. Такъ—напримѣръ, среди роскошнаго стола подавали прегадкое вино съ велико-

лѣпными ярлыками на бутылкахъ. Манипуляціею переливки винъ обыкновенно занимался самъ хозяинъ въ своемъ кабинетѣ, и совершалъ этотъ процессъ въ большой тайнѣ.

Но все-таки знакомство съ аристократами, которые охотно пиروвали у Василья Ермолаича, но потомъ едва удостоивали его полупоклономъ, поразстроило финансы нашего чудака, который, не смотря на свою мелочную расчетливость, былъ кругомъ обираемъ своими дворецкими, управляющими и прикащиками. Онъ рѣшился года на два уѣхать въ деревню.

Въ деревнѣ пріятель мой занялся хозяйствомъ, а въ свободное время, котораго у него было вдоволь, занимался игрою на флейтѣ, и скоро такъ пристрастился къ этому занятію, что проводилъ въ немъ часть дня и ночи.

Кончина нашего героя была трагическая. Онъ упалъ съ лошади на охотѣ, расшибъ себѣ голову, и умеръ не только ранѣе медицинской, но даже и духовной помощи.

Вотъ вкратцѣ исторія моего покойника.

Похоронивъ покойника и сытно пообѣдавъ, большая часть гостей разъѣхались; домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Василій Ермолаичъ, былъ обширный, двухъ-этажный съ каменнымъ низомъ и деревяннымъ верхомъ; хозяинъ отдѣлалъ себѣ

вверху большую комнату, служившую ему кабинетомъ и спальнею. Эта комната, заключавшая въ себѣ бумаги и цѣнныя вещи покойнаго, была теперь заперта и запечатана въ ожиданіи завтрашняго разбора наслѣдниками. Внизу, гостиную и большую залу, въ которой отправляли похоронный столъ, заняли родственники. Я же приказалъ вытопить для себя большую угольную комнату, приходившуюся прямо подъ тою, въ которой жилъ и скончался покойникъ, и гдѣ тѣло его стояло въ ожиданіи преданія землѣ.

Похороны кончились во второмъ часу, и за столъ сѣли тотчасъ по возвращеніи съ кладбища, а встали въ половинѣ пятаго. Въ концѣ ноября день коретокъ; а такъ-какъ въ этотъ день сдѣлалась оттепель, то гости посѣщали домой. Оставшіеся въ домѣ родственники и прислуга были утомлены, плотно побѣдали и хорошо подпили, а потому всякій спѣшилъ на покой. Въ десять часовъ вечера весь домъ спалъ богатырскимъ сномъ.

Случайно я проснулся отъ какого-то страннаго прикосновенія къ моему лицу. Черезъ нѣсколько секундъ я успѣлъ собрать мои мысли, и послѣ минутнаго наблюденія и размышленія убѣдился, что въ моей комнатѣ шмыгаютъ крысы, изъ которыхъ одна пожаловала ко мнѣ

на постель и разбудила меня. Въ то-же время я былъ пораженъ тихими звуками флейты, раздавшимися гдѣ-то внѣ предѣловъ моей комнаты. Вслушиваюсь: дѣйствительно кто-то беретъ аккорды на флейтѣ, надъ моею головой, именно въ комнатѣ покойника. Чѣмъ долѣе я слушаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что въ этой, при мнѣ запертой и запечатанной комнатѣ, кто-то играетъ на флейтѣ или, правильнѣе сказать, беретъ на ней отдѣльные аккорды.

Я съ малолѣтства любилъ заниматься естественными науками, слѣдовательно и не очень боялся привидѣній и мертвецовъ. Хладнокровное размышленіе привело меня къ заключенію, что кто-нибудь изъ моихъ родственниковъ вздумалъ пошутить надо мною и, спрятавшись въ комнатѣ покойнаго или въ сосѣдней съ нею, хочетъ испытать храбрость и хладнокровіе своихъ сонаслѣдниковъ.

Я зажегъ свѣчу. Дверь моей спальни вела черезъ диванную комнату въ столовую залу и гостиную, гдѣ спали мои пріатели. Двери къ нимъ были не заперты, и я черезъ минуту убѣдился, что всѣ они преблагополучно покоятся въ объятіяхъ Морфея, и если вздумали подвергать меня испытаніямъ, то вѣрно ужь не собственными особами.

Въ то время я убѣдился, что звуки флейты слышны только въ моей комнатѣ; въ остальныхъ-же, какъ я ни прислушивался, не могъ различить ихъ въ громъ общаго храпѣнія. Ясно, что таинственный флейтистъ рассчитывалъ собственно на меня.

Я вышелъ въ сѣни, поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ и, пройдя двѣ комнаты, очутился передъ кабинетомъ покойнаго родственника. Печати, на дверяхъ нами положенныя, были цѣлы и невредимы, а я зналъ, что другаго хода въ эту комнату не было. Сосѣднія-же были обысканы мною весьма-тщательно, и ничего не нашлось въ нихъ подозрительнаго: флейтистъ и его аккорды исчезли.

Я спустился внизъ; но прежде принялъ мѣры предосторожности противъ дальнѣйшей инстификаціи. Половина, находившаяся надо мною, состояла изъ двухъ комнатъ, кромѣ запечатанной, куда попасть было невозможно не сорвавъ печатей. Значить, таинственный музыкантъ могъ скрываться только въ другихъ двухъ комнатахъ, сообщавшихся съ остальною частью этажа двумя дверями. Въ одной изъ нихъ отыскался ключъ въ замкѣ и я заперъ ее, взявъ ключъ съ собою. Другую-же дверь, въ которой не оказалось не только ключа, но и замка, я задвинулъ диваномъ

и полудюжиною кресель, зная, что въ темнотѣ и поспѣшности нельзя разобрать безъ шуму моей баррикады.

Я возвратился въ свою комнату; но не успѣлъ поставить свѣчу на столъ, какъ прежніе звуки вновь поразили меня. Минуть съ десять простоялъ я неподвижнымъ, вслушиваясь въ музыку. Я былъ готовъ присягнуть, что живое существо сидитъ съ флейтою въ комнатѣ покойнаго или въ одной изъ двухъ съ нею смежныхъ. Сомнѣнія тутъ не могло быть никакого.

Я быстро побѣжалъ наверхъ. Баррикада моя не шелохнулась съ мѣста. Осмотрѣвъ печати на двери кабинета покойника, я вновь убѣдился, что они ни мало не повреждены и что черезъ эту дверь никто не могъ пройти. Окна въ той комнатѣ были двойныя, заколоченныя наглухо; мы собственноручно заперли въ нихъ форточки.

Не знаю, на что-бы я рѣшился, волнуемый досадою и недоумѣніемъ, еслибы бѣготня моя сверху внизъ и обратно не разбудила одного изъ слугъ. Съ крайнимъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на меня, встрѣтаясь въ дверяхъ, и лицо его вытянулось и искривилось вопросительнымъ знакомъ. То былъ одинъ изъ лаѣевъ покойнаго, знавшій меня весьма-хорошо въ Петербургѣ, малый очень неглухой и бойкій. Я повелъ его

въ свою комнату и заставил прислушиваться. Онъ поблѣднѣлъ и весь затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Чего ты испугался? спросилъ я.

— Ахти, съ нами крестная сила! пробормоталъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ. Да вѣдь это покойный Василій Ермолаевичъ изволятъ играть на флейтѣ.

— Да гдѣ же онъ играетъ?

— Какъ гдѣ? Разумѣется, что въ своемъ кабинетѣ. Развѣ вы не слышите, вотъ тамъ, надъ потолкомъ?

Я кое-какъ пытался рассказать испуганному слугѣ мои наблюденія и догадку, что кто-нибудь сидитъ запертымъ въ комнатѣ покойника. Онъ мало обратилъ вниманія на это, и утверждалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, покойный баринъ играетъ теперь въ своемъ кабинетѣ.

Съ такимъ человѣкомъ дальнѣйшаго толку добиться было нельзя. Я уже принялся соображать дальнѣйшій планъ дѣйствій, какъ вдругъ испуганный слуга побѣжалъ и перебудилъ своихъ товарищей, которые, въ спальномъ неглиже, забывъ отъ страха и любопытства одѣться, вбѣжали ко мнѣ въ комнату.

Ихъ было пять человѣкъ. Всѣ слышали та-

ивственную музыку и едва стояли на ногахъ отъ страха. Объясняться съ ними было нечего: языкъ прилипъ у нихъ къ гортани, а лица были какъ воскъ.

Я стоялъ посреди ихъ, играя самую-смѣшную роль и не зная, что мнѣ дѣлать.

Прошло нѣсколько минутъ въ такомъ смѣшномъ и странномъ недоумѣннн, которое было прервано шумомъ, раздавшимся по всему нижнему этажу дома. Не знаю, кто разбудилъ моихъ родственниковъ, спавшихъ въ столовой и гостиной; только они быстро выскочили изъ постелей при положительномъ извѣстнн, что покойный Василій Ермолаичъ изволилъ играть на флейтѣ въ своемъ кабинетѣ, и что Матвѣй Степановичъ сами изволили слышать и ходили на верхъ разговаривать съ покойникомъ. Любопытство ихъ было возбуждено въ высшей степени, такъ-что они почти разомъ ворвались въ мою комнату, гдѣ я стоялъ посреди одурѣвшей челяди.

Я въ короткихъ словахъ объяснилъ дѣло. Всѣ слышали аккорды флейты надъ потолкомъ моей комнаты, въ самомъ кабинетѣ покойнаго. Потомъ всѣ ринулись наверхъ, вооруженные свѣчами; наверху было все въ прежнемъ порядкѣ, и запечатанная дверь скрывала роковую

тайну. Стучали въ нее, окликивали; но никто не отвѣчалъ. Звуки замолкли, но слышались опять, какъ—скоро всё воротились въ мою комнату.

Такъ-какъ всё объявили честнымъ словомъ, что никто не предпринималъ никакой мистификаціи, что впрочемъ и безъ того было ясно видно на испуганныхъ лицахъ наследниковъ, то рѣшено было теперь же сообща распечатать роковую дверь. Сняли печати, дверь настезь и на насъ пахнуло гнилою сыростью, словно изъ могилы. Картина была самая-живописная. Внутри комнаты, дѣйствительно, было холодно, сыро, душно и пахло трупомъ. Волтеровское кресло Василья Ермолаевича было отодвинуто отъ стола, хотя вчера передъ выходомъ изъ комнаты вся мебель была приведена въ чинный порядокъ. Ящикъ съ флейтою былъ открытъ; а одинъ изъ наследниковъ клялся, что собственноручно заперъ его вчера вечеромъ. Наконецъ (и это болѣе всего поразило присутствовавшихъ) одинъ спальнй сапогъ покойника лежалъ на подножной подушкѣ передъ волтеровскимъ кресломъ; а другой поодаль и почти посрединѣ комнаты. Тутъ и я сталъ въ тупикъ, потому что передъ самымъ выходомъ изъ таинственной ком-

наты, слуга, по моему приказанію, задвинулъ эти спальные сапоги подъ постель.

Кромѣ этого не оказалось никакихъ признаковъ посѣщенія комнаты ея замогильнымъ гостемъ-хозяиномъ.

Послѣ самага-тщательнаго осмотра, нѣкоторые изъ насъ отправились внизъ, въ мою комнату, чтобы узнать продолжается-ли музыка; но звуки исчезли. Казалось, съ открытіемъ таинственной комнаты, пришлецъ съ того свѣта прекратилъ свою забаву и заблагоразсудилъ возвратиться на кладбище.

Начало свѣтать, потому-что во всѣхъ упомянутыхъ продѣлкахъ и розыскахъ прошло не мало времени. Впрочемъ, обо снѣ никто и не помышлялъ. Даже вся усадьба всполошилась и поднялась на ноги. Дворня толковала, что покойный баринъ, умершій скоропостижно и безъ исполненія церковныхъ обрядовъ, не имѣетъ покоя въ землѣ, и прилетѣлъ ночью въ свой кабинетъ, гдѣ, сѣвъ на кресло, надѣлъ спальные сапоги и сталъ играть на флейтѣ; что наслѣдники отворили запечатанную дверь и своими глазами видѣли продѣлку покойника, который однакоже, убѣгая отъ свѣта свѣчей и чувствуя неприличіе своего могильнаго костюма, поспѣшилъ убраться въ своедомовище. Разказъ нѣкоторыхъ

изъ очевидцевъ былъ еще драматичнѣе и эпизодамъ не было конца.

Съ разсвѣтомъ явленіе кончилось для толпы, но для меня только-что наступила самая-занимательная его часть, именно—отысканіе причины слышанныхъ мною аккордовъ. Моя любознательность была награждена. Вотъ въ чемъ было дѣло.

Комната, избранная мною для ночлега, была такъ-называемая *гостиная спальная*, очень рѣдко посѣщаемая и топившаяся еще рѣже. Въ тогдашнюю осень она не была отоплена еще ни разу; въ ней было сыро и холодно, и я приказалъ хорошенько протопить ее. Но такъ-какъ отсырѣвшая печь худо исполняла свое дѣло, то, опасаясь угара, лакей изъ особой предосторожности, закрывая трубу въ печи, не плотно надвинулъ вьюшку на отверстіе, весьма-справедливо полагая, что лучше пусть будетъ въ комнатѣ холодно, чѣмъ угарно. Вѣтеръ, пробираясь сквозь щель, образовавшуюся между вьюшкою и устьемъ трубы, производилъ тѣ самые музыкальные звуки, которые я почелъ аккордами флейты. Не имѣя возможности судить о подлинномъ явленіи и разстояніи звуковъ, я естественнымъ образомъ, и вѣроятно въ слѣдствіе мгновенной игры воображенія, отнесъ ихъ происхожденіе къ

комнатамъ, находившимся надо мною. Всѣ другіе свидѣтели явленія должны были впасть въ заблужденіе еще гораздо-легче меня, настроенные моими предварительными розысками и воспоминаніемъ, что покойный любилъ играть на флейтѣ. Всякій читатель легко можетъ вообразить себѣ, какъ родилось и росло фантастическое наше убѣжденіе.

Что въ кабинетѣ покойнаго было душно, сыро, холодно и пахло трупомъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Погода на дворѣ была сырая; комната не топленая, потому-что въ ней лежалъ покойникъ на столѣ, ожидая погребенія. Отсюда трупный запахъ, тѣмъ болѣе упорный, что, по старому, странному обычаю, у насъ не отворяютъ оконъ въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ стоятъ покойники.

Футляръ флейты былъ открытъ, хотя одинъ изъ наслѣдниковъ самъ заперъ его. Правда; но кто поручится, что другой наслѣдникъ не открылъ ее, позабывъ потомъ объ этомъ? Не случись ночнаго казуса, никто не обратилъ-бы вниманія на открытый футляръ.

Мебель была приведена въ порядокъ, передъ выходомъ. Но я вспомнилъ потомъ, что когда дѣло дошло до наложенія печатей, то сургучъ оказался забытымъ на письменномъ столѣ въ

кабинетъ. Я пошелъ за сургучомъ и нечаянно сдвинулъ вольтеровское кресло, не позаботившись придвинуть его опять къ столу. На другой день я очень ясно припомнилъ это обстоятельство, совершенно вышедшее у меня изъ головы, во время ночной суматохи. Это было весьма—естественно, потому-что голова моя была занята исключительно идеею о странныхъ звукахъ. Что же касается до спальныхъ сапоговъ, то, чрезвычайно вѣроятно, они служили, въ роковую ночь, потѣхою для крысъ.

Ларчикъ открывался очень—просто. Наслѣдники душевно были рады моему открытію. Зато дворня слушала мое объясненіе съ явнымъ недѣвѣріемъ и до меня дошли слухи, что явленіе мертвеца - музыканта съ своею флейтою стало въ селѣ «Брагинѣ» на степень аксіомы. Первоначальное явленіе подтвердилось многими послѣдующими, хотя и въ другомъ видѣ, а домъ покойника, теперь пустой и заколоченный за отсутствіемъ владѣльца, слыветъ въ околѣдѣ театромъ страшныхъ, таинственныхъ явленій. Къ нему даже боятся приблизиться въ ночное время, особенно въ глухую осень или въ темныя ночи.

Большая часть таинственныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ могутъ быть объяснены подобными

же, весьма натуральными, обстоятельствами, если только хладнокровно, съ любознательностію и знаніемъ дѣла, изслѣдовать всѣ ихъ подробности.

Сэръ Давидъ Брюстеръ рассказываетъ о знакомомъ ему джентльменѣ, который въ теченіи долгаго времени былъ преслѣдуемъ по ночамъ какими-то таинственными звуками, не смотря на перемѣну спальни комнаты. Дѣло объяснилось тѣмъ, что все зависѣло отъ особаго устройства ночнаго столика, стоявшаго у изголовья кровати джентльмена. При перемѣнѣ спальни переносился и столикъ; а слѣдовательно причина ночныхъ звуковъ оставалась неразлучна съ кроватію и ночнымъ пребываніемъ озадаченнаго Англичанина. Подробностей этого интереснаго разсказа мы здѣсь не сообщаемъ.⁶

Вообще можно допустить, что когда звуки непонятнаго для насъ происхожденія слышатся людямъ расположеннымъ къ принятію чудеснаго, или при особыхъ благопріятныхъ обстоятель-

⁶ Ихъ можно найти въ письмахъ Брюстера «О натуральной магіи». См. стр. 128 и 129 французскаго перевода этой книги. Мы ссылаемся на французскій переводъ, потому что англійскій подлинникъ не всякому доступенъ и его трудно найти въ нашихъ книжныхъ лавкахъ, даже въ столицахъ.

ствахъ, то вліяніе ихъ можетъ достигнуть весьма-высокой степени. Поверхностные розыски въ такихъ случаяхъ скорѣе поведутъ къ подтвержденію сверхъ-естественности явленія, чѣмъ къ объясненію его натуральными причинами, такъ-что человѣкъ дѣлается жертвою собственной мечты, постепенно усиливающей свое владычество надъ разсудкомъ.

Одно изъ поразительнѣйшихъ явленій заблужденія слуха составляетъ, такъ называемое, искусство чревовѣщанія (Ventriloquie, Bauchrednerey), о которомъ мы упомянули выше.

Чтобы говорить о чревовѣщаніи съ нѣкоторымъ правомъ на вниманіе и довѣріе читателя, мы изложили этотъ предметъ на основаніи данныхъ, доставленныхъ первѣйшими авторитетами современной науки. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ знаменитый физиологъ, профессоръ Іоаннъ Мюллеръ ⁷.

«Человѣкъ можетъ издавать, въ извѣстныхъ условіяхъ, звуки и даже произносить слова совершенно-отличнымъ отъ обыкновеннаго обра-

⁷ Handbuch der Physiologie von Johannes Müller, II Band. Artikel über die Bauchrednerei. Во французскомъ переводѣ: Manuel de physiologie par J. Muller, traduit par Jourdan, Paris, 1845, T. II, p. 246, 247.

зомъ. Мы говоримъ о чревовѣщаніи. Нѣкоторые физиологи, слѣдуя Мажанди, полагаютъ, что звуки, производимые чревовѣщателями, составляютъ только видоизмѣненіе происходящихъ изъ голосоваго механизма человѣка. Другіе, напротивъ-того, объясняютъ ихъ особою причиною, предполагая, напримѣръ, что чревовѣщатели произносятъ слова не во время выдыханія, а во время вдыханія воздуха. Это послѣднее объясненіе пользуется въ настоящее время большимъ авторитетомъ».

«Нельзя отрицать, продолжаетъ Мюллеръ, что звуки могутъ сочленяться во время вдыханія, несмотря на затрудненія, которыя необходимо для этого преодолевать, и что звуки, такимъ-образомъ произведенные, имѣютъ большее сходство съ чревовѣщательными. Впрочемъ я ⁸ не думаю, чтобы такая теорія была справедливою. Существуютъ другіе, гораздо легчайшіе способы видоизмѣнить звонъ голоса и, по моему мнѣнію, къ нимъ-то и прибѣгаютъ чревовѣщатели».

«Я дѣлаю весьма глубокое вдыханіе воздуха, такъ-что діафрагма ⁹ выпираетъ впередъ

⁸ Не забудемъ, что здѣсь говоритъ Мюллеръ.

⁹ Грудобрюшная преграда.

внутренности брюха; потомъ выдыхаю особеннымъ образомъ, сильно сжимая дыхательное горло и весьма медленно вытѣсняя воздухъ сжиманіемъ стѣнокъ груди, тогда—какъ диафрагма сохраняетъ тоже самое положеніе, которое она имѣла при вдыханіи и, слѣдовательно, брюхо останется выдавшимся впередъ въ теченіе времени образованія звуковъ рѣчи. Интонація помощію сильнаго сжатія дыхательнаго горла, при медленномъ выдыханіи посредствомъ сжатія однихъ грудныхъ стѣнокъ, безъ содѣйствія брюшныхъ мускуловъ, рождаетъ тѣ особенные звуки, которыми отличается чревоушаніе. Звуки, образующіеся при этомъ, кажутся принесенными издалика и похожи на произносимые человѣкомъ, стоящимъ по-одалъ.

« При этомъ самое лицо, производящее опытъ, впадаетъ сначала въ заблужденія. Такъ—какъ животъ остается вздутымъ во время рѣчи, то кажется, будто—бы мы говоримъ въ продолженіе періода вдыханія. Вскорѣ однако убѣждаемся, что звуки образуются не при вдыханіи, а дѣйствительно во время выдыханія, потому—что, если продолжать рѣчь, пока запасъ воздуха въ груди истощится и звуки прекратятся, за неимѣніемъ болѣе воздуха въ сжавшейся груди, то не-

обходимо сдѣлать новое вдыханіе, которое тотчасъ обнаружить первоначальное заблужденіе».

«Между эффектами чревоуощанія, заключаетъ Мюллеръ, многіе зависятъ отъ обмана слуха и другихъ чувствъ. Мы весьма трудно различаемъ направленіе и разстояніе звуковъ, и если вниманіе наше устремлено на какой-либо предметъ, то воображеніе, независимо отъ воли, переноситъ туда-же звуки наши, слышимые безъ очевидной причины ихъ источника».

Нельзя себѣ представить, до какой степени можетъ доходить иллюзія слуха отъ вліянія побочныхъ обстоятельствъ. Такъ человекъ готовъ невольно допустить самыя нелѣпыя предположенія скорѣе, чѣмъ вѣроятность того, что можно говорить почти не открывая рта и не производя замѣтнаго движенія лицевыми мускулами. Я зналъ одного молодого человека изъ Нима. Этотъ студентъ, большой весельчакъ, любилъ забавлять товарищей разными штуками и фокусами. Между-прочимъ, онъ становился въ извѣстномъ отдаленіи ¹⁰ отъ зрителей и рядомъ съ собою, но въ разстояніи трехъ или четырехъ шаговъ въ сторону, ставилъ свою собаку, прекраснаго чернаго пуделя. По дан-

¹⁰ Шагахъ въ пятнадцати.

ному знаку пудель открывалъ ротъ и двигалъ мускулы лица такъ, какъ будто-бы выговаривая слова; а между-тѣмъ хозяинъ его стоялъ съ закрытымъ ртомъ и неподвижною физиономіею. Удивительное дѣло! Мы очень хорошо знали продѣлку, но черезъ нѣсколько секундъ всякому изъ насъ казалось, что пудель говорить, произнося слова сильнымъ, но довольно внятнымъ голосомъ.

Фокусникъ-студентъ былъ чревовѣщатель, по системѣ Іоанна Мюллера, и выучился этому искусству, котораго впрочемъ мы рассказали самый блестящій опытъ, въ какихъ-нибудь шесть или восемь мѣсяцевъ. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей вздумали подражать ему. Трое или четверо дѣйствительно оказали успѣхи, и одинъ изъ нихъ скоро даже превзошелъ своего учителя, тогда-какъ человѣкъ десять безуспѣшно трудились болѣе или менѣе долгое время. Не знаю, чему приписать такую разницу: внутреннему-ли расположенію органовъ, большей-ли смѣтливости, или неравному усердію къ опытамъ?

Брюстеръ говоритъ, что если наше вниманіе исключительно устремлено на статую или другой неодушевленный предметъ, отъ котораго мы ожидаемъ чего-либо особеннаго, таин-

ственной, то весьма легко, что мы припишемъ этимъ мертвымъ предметамъ звуки (случайные или намѣренные), которыхъ не видимъ причины. Особенно сильна бываетъ иллюзія, если слова произносятся страннымъ и какъ-бы не человѣческимъ голосомъ.

Существуетъ уголь (и при томъ довольно большой), въ предѣлахъ котораго мы не въ состояніи судить правильно о направленіи звука. Если послѣдніе хорошо рассчитаны, относительно извѣстнаго предмета, то иллюзія бываетъ чрезвычайная, даже при большомъ углѣ. Такихъ приѣзровъ можно найти весьма много у Дугальда Стюарта. Онъ упоминаетъ о человѣкѣ ¹¹, такъ хорошо подражавшемъ свисту вѣтра и напору его на стекло, что люди, сидѣвшіе съ нимъ рядомъ въ кафеинѣ, отходили отъ оконъ или застывали свои сюртуки, боясь простудиться. Другой до такой степени подражалъ мимикѣ скрипача, играющаго на своемъ инструментѣ, что всѣ присутствующіе думали, что онъ дѣйствительно играетъ на скрипкѣ, тогда-какъ игралъ пріятель фокусника, стоявшій за ширмами, а у самого акустика - фокусника скрипка была безъ струнъ.

¹¹ Savile Carey.

Здѣсь акустика вислолько не помогаетъ обману, потому-что онъ основанъ единственно на влздіи зрѣнія и самаго воображенія.

При всѣхъ подобныхъ продѣлкахъ, какъ скоро причина открыта, всякій удивляется, какъ онъ могъ поддаться такому грубому обману и не догадался о немъ тотчасъ?

Въ большей части сценъ чревовѣщанія, актеръ или фокусникъ старается скрывать свое лицо отъ публики, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, сообразнымъ обстоятельству. Только одни корифеи своего искусства, какъ напримѣръ чревовѣщатель Александръ, которому дивились и Петербургъ въ тридцатыхъ годахъ, пренебрегаютъ такими увертками и даютъ свои представленія съ открытымъ лицомъ, или, какъ говорится—*на чистоту*.

А надобно признаться, что чревовѣщаніе дивная вещь. Никакое другое фокусничество не подходитъ до такой степени къ тому, что привыкли называть волшебствомъ или чародѣйствомъ. Всякому фокуснику нужно особое помѣщеніе, снаряды, приготовленія, помощники; чревовѣщателю все это почти лишнее. Онъ показываетъ опыты своего знанія вездѣ и во всякое время, и тѣмъ непонятнѣе его средства, тѣмъ изумительнѣе эффектъ на зрителя, что

дѣйствующія лица его сценъ остаются невидимыми; но такъ-какъ зритель слышитъ ихъ голоса, то невольно вѣрить присутствію невидимыхъ существъ. Разумѣется, что искусство поддѣлываться подъ разные голоса составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣховъ и славы чревоѣщателя.

Мы уже сказали, что чревоѣщатели говорятъ обыкновенными голосовыми органами, хотя нѣсколько видоизмѣняютъ механизмъ выдыханія, при образованіи звуковъ. По этому нельзя допустить, чтобы мускулы лица оставались совершенно неподвижными во время чревоѣщанія, хотя аббатъ Шапель, подробно описавшій намъ представленія Сень-Жиля ¹² и даже Луи Брабана ¹³, положительно утверждаетъ, что лица ихъ оставались совершенно — неподвижными, какъ-бы въ мертвенномъ состояніи.

Знаменитый физиологъ Ришеранъ, внимательно рассматривавшій искуснаго Фицъ-Джемса, во время его опытовъ, утверждаетъ, что при этомъ

¹² Сень-Жиль (Saint-Gille) былъ мелочнымъ торговцемъ въ небольшомъ городкѣ Saint-Germain-en-Laye.

¹³ Луи Брабанъ служилъ камердинеромъ при французскомъ королѣ Францискѣ I. Онъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ плѣну у Карла V.

замѣтно было сильное растяженіе нижней части живота, и чревоушатель явно утомлялся своими усиліями, прибѣгая по-временамъ къ невольному отдыху.

Аббатъ Шапель сохранялъ намъ множество рассказовъ о продѣлкахъ Луи Брабана и Сень-Жиля, умѣвшихъ хорошо пользоваться своимъ искусствомъ для личныхъ выгодъ. Мы-бы могли привести многія изъ такихъ штукъ; но должно признаться, что оба упомянутые чревоушателя далеко отстали отъ новѣйшихъ. Лучшими чревоушателями девятнадцатаго вѣка являются Фицъ-Джемсъ и Александръ, значительно усовершенствовавшие свое искусство (особливо послѣдній). Главное состоитъ въ отличномъ подражаніи самымъ разнообразнымъ голосамъ, что при помощи хорошей и сильно-развитой имитации довершаетъ очарованіе зрѣлища. Мы сами помнимъ, какъ Александръ одинъ разыгрывалъ дѣлыя пьесы, гдѣ является множество разнообразныхъ лицъ. Необыкновенное пророчество передѣванія и способность измѣнять не только голосъ, но форму тѣла, черты лица и всѣ тѣлодвиженія, дѣлали эти представленія по истинѣ непонятными, и давали просвѣщенному зрителю возможность вѣрить въ чародѣйство. Странная способность Александра имѣть до такой степени

выраженіе въ чертахъ своего лица, что одна половина казалась смѣющеюся, когда другая плакала, увѣковѣчена на память потомству въ прекрасномъ мраморномъ бюстѣ, работы искуснаго скульптора Жозефа.

Мы когда-нибудь расскажем подробности нѣсколькихъ сценъ, игранныхъ Александромъ, съ критическими замѣчаніями и поясненіями способовъ, употребленныхъ имъ для довершенія ялловія зрителей. Въ этомъ есть много интереснаго. Многіе изъ нашихъ читателей вѣроятно помнятъ еще представленія Александра.

Приведемъ другіе факты объ этомъ-же предметѣ, менѣе извѣстные, но не менѣе любопытные.

Путешественники въ Сѣверномъ Ледовитомъ морѣ, посѣщавшіе Эскимосовъ, особенно китолвы, единогласно свидѣтельствуютъ, что между этими полудикими народами процвѣтаетъ искусство чревоушачія. Тамъ оно въ большомъ почетѣ и чревоушачатели пользуются огромнымъ вліяніемъ на невѣжественную толпу.

Приводимъ здѣсь собственные слова капитана Лейона ¹⁴, наблюдавшаго эскимосскихъ чревоушачателей въ Ингуликѣ. Многіе видѣли тоже

¹⁴ Lyon, изъ Гуллы.

самое, но не всё наблюдали съ такимъ вниманіемъ и толкомъ, какъ капитанъ Лейонъ.

« Въ числѣ нашихъ ингуликскихъ знакомцевъ были двѣ колдуньи и два колдуна, изъ которыхъ главный звался Тулемакъ: онъ былъ очень ловокъ и хитеръ и, благодаря этимъ качествамъ, вмѣстѣ съ профессіею колдовства, пользовался у своихъ соотечественниковъ большимъ почетомъ. Видя, что я начальникъ бѣлыхъ людей, онъ счелъ приличнымъ сдружиться со мною и черезъ нѣсколько дней мы сошлись до того, что Тулемакъ радъ былъ идти за меня въ огонь и въ воду. Желая показать мнѣ всю свою привязанность, онъ пригласилъ меня присутствовать при тайныхъ его сношеніяхъ съ духомъ *Торнгою*, чѣмъ-то въ родѣ водянаго дѣдушки. Но такъ-какъ мѣстность и ночное время препятствовали мнѣ наблюдать за всѣми манипуляціями колдуна, то я сталъ убѣждать его на свиданіе съ духомъ въ каютѣ моего корабля. Сначала Тулемакъ отказалъ мнѣ въ такомъ нарушеніи принятыхъ обрядовъ; но нѣсколько нитокъ разноцвѣтнаго бисера и перочинный ножикъ съ выдвигаемымъ дезвиемъ привлекли на мою сторону могущественную союзницу, жену Тулемака, чрезвычайно корыстолюбивую и тщеславную старуху, имѣвшую большую власть надъ мужемъ. Прельщевная моими

подарками и похвалами, она уговорила мужа согласиться на мое желаніе».

«Колдунъ явился вечеромъ, вмѣстѣ съ женою, и вошелъ въ мою каюту съ самымъ мрачнымъ видомъ. Тотчасъ свѣчи были вынесены и колдунъ запѣлъ непонятную для меня пѣсню; жена его повторяла на-распѣвъ и на разные голоса слово Ам-на-ся, что и продолжала во все время представленія. Пропѣвъ минутъ съ пять заунывнымъ голосомъ, колдунъ сталъ ревѣть, пыхтѣть и кружиться на одной ногѣ, призывая духа Торнгу. Шумъ, крики и ревъ постепенно увеличивались и переходили въ разнообразныя вариации. а колдунъ, дойдя до крайности бѣснованія, сталъ рвать на себѣ платье и волосы и повалился на полъ. Голосъ его сдѣлался сильнымъ и видимо ослабѣлъ; казалось, онъ постепенно удалялся отъ меня все ниже и ниже подъ полъ, какъ-будто-бы Тулемакъ спускался внизъ. Тутъ старуха объявила мнѣ, что мужъ ея отправился на дно отыскивать Торнгу, и мнѣ дѣйствительно чудилось, что кто-то плещется въ водѣ подъ кораблемъ. Не прошло минуты, какъ вдали послышался голосъ, медленно и постепенно приближавшійся; но этотъ голосъ нисколько не походилъ на Тулемаковъ. На мой

вопросъ старуха отвѣчала, съ замѣтнымъ страхомъ, что это голосъ духа Торнга».

«Вскорѣ между духомъ и Тулемакомъ завязался разговоръ, въ который вмѣшивалась по временамъ и старуха; но всѣ три голоса были совершенно различны между собою. Случалось, что два голоса говорили разомъ, но тогда непременно одинъ изъ нихъ принадлежалъ старухѣ, такъ-что ни разу духъ и колдунъ не говорили одновременно. Признаться, я не много понималъ изъ всего этого разговора, исключая нѣкоторыхъ похвалъ моей особѣ».

«Такъ прошло слишкомъ четверть часа и уходъ духа ознаменовался крикомъ, визгомъ, стукотнею и пѣснями. Тутъ я слышалъ попеременно болѣе десяти различныхъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ, грубыхъ и нѣжныхъ, стариковскихъ и дѣтскихъ, хриплыхъ, свистящихъ, шипящихъ и тому подобныхъ. За тѣмъ раздались мелодическіе звуки, похожіе на тѣ, которые извлекаются вѣтромъ изъ золотой арфы. Все это постоянно слабѣло, удаляясь отъ меня и какъ-будто исчезая въ отдаленіи. Наконецъ воцарилось мертвое молчаніе, среди котораго раздался какъ-бы свистъ летящей на воздухъ ракеты и немедленно за тѣмъ сильный ударъ по полу. Тулемакъ вскочилъ съ полу и своимъ нату-

ральнымъ голосомъ объявилъ мнѣ и женѣ, что онъ возвратился, проводивъ Торнгу въ его подводную пещеру».

«Этимъ кончилось представленіе. Принесли свѣчи и усталый колдунъ просилъ позволенія удалиться».

«Продѣлка эта продолжалась около часа. Хотя въ комнатѣ было довольно темно, но можно было хорошо различить оленью шкуру, подъ которую легъ Тулемакъ, и которая во все время лежала неподвижною. Онъ сильно вспотѣлъ, но лице его не выражало ничего особеннаго, кромѣ усталости».

Капитанъ Лейонъ былъ не разъ свидѣтелемъ другихъ представлений Тулемака. Колдунъ лежалъ замертво подъ оленью шкурою, не обнаруживая никакихъ признаковъ жизни; а между тѣмъ изъ подъ другихъ шкуръ, подъ которыми лежали небольшіе комки и гдѣ никакъ нельзя было спрятаться и ребенку, раздавались разнообразныя голоса. Разумѣется, Тулемакъ приписывалъ ихъ духамъ, повиновавшимся его призыву.

Другіе колдуны дѣлали подобныя-же штуки, но не въ такомъ совершенствѣ.

Изъ этого разсказа не мудрено догадаться

что все колдовство Тулемака заключалось въ чревовѣщаніи.

Но на этотъ разъ довольно о такомъ предметѣ.

Между новѣйшими открытіями весьма замѣчательныя тѣ, которыя относятся къ произведенію гармоническихъ звуковъ. Мы все находимъ болѣе или менѣе удовольствіе въ музыкѣ, мы все знакомы поверхностнымъ образомъ съ устройствомъ музыкальныхъ инструментовъ, но мало кто вникалъ въ ближайшую причину чудныхъ сочетаній звуковъ, ими рождаемыхъ.

Звуки всевозможныхъ родовъ передаются угу почти всегда посредствомъ воздуха, и еслибы наша земля не была одѣта воздушнымъ покровомъ атмосферы, то природа была-бы погружена въ вѣчное безмолвіе. Всякаго рода звуки движутся въ воздухѣ съ быстротою 1,090 футовъ или съ небольшимъ полутораста сажень въ каждую секунду, или почти 19 верстъ въ минуту. Въ жидкостяхъ и по твердымъ тѣламъ звукъ движется еще быстрѣе: такъ въ водѣ онъ пробѣгаетъ 4,700 футовъ, а въ желѣзѣ и стеклѣ 18,500 футовъ или слишкомъ 5 верстъ въ секунду времени.

Если простые отдѣльные звуки будутъ слѣдовать одинъ за другимъ съ чрезвычайно-быстрою послѣдовательностью, то они сольются въ

одинъ непрерывный звукъ, точно такъ, какъ искра на лучинѣ, при быстромъ вращеніи послѣдней, кажется свѣтащимся кругомъ. Впрочемъ. для того, чтобы отдѣльные звуки слились въ одинъ непрерывный, нужно, чтобы они были раздѣлены промежутками не болѣе $\frac{1}{16}$ секунды, то-есть чтобы въ каждую секунду образовалось не менѣе 16 послѣдовательныхъ звуковъ. Чѣмъ они будутъ чаще, тѣмъ выше будетъ звукъ, и обратно. Когда звуки совершенно однообразны и повторяются черезъ равные промежутки, тогда рождается то, что мы называемъ *музыкальными звуками*, изъ которыхъ образуются звуки *гармоническіе*.

Теорія звуковъ даетъ множество любопытныхъ выводовъ, которыми чародѣйство весьма мало пользовалось, вѣроятно по незнанію. Перечисленіе и объясненіе ихъ повело бы насъ слишкомъ далеко. Мы лучше упомянемъ объ одномъ весьма замѣчательномъ и съ перваго взгляда парадоксальномъ свойствѣ звуковъ, именно:

Два сильные звука могутъ родить тишину.

Въ панданъ этому правилу приведемъ другое, не менѣе парадоксальное съ перваго взгляда, изъ оптики:

Два сильные свѣта могутъ родить мракъ.

Пояснимъ это.

Если двѣ равныя и во всемъ сходныя между собою струны или два столба воздуха въ равно и совершенно-одинаковыхъ трубахъ будутъ совершать акуратно по 100 дрожаній въ секунду, то каждый отдѣльно родитъ равныя волненія звука, которыя сольются въ одинъ непрерывный, равняющійся силою обоимъ отдѣльнымъ, виѣстѣ ввѣтывшъ. Но если струны или столбы воздуха будутъ только весьма близки къ согласію, такъ-что одинъ будетъ дрожать 100, а другой 101 разъ въ секунду, то при первомъ дрожаніи оба звука сольются также въ одинъ, въ двое сильнѣйшій каждаго отдѣльно. Но постепенно дрожанія одной струны будутъ опереживать дрожанія другой, такъ-что чрезъ 50 дрожаній первая опередитъ вторую одною полу-вibraціею (полу-дрожаніемъ). Въ это мгновеніе оба звука *взаимно уничтожатъ другъ-друга* и воспослѣдуетъ промежутокъ совершенной тишины или молчанія. Звукъ мгновенно возоблвится и постепенно увеличится до сотой vibraціи, гдѣ оба дрожанія сольются въ одинъ двойной силы звукъ. При 150, 250, 350 дрожаніяхъ, то-есть чрезъ промежутки одной се-

кунды, будутъ возобновляться промежутки тишины, тогда-какъ при 200, 300, 400 дрожаніяхъ звукъ получить двойную силу. Но если между двумя дрожащими струнами или столбами воздуха существуетъ большая разница въ быстротѣ дрожаній, то непрерывные и какъ-бы беспорядочные промежутки тишины и усиленія звука производятъ страшную разладицу.

Этого рода опыты весьма любопытны при помощи сильнаго органа.

Соотвѣтственное описанному оптическое явленіе еще удивительнѣе, но здѣсь не мѣсто говорить о немъ. Вообще, предметъ, о которомъ мы теперь начали бесѣдовать, требуетъ предварительныхъ акустическихъ и оптическихъ знаній; а потому, оставивъ его, обратимся къ болѣе общепонятному, къ тѣмъ дивнымъ произведеніямъ просвѣщеннаго искусства, гдѣ мертвая матерія подражаетъ дѣйствіямъ живой. Я разумѣю здѣсь машины, называемыя *автоматами*.

Автоматы были весьма различныхъ родовъ. Мы займемся теперь такими изъ нихъ, которые устроены на основаніи правилъ и законовъ акустики.

Такого рода автоматы не рѣдкость и давно известны въ Европѣ. Знаменитый швейцарскій

механикъ М. Л. Дрозъ¹⁵ устроилъ, по заказу испанскаго короля, автоматъ барана, блѣввшій точно какъ живой. Еще любопытнѣе была механическая собака, сидѣвшая надъ корзиною плодовъ и начинавшая тотчасъ лаять, какъ кто-либо бралъ плодъ изъ корзинки; лай прекращался не прежде, какъ взятое было вновь положено обратно на прежнее мѣсто. Оба автомата сдѣланы однимъ мастеромъ и куплены испанскимъ королемъ.

Еще замѣчательнѣе пѣвчая птица, устроенная господиномъ Мальярде, которую показывали въ Англии и Франціи, за деньги, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Дрозъ гораздо прежде сдѣлалъ такого-же рода птицу, но она далеко была не такъ совершенна, какъ автоматъ Мальярде. Последній состоялъ изъ овальнаго ящика около трехъ дюймовъ длиною. Этотъ ящикъ, поставленный посреди стола, раскрывался по приказанію механика самъ-собою и открывалъ гнѣздышко, въ которомъ сидѣла колибри или птица-муха, съ необыкновенно-красивыми перышками. Птичка поднималась въ гнѣздѣ, махала крылышками, открывала носикъ и щелкала четыре прелестныхъ и различныхъ между собой

¹⁵ М. Л. Dros.

мелодіи. За тѣмъ птичка садилась опять въ гнѣздо и ящичекъ закрывался. Все представленіе продолжалось около четырехъ минутъ.

Недостатокъ мѣста не позволилъ художнику помѣстить внутри механизма нѣсколько различныхъ трубочекъ для полученія весьма разнообразныхъ звуковъ. Онъ удовлетворился одною трубкою, которая, удлиняясь и сокращаясь по мощію поршня, рождала всѣ нужные звуки.

Но всѣ подобнаго рода механическія игрушки ничто передъ автоматами, которыми Вобансонъ удивлялъ Европу. Два знаменитѣйшіе изъ нихъ были: игрокъ на флейтѣ и игрокъ на свирѣли и тамбуринѣ. Первый былъ оконченъ въ 1736 году и надѣлалъ много шума вездѣ, гдѣ его показывали. Въ Парижѣ однако его встрѣтили съ большимъ недоувѣріемъ. Парижскіе ученые еще живо помнили приключеніе съ господиномъ Резеномъ ¹⁶, органистомъ изъ Троя, который показывалъ игрока на арфѣ, изумившаго весь дворъ разнообразіемъ своей игры. Королю не премѣнно захотѣлось поближе познакомиться съ механизмомъ машины, и тогда открылось, что внутри мнимаго автомата сидѣлъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, крошечнаго роста, обладавшій

¹⁶ M. Raisin, organiste à Troyes.

замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ. Не мудрено, что и на Вокансона сперва смотрѣли какъ на шарлатана. Но онъ показалъ и объяснилъ свой механизмъ, что называется—на чистоту, передъ цѣлою комиссіею ученыхъ, наряженною, по его просьбѣ, изъ среды парижской академіи наукъ. Тогда всѣ сомнѣнія исчезли и комиссія, послѣ тщательнаго изслѣдованія, выдала Вокансону свидѣтельство, что его механизмъ подражаетъ всѣмъ естественнымъ приемамъ живаго игрока на флейтѣ, съ изумительною и непостижимою точностію, и что механическое подражаніе живой природѣ достигло здѣсь неслышанной степени совершенства.

Въ 1738 году Вокансовъ издалъ особую брошюру, въ которой подробно описалъ механизмъ своего автомата и основанія, на которыхъ онъ былъ устроенъ. Это описаніе перешло въ весьма многіе сборники и ученые сочиненія. Не смотря на то, автоматъ Вокансона долгое время возбуждалъ справедливое изумленіе Европы и принесъ искусному механику славу и деньги.

Ободренный первымъ успѣхомъ, Вокансовъ приготовилъ въ 1741 году второй автоматъ, пользовавшійся не меньшимъ успѣхомъ; и вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ рядъ новыхъ машинъ этого рода. Упомянемъ здѣсь объ уткѣ, которая

съ удивительною вѣрностью подражала всеѣмъ движеніямъ своего живаго оригинала. Подражаніе было вѣрно до такой степени, что автоматъ не только клевалъ, но и переваривалъ пищу.

Но самый трудный и сложный автоматъ Вокансона былъ его игрокъ на флажолетѣ и тамбуригѣ. Первый инструментъ имѣлъ только три отверстія и разнообразіе тоновъ зависѣло преимущественно отъ напора воздуха и величины отверстія клапановъ. Механизмъ былъ доведенъ до того совершенства, что игралъ двадцать отдѣльныхъ цѣльныхъ пьесъ, съ недостигаемою отчетливостію для лучшаго живаго игрока, потому-что, изъ всеѣхъ духовыхъ инструментовъ, флажолетъ есть самый утомительный для груди, по крайнему разнообразію усилій для произведенія звуковъ. ¹⁷

Оба знаменитые автомата, по смерти Вокансона, проданы гельмштадскому профессору Байрейсу (Baureuss); но неизвѣстно, что случилось съ ними впоследствии и сохранились-ли они до нашего времени.

¹⁷ Для самаго высокаго тона нужно усиліе груди равняющееся почти двумъ пудамъ; а для самаго низкаго едва семи золотникамъ. Можно послѣ этого судить о разнообразіи промежуточныхъ тоновъ.

Въ концѣ минувшаго вѣка была сдѣлана смѣлая попытка къ устройству говорящаго автомата. Въ 1779 году, Императорская санктпетербургская академія наукъ предложила на соисканіе преміи задачу о могуществѣ гласныхъ звуковъ А, Е, І, О, У и устройствѣ снаряда, произносящаго механически эти звуки. Премію получилъ нѣкто Краценштейнъ, доказавшій, что всѣ гласныя могутъ быть механически весьма-ясно произнесены, если дуть въ трубки, имѣющія отверстія опредѣленной формы.

Одновременно съ Краценштейномъ занимался тѣми-же изысканіями знаменитый вѣнскій механикъ Кампеленъ, дошедшій до весьма-важныхъ результатовъ. Его машина, состоявшая изъ треугольнаго ящика, трехъ футовъ длиною, явственно произносила многія слова; но онъ не устроилъ говорящей фигуры. Краценштейнъ-же, не смотря на полученную премію и возбужденныя надежды, не пошелъ далѣе своихъ гласныхъ буквъ.

Въ недавнее время Уиллисъ, въ Кембриджѣ съ успѣхомъ повторилъ опыты Краценштейна и Кампелена, но также не пошелъ далѣе. Остается надежда на будущихъ механиковъ, и въ этомъ отношеніи мы имѣемъ уже указаніе на г. Фа-

бера, изъ Штутгарта. Если вѣрить журналамъ, то механикъ этотъ построилъ машину, имѣющую формы человѣка и произносящую не только всѣ произвольныя слова, но даже могущую сообщать звукамъ всѣ виды модуляцій и интонацій. Однимъ словомъ, г. Фаберу удалось разгадать и поддѣлать истинный механизмъ человеческого голоса. Ротъ автомата снабженъ губами, челюстями и подвижнымъ языкомъ, а легкія и горло замѣнены мѣхомъ и каучуковыми трубками; даже носъ принаровленъ своимъ устройствомъ для произведенія носовыхъ звуковъ. Весь механизмъ говорящей машины приводится въ дѣйствіе помощью шестнадцати клавишей, подобныхъ фортепьяннымъ. Искусною игрою на нихъ производятся всевозможныя сочетанія человеческихъ звуковъ, не ограничиваясь тѣми, которые свойственны одному какому-либо роду. При томъ, автоматъ также поетъ на всевозможные голоса. Въ достовѣрности этихъ дивъ ссылаются на знаменитаго физиолога Іоанна Мюллера и физика Цоггендорфа; но мы не имѣли случая повѣрить достовѣрность этой ссылки.

Выше было сказано, что звуки преимущественно распространяются въ воздухъ, а сила и интонація ихъ зависятъ отъ большей или меньшей плотности этой среды. На вершинахъ

высокихъ горъ, гдѣ воздухъ значительно рѣже, чѣмъ въ нашихъ долинахъ, звукъ до того слабѣетъ и видоизмѣняется, что два самыхъ близкихъ пріятеля не могли-бы тамъ узнать другъ друга по голосу, а пистолетный выстрѣлъ едва слышится, какъ выстрѣлъ дѣтской хлопушки. Впрочемъ, въ воздухѣ несравненно болѣе-разрѣженномъ звукъ еще возможенъ, хотя, разумѣется, причина сотрясенія должна быть тамъ гораздо-сильнѣе. Мы имѣемъ весьма-основательныя причины допустить, что многіе изъ тѣхъ блестящихъ огненныхъ метеоровъ, которые лопаются съ сильнымъ грохотомъ, и разрываются на такой высотѣ, гдѣ воздухъ въ три тысячи разъ рѣже чѣмъ тотъ, которымъ мы обыкновенно дышемъ. Звонъ самыхъ огромныхъ колоколовъ и выстрѣлы большихъ артиллерійскихъ орудій рождали-бы тамъ звукъ столь-слабый, что самое чуткое ухо не могло-бы уловить его; а мы знаемъ, что болиды лопаются тамъ съ такимъ страшнымъ трескомъ, что послѣдній, достигнувъ земной поверхности, равняется еще самымъ сильнымъ грозовымъ ударамъ. Что, еслибы такой болидъ лопнулъ вблизи нашихъ ушей? Впрочемъ, мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ зданій, разрушенныхъ чрезвычайно-сильнымъ звукомъ, не говоря уже

о томъ, что люди и животныя были убиваемы однимъ сотрясеніемъ воздуха.

Ухо есть органъ чувствъ, не знающій почти никогда совершеннаго покоя. Тогда — какъ въ глубокую ночь почти всѣ другіе органы покоятся, ухо продолжаетъ получать возбужденія отъ окрестныхъ предметовъ. Только поднявшись на огромную высоту на аэростатѣ, или на вершинахъ высочайшихъ пиковъ, на Андахъ и Гималаѣ, человекъ можетъ насладиться совершенною тишиною и молчаніемъ окрестности.

Всѣмъ извѣстенъ замѣчательный фактъ, что звуки гораздо — яснѣе слышатся ночью, чѣмъ днемъ. Въ обитаемыхъ мѣстахъ это можно-бы приписать успокоенію движенія народонаселенія; но въ пустыняхъ этого объясненія допустить невозможно, хотя и тамъ существуетъ тотъ-же самый фактъ. Въ долинѣ Апуры Гумбольдтъ слышалъ грохотъ большихъ водопадовъ Ореноко втрое явственнѣе ночью, чѣмъ днемъ; въ этихъ пустыняхъ Новаго — Свѣта шумъ вѣтра, колышущаго листья и разнообразныя свистящія, шипящія, щебечущія звуки животной природы гораздо — слышнѣе ночью, чѣмъ днемъ. Авторъ «Космоса» полагаетъ, что такое явленіе зависитъ отъ совершенной прозрачности и равномерной плотности воздуха, возможныхъ только въ

ночное время, когда теплота земли однообразно распространится въ атмосферѣ. Во время-же дня, солнечные лучи, согрѣвая земную поверхность, рождаютъ воздушные токи различныхъ температуръ и плотностей, непрерывно поднимающіеся на верхъ и смѣшивающіеся съ верхнимъ холоднымъ воздухомъ; звуки въ первомъ случаѣ проходятъ безъ всякой помѣхи, тогда-какъ въ последнемъ они преломляются, переищиваются и оттого ослабѣваютъ. Такъ-какъ звуки движутся съ различною быстротою въ срединахъ различной плотности, то волны, образуемыя звукомъ, частію отражаются и преломляются, переходя изъ одной среды въ другую, и направленіе ихъ измѣняется; естественнымъ образомъ, при такихъ обстоятельствахъ, различныя части звучной волны достигаютъ до уха не одновременно, и разлагаясь на части, ослабляютъ впечатлѣніе звука.

Это объясненіе можетъ-быть подтверждено множествомъ самыхъ разительныхъ фактовъ. Если погрузить колокольчикъ въ смѣсь водороднаго газа и воздуха, то звонъ этого колокольчика будетъ едва слышенъ, по причинѣ смѣшенія здѣсь срединъ различной плотности. Во время сильнаго дождя или снѣга звуки также ослабляются. Наконецъ, если звукъ передается же-

лѣною полоскою или трубою значительной длины, то слышатся два звука, вмѣсто одного: первый—быстрѣе—переданный металломъ, а второй—медленнѣе—воздухомъ.¹⁸

На этомъ основанъ весьма легкій и прекрасный опытъ Хладни, который, вѣроятно, будетъ повторенъ многими изъ нашихъ читателей. Известно, что если ударить слегка ножомъ или вилокю по боку бокала съ шампанскимъ, то стекло издаетъ особаго рода чистый звукъ. Но налейте этотъ бокалъ до половины пѣнящимся шампанскимъ и стекло потеряетъ способность звучать: звукъ, пожалуй, будетъ, но глухой, непріятный и вовсе непохожій на прежній. Такая странная переиѣна будетъ существовать до-тѣхъ-поръ, пока вино въ бокалѣ будетъ продолжать отдѣленіе газовыхъ пузырьковъ: по мѣрѣ ихъ уменьшенія, прежняя звучность стакана будетъ возвращаться и восстановится совершенно, когда вино перестанетъ кипѣть. Прибавьте въ него сахару, и при возобновившемся отдѣленіи газа стекло опять будетъ звучать глухо и непріятно.

Шампанское вино, при этомъ опытѣ, можетъ быть замѣнено газовымъ лимонадомъ и всякою

¹⁸ Мы выше сказали, что металлы передаютъ звукъ гораздо быстрѣе чѣмъ воздухъ и даже жидкости капельныя (напримѣръ, вода).

другую жидкостью, быстро отдѣляющею изъ себя газъ.

Отраженіе звуковъ производитъ всежь знакомое явленіе—*эхо*. Впрочемъ, если звукъ отражается отъ прямой гладкой стѣны, то эхо не представляетъ ничего особенно-замѣчательнаго. Но въ горахъ, гдѣ представляются для отраженія звучныхъ волнъ поверхности самыхъ разнообразныхъ формъ, явленіе дѣлается сложнѣе и грандіознѣе. Какимъ, напримѣръ, страшнымъ грохотомъ и громовыми перекатами сопровождается въ горахъ каждый выстрѣлъ изъ пушки. Раскаты естественнаго грома во время грозы въ горахъ такъ величественны и поразительны, что житель долины, не бывшій ихъ свидѣтелемъ, не можетъ составить себѣ о нихъ соответствующаго понятія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ слѣдствіе особаго расположенія зданій и природныхъ возвышеній и углубленій, эхо представляетъ необыкновенныя и весьма-любопытныя явленія. Такъ на дворѣ виллы маркиза Симонетти, близъ Милана, всякое тихо сказанное слово повторяется до сорока разъ, а пистолетный выстрѣлъ даже до шестидесяти ¹⁹. Звуки эхо повторяются здѣсь въ

¹⁹ Вилла построена такъ, что отъ главнаго корпуса идутъ два перпендикулярные флигеля,

такой быстрой послѣдовательности, что ухо может различать ихъ только раннимъ утромъ, когда воздухъ совершенно спокоенъ.

Докторъ Пленъ описалъ эхо въ паркѣ замка Вудстофъ, повторяющее семнадцать слоговъ днемъ и двадцать ночью. Эхо сѣверной стѣны Шиплейской церкви, въ Суссексѣ, повторяетъ двадцать одинъ слогъ ²⁰. Сэръ Джонъ Гершель упоминаетъ объ эхо въ палаццо Манфрони, въ Венеціи, гдѣ шаги человѣка, находящагося внутри квадратной залы, въ три съ половиною сажени вышиною и съ куполообразнымъ потолкомъ, повторяются эхомъ нѣсколько разъ. Тоже самое явленіе замѣчается и въ одной изъ залъ библиотеки неаполитанскаго музеума.

Въ окрестностяхъ Рима существуетъ мѣстность, описанная Дженефаемъ, представляющая любопытную игру эхо. Пѣвецъ, стоящій въ известномъ положеніи, не слышитъ отголоска собственнаго пѣнія, тогда—какъ лица, стоящія поодаль, въ различныхъ направленіяхъ, слышатъ, смотря по мѣсту, отдѣльныя части пѣсни, не слыша другихъ. Притомъ, одному кажется, что

въ разстояніи 8 или 10 сажень другъ отъ друга. Стѣны этихъ флигелей, внутрь двора, сплошныя, безъ оконъ и дверей.

²⁰ Я самъ слышалъ это эхо.

звуки прилетаютъ снизу, другому сверху; одинъ слышитъ ихъ спереди, другой сзади; иной справа, иной слѣва. При каждой перемѣнѣ мѣста общій эффектъ явленія совершенно измѣняется.

Докторъ Бишъ упоминаетъ объ эхо, существовавшемъ въ Аргайльскомъ графствѣ, но нынѣ уже уничтожившемся. Здѣсь восемь или десять нотъ, взятыхъ на духовомъ инструментѣ (преимущественно на трубѣ или волторнѣ), весьма правильно повторялись два раза; только въ первый разъ полу-нотой, а во второй разъ цѣлою нотой ниже.

Въ длинныхъ галереяхъ слова, сказанныя шопотомъ, слышны на такомъ разстояніи, на которомъ въ открытой мѣстности нельзя разслышать громко сказанныхъ словъ. Такое явленіе можетъ зависѣть отъ двойной причины. Звукъ переносится или повторенными отраженіями отъ кривой поверхности, по направленію сторонъ многоугольника, вписаннаго въ кругъ, или когда два лица находятся въ соответствующихъ фокусахъ эллиптическихъ вогнутостей или впадинъ. Первый примѣръ представляется въ галереѣ церкви святаго Павла, въ Лондонѣ, и въ осьмиугольной внутренности Глостерскаго собора ²¹, гдѣ

²¹ И здѣсь фактъ повѣренъ мною лично.

слово, сказанное шопотомъ, слышится на разстояніи слишкомъ девяти сажений. Примѣръ втораго рода можно встрѣтить въ Пизанскомъ соборѣ, гдѣ архитекторъ Джіованни устроилъ эллиптическій куполъ такъ, что слово, сказанное шопотомъ въ одномъ изъ фокусовъ, ясно слышится въ другомъ фокусѣ, тогда-какъ лица, стоящія въ промежуткѣ, рѣшительно ничего не слышатъ.

Въ Агригентскомъ соборѣ, въ Сициліи, два фокуса, находящіеся въ разстояніи 35 сажений, представляли такое-же точно явленіе. Говорятъ, что ранѣе 1827 года находилась въ одномъ изъ фокусовъ случайно-помѣщенная тамъ исповѣдная, и что лица, становившіяся въ другомъ фокусѣ, ясно слышали шопоть кающагося въ разстояніи 35 сажений. Соблазнъ впрочемъ продолжался короткое время и немедленно были приняты мѣры къ его прекращенію.

Джонъ Гершель, въ своей акустикѣ, упоминаетъ о звукѣ, производимомъ всякимъ мостомъ на Менайскомъ проливѣ ²². Здѣсь ударъ молоткомъ по одному изъ устоевъ повторяется на всѣхъ поперечникахъ настилки и на противоположномъ устоѣ, пройдя разстояніе въ 573 фу-

²² Въ Гальской провинціи.

та. Это явленіе представляетъ еще множество другихъ особенностей.

Всѣмъ извѣстно преданіе древности о «*Діонисіевомъ ухѣ*». Сиракузскій тиранъ сажалъ своихъ плѣнниковъ вдвоемъ въ небольшую комнату съ вогнутыми стѣнами и сводомъ, отъ которыхъ малѣйшій шопотъ отражался въ одномъ углу близъ потолка. Тутъ была продѣлана въ стѣнѣ труба, выходившая въ кабинетъ Діонисія, прикладывавшаго ухо къ ея устью.

По опытамъ Савара, человѣческое ухо такъ чувствительно, что ему доступны звуки происходящіе отъ двадцати-четырехъ тысячъ дрожаній въ одну секунду, и потому можно еще слышать звукъ, продолжающійся $\frac{1}{24000}$ часть секунды. Конечно, такого рода звуки слышатся только въ формѣ скрипа, шарканья, щebetанья. Не всѣ однакоже одарены одинаковымъ образованіемъ слуховаго органа. Есть лица, которыя слышатъ весьма-хорошо, но которымъ недоступны извѣстные звуки, напримѣръ стрекотанье сверчка. Я самъ знаю одного извѣстнаго ученаго, который слышитъ полетъ мухи, но не можетъ различить жужжаніе комара.

Между естественными чудесами акустики славится каменная статуя Мемнона, сына Ав-

роры, лежавшая нѣсколько столѣтій погребенною въ египетскихъ пескахъ. Исторія этого истукана весьма-темна и запутана. Страбонъ утверждаетъ, что онъ упалъ вслѣдствіе землетрясенія, хотя въ Египтѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ такихъ явленій. Напротивъ-того, Кассемиусъ, въ своей диссертациі о «говорящихъ камняхъ», ссылается на Століаста и Ювенала, приписывающихъ низверженіе Мемноновой статуи Камбизу. Филостратъ говоритъ, что статуя была обращена лицомъ къ востоку и начинала говорить, какъ-только солнечные лучи касались ея губъ. Павзаній, наблюдавшій статую уже послѣ ея низверженія, утверждаетъ, что то былъ истуканъ солнца, извѣстный у Египтянъ подъ именемъ Фаменофиса, а не Мемнона, и что ежедневно, при солнечномъ восходѣ, онъ издавалъ звуки, которые можно уподобить звукамъ лопающихся лирныхъ струнъ. Страбонъ упоминаетъ объ одномъ только звукѣ; но Ювеналъ, долго прожившій въ Египтѣ, и, вѣроятно, не разъ наблюдавшій статую, говоритъ о различныхъ звукахъ: «*Dimidio magicæ resonant ubi Memnona chordæ; то-есть: «Гдѣ звучитъ волшебными струнами половина Мемнона».*

Простые звуки, безъ всякихъ сочетаній, превратились впоследствии времени, по общему

правилу «fama crescit eundo»²³, въ сочетаніе словъ, заключающихъ опредѣленный смыслъ и, наконецъ, даже въ изрѣченія оракула, состоявша изъ семистишій, о чемъ свидѣлствуетъ греческая надпись на лѣвой ногѣ истукана. Последнее было дѣломъ пройдохъ—жрецовъ; но что статуя издавала простые звуки, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и многіе изъ новѣйшихъ путешественниковъ увѣряютъ, что фактъ существуетъ по-нынѣ. Смитъ, подробно осматривавшій статую въ первой четверти нынѣшняго вѣка, самъ слышалъ знаменитые звуки и полагаетъ, что они происходятъ отъ струи воздуха, истекающей изъ пустой внутренности истукана. Холодный ночной воздухъ внутренности, согреваясь солнечными лучами, посредствомъ своей каменной оболочки, расширялся и струился наружу сквозь незамѣтную щель, рождая таинственные звуки, которыми такъ—хорошо умѣли пользоваться древніе египетскіе жрецы.

Лангль и Сальвертъ объясняли звуки Мемноновой статуи фокусничествомъ жрецовъ и весьма сложнымъ внутреннимъ механизмомъ. Первое теперь не существуетъ, а послѣдній существовалъ только въ воображеніи Сальверта

²³ Молва идучи возрастаетъ.

и не можетъ-быть допущенъ здравомыслящимъ человекомъ.

Гумбольдтъ видѣлъ на берегахъ Ореноко скалы, издающія, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, странные звуки, приписываемые туземными Индѣйцами голосу злыхъ духовъ. Внутри этихъ скалъ существуютъ обширныя пустоты, изъ которыхъ, сквозь скрытыя щели и отверстія разныхъ формъ, вырывается струями нагрѣтый дневнымъ жаромъ воздухъ. Очевидно, что здѣсь причина звуковъ таже, что и у Мемноновой статуи.

Почти въ то-же самое время, какъ Гумбольдтъ наблюдалъ звучащія скалы на берегахъ Ореноко, господа Жомаръ, Жаллуа и Девилье открыли посреди развалинъ Карнака (въ Египтѣ) гранитный памятникъ, издававшій при солнечномъ восходѣ звукъ, похожій на звукъ лопнувшей струны. Причина звука была таже, какъ въ Мемноновой статуѣ и въ звучащихъ скалахъ долины Ореноко.

Исслѣдованія новѣйшихъ путешественниковъ указываютъ намъ еще на одно явленіе звуковъ, издаваемыхъ камнемъ. Верстахъ въ десяти къ сѣверу отъ Тора (въ Каменистой Аравіи) находится гора, издающая странные таинственные звуки. Арабы рассказываютъ, что на этомъ са-

шомъ мѣстѣ жили нѣкогда мусульманскіе отшельники, на которыхъ напали разбойники; но невидимая сила спасла старцевъ отъ насилія, одѣвъ ихъ каменною горою, внутри которой они по нынѣ ведутъ богоугодную жизнь. Звуки-же происходятъ отъ стальной полосы, горизонтально-повѣшенной посреди мечети отшельниковъ, и въ которую старѣйшина ударяетъ, сзывая ихъ къ молитвѣ.

По словамъ Зецена, перваго изъ европейцевъ посѣтившаго эту гору, она состоитъ изъ весьма твердаго песчаника и усѣяна надписями греческихъ, арабскихъ и коптскихъ именъ. На горѣ находится нѣсколько весьма крутыхъ, почти-гладкихъ скалъ, едва покрытыхъ отчасти мелкимъ пескомъ. Зеценъ самъ слышалъ звуки, весьма похожіе на звукъ золотой арфы, и убѣдительными опытами удостовѣрился, что они производятся треніемъ песка, скользящаго отъ толчковъ вѣтра по гладкимъ склонамъ скалъ. Таинственная гора слыветъ подъ именемъ Эльпака.

При составленіи понятій о физическихъ явленіяхъ, мы почти всегда руководствуемся впечатлѣніями чувствъ. Только съ ихъ помощію мы

получаемъ понятія о внѣшнихъ качествахъ предметовъ и о ихъ взаимныхъ разнородныхъ другъ на друга дѣйствіяхъ. На этомъ основаніи обыкновенно полагаютъ, что свидѣтельство чувствъ можетъ быть принимаемо за неоспоримое доказательство всѣхъ явленій доступнаго намъ міра.

Однакоже, ввѣряясь безотчетно впечатлѣніямъ чувствъ и не повѣряя ихъ строгимъ анализомъ разсудка, мы часто и легко впадаемъ въ безчисленные заблужденія, происходящія отчасти отъ непониманія истинной природы и назначенія органовъ, помощію которыхъ обнаруживаются чувства. Эти органы вовсе не имѣютъ назначенія играть роль точныхъ снарядовъ, при ученыхъ изслѣдованіяхъ. Еслибы природа предназначила ихъ для этой цѣли, то весьма вѣроятно, что они съ гораздо-бы меньшею пользою служили намъ въ потребностяхъ обыденной жизни. Локкъ говоритъ весьма справедливо, что еслибы глазъ человѣка былъ въ состояніи различать мельчайшіе атомы тѣлъ, еслибы, напримѣръ, онъ могъ различать отдѣльные атомы металла, изъ котораго сдѣлана часовая стрѣлка, то онъ не могъ-бы обнять всю совокупность той стрѣлки и не въ состояніи-бы былъ извѣщать насъ о часѣ, ею показыва-

важомъ. Къ этому можно еще прибавить, что еслибы глаза имѣли, на примѣръ, свойство телескоповъ, то мы могли-бы разсматривать или отдаленныя небесныя тѣла точно также, какъ это дѣлаемъ нынѣ при помощи зрительныхъ трубъ; но это-бы весьма-плохо вознаграждало насъ за утрату той обыкновенной способности зрѣнія, помощію которой мы, въ настоящемъ порядкѣ вещей, пользуемся для разсматриванія окружающихъ насъ предметовъ и явленій. Предметъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, еще лучше доказывается сравненіемъ инструментовъ, употребляемыхъ въ общественномъ и домашнемъ быту съ тѣми, которые предназначаются для точныхъ ученыхъ изслѣдованій. Гидростатическіе вѣсы, которыми физикъ опредѣляетъ относительный вѣсъ различныхъ веществъ, или вѣсы, служащіе при химическихъ анализахъ для взвѣшиванія тѣлъ съ точностію, доходящею до десятыхъ долей миллиграмма, были-бы совершенно бесполезны въ рукахъ торговца или хозяина дома. Всякое орудіе, какого-бы оно рода ни было, имѣетъ свое назначеніе и соответствующую этому назначенію степень точности.

На предшествующихъ страницахъ мы представили множество примѣровъ заблужденій двухъ главнѣйшихъ изъ нашихъ чувствъ, имѣющихъ

притомъ и наибольшій кругъ дѣйствія. Къ сказанному выше мы присовокупимъ здѣсь еще нѣсколько строкъ о томъ-же предметѣ.

Всѣмъ извѣстны явленія восхода и заката солнца и луны, явленія, которыя мы можемъ наблюдать ежедневно въ ясную погоду. Всякому кажется, что сказанныя свѣтила, находясь близъ горизонта, являются подъ большими размѣрами, нежели тогда, когда мы ихъ видимъ высоко на небесномъ сводѣ. А между-тѣмъ подобный выводъ совершенно ложенъ. Измѣряя точными астрономическими инструментами величину поперечника солнца, мы убѣдимся, что оно представляется совершенно подъ однимъ угломъ на восходѣ и закатѣ, какъ и въ высшей точкѣ своего положенія на небѣ, въ полдень. Что-же касается до луны, то она, будучи близка къ зениту, является намъ въ дѣйствительности еще нѣсколько большею, чѣмъ близъ горизонта.

Этотъ оптичскій обманъ былъ объясняемъ весьма-многими астрономами и физиками, но, признаемся откровенно, что мы не удовлетворяемся вполнѣ ни однимъ изъ этихъ объясненій. Понынѣ даже не рѣшено положительно: происходитъ-ли тутъ обманъ чувствъ, или обманъ ума, т.-е. умозаключенія? Мы - бы могли привести здѣсь нѣсколько такихъ объясненій, но считаемъ

ихъ излишними: любопытствующіе могутъ найти ихъ въ любомъ курсѣ *астрономіи* или *космографіи*.

Вообще должно сказать, что впечатлѣнія, доставляемыя органомъ зрѣнія, требуютъ тѣмъ строжайшей повѣрки умомъ, что воспримчивость глаза подвержена быстрымъ и частымъ измѣненіямъ, такъ-что однѣ и тѣ-же предметы производятъ на него въ разное время различныя впечатлѣнія. Такъ-напримѣръ, при одинаковой обстановкѣ и при одинаковомъ состояніи глаза, мы можемъ считать себя въ совершенной темнотѣ, или, въ другомъ случаѣ, довольно-ясно различать окружающіе насъ предметы. Если мы, находившись довольно-долгое время въ ярко-освѣщенномъ пространствѣ, войдемъ вдругъ въ комнату весьма-слабо освѣщенную разсѣянныи свѣтомъ, то намъ покажется сперва, что въ ней царствуетъ совершенная темнота; но когда глазъ нашъ попривыкнетъ къ этому мраку, то, спустя болѣе или менѣе короткое время, мы придемъ въ состояніе довольно-ясно видѣть всѣ предметы, находящіеся въ упомянутой слабо-освѣщенной комнатѣ.

Это происходитъ отъ устройства самаго глаза. Круглое отверстіе, называемое *зрачкомъ*,

сквозь которое проходит свѣтъ, дѣйствующій на оптическій нервъ и производящій въ насъ ощущенія видѣнія, окружено упругимъ кольцомъ, называемымъ *радужною оболочкою*, имѣющею способность сжиматься и расширяться при помощи особыхъ мускуловъ. Величина отверстія зрачка обуславливаетъ количество свѣта, передаваемого сѣтчатой оболочкѣ глаза. Если мы находимся въ ярко-освѣщенномъ мѣстѣ, то мускулы, управляющіе отверстіемъ зрачка, уменьшаютъ его размѣры до-тѣхъ-поръ, пока онъ станетъ пропускать только то количество свѣта, при которомъ глазъ можетъ оставаться въ нормальномъ состояніи. Если мы затѣмъ перейдемъ въ слабо-освѣщенное мѣсто, то сначала намъ покажется, что мы находимся въ совершенной темнотѣ, потому-что отверстіе зрачка отъ сейчасъ сказаннаго дѣйствія сильнаго свѣта весьма уменьшилось. Но находясь въ полу-темнотѣ, зрачекъ тотчасъ-же начинаетъ расширяться и скоро увеличивается до того, что сквозь него будетъ проходить достаточное количество свѣта для разсмотрѣнія близьлежащихъ предметовъ.

Мы выше говорили о заблужденіяхъ зрѣнія относительно различенія отдѣльныхъ цвѣтовъ.

Иногда самый здоровый и вѣрный глазъ дѣлается на нѣкоторое время нечувствительнымъ относительно извѣстныхъ красокъ, если будетъ подверженъ дѣйствию сильнаго окрашеннаго свѣта. На этомъ основываютъ извѣстные обманы зрѣнія при нашихъ фейерверкахъ. Когда, напримеръ, поднимаются въ воздухъ бѣлые, свѣтлые шары или звѣзды одновременно съ красными, то бѣлые по бокамъ красныхъ кажутся зеленоватыми или голубоватыми. По той-же самой причинѣ, если при захожденіи солнца, между красноватыми облаками, будетъ находиться пустое безцвѣтное или лазуревое пространство, то оно покажется намъ зеленоватымъ, а иногда даже довольно ярко-зеленымъ.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ обмановъ зрѣнія происходитъ при опредѣленіи числа видимыхъ нами предметовъ. Мы приведемъ здѣсь любопытный случай впечатлѣнія, производимаго на зрѣніе видомъ звѣзднаго неба въ безлунную, но ясную ночь. Съ перваго взгляда число звѣздъ покажется намъ чрезвычайнымъ и мы готовы вѣрить и утверждать, что видимъ десятки, сотни тысячъ, даже милліонны звѣздъ. Но это несправедливое заключеніе о числѣ звѣздъ рождается въ нашемъ умѣ только по причинѣ неправильнаго ихъ расположенія и отсутствія вся-

каго рода естественныхъ разграниченій на небесномъ сводѣ. Не мало помогаетъ здѣсь и воображеніе: такъ-какъ число звѣздъ постоянно и значительно увеличивается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ блеска, то мы невольно и незамѣтно угадываемъ воображеніемъ свѣтила, которыхъ не видимъ глазомъ. Чтобы узнать въ точности число звѣздъ, видимыхъ безъ помощи зрительной трубы, нужно было сперва распределить ихъ на *созвѣздія*, а потомъ сосчитать. Уже въ древности принимались за это дѣло, и астрономъ Ишархъ, жившій за полтора вѣка до Р. Хр., помѣстилъ въ своемъ каталогѣ 1.022 звѣзды. Нынѣ число звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, съ точностію извѣстно, и каждая изъ нихъ имѣетъ свое имя. Число это очень не велико. Боннскій астрономъ Аргеландеръ насчитываетъ на дѣломъ небесномъ сводѣ съ небольшимъ 4,000 звѣздъ, видимыхъ безъ помощи трубъ. По моимъ собственнымъ вычисленіямъ, число звѣздъ видимыхъ въ Петербургѣ простымъ глазомъ, на всей части небосклона намъ являющейся, не достигаетъ 3,200 ²³. Вообще, самый зоркій глазъ

²³ См. *Звѣздное небо*, соч. М. Хотинскаго, стр. 146. Въ Москвѣ видно отъ 50 до 60 звѣздъ болѣе чѣмъ въ С. Петербургѣ.

можетъ увидѣть на цѣломъ небѣ не болѣе 6,000 звѣздъ. А такъ-какъ одновременно можно обозрѣвать только половину небеснаго свода, то въ ясную, безлунную и безсумеречную ночь можно разомъ видѣть только 2,000 и при весьма остромъ зрѣніи не болѣе 3,000 звѣздъ.

Чувства обонянія, вкуса и осязанія также нерѣдко вводятъ насъ въ заблужденіе. Такъ-напримѣръ, если скрестивъ два пальца одной и той-же руки, будемъ вертѣть подъ ними лежащій на столѣ шарикъ или горошину, то намъ будетъ казаться, какъ будто-бы на столѣ не одинъ, а два шарика или горошины.

Если, сжавъ ноздри, будемъ жевать коричу или другую не очень сильную пряность, то она покажется намъ похожею вкусомъ на древесные опилки. Множество веществъ теряютъ большую часть своего вкуса если взять ихъ въ ротъ зажавъ ноздри. Этотъ-же пріемъ употребляютъ, если нужно проглотить непріятное лекарство.

Если мы будемъ поочередно пробовать вещества различнаго вкуса, не давая нервамъ вкуса времени для отдыха, то вскорѣ потеряемъ на короткое время возможность постигать различіе вкусовъ. Поэтому, если, завязавъ глаза, мы станемъ попеременно отвѣдывать пиво и вино,

то, послѣ нѣсколькихъ приѣмовъ, мы не въ состояніи будемъ различить вкуса этихъ жидкостей.

Вкусы, подобно цвѣтамъ и звукамъ, для произведенія пріятнаго впечатлѣнія, должны слѣдовать одинъ за другимъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Въ утонченной жизни новѣйшихъ обществъ, поваренное дѣло возвысилось до степени искусства: оно имѣетъ свои правила, свои законы выведенные изъ опыта и глубокихъ соображеній, и нарушеніе этихъ правилъ сильно оскорбляетъ утонченный и развитой вкусъ. Я ни мало не скрываю убѣжденія, которое раздѣляю со многими очень-образованными и даже учеными людьми, что совершенство поварскаго искусства и строгое приложеніе его правилъ на практикѣ составляетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ высоко-развитой цивилизаціи.

Органъ обонянія притупляется скорѣе всѣхъ прочихъ органовъ чувствъ. Самыми нѣжными и тонкими ароматами можно наслаждаться только изрѣдка и непродолжительное время. Чрезвычайно тонокій и пріятный запахъ цвѣтовъ магноліи и многихъ орхидей доставляетъ скоропреходящее наслажденіе и органъ обонянія очень скоро перестаетъ его чувствовать. Лица любящія благовонія, только частую пережѣною духовъ

успѣвають возбуждать свое притупленное обоняніе.

О заблужденіяхъ чувства осязанія намъ придется еще не разъ говорить въ слѣдующихъ статьяхъ.

IV.

ФОКУСЫ И ДИКОВИНКИ МЕХАНИКИ.

Издали многое кажется намъ удивительнымъ, что вблизи становится весьма-обыкновеннымъ. Удивителенъ только умъ человѣческій, разгадывающій тайны природы.

Албертъ Великій.

На этотъ разъ мы будемъ бесѣдовать о мнимыхъ чудесахъ, основанныхъ на законахъ механики.

Кому изъ насъ не удавалось видѣть фокусы и опыты силы заѣзжихъ *клоуновъ-геркуле-совъ*? Петербургъ и другія столицы ежегодно посѣщаются странствующими силачами, изъ которыхъ у насъ, лѣтъ десятка два тому назадъ, прославился извѣстный Рапшо. Этого рода фокусники бываютъ обыкновенно люди атлетическаго сложенія, такъ-что, глядя на ихъ страшные мускулы, невольно приписываешь всѣ ихъ

продѣлки дѣйствительной физической силѣ, тогда-какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, тѣлесная сила играетъ здѣсь второстепенную роль, а главное состоитъ въ знаніи нѣкоторыхъ особенностей устройства человеческого организма, немногихъ законовъ механики, и особенно въ ловкости приемовъ, пріобрѣтаемой долговременнымъ навыкомъ и упражненіемъ.

Надо предупредить читателя, что такъ-называемые опыты *геркулесовской* силы вовсе не принадлежатъ къ числу новѣйшихъ изобрѣтеній, и мы находимъ многія о томъ свидѣтельства у древнихъ писателей. Такъ-напримѣръ Фирмъ, уроженецъ Селевкии, жившій въ IV вѣкѣ по Р. Х. и казненный при императорѣ Аврелианѣ за его приверженность къ Зиновіи, былъ знаменитъ своими опытами необычайной тѣлесной силы. Вопискусъ рассказываетъ въ жизнеописаніи Фирма, что этотъ послѣдній нерѣдко приказывалъ, для забавы, класть себѣ на грудь тяжелую желѣзную наковальню и ковать на ней желѣзные полосы тяжелыми молотами. Для этого онъ ложился спиною на звѣриную шкуру и упирался ногами и плечами такъ, что все тѣло его образовывало дугу. Мы увидимъ впоследствии, что такое свидѣтельство Вопискуса не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію и носить всѣ признаки

достоверности, заключая въ самомъ себѣ достаточное объясненіе.

Можно приискать еще нѣсколько примѣровъ, подобныхъ предъидущему; впрочемъ, все заставляетъ насъ думать, что опыты *геркулесовской* силы были не весьма обыкновенны до конца XVI вѣка, когда проявилась особенная охота къ подобнаго рода зрѣлищамъ. Въ XVII столѣтіи мы можемъ уже насчитать нѣсколько фокусниковъ, показывавшихъ публично, въ большихъ городахъ Европы, опыты необычайной силы; но истинно-славное имя на этомъ поприщѣ является только въ началѣ XVIII вѣка. Около 1703 года, кентскій уроженецъ, нѣкто Джойсъ (Jouse) публично показывалъ *геркулесовскія упражненія* сперва въ Лондонѣ, а потомъ и въ цѣлой Англій, и получилъ громкое прозваніе *втораго Самсона*. Объ этой личности должно сказать нѣсколько словъ.

Джойсъ обладалъ, дѣйствительно, чрезвычайною тѣлесною силою; но этого было недостаточно для продѣлокъ, которыя доставили ему извѣстность и богатство. Безъ всякой помощи теоріи, а руководствуясь только темными словесными намеками, да собственнымъ трудомъ, онъ открылъ различныя положенія тѣла, въ которыхъ человѣкъ даже обыкновенной силы мо-

жетъ дѣлать штуки, недоступныя для другаго силача. Такъ, пара здоровыхъ ломовыхъ лошадей не могли сдвинуть его съ мѣста; онъ поднималъ тяжести въ тридцать и болѣе пудовъ и т. п. Впрочемъ, такъ-какъ при этихъ представленіяхъ Джойсъ постоянно выставялъ на видъ зрителей свои необычайныя мускулы, то всю изумительность результата обыкновенно приписывали одной его тѣлесной силѣ.

Такимъ — образомъ прошло лѣтъ десять. Джойсъ, наживъ порядочный капиталъ, прекратилъ представленія и только изрѣдка забавлялъ ими своихъ пріятелей. Ближайшее разсмотрѣніе необычайныхъ продѣлокъ побудило нѣкоторыхъ охотниковъ заняться въ свою очередь подобными упражненіями, и вскорѣ метода фокусника была открыта со всѣми ея пріемами и подробностями. Не прошло двухъ лѣтъ и шесть крестьянъ изъ деревни Джойса, не обладавшіе особенною силою, показывали всѣ штуки своего прославленнаго учителя. Должно, однакожь, признаться, что все-таки они не могли дойти до той степени, до которой достигъ Джойсъ, потому-что естественная сила мускуловъ играетъ тутъ одну изъ главныхъ ролей, несмотря на ловкость и знаніе пріемовъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Джойсъ сошелъ со

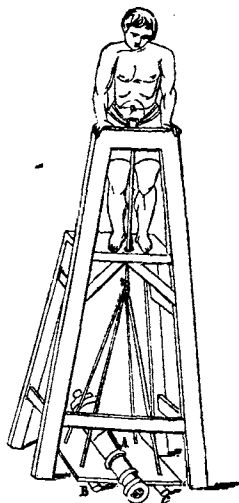
сены своихъ подвиговъ, началъ развѣзжать по Европѣ Юганъ Экебергъ, ангальтскій уроженецъ, прозванный, подобно Джойсу, *вторымъ Сампсономъ*. Несмотря на одинаковость ремесла и прозванія, организація и наружность обѣихъ личностей чрезвычайно разнились одна отъ другой. Джойсъ былъ великанъ и силачъ; Экебергъ—средняго роста и самой обыкновенной силы. Глядя на Джойса, всякій вѣрилъ дѣйствительности и возможности его продѣлокъ, тогда какъ Экебергъ, по мнѣнію многихъ, прибѣгалъ къ помощи чародѣйства и нечистой силы.

Дезагюлье (Desaguliers), долгое время тщательно слѣдившій за Экебергомъ, оставилъ намъ подробное и критическое описаніе его фокусовъ. Этотъ ученый вполне увѣренъ, что всѣ опыты Экеберга основаны на ловкости, а не на дѣйствительной силѣ. Желая какъ можно ближе рассмотреть продѣлки фокусника, онъ посѣтилъ его однажды вмѣстѣ съ лордомъ Туллибардиномъ, докторомъ Принглемъ, докторомъ Александромъ Стюартомъ и еще однимъ знатокомъ механики. Они пригласили нѣмца раздѣться, чтобы вполне можно было видѣть механизмъ опыта, на что фокусникъ согласился,—разумеется за хорошую плату. Внимательно слѣдя за опытами, они стали сами пробовать, на осно-

ваніи замѣченныхъ приемовъ, и дѣло удалось такъ успѣшно, что они въ тотъ-же вечеръ могли повторить большую часть штукъ, хотя, конечно, не въ томъ совершенствѣ, какъ самъ фокусникъ.

Вслѣдъ за этимъ сеансомъ докторъ Деагюлье не только прочелъ въ засѣданіи лондонскаго королевскаго общества записку, въ которой описалъ и объяснилъ всѣ опыты Экеберга, но и повторилъ многіе изъ нихъ въ присутствіи ученаго собранія. Невозможно описать здѣсь всѣхъ этихъ опытовъ, особенно тѣхъ, которыхъ самое объясненіе такого рода, что можетъ-быть доступнымъ только для лицъ знающихъ механику, анатомію, физику и физиологію. Опишемъ, впрочемъ, для примѣра нѣсколько штукъ хотя и простыхъ, но тѣмъ не менѣе изумительныхъ.

Экебергъ помѣщался на высокомъ устоѣ, опираясь руками въ утвержденную передъ нимъ перекладину (фиг. 9). Внизу устоя находилась четырехугольная деревянная площадка, сколоченная изъ досокъ и поддерживаемая тремя подставками, которыя легко можно было вынуть изъ подъ нея; на площадкѣ-же положена была мѣдная пушка вѣсомъ отъ 60 до 70 пудовъ. Къ угламъ площадки привинчены были кольца, въ которыя продѣвались веревки, соединявшіяся на половинѣ

Фиг. 9-я.

высоты устоя въ одну. Эту последнюю крѣпко пристегивали къ надежному ременному поясу, охватывавшему поясицу или крестецъ фокусника; затѣмъ отнимали подставки, и площадка съ пушкой оставалась висящею на воздухѣ, поддерживаемая только поясомъ, или, скорѣе, крестцомъ экспериментатора.

Съ перваго взгляда можно подумать, что для этого нужна необычайнѣйшая тѣлесная сила; но въ-самомъ-дѣлѣ этотъ опытъ можетъ повторить

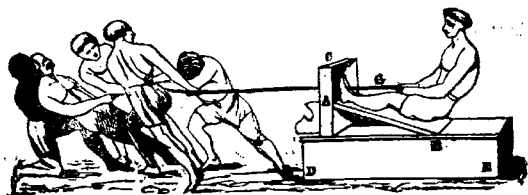
всякій взрослый человекъ обыкновенной силы, съ полною надеждою на успѣхъ. Все дѣло зависитъ отъ крѣпости костей таза, образующихъ собою двойной сводъ; нужна чрезвычайно-большая сила, чтобы раздавить этотъ сводъ, особенно когда она направлена на его-средоточіе, какъ въ описанномъ выше опытѣ. Ноги обыкновеннаго человека безъ труда выдерживаютъ, по направленію длины, давленіе отъ 100 до 120 пудовъ, и тоже самое, еще въ высшей степени, можно сказать о сопротивленіи свода тазовыхъ костей. Вотъ почему, ловко упершись ногами въ устой, можно поддерживать на крестцѣ пушку въ 70 пудовъ.

Мы упоминали выше о Фирмѣ, который позволялъ ковать желѣзо на наковальнѣ, положенной ему на грудь. Экебергъ, не атлетъ и не силачъ, много разъ показывалъ этотъ-же самый опытъ, гораздо-труднѣйшій, чѣмъ поднятіе пушки или сопротивленіе лошадямъ. Впрочемъ, вся трудность заключается въ возможности поддерживать на груди тяжесть наковальни, потому-что самые удары тутъ рѣшительно ничего не значатъ.

Вотъ другая замѣчательная штука фокусника Экеберга.

Онъ садился на наклоненную доску *A B*, по-

ставленную на деревянныхъ подмосткахъ *C D* *E*, (фиг. 10), и упирался ногами въ устьи *C*.

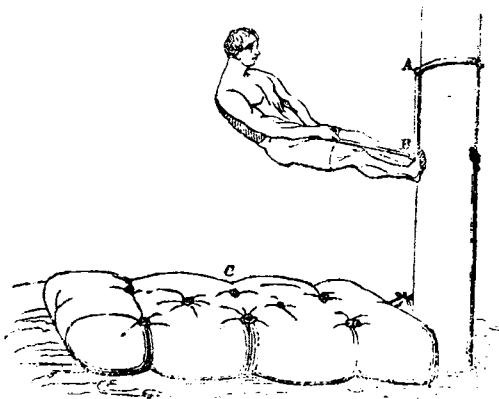
Фиг. 10-я.

Фокусникъ опоясанъ ремнемъ *F G*, съ желѣзною пряжкой *G*, къ которой прикрѣплялась толстая веревка, проходившая между ногами и потомъ черезъ отверстіе въ устьѣ *C*. За эту веревку ухватывались 5—6 сильныхъ молодцовъ, или припрягались двѣ лошади; но не смотря на то, они не могли сдвинуть съ мѣста сидѣвшаго на наклонной доскѣ. Руки его, упертыя въ *G*, казалось противодѣйствовали всѣмъ усліямъ, хотя, въ-самомъ-дѣлѣ, они ровно ничему тутъ не способствовали.

На фигурѣ 11-й изображенъ другой интересный опытъ.

Крѣпко обвязавъ вокругъ толстаго столба веревку въ *A*, пропускаютъ ее сквозь желѣзное кольцо *B*, и другимъ концомъ прикрѣпляютъ

къ пряжкѣ ременнаго пояса, производящаго опытъ. Послѣдній, упираясь ногами въ столбъ. В, поднимается съ земли помощію веревки и поддерживается почти въ горизонтальномъ по-

Фиг. 11-я.

ложеніи, указанномъ на фигурѣ. Наконецъ онъ разрываетъ веревку и падаетъ на подсланный тюфякъ С.

Теперь поговоримъ о наковальняхъ и камняхъ, разбиваемыхъ молотами на груди фокусниковъ.

Будь наковальня не толстая пластина желѣза, вѣсомъ не болѣе какъ втрое или вчетверо

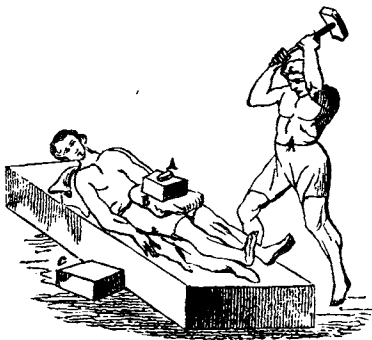
противъ молота , то грудь экспериментатора была-бы разбита отъ немногихъ ударовъ. Напротивъ-того, если наковальня весьма-тяжела, то виѣстѣ съ тяжестью возрастаетъ и ея *самонедѣятельность* или *инерція* и сопротивленіе удару, стремящемуся сбить ее съ мѣста. Когда отъ удара молота наковальня получаетъ извѣстную массу движенія, сила удара тѣмъ-менѣе будетъ дѣйствительна, чѣмъ сопротивляющаяся масса (или наковальня) будетъ значительнѣе. Вслѣдъ за ударомъ человекъ ощущаетъ тяжесть наковальни менѣе, чѣмъ до удара, потому-что вслѣдствіе противодѣйствія вся поверхность, пораженная ударомъ молота, приподнимается для сопротивленія удару.

На приложенномъ рисункѣ (фиг. 12) наковальня обозначена буквами *A B*. Иногда разбиваютъ такимъ-образомъ на груди или животѣ фокусника камень, изображенный буквою *C*.

Это свойство тѣлъ можно еще повѣрить однимъ весьма-извѣстнымъ опытомъ.

Возьмите длинную палочку и положите ее концами на край двухъ налитыхъ водою стакановъ, потомъ сильно ударьте по серединѣ палочки желѣзною полосою: палочка сломится пополамъ, а стаканы не только не разобьются, но даже вода изъ нихъ не прольется. Но если ударить

сверху по палочкѣ съ одного конца такъ, какъ-
будто хотимъ приподнять другой ея конецъ, то

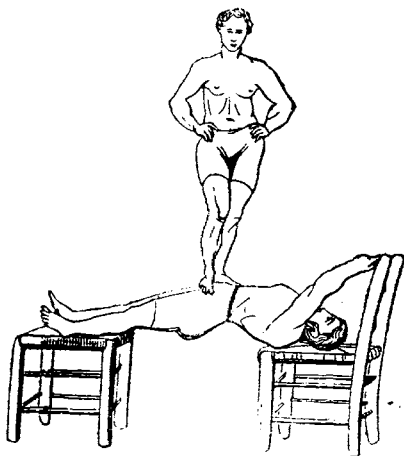
Фиг. 12-я.

стаканы разобьются при весьма-сильномъ ударѣ, но при менѣе-сильномъ изъ нихъ расплеснется только вода.

Экебергъ и другіе жонглеры поднимали животомъ одного или нѣсколькихъ человекъ и даже позволяли разбивать на немъ большіе камни однимъ ударомъ молота, какъ мы выше упомянули. Для этого принимали такое положеніе, что образовывали сводъ изъ крестца и костей ножныхъ и бедренныхъ; а мы уже сказали какъ велико сопротивленіе, оказываемое сводами вся-

кой силѣ, дѣйствующей перпендикулярно на ихъ центръ.

Фокусникъ ложится, упираясь плечами на одинъ стулъ, а ногами на другой (фиг. 13),

Фиг. 13-я.

образуя сводъ спиною, бедрами и ногами. Одинъ или два человѣка становятся къ нему на животъ въ тотъ моментъ, когда онъ вдыхаетъ воздухъ. Въ этомъ положеніи можно разбивать на животѣ фокусника камни въ $1\frac{1}{2}$ фута длиною, въ 1 ф. шириною и $\frac{1}{2}$ фута толщиною, гораздо-

332 ФОКУСЫ И ДИКОВИНКИ МЕХАНИКИ.

безопаснѣ чѣмъ способомъ, изображеннымъ на предъидущей 12-й фигурѣ.

Другой фокусъ дѣлается слѣдующимъ образомъ. На колѣни лежащаго на полу фокусника становится человекъ, какъ изображено на фигурѣ 14. Фокусникъ, сгибая колѣни, подни-

Фиг. 14-я.

маетъ его, какъ показано на фиг. 15. Затѣмъ онъ ухватываетъ за ноги, и, выпрямившись, держитъ его на высотѣ своихъ колѣнъ. Случалось, что такимъ-образомъ поднимали разомъ по нѣскольку человекъ.

Вотъ что мы могли извлечь совершенно-об-

щепотнатога изъ записки ученаго доктора, представленной королевскому обществу.

Фиг. 15-я.

Немного позже Экеберга, и также въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, отличался англичанинъ Тома Торгэмъ (Torgem). Ему было около 34 года отъ роду, а ростъ его равнялся 6 фут. 10 дюйм. То былъ истинный сынъ природы, одаренный необыкновенною силою мускуловъ; онъ не зналъ никакихъ пріемовъ или искусственныхъ средствъ, которыми пользовались другіе клоуны, но повторялъ ихъ опыты проста и

на чистоту, благодаря чудесной силѣ своего организма. Лучшимъ доказательствомъ безыскусственности его опытовъ можетъ служить то обстоятельство, что, желая повторить опытъ Экеберга, котораго пара лошадей не могла сдвинуть съ мѣста, онъ не умѣлъ надлежащимъ образомъ повязать поясъ и упереться ногами въ устой. Не смотря на то, его страшная натуральная сила выдержала противъ одной лошади; но когда припрягли къ его поясу вторую лошадь, то нога его скользнула и такъ сильно ударилась о стремя, служившее ему упоромъ, что лишилась оттого почти всей своей прежней силы.

Маленькая ловкость, легко приобретаемая практикою, спасла-бы англійскаго геркулеса; но ему казалось, что ловкость при силѣ вещь почти лишняя. Природа, щедро наградившая Топгэма тѣлесною силою, скудно надѣлила его смекательною способностью, такъ-что онъ часто не могъ повторить штукъ, дѣланныхъ Экебергомъ, натуральная сила котораго была несравненно-менѣе.

Всѣ опыты Топгэма подробно описаны тѣмъ же докторомъ, который наблюдалъ и описалъ Экеберга. Изъ его достовѣрнаго разсказа видимъ, что если англичанинъ не отличался ловкостью

и умѣнемъ нѣмца, зато дѣлалъ такія вещи, которыя остались рѣшительно недоступными Экеберу и многимъ другимъ атлетамъ, мускулы которыхъ были слабѣе мускуловъ Топгэма. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ такихъ опытовъ:

1) Натеревъ пальцы и ладони холодною золою, чтобы они не были скользки, онъ скатывалъ въ трубку оловянную тарелку. Случалось даже, что онъ повторялъ этотъ опытъ и надъ серебряною тарелкою.

2) Положивъ между указательнымъ и третьимъ пальцами руки семь или восемь каротъ крѣпко-сверчутаго курительнаго табаку, онъ переламывалъ ихъ однимъ ударомъ средняго пальца той-же руки.

3) Онъ могъ раздавить толстую кароту, засунувъ подъ подвязку, и раздавливалъ табачный свертокъ однимъ напряженіемъ мускуловъ, не разгибая ноги.

4) Согнувъ ногу, онъ клалъ кароту подъ подвязку и раздавливалъ табачный свертокъ однимъ напряженіемъ мускуловъ, не разгибая ноги.

5) Онъ могъ въ теченіе многихъ минутъ поддерживать зубами, въ горизонтальномъ положеніи, столъ въ сажень длиною, на другомъ концѣ котораго лежало три пуда гирь. Ножки стола опирались вдоль колѣнъ силача.

6) Онъ бралъ въ правую руку желѣзную полосу, длиною около полутора аршина и толщиной въ 7 сантиметровъ, и нажималъ на нее лѣвою рукою, между кистью руки и локтемъ, до тѣхъ поръ, пока кочерга не сгибалась подъ прямымъ угломъ.

7) Подобную-же полосу онъ бралъ за концы обѣими руками и, заложивъ за шею, оглабалъ ее вокругъ послѣдней, въ видѣ ошейника; вслѣдъ за тѣмъ онъ разгибалъ ее. Послѣднее было труднѣе перваго, потому — что мускулы, движущіе руки горизонтально, слабѣе тѣхъ, которые служатъ для сближенія рукъ одной съ другою.

8) Силою плечевыхъ мускуловъ онъ разрывалъ толстыя веревки ¹, которыхъ одинъ конецъ наматывался на цилиндръ въ $2\frac{1}{2}$ вершка діаметромъ, а другой прикрѣплялся къременному хомуту, надѣваемому на плечи.

9) Дезагюлье самъ видѣлъ, какъ Топгэмъ каталъ, силою однѣхъ рукъ, каменный катокъ, вѣсившій 362 килограмма, или почти 22 пуда (правильнѣе—21 пудъ 33 фунта).

¹ У Дезагюлье сказано, что онъ разрывалъ такимъ-образомъ веревки въ 5 сантиметровъ толщиной, т.-е. болѣе чѣмъ въ вершокъ!! Это, по нашему мнѣнію, просто невѣроятно.

Вотъ таблица, составленная ученымъ докторомъ, для сравненія мускульной силы Топгэма съ силою другихъ людей. Выводы ея показали намъ весьма вѣроятными.

Весьма слабый человекъ можетъ	
поднять не болѣе	3 пуд.
Слабый поднимаетъ.	4 »
Обыкновенной силы человекъ	6 »
Сильный.	8 »
Весьма сильный носильщикъ	10 »
Тема Топгэмъ	20 »

Прибавимъ къ тому, что Тема Топгэмъ въ-силъ всего только около пяти пудовъ.

Есть одинъ весьма странный и достопримѣчательный опытъ человѣческой силы, въ дѣйствительности котораго невозможно сомнѣваться, хотя покуда еще никто не объяснилъ его удовлетворительнымъ образомъ. Опытъ этотъ засвидѣтельствованъ и описанъ однимъ изъ первыхъ авторитетовъ науки, сэромъ Давидомъ Брюстеромъ, и, вѣроятно, многіе изъ моихъ читателей имѣли случай видѣть его. Объ этомъ опытѣ стоитъ поговорить подробнѣе.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Самаго тяжелаго человека можно поднять безъ всякаго усилія, если только собственныя его легкія и легкія лицъ, его поднимающихъ,

наполнены воздухомъ; для этого самый тучный человекъ изъ всѣхъ присутствующихъ ложится спиною на два стула такъ, чтобы одинъ изъ нихъ приходился подъ его поясицею, а другой подъ ногами; за тѣмъ четыре человекъ хватаютъ его за плечи и ноги и поднимаютъ съ большимъ усиленіемъ, если только въ лежащемъ человекѣ не менѣе шести или семи пудовъ вѣсу. Поднятіе ноши кажется при этомъ обстоятельстве такъ тяжело, какъ-будто-бы на каждое лицо приходится пуда по три или по четыре. Напротивъ того, если, по данному знаку, какъ лежащій, такъ и поднимающіе его скель возможно болѣе вдохнуть воздуха, чтобы расширить легкія, то въ такомъ положеніи лежащій человекъ поднимается съ необыкновенною легкостію, такъ что поднимающимъ кажется, что на рукахъ ихъ лежитъ дитя. Если-же кто-либо изъ поднимающихъ вдохнетъ въ себя мало воздуха или неосторожно выдохнетъ его въ продолженіе опыта, то немедленно чувствуетъ тяжесть ноши.

Въ дѣйствительности этого явленія нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Я самъ нѣсколько разъ повторялъ его въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, и всѣ мои читатели могутъ повѣрить сказанное мною собственнымъ опытомъ.

Странное дѣло! Какъ ни взгляни на это яв-

леніе, что ни говори о немъ, а необходимо должно допустить, что или ноша сдѣлалась легче, или носильщики сильнѣе,—и все это вслѣдствіе того, что легкія расширены присутствіемъ большаго количества воздуха.

Объ этомъ явленіи Брюстеръ рассказываетъ въ своихъ «Письмахъ о натуральной магіи». Вотъ, между прочимъ, что говоритъ знаменитый ученый объ этомъ несомнѣнномъ фактѣ.

«Впервые увидѣлъ я этотъ опытъ въ Англии, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Маіоръ Г... вывезъ его изъ Венеціи, научившись тамъ у капитана американскаго флота. И мнѣ часто случалось забавляться этою штукою, которая удавалась постоянно, при чемъ бывалъ я попеременно то поднимаемымъ, то поднимающимъ. Въ обыкновенномъ состояніи четыре человѣка насилу поднимаютъ за ноги и плечи пятого, лежащаго на спинѣ; но когда легкія всѣхъ пятерыхъ расширены сильнымъ вдыханіемъ воздуха, то человѣка поднимаютъ какъ пуховую подушку. По рассказамъ маіора Г..., въ Венеціи поднимали человѣка не всею ладонью, а одними только указательными пальцами. Какъ-бы то ни было, но я (т. -е. Брюстеръ) повторяю, что самъ былъ неоднократно свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ подобной продѣлки, хотя при-

знаюсь откровенно, что не могу объяснить законовъ природы, на которыхъ она основана».

Что сказать послѣ такого положительнаго свидѣтельства? Впрочемъ, эта штука, при всей своей странности, такъ удобоисполнима, что всякій легко можетъ самъ повѣрить опытомъ наши слова.

По словамъ Брюстера, майоръ Г... утверждалъ, что опытъ не удастся, если человѣка положить спиною на доску: здѣсь необходимо непосредственное прикосновеніе живаго тѣла къ живому. Сколько мнѣ извѣстно, никто еще не вздумалъ повѣрить этого обстоятельства, и исключеніе остается пока не рѣшеннымъ вопросомъ, хотя онъ стоитъ того, чтобы имъ заняться. Да и вообще весь этотъ фактъ такъ загадоченъ, что весьма желательно, еслибъ кто-нибудь изслѣдовалъ его въ подробности съ ученой точки зрѣнія.

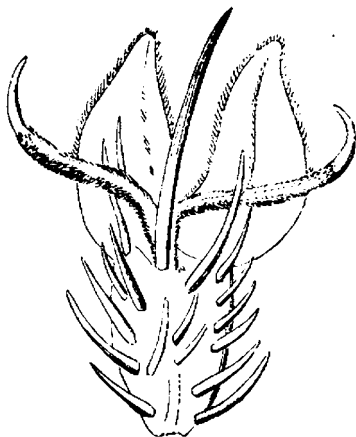
Обратимся къ другимъ предметамъ.

Многихъ удивлялъ фокусъ, неоднократно показанный въ Парижѣ и Лондонѣ, и состоящій въ томъ, что человѣкъ ходитъ по потолку, головою внизъ, какъ муха. Этотъ фокусъ не основанъ ни на какихъ ученыхъ началахъ: въ потолкѣ находятся двѣ узкія продольныя сквозныя щели, сквозь которыя пропущены концы проволоки,

незамѣтно обвитыхъ вокругъ ногъ клоуна. Люди, сидящіе надъ потолокомъ, приводятъ помощію упомянутыхъ проводовъ въ движеніе ноги фокусника, который какъ-будто скользитъ по потолку. Вся хитрость въ томъ, чтобы проволоки были надежны и чтобы человѣкъ могъ безъ большаго труда держаться внизъ головою.

Многіе думали и даже писали, что фокусники ходятъ по потолку помощію такого-же механизма, какой природа дала нѣкоторымъ насѣкомымъ и ящерицамъ. Но тутъ совсѣмъ другое дѣло. Ступня мухи (напримѣръ) устроена совсѣмъ отличнымъ образомъ, такъ-что *присасывается* къ поверхности, на которую ступаетъ, образуя подъ ступнею безвоздушное пространство. Устройство это поясняется чертежемъ на фигурахъ 16 и 17.

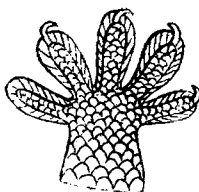
Сэръ Эверардъ Хомъ (Sir Everard Home) весьма подробно изслѣдовалъ и описалъ устройство ногъ ящерицы *геко*, имѣющей способность бѣгать по потолку и по самымъ гладкимъ стѣнамъ. На фиг. 18 изображена ступня *геко*. Она имѣетъ 5 пальцевъ, изъ которыхъ 4 вооружены весьма-крѣпкимъ и очень-закривленнымъ когтемъ. На нижней поверхности каждаго пальца находится по 16 поперечныхъ бороздокъ, ведущихъ каждая къ особой полости или мѣшку, ко-

Фиг. 16-я.

Фиг. 17-я.

Фиг. 18-я.

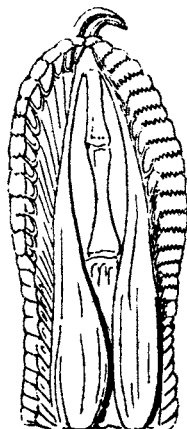
тораго глубина почти равняется длинѣ бороздки (фиг. 19 и 20). На 19 фиг. представлена ниж-

Фиг. 19-я.

няя поверхность одного изъ пальцевъ въ его естественной величинѣ; а на фиг. 20 разръзъ этого пальца, на которомъ ясно видны полости, съ ихъ бахромистыми краями и маленькими мускулами, ихъ открывающими.

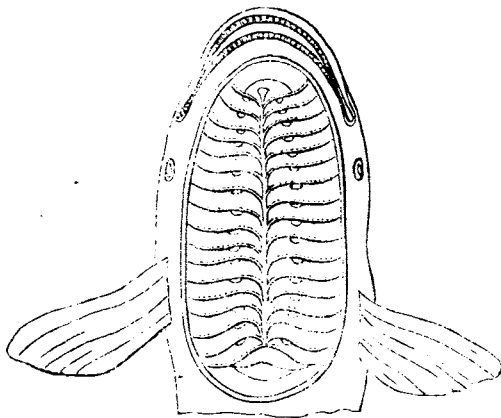
По словамъ сэра Эверарда, это устройство весьма походить на представляемое рыбою *echi-neis gemoa* присасывающуюся къ кораблямъ. Присасывательный приборъ этой рыбы изображенъ на фиг. 21.

Фиг. 20-я.

Поговоримъ теперь о чудесахъ механики, развившихся такъ-называемыми *автоматами*, машинами, въ которыхъ разумное сочетание металлическихъ и деревянныхъ частей стремится подражать живой природѣ.

Уже древніе были довольно свѣдущи въ механикѣ для устройства машинъ, подражавшихъ дѣйствіямъ животныхъ и даже человѣка. Первые свѣдѣнія о такихъ механизмахъ мы находимъ еще у Гомера, который говоритъ, что треножники, скованные Вулканомъ для пиршествъ

Фиг. 21-я.

олимпійскихъ боговъ, двигались велѣдъ за своими владѣтелями безъ всякой посторонней внѣшней помощи. Аристотель также упоминаетъ о самодвижущихся треножникахъ; а Филостратъ, въ жизни Аполлонія, увѣряетъ, что этотъ ученый мужъ видѣлъ подобные механизмы индѣйскихъ мудрецовъ

Но болѣе прочихъ прославился въ древности Дедалъ устройствомъ фигуръ, подражавшихъ человѣческимъ движеніямъ. Утверждаютъ, будто-бы онъ сдѣлалъ статую, которая могла ходить, помощію внутренняго механизма. А Пла-

тонъ, Аристотель и многіе другіе присовокупляютъ даже, что эту статую должно было привязывать, изъ опасенія, чтобы она не ушла. Нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, по которымъ было-бы возможно судить о большей или меньшей достовѣрности такихъ свидѣтельствъ, и свѣдѣнія наши объ этихъ предметахъ довольно скудны.

Аристотель говоритъ о деревянной статуѣ Венеры, двигавшейся помощію налитой внутри ея ртути; но этого нельзя примѣнить къ делаловымъ статуямъ, о которыхъ Калистратъ, опекунъ Демосѳена, положительно свидѣтельствуется, что онѣ двигались помощію особеннаго механизма.

Мы читаемъ у Авла-Гелла свидѣтельство Фаворинуса, что тарентскій уроженецъ Архита, жившій за 400 лѣтъ до Р. Х., устроилъ деревяннаго голубя, летавшаго какъ живой. Фаворинусъ присовокупляетъ, что голубь этотъ могъ летать только съ возвышеннаго мѣста; съ земли-же онъ никогда не поднимался самъ собою. По словамъ Авла-Гелла, этаго голубя одушевляло *нѣчто* скрытое въ его внутренности. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей вздумали было, для объясненія, прибѣгнуть къ водородному газу, которымъ мы нынѣ наполняемъ

воздушные шары; но самое поверхностное соображеніе обстоятельствъ, нарочно приведенныхъ выше, показываетъ невозможность такого объясненія.

Переходя отъ древности къ среднимъ вѣкамъ, мы встрѣчаемъ истинное чудо механики своего времени въ водяныхъ часахъ, подаренныхъ Карлу Великому знаменитымъ халифомъ Харунъ-аль-Рашидомъ. Въ циферблатѣ этихъ часовъ изходило двѣнадцать окошечекъ, соотвѣтствовавшихъ раздѣленію часовъ, и наступленіе каждаго часа было обозначаемо открытіемъ соотвѣтствующаго окошечка, изъ котораго выпадало определенное число бронзовыхъ шаровъ, ударявшихся о серебрянный колоколъ. Такъ постепенно открывались 11 окошечекъ; но когда наступалъ полдень или полночь, то отворялось послѣднее окошечко и изъ него выѣзжали двѣнадцать рыцарей въ полномъ вооруженіи и на коняхъ; они объѣзжали весь циферблатъ кругомъ и заирали поочередно каждое окошечко, послѣ чего скрывались въ то отверстіе, изъ котораго выѣзжали.

Весьма подробно описаны также автоматы Іоанна Мюллера Регіомонтана ², по-истинѣ

² Т. е. кенигсбергскаго уроженца.

изумительные и не для того времени. Ихъ описывали Кирхеръ, Баптистъ Порто, Гассенди, Лана и Уильямъ. Увѣряютъ, будто-бы Мюллеръ устроилъ чучелу *орла*, полетѣвшаго на встрѣчу императору Максимилиану, при вступленіи этого государя въ Нюренбергъ 7-го іюня 1540 года. Орелъ полетѣлъ на встрѣчу монарха и потомъ, повернувъ назадъ, сѣлъ на городскія ворота, гдѣ привѣтствовалъ . Максимилиана маханіемъ крыльевъ и наклоненіемъ головы.

Про того-же Мюллера рассказываютъ, что онъ сдѣлалъ желѣзную муху, которую сажалъ себѣ на палецъ. По желанію собесѣдниковъ, муха поднималась съ пальца и силою скрытаго внутри ея механизма облетѣвъ всю комнату, возвращалась на прежнее свое мѣсто. Тутъ просто становишься въ тупикъ и не знаешь, что подумать. Или рассказы современниковъ объ автоматахъ Мюллера очень преувеличены, или онъ былъ дѣйствительно гениальнѣйшій механикъ, потому-что всѣ продѣлки новѣйшихъ автоматовъ кажутся пустяками предъ мюллеровою мухою.

Императоръ Карлъ V былъ большой охотникъ до автоматовъ, и послѣ отреченія своего отъ императорскаго и королевскаго престоловъ вполне предался этой невинной страсти. Онъ

выписалъ себѣ кремонскаго механика Янелла Туріануса и заставилъ его работать согласно даннымъ указаніямъ. Почти ежедневно послѣ обѣда являлись на столѣ Карла автоматы въ видѣ рыцарей конныхъ и пѣшихъ, сражавшихся между собою и исполнявшихъ многія другія эволюціи. У него были также куклы, бившія въ барабанъ и игравшія на трубахъ и флейтѣ. Упоминають еще о деревянныхъ воробьяхъ, летавшихъ по комнатѣ и возвращавшихся обратно въ свои гнѣзда. Последніе близко подходятъ къ дивной мухѣ кенигсбергскаго механика.

Также весьма замѣчательна механическая игрушка, поднесенная Камюсомъ Людовику XIV, когда послѣдній былъ еще ребенкомъ. То была маленькая карета, запряженная парю лошадей; внутри кареты сидѣла кукла—нарядная придворная дама, а сзади стоялъ пажъ. Эту игрушку ставили на краю большаго стола и заводили. Тогда кучеръ щелкалъ бичемъ и лошади везли карету, передвигая ноги весьма натуральнымъ образомъ; объѣхавъ весь столъ, карета останавливалась передъ царственнымъ малюткою, пажъ соскакивалъ съ запятокъ, отворялъ дверцы, и дама, выйдя изъ кареты, кланялась королю и подавала ему или цвѣтокъ, или бумагу въ видѣ прошенія. Погодивъ съ минуту, дама опять кла-

нялась, сѣдилась въ карету, пажъ затворялъ дверцы и становился на запятки, а кучеръ щолкалъ бичемъ и лошади везли карету обратно. Во все время поѣзда взадъ и впередъ скороходъ бѣжалъ впереди кареты, и когда она останавливалась, вскакивалъ на запятки.

Людовикъ XIV долго забавлялся этою игрушкою, наконецъ она испортилась, и никому не пришло въ голову отдать ее въ починку, потому-что король уже подростъ и игрушка не занимала его болѣе.—Куда она дѣвалась потомъ, неизвѣстно.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ автоматы были въ большой модѣ, и механики не удовлетворялись уже однимъ подражаніемъ движенію животныхъ: они пошли далѣе, поддѣлываясь искусственно и подъ другія отправленія живаго организма. Лоба весьма-обстоятельно рассказываетъ, что генералъ Деженъ, прославившійся защитою колоніи св. Христофора противъ англичанъ, и страстно любившій механику, собственноручно устроил павлина, который не только прогуливался, какъ живой, но еще клевалъ зерна и совершалъ полный актъ пищеваренія. Впрочемъ Деженъ занимался не только автоматами, но сдѣлалъ различныя полезныя примѣненія механики къ кораблевожденію, артиллеріи и часовому иску-

ству. Онъ, между-прочимъ, устраивалъ часы, ходившіе безъ помощи гирь и пружинъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, деженовъ автоматъ далъ Вокансону мысль устройства его знаменитой *утки*, возбудившей удивленіе цѣлой Европы. Изъ вполне-достоверныхъ автоматовъ, эта утка едва-ли не самый совершеннѣйшій. Она имѣла величину, форму и вообще всю наружность обыкновенной утки и подражала всѣмъ движеніямъ и ухваткамъ живаго оригинала. Механическая утка ѣла и пила съ такою-же жадностью, какъ и живая, причемъ производила обычныя этому животному движенія головою и шеей; крикъ ея невозможно было различить отъ естественнаго. Необычайное искусство механика выказалось особенно въ анатоміи этой птицы: каждая косточка, каждое перышко были на своемъ мѣстѣ и каждый членъ организма въ точности исполнялъ свое естественное предназначеніе. Склеванная пища переваривалась помощью химическихъ веществъ, заключавшихся внутри автомата, и процессъ пищеваренія оканчивался какъ у живой птицы. Однимъ словомъ, самый-внимательный наблюдатель считалъ этотъ автоматъ за живую утку, пока ему не открывали внутренности, наполненной безчисленнымъ мно-

жествомъ мельчайшихъ колесъ, рычаговъ, валавъ, зубьевъ, цѣпочекъ и т. п.

Вокасонъ вскорѣ нашелъ себѣ подражателя. То былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Дюмуленъ, путешествовавшій съ своими автоматами въ Германіи въ 1752 году и умершій въ 1765. У него было изготовлено нѣсколько автоматовъ, и всѣ они отличались хорошимъ исполненіемъ, особенно утка, которая хотя и уступала въ совершенствѣ механизма вокасоновой, однакожь также едва отличалась отъ живой для самаго внимательнаго наблюдателя.

Но едвали какой-нибудь автоматъ пользовался такою громкою и продолжительною извѣстностью, какъ шахматный игрокъ барона Кемпелева.

Однажды при дворѣ австрійской императрицы Маріи—Терезіи показывали любопытные магнитные опыты. Императрица была ими чрезвычайно-удивлена и очень сожалѣла, что физикъ не принадлежалъ къ числу ея подданныхъ. Тогда одинъ изъ камергеровъ, баронъ Кемпеленъ, извѣстный своими познаніями въ физическихъ наукахъ и особенно въ механикѣ, вызвался устроить, не болѣе какъ въ полгода, машину, которая удивитъ всю Европу гораздо болѣе, чѣмъ всѣ магнитные опыты. Марія-Терезія приняла

это предложеніе съ видимымъ удовольствіемъ, и черезъ шесть мѣсяцевъ Кемпеленъ явился изъ Пресбурга (въ Венгріи) съ своимъ *шахматнымъ игрокомъ*.

Автоматъ былъ кукла, представляющая человека обыкновеннаго роста, въ турецкомъ костюмѣ. Онъ сидѣлъ на креслѣ, придѣланномъ къ четырехугольному столу или ящику въ $3\frac{1}{2}$ фута длиною, 2 фута шириною и $2\frac{1}{2}$ фута вышиною; правая рука куклы покоилась на столѣ, а въ лѣвой была трубка, которую отнимали передъ началомъ игры, потому что автоматъ игралъ лѣвою рукою. Передъ нимъ находилась обыкновенная шахматная доска 16 дюймовъ въ квадратѣ. Весь механизмъ былъ поставленъ на колесцы и могъ быть легко передвигаемъ съ одного мѣста на другое.

Вотъ какимъ образомъ происходили представленія этого черезчуръ славнаго автомата.

Машину вкатывали въ залу, въ которой уже собрались зрители. Ее ставили на опредѣленномъ мѣстѣ, и механикъ объявлялъ публикѣ, что намѣренъ показывать ей внутренній механизмъ автомата. Сперва онъ открывалъ небольшой ящикъ въ передней стѣнкѣ ящика, влево отъ зрителей; внутренность его, занавѣшенная сукномъ, содержала обширную систему валовъ,

колесъ и рычаговъ, занимавшихъ, по-видимому, все внутреннее пространство. Затѣмъ повертывали автомата и показывали заднюю сторону того-же самого ящика, наполненную также механизмомъ; при этомъ механикъ освѣщалъ внутренность свѣчею. Закрывъ вторую дверцу, автомата поворачивали вновь передомъ и выдвигали съ самого низа широкій ящикъ, изъ котораго вынимали шахматную игру и подушечку, подкладываемую подъ руку куклы. Наконецъ открывали поочередно большія дверцы спереди и сзади и съ боковъ ящика, и наконецъ скидывали платъ съ куклы, соблюдая неизмѣнный порядокъ въ открываніи и закрываніи дверейъ.

Когда такимъ образомъ были постепенно показаны всѣ внутреннія части автомата, въ которыхъ оказывались только механическія системы колесъ, валовъ, цилиндровъ и рычаговъ, механикъ тщательно приводилъ все въ первоначальный порядокъ, потомъ становился на нѣсколько минутъ сзади куклы, какъ-бы осматривая механизмъ, вынималъ чубукъ изъ руки турка и объявлялъ, что автоматъ готовъ играть партію въ шахматы съ кѣмъ угодно.

Тутъ, разумѣется, являлся одинъ или нѣсколько охотниковъ сыграть партію съ автома-

томъ. Какъ скоро игрокъ садился, механикъ заводилъ машину ключемъ, и тутъ кукла дѣлала первое движеніе. При каждомъ движеніи автомата слышенъ былъ стукъ вертящихся внутри колесъ: кукла кивала головою и пристально смотрѣла на шахматную доску. При *шахъ короле*въ она кивала головою дважды, а при *шахъ королю*—трижды. Въ случаѣ неправильнаго хода противника, кукла кивала головою отрицательно и отказывалась продолжать игру, пока неправильный ходъ не былъ исправленъ; при вторичномъ-же противузаконномъ ходѣ автоматъ бралъ шашку противника и ставилъ ее на прежнее мѣсто. Во все время игры механикъ стоялъ подлѣ машины и заводилъ ее послѣ каждыхъ 12 ходовъ. Изрѣдка онъ отходилъ въ уголъ и заглядывалъ внутрь стоящаго тамъ маленькаго открытаго ящичка.

Вообще можно сказать, что автоматъ выигрывалъ почти каждую партію. Исключенія были весьма рѣдки.

Автоматъ былъ прежде всего показанъ при дворѣ Маріи-Терезіи; за тѣмъ публично сперва въ Вѣнѣ, а потомъ въ Парижѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Послѣ нѣсколькихъ тысячъ удачныхъ представленій на материкѣ, Кемпеленъ перевезъ свою машину въ Англію и

показывалъ ее въ 1783 и 1784 годахъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ другихъ значительныхъ городахъ Соединеннаго королевства.

Сотни тысячъ людей и въ томъ числѣ ученые и механики видѣли автомата Кемпелена, но никто не открылъ тайны, его одушевлявшей. А при всемъ томъ, изобрѣтатель его, человекъ прекрасно-воспитанный и принадлежавшій къ знатной дворянской фамиліи, откровенно сознавался, что машина его бездѣлка, и что механизмъ ея самый ничтожный, дѣйствія-же кажутся удивительными только вслѣдствіе смѣлости основной мысли, остроумнаго ея выполненія и счастливаго выбора средствъ, довершающихъ иллюзіи. Никогда Кемпеленъ не утверждалъ, что автоматъ играетъ самъ-собою, вслѣдствіе одного только бездушнаго механизма.

Люди, могшіе судить объ этомъ предметѣ основательно, подробно вникнувъ въ ходъ дѣйствій автомата, утверждали единогласно, что автоматъ не могъ играть самъ собою, и что партія играется или самимъ механикомъ, или игрокомъ, скрытымъ внутри машины. Последнее изъ этихъ двухъ предположеній весьма счастливо устранялось тѣмъ, что машина была предварительно показана публикѣ въ разныхъ ея внутреннихъ частяхъ, заключавшихъ въ себѣ достаточное ко-

личество механизма для удостовѣренія зрителя, что самый малорослый карликъ едва-ли могъ найти себѣ мѣсто между системами колесъ и цилиндровъ; при томъ-же достовѣрно было извѣстно, что механикъ не возилъ съ собою никакого карлика.

Поневоля должно было обратиться къ первому предположенію и въ немъ искать разгадки тайны.

Думали, что механизмъ, помощію котораго Кемпеленъ приводитъ въ движеніе автомата, скрытъ подъ ногами механика. Другіе, напротивъ того, утверждали, что главную роль играетъ тутъ магнетизмъ, и что на груди механика скрытъ сильный магнитъ. Последнее мнѣніе особенно выигрывало отъ того, что между механикомъ и автоматомъ невозможно было допустить прямого сообщенія, и притомъ машину можно было передвигать съ одного мѣста на другое безъ всякой помѣхи. Такое мнѣніе сдѣлалось до того гласнымъ и всеобщимъ, что Кемпеленъ счелъ нужнымъ опровергнуть его, поставивъ во время игры автомата между нимъ и собою сильный магнитъ. На такое доказательство не было возраженія; впрочемъ уже прежде нѣкоторые зрители являлись съ магнитами въ карманѣ и становились весьма близко къ ав-

томату во время партіа, надѣясь такимъ-образомъ противодѣйствовать магниту, присутствіе котораго подозрѣвали на груди механика. Но всѣ эти ухищренія остались безуспѣшны: автоматъ игралъ по-прежнему, не смотря на всѣ магниты, принесенные посѣтителями, и сдѣлалось несомнѣннымъ, что если Кемпеленъ самъ играетъ партію автомата, то ужь вѣрно не помощію магнита.

Поневолѣ пришлось обратиться къ прежнему предположенію, то-есть что партія играется спрятаннымъ игрокомъ. Такъ-какъ баронъ Кемпеленъ самъ объявилъ, что эффектъ его автомата заключенъ на иллюзіи, то стали предполагать, что внутри автомата заключенъ живой игрокъ, играющій или самъ-по-себѣ, или помощію сигналовъ, подаваемыхъ ему механикомъ. Подъ вліяніемъ этой идеи г. Фрейенъ (Freihen), въ Дрезденѣ издалъ въ 1789 году брошюру, въ которой, при помощи раскрашенныхъ чертежей, старался доказать, что внутри механизма спрятанъ смѣтливый и хорошо наученный, и при томъ худенькій и небольшого роста мальчикъ лѣтъ девяти; этотъ-то мальчикъ приводитъ въ движеніе механизмъ, сообразуясь съ тайными знаками, подаваемыми ему механикомъ.

Въ другомъ сочиненіи, изданномъ въ Парижѣ

въ 1785 году, тоже было доказываемо, что карликъ, спрятанный внутри автомата, приводитъ его въ движеніе, и при томъ приложены рисунки, объяснявшіе всю продѣлку. Кромѣ-того, нѣсколько другихъ брошюръ и журнальныхъ статей были посвящены развитію этой-же мысли.

Какъ-бы то ни было, но большинство публики не раздѣляло вышеизложеннаго образа мыслей, и когда, гораздо-позже, уже въ 1819 и 1820 годахъ, автоматъ шахматнаго игрока былъ публично показываемъ въ Англии, то возбуждалъ тамъ не менѣе удивленія, чѣмъ почти за полвѣка въ Германіи и Франціи. А при всемъ томъ уже тогда была напечатана неизвѣстнымъ авторомъ книжка: «Аналитическій опытъ объ автоматическомъ шахматномъ игрокѣ Кемпелена», въ которой (весьма-близко къ дѣйствительности) былъ объясненъ весь механизмъ автомата и положительно доказано, что внутри его могъ скрываться человекъ обыкновеннаго роста, перемѣнявшій извѣстнымъ образомъ свои положенія при постепенномъ осматриваніи публикою отдѣльныхъ частей внутренности машины. Этого объясненія невозможно понять безъ помощи многихъ и довольно-сложныхъ чертежей, и потому оно было-бы здѣсь неумѣстнымъ.

Любопытные могут найти всѣ желаемыя подробности въ одиннадцатой главѣ Брюстеровыхъ писемъ о натуральной магіи. — Теперь-же мы расскажемъ, какимъ-образомъ тайна шахматнаго игрока была открыта лѣтъ за тридцать съ небольшимъ тому назадъ.

Два лица, къ пособію которыхъ принуждены были прибѣгать Мельцель, показывавшій автомата въ новѣйшее время, поселились послѣ-того въ Парижѣ. Эти лица, очень-хорошіе шахматные игроки, были изъ числа тѣхъ, которые за приличное вознагражденіе слѣдовали за механикомъ, прятались внутри автомата и играли партію. Они были обязаны честнымъ словомъ и клятвою не открывать секрета до смерти Мельцеля; но какъ скоро знаменитый механикъ скончался, бывшіе его помощники не считали себя обязанными къ дальнѣйшему молчанію и рассказали всю тайну механизма, такъ-что теперь вопросъ о кемпеленовомъ автоматѣ можно почесть окончательно-рѣшеннымъ.

Приведемъ въ короткихъ словахъ сущность того, что рассказывали помощники механика.

Наши читатели не забыли, что первая идея, пришедшая въ голову публикѣ, при зрѣлищѣ кемпеленова игрока, заключалась въ томъ, что внутри автомата спрятанъ искусный шахматный

игрокъ, который руководить движеніями куклы и слѣдовательно ея игрою. Кемпеленъ, и впоследствии Мельцель, обыкновенно передъ началомъ представленія открывали поочередно различныя части внутренности автомата и показывали ихъ публикѣ, причемъ вся внутренность являлась наполненною колесами, трубками, пружинами и рычагами до того, что казалось невозможнымъ для человѣка самаго-малаго роста укрыться посреди всѣхъ этихъ механическихъ принадлежностей. Но именно въ этомъ-то пунктѣ механикъ и обманывалъ зрителей, потому что только подлѣ самыхъ дверей находился дѣйствительный механизмъ, а подальше, внутрь, онъ былъ только искусно нарисованъ на легкой перегородкѣ, которую весьма-удобно можно было передвигать; а внутри всего этого дѣйствительно былъ спрятанъ человѣкъ, котораго запирали передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ автоматъ выдвигался въ залу, гдѣ собирались зрители. Механикъ показывалъ одновременно только третью или четвертую часть внутренняго пространства, такъ-что въ промежутокъ закрытія одной двери и открытія другой спрятанный игрокъ имѣлъ время передвинуть весьма остроумно-устроенныя перегородки и, очистивъ

часть, назначенную для показа, скрыться от взоров зрителей.

Все это, должно признаться, была только смѣлая мистификація, недостойная мѣста въ исторіи механическихъ произведеній. Зато дальнѣйшее дѣйствительно ставитъ Кемпелена въ ряду самыхъ замысловатыхъ и остроумныхъ механиковъ.

Во-первыхъ, необходимо было спрятать внутри автомата очень-хорошаго шахматнаго игрока, который могъ-бы играть съ противникомъ, котораго игра отъ него закрыта: онъ долженъ былъ помнить эту игру и на каждый ходъ отвѣчать побѣдоноснымъ образомъ. Въ этомъ-то именно и выказалъ Кемпеленъ свой механический гений и это было единственною, дѣйствительно-превосходною частію его механизма.

Игрокъ помѣщался въ ящикѣ автомата на скамеечкѣ, и подлѣ него горѣла свѣча, которую онъ бралъ при входѣ внутрь ящика и зажигалъ внутри огнемъ, предъ началомъ представленія. Въ стѣнкахъ ящика и въ самой куклѣ находилось нѣсколько искусно-замаскированныхъ отъ зрителя отверстій, посредствомъ которыхъ проникало внутрь достаточное количество свѣжаго воздуха. Предъ скрытымъ игрокомъ находилась одна изъ шахматныхъ досокъ, называе-

мехъ *деревянными*, оттого—что онѣ были изобрѣтены для игры во время путешествія въ каретѣ или въ лодкѣ: все ихъ различіе отъ обыкновенныхъ шахматныхъ досокъ состоитъ въ томъ, что *всерединѣ* каждой клѣтки находились стальные шпильки, которыми ходъ передавался открытому игроку, котораго игра оставалась такъ-и-образомъ недоступною: какому-либо случайному разстройству.

Надъ головою этого игрока находилась та шахматная доска, на которой игралась партія въ глазахъ публики и за которою сидѣли автоматъ и его противникъ, — обыкновенно одинъ изъ любопытствующихъ зрителей. Эта доска была стеклянная и чрезвычайно тонкая, а ея нижняя сторона была раскрашена какъ и верхняя: только на каждой клѣткѣ первой находился желѣзный рычажокъ, въ видѣ коромысла, приводимый въ движеніе помощью желѣзнаго язычка. Шахматныя фигуры, которыми игралъ автоматъ, имѣли снизу желѣзныя пластинки сильно намагниченныя: коль скоро ставили фигуру на клѣтку, она притягивала къ себѣ желѣзное коромысло соответствующей клѣтки, нижней стороны доски, тотчасъ-же упадавшее, какъ только фигуру снимали съ клѣтки. Необходимо, спрятанный игрокъ долженъ былъ слѣдить за игрою съ напряжен-

ными вниманіемъ, потому—что онъ не могъ видѣть, какою фигурою совершенно былъ ходъ, и могъ узнать это, помня, съ которой кѣтки хождено; впрочемъ, этому пособлялъ онъ тѣмъ, что повторялъ каждый ходъ противника на своей шахматной доскѣ. Кѣтки этой последней были перенумерованы точно также, какъ и кѣтки нижней стороны верхней доски; этимъ отвращалась возможность ошибокъ въ переводѣ ходовъ на доску спрятаннаго игрока.

Влѣво отъ этого игрока находилась жѣдная подвижная ручка, которою онъ могъ управлять по своему произволу и которая помощью пружинъ сообщалась съ лѣвою рукою автомата. Этою ручкою спрятанный игрокъ приводилъ въ движеніе лѣвую руку автомата, дѣлавшую ходы, при чемъ изъ полу-темнаго своего ящика онъ ясно видѣлъ сквозь стеклянную доску, на какое именно мѣсто должно было подвинуть руку и какую взять шашку.

Съ самаго начала многіе удивлялись, почему Кемпеленъ заставлялъ своего автомата играть не правою, а лѣвою рукою. Механикъ отвѣчалъ, что онъ первоначально ошибся и замѣтилъ свою ошибку уже тогда, какъ было трудно ее поправить, безъ большихъ хлопотъ. Этому объясненію охотно вѣрили и находили его весьма естествен-

НЫМЪ, хотя и мудро допустить, чтобы механикъ сдѣлалъ подобную грубую ошибку и не замѣчалъ ее въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Теперь секретъ открытъ: скрытому игроку гораздо удобнѣе было приводить въ движеніе лѣвую руку автомата, чѣмъ правую, потому-что въ первомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ своею правою рукою, а въ послѣднемъ долженъ-бы прибѣгнуть къ лѣвой. Вообще, должно сказать, что механизмъ руки автомата былъ чудо механики, и это было необходимо для того, чтобы кукла могла съ точностью сжимать и разжимать пальцы и ставить шашки на опредѣленные мѣста.

Все затрудненіе состояло въ томъ, чтобы найти отличнаго шахматнаго игрока, который долженъ былъ въ подробности изучить способъ приведенія руки автомата въ движеніе, что было не весьма легко и требовало долгаго, и внимательнаго изученія. Притомъ онъ долженъ былъ играть въ теченіе иногда нѣсколькихъ часовъ въ весьма неудобномъ положеніи, сидя почти неподвижно и необнаруживая своего присутствія никакимъ признакомъ.

Мы сказали, что помощникъ механика, составлявшій, такъ сказать, душу автомата, долженъ былъ отлично играть въ шахматы. Кемпеленъ и послѣ него Мельцель были довольно сча-

стливы, что находили таких помощников,— разумеется, за хорошую плату. Слабых и обыкновенных игроков въ шахматы весьма много и потому не удивительно, что автоматъ почти постоянно выигрывалъ. Правда, что онъ былъ побѣжденъ нѣкоторыми изъ игроковъ «*Café de la Régence*» въ Парижѣ; но гдѣ-же можно было найти игроковъ, которые-бы вышли побѣдоносными изъ битвы съ Филидорами и Лега. Зато игроки такой силы очень рѣдки и среднимъ числомъ автоматъ проигрывалъ не болѣе одной или двухъ партій изъ тысячи.

Нельзя съ точностью сказать, кто именно были помощниками Кемпелена; даже о томъ, кого употреблялъ на это дѣло Мельцель въ Германи, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Зато несомнѣнно извѣстно, что, по прїѣздѣ своемъ виѣстѣ съ автоматамъ въ Парижъ, Мельцель пригласилъ себѣ въ помощники Бонкуре, который и ѣздилъ съ нимъ повсюду. Бонкуре былъ отличный игрокъ; но глядя на его большой ростъ и широкія плеча, никакъ нельзя было подумать, что онъ можетъ умѣститься, среди сложнаго механизма, въ одномъ изъ отдѣленій ящика, имѣвшаго четыре фута длины, три вышины и два ширины. А если и умѣститься не было возможности то какъ-же играть тамъ въ шахматы? Го-

ворять, что Мельцель именно для Бонкуре въскольکو видоизмѣнилъ внутреннее устройство автомата, такъ-что голова игрока приходилась не подъ доскою, а внутри тѣла куклы.

Бонкуре смѣнилъ одинъ еврей, тоже отличный игрокъ и авторъ весьма уважаемаго сочиненія о шахматной игрѣ. Впрочемъ, онъ игралъ не лучше Бонкуре, но будучи весьма малаго роста, могъ весьма свободно оставаться внутри машины по въскольку часовъ, что было чрезвычайно обременительно для Бонкуре. Кажется, что роль скрытнаго игрока была вообще довольно трудная, ибо, несмотря на весьма хорошую плату, рѣдкій изъ игроковъ рѣшался выполнять ее долгое время. Еврея смѣнилъ французъ, нѣкто Муре, человекъ весьма веселаго нрава и остроумный: онъ сперва былъ на жалованьи у Мельцеля, но потомъ сдѣлался его компаньономъ, а на свое прежнее мѣсто прінскалъ англичанина Люйса (Lewis), служившаго Мельцелю во все время пребыванія послѣдняго вмѣстѣ съ автоматомъ въ Англіи.

Послѣдній изъ таинственныхъ игроковъ былъ альзасецъ Шлумбергеръ, превосходной знатокъ шахматной игры, сопровождавшій Мельцеля подъ именемъ Мюльхаузена, чтобы не подать подозрѣнія своимъ настоящимъ именемъ, довольно

извѣстнымъ въ шахматномъ мѣрѣ. Никто не управлялъ игрою автомата въ продолженіе столь долгаго времени, какъ Мюльхаузенъ. Онъ не только служилъ Мельцелю во Франціи, но перѣѣхалъ съ нимъ даже въ Америку и, послѣ отка- за Муре, сдѣлался компаньономъ механика, про- должая, впрочемъ, роль невидимаго игрока. Пятнадцать лѣтъ длилось это товарищество къ общей выгодѣ обѣихъ сторонъ, до-тѣхъ-поръ, пока смерть похитила Шлумбергера тремя мѣ- сяцами ранѣе, чѣмъ самого Мельцеля. Оба умер- ли въ Новомъ-Свѣтѣ.

И дѣйствительно, никто негодился для своей роли такъ хорошо, какъ Шлумбергеръ. Достой- ный ученикъ лучшихъ корифеевъ «Кофейни Ре- гентства», онъ игралъ отлично, при томъ, бу- дучи тонокъ, небольшого роста и весьма ло- вокъ, онъ съ величайшимъ удобствомъ помѣщал- ся внутри автомата и искусно перемѣнялъ свое положеніе при осмотрѣ машины любопытными зрителями. Природная способность и долговре- менное управленіе доставили ему неизмовѣрный навыкъ въ управленіи механизмомъ игры, такъ- что въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ партій, съ- игранныхъ въ продолженіе слишкомъ пятнадцати лѣтъ, Мюльхаузенъ не ошибся ни одного раза.

Немаловажною задачею для скрытаго игрока

было избѣжаніе всякаго звука, могущаго обличить его присутствіе внутри машины. Безмолвіе, обыкновенно царствующее въ продолженіе шахматной игры, обличило-бы малѣйшій нескромный звукъ. Чтобы отчасти пособить этому неудобству, Кемпеленъ устроилъ внутри ящика систему зубчатыхъ колесъ и рычаговъ, приводившихся въ движеніе помощію внутренняго часоваго хода. Механикъ заводилъ его передъ начатіемъ игры, и стукъ вращающихся колесъ маскировалъ шумъ отъ необходимыхъ движеній скрытаго игрока, который, разумѣется, весьма-внимательно долженъ былъ слѣдить за всеми своими дѣйствіями и остерегаться не только малѣйшей неосторожности, но и всякаго, часто непреодолимаго, природнаго побужденія.

Разъ дѣйствительно случилась бѣда, и это былъ самый критическій моментъ въ жизни Мельцеля.

Играли довольно значительную партію и противникъ автомата былъ искусный игрокъ. Мюльхаузенъ, будучи погруженъ въ соображенія ходовъ, совершенно забылъ слѣдить за собою, т.-е. за требованіями своего животнаго организма, и неожиданное, громкое чиханіе внезапно раздалось страннымъ гуломъ посреди всеобщаго безмолвія. Надобно признаться, что поло-

жаніе чихающаго внутри запертаго ящика и среди металлическаго механизма видоизмѣнило свойство звука до такой степени, что трудно было догадаться, отъ какой именно причины произошелъ раздавшійся внутри автомата звукъ. Зрители были поражены изумленіемъ, и нельзя знать, чѣмъ кончилось-бы это приключеніе, еслибы Мельцель не нашелъ счастливой мысли въ самую критическую минуту. Не давъ зрителямъ опомниться, онъ закричалъ съ выраженіемъ крайняго соболѣзнованія:

— Боже мой, пружина лопнула! Что, если это отъ большаго колеса! Господа, — продолжалъ онъ, обращаясь къ зрителямъ, — позвольте мнѣ удалиться на четверть часа съ моимъ автоматомъ въ сосѣднюю комнату, мнѣ необходимо осмотрѣть механизмъ. Если только лопнула не главная пружина, то все будетъ исправлено черезъ четверть часа; въ противномъ случаѣ я долженъ буду разобрать весь механизмъ и прекратить мои представленія по-крайней-мѣрѣ на двѣ.

Противъ такого воззванія нечего было отвѣчать. Публика охотно согласилась на желаніе Мельцеля, и слышны были даже выраженія сожалѣнія, если лопнувшая пружина заставитъ механика отсрочить свои сеансы на продол-

тѣлѣе время. Мельцель укатилъ автомата въ сосѣднюю комнату, далъ тамъ порядочную головоломку своему помощнику и возвратился черезъ четверть часа, объявивъ, что пружина находилась у самыхъ дверей и могла быть тотчасъ замѣнена новою. Онъ даже открылъ дверцу и показалъ любопытствующимъ пружину, вставленную за нѣсколько дней передъ тѣмъ и потому казавшуюся совершенно новою.

Автоматъ продолжалъ прерванную партію и выигралъ ее, точно также, какъ и все слѣдующія. Публика разошлась, весьма довольная этимъ сеансомъ, и слава Мельцеля загремѣла послѣ этого случая еще гораздо сильнѣе. Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ: не знаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Въ другой разъ Мельцелю угрожала еще большая опасность съ другой стороны. Одинъ изъ зрителей подозрѣвалъ тайну автомата, и во время представленія закричалъ: «Пожаръ!» Тутъ кукла принялась выкидывать странныя штуки, ибо спрятанный внутри игрокъ отнюдь не намеренъ былъ сгорѣть живымъ. Тайна готова была раскрыться для всехъ; но Мельцелю суждено было избѣжать ловушки. Вѣсть о пожарѣ всполошила публику, которая бросилась къ две-

ряиъ и сбѣла съ ногъ зрителя; причинившаго всю эту суматоху. Тутъ нѣкогда было наблюдать за автоматомъ, и механикъ, пользуясь такими благоприятными обстоятельствами, вкатилъ машину въ сосѣдную комнату, гдѣ не было никого изъ постороннихъ.

Дѣло тѣмъ и кончилось. Впрочемъ, Мельцель поспѣшилъ оставить нѣмецкій городокъ, гдѣ случилось рассказанное нами происшествіе, и гдѣ онъ опасался дальнѣйшихъ неприятныхъ мистификацій. Расчетъ его былъ вѣренъ, и тайна шахматнаго игрока осталась неоткрытою до самой кончины Мельцеля.

Довольно извѣстенъ еще слѣдующій случай, рассказанный Бонкуре уже по смерти Мельцеля.

Дѣло было въ Голландіи и Мельцелю объявлено, что король съ всѣмъ дворомъ будетъ смотрѣть его автомата. Публики собралось чрезвычайно много, когда узнали о высокихъ постигателяхъ. Наступило назначенное время, а Бонкуре не является. Мельцель бѣжитъ въ его комнату и находитъ игрока въ постели.

— Что вы дѣлаете! — закричалъ раздраженный Мельцель. — Публика собралась и сейчасъ пріѣдетъ король, а вы валяетесь въ постели! Развѣ вы забыли о сегодняшнемъ представленіи!

— Напротивъ, я очень хорошо помню о немъ, но я такъ болѣнъ, что не могу сегодня играть.

— Помилуйте! Да не болѣе какъ за два часа я васъ видѣлъ и вы были совершенно здоровы

— Что дѣлать! я вдругъ захворалъ.

— Чѣмъ-же, позвольте узнать?

— Меня испугало громомъ.

— Вы съума сошли! Король сейчасъ будетъ сюда. Какое я могу представить извиненіе?

— Скажите, что автоматъ испортился, если не хотите признаться, что у него лихорадка.

— И вы можете смѣяться? Подумайте, что такого сбора, какъ сегодняшній, рѣдко дожدهшься.

— Что дѣлать! надобно покориться судьбѣ и отказаться отъ сбора, хотя бы онъ былъ вдвое больше.

— Злодѣй!

— Нѣтъ, я не злодѣй, а человекъ, которому вы должны полторы тысячи франковъ и не платите.

— Такъ этимъ-то и можно вылечить васъ? Вставайте, и вы получите свои деньги вечеромъ.

— Извините! Если я не получу денегъ сію минуту, то играть не буду. Подумайте сами,

вотъ ужь скоро мѣсяць, какъ водите вы меня за носъ. Деньги на столъ! Иначе вѣтъ никакого средства поднять меня съ постели. Выбирайте.

Мельцель былъ отличный механикъ, но не всегда исправный платильщикъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ разсудительный и потому, не споря дальше, заплатилъ полторы тысячи франковъ своему помощнику.

Послѣдній немедленно выздоровѣлъ отъ подобнаго лекарства, проворно одѣлся, поспѣлъ во время къ прїѣзду короля и обѣигралъ лучшихъ придворныхъ игроковъ. Разсказываютъ, что король внимательно слѣдилъ за автоматомъ, остался имъ чрезвычайно доволенъ, и уѣзжая вручилъ Мельцелю драгоценный брильянтовый перстень; вслѣдъ за тѣмъ, значительно улыбнувшись, онъ положилъ на шахматную доску турка кошелекъ, туго набитый луидорами, и громко промолвилъ, что дарить это *самоу автомату*.

Неизвѣстно, что разумѣлъ король подъ этими словами. Впрочемъ, Мельцель былъ такъ деликатенъ, что, удовольствовавшись перстнемъ, отдалъ кошелекъ своему помощнику.

По смерти Мельцеля, автоматъ попалъ въ руки американской полиціи и былъ проданъ съ публичнаго торга. Разумѣется, секретъ его былъ открытъ для всѣхъ, и вслѣдствіе того онъ потерялъ свою главную цѣнность и достоинство. Даже неизвѣстно, цѣль-ли онъ понынѣ и въ чьихъ рукахъ находится. «Sic transit gloria mundi!»

Изъ новѣйшихъ автоматовъ весьма замѣчательны *писцы* и *рисовальщики* Дроза. Швейцарскій механикъ устроилъ нѣсколько фигуръ въ обыкновенный человѣческій ростъ, которыя не только писали извѣстное число фразъ, но еще рисовали пять фигуръ и въ томъ числѣ весьма схожій портретъ Людовика XVIII. Коллинсонъ удивлялся точности всѣхъ движеній этихъ автоматовъ, которые, будучи однажды заведены, исполняли свое дѣло съ математическою правильностію, недоступною обыкновенной человѣческой рукѣ.

Мальярде также устроилъ автомата, въ видѣ стоящаго на колѣняхъ ребенка, который, будучи заведенъ, исписывалъ четыре страницы красивымъ французскимъ и англійскимъ почерками, наблюдая совершенную правильность въ размѣщеніи словъ и строкъ, и кромѣ-того

выполнялъ три рисунка карандашомъ. Вся про-
дѣлка продолжалась около часа.

Должно признаться, что Мальярде былъ
чрезвычайно искусный механикъ. Самый из-
вѣстный изъ его автоматовъ представляетъ фо-
кусника, въ обыкновенной парадной одеждѣ
современныхъ чародѣевъ. Одѣтая въ фантасти-
ческую хламиду съ зодіаками, фигура держала
въ одной рукѣ волшебный жезлъ, а въ другой
книгу. Передъ фигурою находился столъ, на
которомъ лежало нѣсколько бронзовыхъ овалъ-
ныхъ медальоновъ, съ выгравированными на
нихъ разнообразными вопросами. Зритель могъ
выбрать любой медальонъ, и прочитавъ на немъ
про себя надпись, клалъ его въ маленькій ящи-
чекъ, стоявшій на столѣ. Немедленно за тѣмъ
автоматъ вставалъ, подносилъ къ глазамъ свою
книгу, какъ-бы читая въ ней, и по манове-
нію его жезла на стѣнѣ являлся приличный
вопросу отвѣтъ, тогда-какъ во все это время
медальонъ съ вопросомъ лежалъ неподвижно въ
ящичкѣ.

Англичанинъ Бранедокъ постигъ тайну этого
автомата. Медальоны, всѣ одной овальной фор-
мы, имѣли въ известномъ мѣстѣ маленькое
отверстіе, искусно скрытое гравировкою. Этому

отверстію соотвѣтствовала въ ядичкѣ тонкая игла. Глубина отверстія была различная, и по глубинѣ, входившей внутрь медальона иглы, автоматъ давалъ соотвѣтствующій вопросу отвѣтъ. Бранедокъ удостовѣрился въ истинѣ своей догадки, заложивъ предварительно отверстіе въ медальонѣ тоненькою щепочкою кедроваго дерева.

Весьма искусно былъ выполненъ механическій паукъ Мальярде. Паукъ бѣгалъ, подобно живому, въ теченіе трехъ минутъ, описывая спиральную линію. Тотъ-же механикъ сдѣлалъ гусеницу, ящерицу, мышъ и змѣю. Последняя ползала, отворяла ротъ, высовывала языкъ и свистала такъ натурально, что ее нельзя было отличить отъ настоящей змѣи.

Довольно уже мы поговорили объ автоматахъ. Кончимъ нашу о нихъ рѣчь воспоминаніемъ, что механика въ своихъ дивныхъ успѣхахъ не ограничилась подобнаго рода игрушками, а создала множество орудій, безконечно усилившихъ могущество человѣческой дѣятельности. Паровыя, ткацкія, прядильныя и другія машины на фабрикахъ и мануфактурахъ; дивное устройство новѣйшихъ астрономическихъ часовъ и хронометровъ; наконецъ числительныя машины Бэббеджа и другихъ, совершающія безошибочно

собственнымъ механизмомъ труднѣйша и многосложнѣйша математическія вычисления: все это служитъ достославнымъ и неподкупнымъ свидѣтельствомъ успѣхомъ человѣческаго ума на широкомъ поприщѣ механики.

V.

ФОКУСЫ И ДИКОВИНЫ ХИМИИ.

Химія весьма богата явленіями, которыя съ перваго взгляда могутъ показаться сверхъестественными или чудесными.

Сэръ Хульфри Дэви.

Начало химіи почти современно начальному развитію человѣческой промышленности. Оувель, «первый ковачь мѣди и желѣза», былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и первымъ химикомъ. Чѣмъ сильнѣе и обширнѣе развивалась промышленность людей, тѣмъ болѣе приобрѣтали они химическихъ знаній, хотя не прошло еще и ста лѣтъ съ того времени, какъ химія стала на степень науки. Отъ Оувела до Лавуазье собирались одни только матеріалы ¹.

¹ Мы не упоминаемъ здѣсь о неудачныхъ попыткахъ предшественниковъ Лавуазье по-

Съ самаго младенчества своего химія была наукою чудесъ и диковинокъ. Алхимики и волшебники, въ своихъ химическихъ лабораторіяхъ, выковали тѣ тяжелыя цѣпи, которыми такъ долго суевѣріе оковывало умъ человѣческій. Извѣненія, происходящія въ тѣлахъ, непосредственно насъ окружающихъ, слишкомъ малочисленны и слишкомъ-часто были наблюдаемы, чтобы возбуждать удивленіе, притупленное обыденностью, доступною почти каждому. Но если взять природныя или не-искусственныя тѣла и поставить ихъ подъ вліяніе извѣстныхъ условій, то эти вліянія могутъ породить множество самыхъ поразительныхъ явленій, множество новыхъ веществъ, такъ мало сходныхъ съ обыкновенно-окружающими насъ, что ими привлекается самое холодное вниманіе, потрясается самое невосприимчивое воображеніе. Что-же удивительнаго, если самые высокіе и отважные умы искали въ химіи могущественнаго рычага для достиженія великихъ результатовъ, имѣвшихъ цѣлю достиженіе блаженства, несовмѣстнаго съ

строить химическую теорію и возвестъ чрезъ то химію на степень науки. Всѣ эти опыты рушились передъ геніальнымъ взглядомъ свѣтлой головы, павшей подъ топоромъ революціонной гильотины.

обыкновенными условиями жизни? Почитатель Маммона, мечтавший покорить міръ власти золота, превратился въ алхимика, искавшаго философскаго камня — таинственнаго средства превращать неблагородные металлы въ золото и серебро. Наслѣдникъ его, смѣявшійся надъ старикомъ, самъ трудился надъ изысканіемъ средствъ растворять драгоценные камни и изъ маленькихъ дѣлать большіе, а изъ угля кристаллизировать алмазы. И тѣ и другіе въ богатствѣ искали счастья, тогда-какъ средневѣковой филантропъ искалъ *великой помощи*, всемірнаго лекарства, излечивающаго всѣ болѣзни и могущаго поддержать бранный человѣческій составъ на неопредѣленное время. Безумцы не подумали, что если золото сдѣлается столь-же изобильнымъ какъ мѣдь, то оно будетъ стоить не дороже послѣдняго металла,—что если найдутъ средство превращать пудъ углей въ пудъ алмазовъ, то послѣдніе не будутъ продаваться по 50 руб. сер. за каратъ, съ увеличеніемъ цѣны въ квадратъ, по мѣрѣ увеличенія числа каратовъ. И нинимые филантропы забыли, что всему самому благому положенъ предѣлъ, за который переступить нельзя.

Не будемъ, однакоже, безусловно винить алхимиковъ. Многіе изъ новѣйшихъ химическихъ

процессовъ, приносящихъ современному обществу несчастливыя пользы, основаны на открытіяхъ, совершенныхъ алхимиками, и множество ленаретвъ, которыми обладаетъ медицина, вычерпнуты изъ того-же источника. Не плывете же въ тотъ ключъ, изъ котораго столько чистыхъ струй излилось въ потокъ современныхъ званій, и который понынѣ поитъ неблагодарныя къ живущимъ заслугамъ поколѣнія. Не забудьте, что если мы умнѣе отцовъ нашихъ, то дѣти наши будутъ умнѣе насъ.

Человѣческая натура такова, что если умъ пойдетъ по ложной стезѣ, увлекаемый порочную или преступною страстію, то онъ будетъ навлекать зло изъ добра и на полезнѣйшемъ деревѣ выраститъ ядовитые плоды. Химическія изысканія, породившія столько добраго, полезнаго, служили для нѣкоторыхъ личностей орудіемъ обмана, по большей части имѣвшаго цѣлю корыстолюбіе. Таковы были *адепты*, разоравшіе довѣрчивыхъ людей надеждою на пріобрѣтеніе тайны превращенія неблагородныхъ металловъ въ благородныя и пустившіе богачей по міру съ сумою; таковы средневѣковые *чародѣи* и *волшебники* — ядовитая язва, гложавшая западное человѣчество во иракѣ среднихъ вѣковъ.

Въ химіи заключался для волшебниковъ и колдуновъ цѣлый арсеналъ чародѣяній, гораздо-обильнѣйшій, чѣмъ всѣ средства оптики, акустики и механики. Мы не можемъ подробно разоблачить всѣхъ этихъ таинственныхъ орудій въ журнальной статьѣ; а потому ограничимся очеркомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Посмотримъ, напримеръ, на побѣдоносную борьбу чловѣка съ огнемъ—картину, сохранившую свой таинственный колоритъ до новѣйшаго времени. Тайна природы, подмѣченная не многими, долго скрывалась подъ непроницаемою завѣсою; теперь, не болѣе десятка лѣтъ, завѣса поднята. Фактъ извѣстенъ всѣмъ и каждому; но основная причина осталась все еще неудовлетворительно-изъясненной.

Оставивъ въ сторонѣ фокусы съ огнемъ, повторяемые повсемѣстно въ ярмарочныхъ балаганахъ и слишкомъ-извѣстные даже многимъ лицамъ изъ простонародья ², обратимся къ поразительному опыту безвреднаго обмыванія рукъ въ расплавленныхъ металахъ и безнаказаннаго прикосновенія нашимъ тѣломъ къ раскаленному до бѣла желѣзу.

² Таковъ, напримеръ, фокусъ выдыханія пламени изо рта, проглатыванія горящихъ углей, зажженной пеньки и т. п.

Кто не знаетъ, что есть люди, которые безвредно ходятъ по горячимъ угольямъ и раскаленному желѣзу босыми ногами, берутъ такіе же полосы въ руки и даже окунываютъ послѣднія въ расплавленную мѣдь или чугуны? Невѣдѣвшіе этихъ диковинокъ собственными глазами, по большей части, отрицали ихъ дѣйствительность; тѣ-же, которые были очевидцами, старались объяснить фактъ или иллюзіею глазъ (обморачиваньемъ), или намазываніемъ тѣла различными составами, дѣлающими его негараемымъ. Нѣкоторые ученые прибѣгали даже къ самымъ хитросплетеннымъ, хотя и не лишенымъ остроумія объясненіямъ. Никто не попалъ на истинный путь, и до 1849 года извѣстно было только то, что фактъ негараемости человеческого тѣла въ извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ не подверженъ сомнѣнію.

Нашлись охотники порыться въ архивной пыли, и отыскали, что такого рода факты извѣстны были еще въ глубокой древности. Жрецы Діаны въ Кападокіи, по увѣренію Страбона, босногіе ходили, въ извѣстные праздники, по раскаленнымъ угольямъ. При празднованіи годичнаго торжества въ честь Аполлона, въ храмѣ его, на горѣ Соратѣ, въ Этруріи, всегда находи-

лись люди, проходившіе босыми ногами не только по горячимъ угольямъ, но и по раскаленнымъ металлическимъ рѣшеткамъ; въ уваженіе такихъ подвиговъ, люди эти освобождались отъ военной службы и пользовались другими привилегіями ³. Мы-бы могли насчитать еще множество другихъ подобныхъ преданій, но считаемъ лучше прямо перейти къ одному изъ любопытнѣйшихъ свидѣтельствъ древности, имѣющему прямое отношеніе къ предмету нашей бесѣды ⁴.

Въ началѣ IV вѣка по Р. Х., процвѣтавшая дотогѣ въ Персіи религія огнепоклонниковъ, начала клониться къ паденію. Въ то время царствовалъ въ Персіи Сапоръ, или Шахъ-Пуръ, ревностный почитатель зороастрова ученія. Онъ призвалъ ученѣйшихъ маговъ (жрецовъ) и приказалъ имъ изыскать средства къ поддержанію господствующей религіи. Маги были ученѣйшіе люди въ древней Персіи, и одинъ изъ нихъ,

³ Варронъ говоритъ, что люди, ходившіе безвредно по раскаленнымъ металламъ и горячимъ угольямъ, намазывали подошвы ступней особннымъ составомъ, хранимымъ въ большой тайнѣ.

⁴ См. Diction. histor., crit. et bibliogr. XXVII, 417.

Адурабадъ-Мабрасфандъ, съ согласіа своихъ товарищей, собравъ народъ, объявилъ, что онъ, въ доказательство истины проповѣдываемаго имъ ученія, готовъ публично подвергнуться испытанію огнемъ. Это испытаніе заключалось въ томъ, что на обнаженное тѣло пациента выливали около полупуда расплавленной мѣди.

Противъ такого опыта спорить было трудно. Невѣрившіе пожелали видѣть его собственными глазами, и магъ безтрепетно и безвредно выдержалъ *огненное купаніе*.

Послѣдствія этого опыта не относятся къ нашему разсказу. Присовокупимъ только, что многіе историки и философы смѣялись надъ этимъ разсказомъ. Особенно потѣшался имъ скептическій умъ Вольтера. Остроумный французъ, воображавшій, что онъ проглотилъ всю человѣческую мудрость, и писавшій обо всемъ, даже о ньютоновыхъ открытіяхъ, съ видомъ знатока, попался на этотъ разъ въ просакъ. Читая подробности мабрасфандова опыта, мы вполне вѣримъ его дѣйствительности. Ничего не можетъ быть проще и естественнѣе этого факта.

Точно такъ почти все разсказы о несгараемыхъ людяхъ справедливы въ главныхъ своихъ подробностяхъ, и нѣтъ никакой причины сомнѣ-

ваться въ фактъ, который всякій изъ насъ можетъ повторить, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Но прежде, чѣмъ мы разгадаемъ эту загадку, позвольте познакомить васъ съ нѣкоторыми подробностями объ опытахъ человеческой несгораемости, которымъ дивились наши отцы, да и мы сами, ранѣ изумительнаго открытія французскаго физика Бутиньи ⁵.

Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія до ученаго доктора Бекмана дошелъ слухъ, что въ Аустедскомъ ⁶ мѣдно — плавильномъ заводѣ находится работникъ, черпающій расплавленную мѣдь голыми руками. Бекманъ давно хотѣлъ повѣрить дѣло на опытѣ и рѣшился воспользоваться представлявшимся къ тому случаемъ. Онъ прибылъ въ Аустедъ въ сентябрѣ 1765 года и тотчасъ отыскалъ *несгораемаго* работника. За мелкую серебряную монету показывалъ этотъ чародѣй свое искусство. *Поддержавъ нѣсколько времени ладонь и пальцы правой руки подъ мышкой левой* ⁷, работникъ зачерпнулъ

⁵ Boutigny d'Evreux.

⁶ Awestad.

⁷ Мы съ намѣреніемъ подчеркнули эти слова, потому — что будемъ ссылаться на нихъ впоследствии.

правою рукою немного расплавленной мѣди изъ тигля и бросилъ жидкій металлъ о стѣну, гдѣ онъ разсыпался каплями, остывшими на каменномъ полу. Потомъ онъ медленно окунулъ руку въ жидкую мѣдь и вынулъ оттуда совершенно-безвредною.

Такъ-какъ руки этого молодца, какъ и у всѣхъ занимающихся подобными работами, были чрезвычайно грубы и послѣ опыта Бекманъ замѣтилъ слабый запахъ сженаго рога, то ученый докторъ не усомнился приписать успѣхъ опыта нечувствительности кожи, покрывавшей руку работника. Онъ забылъ только, что самый рогъ мгновенно опалается при погруженіи въ расплавленную мѣдь. Описывая видѣнный имъ опытъ, докторъ счелъ долгомъ привести множество рецептовъ для составовъ, дѣлающихъ человеческое тѣло несгораемымъ, начиная отъ простаго натиранія масломъ, до теста, приготовляемаго, по совѣту Алберта Великаго, изъ алтейнаго отвара, сженной извести, яичнаго бѣлка и клейкихъ сѣмянъ какой-то травы, смертельной для блохъ^{*}. Истинная-же причина явленія не могла ему придти въ голову, и онъ упустилъ изъ вниманія главное обстоятельство, что рука, со-

* Flea-bane.

вершавшая опытъ, была покрыта легкимъ потомъ, вслѣдствіе пребыванія подъ мышкою вспотѣвшаго работника.

Въ теченіе послѣдняго дѣсятилѣтія, французскій физикъ Бутиньи, занимаясь изслѣдованіями надъ открытымъ имъ *сфероидальнымъ состояніемъ тѣлъ*, обратилъ особое вниманіе на явленіе несгораемости человѣческаго тѣла. Все говорило въ пользу того предположенія, что между обѣими сказанными явленіями существуетъ тѣсная связь.

Пояснимъ это.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бутиньи открылъ, что если какая-нибудь жидкость будетъ брошена на сильно-раскаленное тѣло, то, несмотря на свою летучесть, не только не испарится мгновенно, но принимаетъ видъ сфероидальныхъ или сплюснутыхъ капель, быстро вертящихся на своей перпендикулярной оси и испаряющихся весьма медленно. Температура такой вертящейся на раскаленной поверхности капли никогда не достигаетъ точки кипѣнія и постоянно остается ниже. Такъ, напримѣръ, вода, кипящая обыкновенно при 100° Ц., не доходитъ въ сфероидальномъ состояніи до температуры, превышающей 96° .

Это замѣчательное свойство жидкихъ тѣлъ г.

Бутинья назвалъ *сфероидальнымъ состояніемъ* ⁹.

Мы выше сказали, что всѣ изслѣдованія французскаго физика клонились въ пользу предположенія, что между явленіями несгораемости человѣческаго тѣла и сфероидальнымъ состояніемъ жидкостей существуетъ явная зависимость. Первое можно было объяснить послѣднимъ.

Чтобы на опытѣ повѣрить эту догадку, Бутинья сталъ искать случая быть очевидцемъ явленій несгораемости. Въ началѣ 1849 года онъ узналъ, что на желѣзо-дѣлательныхъ заводахъ въ Эрѣ и Моньи ¹⁰ есть работники, ступающіе голыми ногами на раскаленное до-бѣла желѣзо и едва отвердѣвшій чугуны, а также опускающіе палецъ въ расплавленный металлъ. Вскорѣ очевидность убѣдила Бутинья въ истинѣ такихъ извѣстій, и въ апрѣлѣ 1849 года онъ самъ рѣшился пересѣкать обнаженною рукою струю раскаленного чугуна, толщиною отъ одного до полутора вершковъ, вытекавшую изъ плавильной пе-

⁹ Бросьте нѣсколько капель воды на раскаленную плиту вашей кухни, и вы увидите, какъ эти капли придутъ мгновенно въ сфероидальное состояніе. Опытъ чрезвычайно простъ, хотя и весьма поучителенъ.

¹⁰ Близъ Люра, въ Франшъ-Конте.

чи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ погрузилъ другую руку въ тигель, наполненный совершенно жидкимъ чугуномъ.

Какую-же предосторожность принималъ Бутины для безнаказаннаго производства такихъ опытовъ?

Рѣшительно никакой. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы безъ страха погрузить обнаженную руку въ расплавленный металл, двигая ее внутри этого послѣдняго съ умѣренной скоростью. Явленіе это просто до крайности.

Вотъ какимъ образомъ Бутины рационально объясняютъ фактъ несгораемости. Мы должны здѣсь прибѣгнуть къ нѣкоторымъ весьма простымъ формуламъ, только съ перваго взгляда кажущимся недовольно общепонятными. Какъ мы ни стараемся избѣгать непопулярности въ нашихъ статьяхъ, но считаемъ необходимымъ привести здѣсь это, впрочемъ весьма понятное объясненіе.

Послушаемъ Бутины.

Пусть будетъ количество жара, содержащагося въ сильно разгоряченномъ тѣлѣ, выражено формулою:

mct .

Въ этой формулѣ будетъ: m —масло, выраженное хотя килограммами;

c —специфическая теплота нагрѣтаго тѣла;
 t —его температура.

Во-первыхъ, мы можемъ здѣсь вовсе устранить множитель m , потому-что, какъ мы увидимъ, рука не касается расплавленнаго тѣла, — слѣдовательно рѣшительно все равно, производится-ли опытъ надъ нѣсколькими золотниками, или надъ тысячами пудовъ расплавленнаго металла. Ощущеніе совершенно одинаково въ обѣихъ случаяхъ, и это очень ясно для того, кто знаетъ отталкивающую силу раскаленныхъ поверхностей, сопротивляющуюся прикосновенію къ нимъ жидкостей.

И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ только рука или другая часть человѣческаго тѣла погружается въ расплавленный металлъ, то испарина, ее покрывающая ¹¹, касаясь накаленной поверхности, приходитъ въ сферондальное состояніе и, облекая руку или палець, такъ сказать, *удемняетъ* его среди опасной жидкости.

¹¹ Замѣтимъ, что передъ горнами и плавильными печами всегда бываетъ очень жарко, и потому испарина выступаетъ на тѣлѣ естественнымъ образомъ. Это отдѣленіе увеличивается еще отъ невольнаго страха, который ощущается всякимъ рѣшающимся на опытъ.

Устранимъ-же факторъ m , выражающій массу и не имѣющій здѣсь никакого вліянія.

Остаются еще два фактора c и t . Можно съ удовлетворительною приближительною допустить, что

$$c = 0,15$$

и что величина

$$t = 1,500^{\circ},$$

т.-е. равна температурѣ расплавленнаго чугуна. Помноживъ c на t , получимъ

$$1,500^{\circ} \times 0,15 = 225^{\circ}.$$

Изъ этого видно, что кожа пальца или руки, погруженной въ расплавленный чугунъ, никакъ не будетъ претерпѣвать жара свыше 225° по Цельсіеву термометру. Конечно, и такой жаръ совершенно достаточенъ, чтобы сжечь кожу; но на самомъ дѣлѣ экспериментаторъ находится въ гораздо-выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ мы сейчасъ допустили.

Мы уже говорили выше, что вслѣдствіе опытовъ Бутиньи фактически доказано, что между раскаленнымъ металломъ и опущенною въ него рукою нѣтъ непосредственнаго прикосновенія. Въ такомъ случаѣ надо, однакоже, допустить нагрѣваніе посредствомъ лучеиспусканія, и въ данномъ нами случаѣ оно будетъ чрезвычайно-

сильно. Но здѣсь имѣетъ мѣсто еще слѣдующее обстоятельство.

Уже давно доказано, что вода и жидкости, вообще, находясь въ сфероидальномъ состояннн, обладаютъ странною способностью отражать отъ себя теплородъ ¹², такъ-что никогда не нагреваются до температуры собственнаго кипѣннн, оставаясь постоянно ниже ея. Слѣдовательно, пока не испарилась влага, находящаяся на части тѣла, погруженной въ металлъ, до-тѣхъ-поръ эта влага, будучи въ сфероидальномъ состояннн, отражаетъ теплородъ, изливаемый металломъ, и не допускаетъ его до кожи.

Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы не продолжать опыта долѣе того времени, которое нужно для испареннн влаги, покрывающей окунутую въ металлъ часть тѣла.

Какъ скоро опыты Бутиннн прнобрѣли всеобщую извѣстность, то, не смотря на возникшія сомнѣннн, многія лица рѣшились повторить ихъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ одинъ дижонскій

¹² См. «Nouvelle branche de physique ou Etude sur les corps à l'état sphéroïdal, par M. BOUTIGNY d'Evreux»; также письма г. Бутиннн въ парижскую академію, напечатанныя въ «Comptes rendus», и статью въ сентябрьской книжкѣ «Annales de chimie et de physique» за 1849 г.

ученый, г. Алексисъ Перрей, въ донесеніи своемъ парижской академіи наукъ.

Верстахъ въ семнадцать отъ Дижона находится желѣзо-ковательный и чугунно-литейный заводъ, лежащій близъ деревни Val-Suçon. Сюда явился г. Перрей и спросилъ у собравшихся рабочихъ, не отважится-ли кто-нибудь изъ нихъ ступить обнаженною ногою на раскаленный добѣла чугунъ или взять въ руки раскаленную желѣзную полосу.

Ему указали на одного работника, который изъявилъ готовность на опытъ за два франка.

— Какъ ты рѣшаешься на такой страшный опытъ? спросилъ г. Перрей у смѣлаго работника.

— Да что-же тутъ страшнаго? На него рѣшится и трусь, когда увидить его разъ десятокъ.

— Неужели тебѣ случалось когда-нибудь ступать обнаженною ногою на раскаленный чугунъ?

— Еслибы у меня было въ карманѣ столько тысячъ франковъ, сколько разъ я ступалъ по раскаленному металлу, то я давно-бы купилъ здѣшній заводъ.

Товарищи смѣлаго работника подтвердили его слова, и г. Перрей не сомнѣвался долѣе присту-

пить къ опыту въ ту-же самую минуту и безъ всякихъ приготовленій.

Подошли къ чугунной плитѣ, только-что отвердѣвшей и еще накаленной почти до-бѣла. Металлъ, изъ котораго она была отлита, не болѣе четверти часа былъ еще въ совершенно-жидкомъ состояніи. Работникъ, вызвавшійся на опытъ, тщательно смелъ съ плиты всѣ нечистоты, бывшія на поверхности, разулся, обтеръ подошвы ногъ объ исподнее платье, чтобы не осталось никакихъ песчаныхъ зернышекъ или другихъ твердыхъ тѣлъ, и быстро ударилъ обнаженною ногою по раскаленной плитѣ. Затѣмъ онъ вскочилъ на нее обѣими ногами и сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ по раскаленному металлу.

Примѣръ поразителенъ. Другой работникъ, никогда не дѣлавшій подобнаго опыта, вида, какъ хорошо онъ удался его товарищу, самъ рѣшился на подобную продѣлку.

Ученикъ принесъ честь своему учителю. Второй опытъ былъ не менѣе счастливъ какъ и первый.

Тогда самъ Алексисъ Перрей рѣшился повѣрить необыкновенный фактъ, котораго былъ свидѣтелемъ и котораго дѣйствительность онъ не могъ долѣе подвергать сомнѣнію. Притомъ, онъ

ясно видѣлъ, что тутъ нѣтъ надобности въ особыхъ предварительныхъ приготовленіяхъ.

Разувшись, онъ трижды ударилъ слегка голою ногою по раскаленному металлу, но не осмѣлился ступить на него, хотя и былъ увѣренъ въ возможности и безопасности.

При первомъ прикосновеніи къ раскаленной плитѣ онъ почувствовалъ слабый холодъ.

При второмъ онъ не чувствовалъ ни холода, ни жара, а только прикосновеніе твердаго посторонняго тѣла, одинаковой температуры съ подошвою ноги.

При третьемъ нога почувствовала мгновенный приливъ жара, за которымъ послѣдовало внутреннее безпокойное состояніе организма, не позволявшее г. Перрею продолжать свои опыты съ должнымъ хладнокровіемъ и увѣренностію.

Ожоги впрочемъ никакой не было.

При ударахъ ногою и вообще при стуканіи по раскаленному металлу, изъ чугуна вылетали искры. Ноги и все тѣло, какъ упомянутыхъ двухъ работниковъ, такъ и самаго г. Алексиса Перрея, были покрыты обильнымъ потомъ.

Кстати, не забудемъ еще одного замѣчанія.

Съ самаго начала на чугунной плитѣ не было замѣчено ничего особеннаго, но по прошествіи

четверти часа можно было ясно различать тѣ мѣста, гдѣ нога касалась плиты. Черезъ полчаса послѣ опыта металлъ былъ еще совершенно красенъ и на немъ ясно виднѣлись ступни ногъ, отпечатанныя бурымъ цвѣтомъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствительно ноги касались металла.

И это извѣстіе было встрѣчено недовѣрчивостію; но опыты были повторены такъ часто въ разныхъ мѣстахъ Европы и разными лицами, и всегда съ такимъ совершеннымъ успѣхомъ, что скептики должны были замолчать передъ очевидностью факта.

«Если погрузить руку въ расплавленный металлъ, то потъ, покрывающій тѣло, приметъ сфероидальное состояніе и будетъ препятствовать жару металла вредить рукѣ. Такимъ-образомъ можно нѣсколько влажною рукою перерѣзывать струю расплавленнаго чугуна, полоскать въ немъ руки и ступать обнаженною ногою на раскаленное до-бѣла желѣзо. Потъ сохраняетъ свое сфероидальное состояніе, и слѣдовательно покровительственное дѣйствіе, не менѣе трехъ секундъ».

Опыты были повторены вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. При погруженіи руки въ металлъ чувствуется жаръ отъ испарины, при-

шедшей въ сферoidalное состояніе; но онъ не довольно силенъ, чтобы обжечь тѣло въ короткое время продолженія опыта.

Мы говорили, что жидкости, пришедшія въ сферoidalное состояніе, испаряются гораздо медленнѣе чѣмъ при температурѣ ихъ кипѣнія, и никакъ не достигаютъ послѣдней температуры. Слѣдовательно, если окунуть руку въ жидкость весьма летучую, то-есть кипящую при не высокой степени жара, напри-мѣръ въ виноспиртъ, то ощущеніе жара при послѣдующемъ непосредственно за тѣмъ погруженіи въ металлъ будетъ еще слабѣе, чѣмъ въ описанныхъ выше обыкновенныхъ обстоятельствахъ. И дѣйствительно, мы убѣдились въ томъ собственнымъ опытомъ. Обмакнувъ палецъ, сперва въ виноспиртъ, а потомъ въ расплавленный свинецъ, мы едва почувствовали небольшую теплоту.

Еще лучше и интереснѣе опытъ съ сѣрнымъ эфиромъ и хлороформомъ. Такъ-какъ эти жидкости гораздо летучѣе вино-спирта, то смоченная ими рука при погруженіи въ расплавленный металлъ чувствуетъ не жаръ, а *прохладу*, и шевеля пальцы въ расплавленной мѣди или свинцѣ, чувствуешь какъ-будто прикосновеніе бархатнаго тѣла.

Есть, однакоже, жидкости гораздо летучѣе и эфира и хлороформа; на примѣръ жидкая сѣрнистая кислота кипитъ при десяти градусахъ мороза. Помоченная въ ней рука, при погруженіи вслѣдъ за тѣмъ въ расплавленные чугуны или мѣды, чувствуетъ холодъ какъ-будто отъ прикосновенія льду или отъ погруженія въ свѣтъ. Этотъ интересный опытъ былъ повторенъ многими физиками и любителями, такъ-что нѣтъ возможности сомнѣваться въ его дѣйствительности.

И такъ, вотъ сколько есть средствъ къ совершенію безвредно подвиговъ несгораемости, начиная съ простѣйшаго, то-есть съ погруженія въ расплавленный металлъ руки, покрытой легкою испариною. Кажется, ничего не можетъ быть проще этого, какъ оно ни странно съ перваго взгляда. Поспѣшимъ прибавить для тѣхъ которые-бы вздумали повѣрить эти опыты, что несмотря на дѣйствительность всего вышесказаннаго, есть средства производить такіе опыты съ несомнѣннѣйшею надеждою на успѣхъ, недопускающій никакого опасенія.

Вотъ что совѣтуетъ Бутинья.

Патрите руки мыломъ такъ, чтобы онѣ сдѣлались скользкими и обмакните ихъ въ холодный растворъ нашатыря, насыщенный сѣрни-

стою кислотою. После того сѣло погружайте руку не только въ расплавленные свинецъ, мѣдь чугуны, но пожалуй хоть въ расплавленную платину. Не бойтесь ничего и погружайте руку въ металлъ съ полнымъ довѣріемъ въ неизбежность законовъ природы.

Погруженіе руки въ металлъ и перерѣзываніе расплавленной струи должно совершать съ умѣренной скоростью и съ совершенною увѣренностію. Подъ вліяніемъ страха опытъ производится съ чрезвычайною быстротою, такъ-что отталкивающая сила жидкости въ сферoidalномъ состояніи, облекающей руку, можетъ быть уничтожена, и тогда расплавленный металлъ, коснувшись тѣла, мгновенно произведетъ свое разрушительное дѣйствіе. Рѣшившись на опытъ, не сомнѣвайтесь въ успѣхѣ и погружайте руку въ металлъ съ умѣренной скоростью, помня, что въ теченіе по-крайней-мѣрѣ одной двадцатой части минуты вы совершенно безопасны отъ обжога.

Когда опытъ производится со свинцомъ, то нужно предварительно снять ложкою огарину или частицы окисла, плавающія на поверхности, иначе онѣ обожгутъ кожу.

Припоминамъ теперь кстати другой опытъ Бутинья, также надѣлавшій много шума въскольк

лтъ тому назадъ и описанный въ то время во многихъ журналахъ. Этотъ опытъ состоялъ въ пригото­вленіи льду въ раскаленной платиновой чашкѣ.

Онъ совершается слѣдующимъ образомъ:

Раскаливъ до-бѣла на лампѣ платиновую чашку, вливають въ нее небольшое количество воды, которая принимаетъ тамъ мгновенно сфероидальное состояніе. Вслѣдъ за тѣмъ бросаютъ туда-же нѣсколько граммовъ жидкой сѣрной кислоты, кипящей, какъ мы выше сказали, при десяти градусахъ мороза. Испаряясь при температурѣ выше десяти градусовъ, кислота мгновенно заморозитъ воду, и, къ несказанному удивленію зрителей, вы вынете изъ раскаленной до-бѣла платиновой чашки кусочекъ льду, образовавшійся тамъ изъ воды, приведенной въ сфероидальное состояніе.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ опытовъ этого же рода былъ произведенъ въ мартѣ нынѣшняго года нашимъ извѣстнымъ химикомъ Л. Н. Шияшковымъ, профессоромъ Михайловской артиллерійской академіи, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей и слушателей.

Извѣстно, что газъ закиси азота, будучи сгущенъ въ канальную жидкость, собственнымъ своимъ испареніемъ производитъ сталь оидъ-

ный холодъ, что часть его замерзаетъ. Температура этого газа, превращеннаго въ твердое тѣло (съ виду похожее на снѣгъ), около 100 градусовъ мороза. Смѣшавъ этотъ отвердѣвшій газъ съ зепромъ, г. Шашковъ бросилъ смѣсь въ раскаленный до бѣла платиновый тигель и, вслѣдъ за тѣмъ, налилъ туда-же не много ртути. Зепръ загорѣлся въ раскаленномъ тиглѣ, а между тѣмъ ртуть почти мгновенно замерзла среди закиси азота, принявшей сфероидальное состояніе, такъ - что химикъ, помощію щипцовъ, вынулъ изъ раскаленнаго тигля и пламени зепра кусокъ замерзшей ртути.

Всякая жидкость, будучи налита не только на раскаленное твердое тѣло, но и на другую жидкость, нагрѣтую гораздо выше точки кипѣнія первой, непременно придетъ въ сфероидальное состояніе. Напримѣръ, пустите легонько бальмъ зѣира на кипятокъ, она тотчасъ приметъ сфероидальное состояніе и начнетъ вертѣться на поверхности воды, не соединяясь съ нею и испаряясь весьма-медленно.

Замѣчательно еще то, что тѣла въ сфероидальномъ состояніи перестаютъ химически дѣйствовать другъ-друга. Всѣмъ извѣстно, съ какою силою азотная кислота, или чистая *кряпкая* водка дѣйствуетъ на мѣдь. Но раскалите мѣд-

ную пластинку и налейте на нее крепкой водки: послѣдняя немедленно приметъ сферическое состояніе и во все продолженіе его не будетъ оказывать на мѣдъ ни малѣйшаго дѣйствія. Сбросьте съ пластинки вертящейся сферидѣ кислоты, и по охлажденіи мѣди вы не замѣтите даже слѣда присутствія кислой жидкости на металлѣ. Но если пластинка остынетъ до такой степени, что не будетъ превышать температурою точку кипѣнія кислоты, то сферическое состояніе послѣдней прекратится, и она тотчасъ же окажетъ на металлѣ свое энергическое разѣдающее дѣйствіе.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о средствахъ и снарядахъ, придуманныхъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, кавалеромъ Альдини ¹³, для предохраненія рукъ, лица и тѣла отъ дѣйствія огня.

Ученый кавалеръ имѣлъ при своихъ изысканіяхъ самую благородную филантропическую цѣль—дать новыя дѣйствительныя средства къ спасенію человѣческой жизни во время пожаровъ.

Первую идею своего снаряда Альдини почерпнулъ изъ такъ называемой девіевой рудо-

¹³ Въ Миланѣ.

копной лампы. Известно, что въ рудниках¹⁴ накапливается часто большое количество водородныхъ газовъ, которые, смѣшиваясь съ кислородомъ воздуха, образуютъ гремучую смѣсь, вспыхивающую отъ прикосновенія горящаго тѣла и взрывомъ своимъ убивающую рудокоповъ. Знаменитый англійскій химикъ устроилъ такъ называемыя предохранительныя лампы, состоящія изъ металлической сѣтки, и отвращающія опасность взрыва гремучаго газа. Эти лампы основаны на дознанномъ свойствѣ металлическихъ тканей или сѣтокъ изъ проволоки, не пропускающихъ сквозь себя пламени, сколь бы оно велико и сильно ни было. Въ-самомъ-дѣлѣ, раскаленные газы, составляющіе пламя, охлаждаются при прохожденіи черезъ металлическую сѣтку до такой степени, что перестаютъ свѣтиться.

Основываясь на открытіи Дэви, кавалеръ Альдини устроилъ родъ рыцарскаго доспѣха изъ проволочной сѣтки. Пожарный служитель или другое лицо, идущее внутрь пожара для спасенія погибающихъ, одѣвается въ толстое суконное платье, пропитанное растворомъ квас-

¹⁴ И особенно въ каменноугольныхъ копяхъ.

цовъ; ноги-же, руки и голова покрываются толстою тканью изъ аміанта или горнаго льна. За тѣмъ онъ надѣваетъ проволочный досѣхъ и смѣло пускается въ средину огня.

Металлическая сѣтка сильно охлаждаетъ проникающее до нея пламя; сукно-же, напитанное квасцами, не горитъ, а тлѣетъ весьма медленно; горный-же лѣнь вовсе не разрушается отъ дѣйствія обыкновеннаго пламени, и при томъ, какъ сукно, такъ и аміантъ, весьма дурные проводники теплорода.

Все это защищаетъ человѣка до такой степени, что онъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ можетъ смѣло подвергаться дѣйствию сильнаго пламени и дѣлается, на короткое время, *несгараемымъ*.

Снарядъ ученаго миланца изображенъ на 22 рисункѣ.

Альдини произвелъ множество опытовъ съ своимъ снарядомъ. Публичный опытъ, показанный имъ въ Парижѣ, заключался въ слѣдующемъ весьма любопытномъ зрѣлищѣ.

Одѣвшись въ полный несгараемый костюмъ, Альдини хотѣлъ сперва показать, до какой степени онъ защищаетъ голову, глаза и легкія. Голова была закрыта мокрою толстою тканью изъ горнаго льна, съ прорѣзанными отверстиями

Фиг. 22-я.

для глазъ, а сверху былъ надѣтъ проводочный шлемъ. На рукахъ были двойныя перчатки изъ аміанта; такіе-же чулки на ногахъ, покрытыя сверхъ-того проводочными сапогами. Все тѣло было защищено толстою одеждою, пропитанною растворомъ квасцовъ, и покрыто проводочными латами; кромѣ-того, *несгораемый* чело-вѣкъ держалъ передъ собою проводочный щитъ. Принесли огромную жаровню съ горящими угольями и бросили на нее цѣлый вѣшокъ сухихъ стружекъ. Запылало страшное пламя, къ

которому бросился Альдини, и погрузивъ въ него голову, оставался неподвижнымъ въ теченіе цѣлой минуты. Обжоги не оказалось ни малѣйшей.

Потомъ онъ положилъ въ яркое пламя руку свою и продержалъ ее тамъ отъ пяти до шести минутъ. Разъ даже онъ вытерпѣлъ дѣйствіе пламени въ продолженіе десяти минутъ.

Принесли желѣзную рѣшетку въ три сажени длиною и подъ нею зажгли цѣлый костеръ сѣна, соломы и стружекъ. Альдини схватилъ въ руку раскаленную до — бѣла желѣзную полосу, и пройдя съ нею четыре раза назадъ и впередъ по рѣшеткѣ, среди пламени, положилъ ее обратно въ жаровню. Потомъ, возвратясь на рѣшетку, онъ ходилъ по ней въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, не смотря на адское пламя, его окружавшее.

Несмотря на многократные очевидные опыты и свидѣтельство парижской академіи наукъ, многіе не хотѣли вѣрить результатамъ, до которыхъ достигъ Альдини. Самые дѣльные изъ его противниковъ соглашались, что придуманными имъ снарядами можно защитить тѣло отъ дѣйствія пламени, но они не хотѣли вѣрить, чтобы легкія могли безнаказанно дышать такъ сильно разгоряченнымъ воздухомъ. Однакоже

спорявшие противъ очевиднаго факта необходимо должны были заблуждаться.

Опыты Альдини впервые показали намъ, что человекъ можетъ дышать посреди пламени не только потому, что металлическая сѣтка, покрывающая тѣло его, сильно охлаждаетъ газы, но еще вслѣдствіе того, что человеческій организмъ одаренъ способностію выносить весьма сильныя температуры и дышать сильно разогрѣтымъ воздухомъ. Этотъ предметъ былъ такъ важенъ, что требовалъ тщательнаго изученія.

Цѣлый рядъ изслѣдованій былъ предпринятъ съ этою цѣлью г. Тилле (Tillet) во Франціи; въ Англіи же занялись этимъ доктора Фордейсъ (Fordyce) и Саяндеръ, сэръ Чарльзъ Благденъ (Sir Charles Blagden) и сэръ Джозефъ Бенксъ (Banks). Сообщимъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ опытовъ.

Натопили комнату до 198° Фаренгейта ¹⁵, въ нее вошли Бенксъ, Благденъ и Саяндеръ и пробыли въ ней около десяти минутъ. Довольные этимъ началомъ успѣха, они рѣшились продолжать опыты, входя поочередно въ комнату, въ которой температура хотя и постепенно, но до-

¹⁵ 198° Фар. = 192° 22 Цельс. = $73\frac{2}{3}^{\circ}$ Реом.

волью быстро возвышалась. Первому досталось идти доктору Саландеру, а онъ нашелъ температуру комнаты равную 210° Фар. ¹⁶; вслѣдъ за нимъ пошелъ сэръ Джозефъ, а въ то время термометръ показывалъ уже 211° Фар. ¹⁷. Несмотря на высокую окружающую ихъ температуру, тѣла ихъ сохранили свою натуральную теплоту. При каждомъ выдыханіи на шарикъ термометра, ртууть въ трубочкѣ немедленно понижалась на нѣсколько градусовъ и въ ноздряхъ ощущался пріятный холодокъ; дыханіе ихъ освеждало также руки, когда экспериментаторы дули на нихъ. Положивъ руку на обнаженный бокъ, сэръ Чарльзъ почувствовалъ, что кожа его въ этомъ мѣстѣ холодна какъ у труна, несмотря на то,

¹⁶ Мы приводимъ здѣсь градусы по Фаренгейтову термометру точно такъ, какъ нашли ихъ въ оригинальной запискѣ англійскихъ ученыхъ. Но такъ-какъ мы пишемъ эту статью для русской публики, то сочли необходимымъ представить вслѣдъ, въ выноскахъ, переводъ ихъ на градусы Реомюра, наиболѣе употребительные въ Россіи, и на градусы Цельсія, которыми руководствуется большая часть европейскихъ ученыхъ. Такимъ-образомъ, 210° Фар. = 98° , 89° Цельсія = 79° , 12° Реом.

¹⁷ 211° Фар. = 99° , 44° Цельсія = 79° , 36° Реом.

что температура его тела подъ изминомъ равнялась 98° Фар. ¹⁸.

Изъ этихъ опытовъ весьма справедливо заключили, что человеческое тѣло обладаетъ способностью уничтожать известную степень жара, когда онъ сообщается тѣлу съ достаточною быстротою.

Бенксъ, переносившій безъ особеннаго неприятнаго ощущенія жаръ въ 211° Фар. ¹⁹ въ воздухѣ, едва могъ выдержать жаръ виннаго спирта въ 138° Фар. ²⁰, масла въ 129° Фар. ²¹, воды въ 123° Фар. ²², и наконецъ ртути въ 117° Фар. ²³. Этому дивиться нечего, и всякій изъ насъ замѣчалъ, что въ жарко-нагрѣтой банѣ всѣ металлическія вещи гораздо горячее кажутся, чѣмъ воздухъ, которымъ онѣ нагрѣты. Ко-му не случилось въ русской банѣ почувствовать бодръщенное ощущеніе отъ прикосновенія къ сухому мѣдному тазу, тогда-какъ воздухъ, нагрѣвшій тазъ и имѣющій отнюдь не низшую противъ

¹⁸ 98° Фар. = 36° , 67 Цельсія = 29° , 33 Реом.

¹⁹ 211° Фар. = 99° , 44 Цельсія = 79° , 56 Реом.

²⁰ 138° Фар. = 58° , 89 Цельсія = 47° 11 Реом.

²¹ 129° Фар. = 53° , 89 Цельсія = 43° 11 Реом.

²² 123° Фар. = 50° , 56 Цельсія = 40° , 40 Реом.

²³ 117° Фар. = 47° , 21 Цельсія = 37° , 77 Реом.

него температуру, не причиняетъ никакого неприятнаго дѣйствія на организмъ.

Опыты англійскихъ ученыхъ не ограничились вышеописанными. Такъ-какъ Дюгамель и Тилле напечатали, что во Франціи работники, занимающіеся топленіемъ печей у булочниковъ, могутъ выносить въ-теченіе 10 минутъ температуру въ 115° Цельсія ²⁴, то сэръ Чарльзъ Благденъ, со своими друзьями, вошелъ въ баню, нагретую до 262° Фар. ²⁵, и прогуливался тамъ въ-теченіе 8 минутъ. Несмотря на такую высокую степень жара, сэръ Чарльзъ и его друзья остались такъ бодры, что рѣшились идти еще далѣе, въ полной увѣренности, что перенесутъ еще высшую температуру. Однакоже, при вторичномъ опытѣ, едва термометръ поднялся на два градуса противъ прежняго, экспериментаторъ начало одолевать такое чувство тоски и дыханіе ихъ сдѣлалось такъ затруднительнымъ, что они поспѣшили выйти изъ бани. При этомъ случаѣ пульсъ Благдена бился 144 раза въ минуту, то-есть вдвое скорѣе чѣмъ обыкновенно.

Въ той самой банѣ, гдѣ происходили эти опыты и въ продолженіе этихъ послѣднихъ, было

²⁴ 115° Цельс.= 92° Реом.

²⁵ 262° Фар.= 102° Реом.

сдѣлано испытаніе надъ дѣйствіемъ упомянутыхъ температуръ на неодушевленные животныя тѣла. Тамъ, гдѣ люди пробыли безвредно въ теченіе 8 минутъ, яйца сварились въ густую въ четверть часа, а бифтексъ поспѣлъ въ 13 минутъ.

Чентрей ²⁶ выдержалъ еще гораздо высшую температуру. Онъ вошелъ однажды съ нѣсколькими изъ своихъ друзей въ печь. Эта печь, 14 футовъ длины, 12 ширины и 12 вышины, была нагрѣта до 340° Фар. ²⁷, слѣдовательно несравненно выше точки кипѣнія воды. Чентрей пробылъ тамъ вмѣстѣ съ товарищами почти двѣ минуты и вынесъ оттуда термометръ, показывавшій 320° Фар. ²⁸. Должно признаться, однакожь, что всѣ они чувствовали сильную боль въ ушахъ, носу и глазахъ, хотя рѣшительныхъ слѣдовъ обжоги нигдѣ не оказалось.

Кто-бы повѣрилъ возможности такихъ результатовъ? А это факты, самые несомнѣнные факты.

Къ числу естественныхъ химическихъ явленій, сильно поражающихъ умъ профана, принад-

²⁶ Chantrey.

²⁷ 340° Фар.=137° Реом.

²⁸ 320° Фар.=128° Реом.

лежать такъ - называемыя самопроизвольныя *возгаранія*. Такъ - напримѣръ, отъ смѣшенія двухъ совершенно холодныхъ тѣлъ рождается огонь. Еще Бекеръ зналъ, что купоросное масло, прилитое къ терпентинному, зажигаетъ последнее. Боррихій показалъ, что тоже самое явленіе производитъ и крѣпкая водка. Турнефортъ говоритъ, что отъ крѣпкой водки загорается и сассафрасное масло. Хомбергъ открылъ, что это явленіе свойственно смѣсямъ многихъ летучихъ маселъ.

А самовозгараніе угля было причиною неоднократныхъ несчастій. Нѣсколько пороховыхъ магазиновъ и заводовъ взлѣтало на воздухъ отъ этой простой причины.

Были примѣры, что корабли и зданія загорались отъ дѣйствія воды на негашеную известь и даже отъ развитія броженія животныхъ веществъ, какъ-напримѣръ *уано*.

Кто не знаетъ еще одного замѣчательнаго явленія самовозгаранія, открытаго іенскимъ профессоромъ химіи, покойнымъ Деберайнеромъ? Току или струя водороднаго газа, направленная на кусочекъ губчатой платины или на платиновую фольгу, раскаляетъ металлъ до красна и сама оттого загорается. На этомъ явленіи основано устройство такъ-называемаго деберайнерова или

додородоплатинового огниза, бывшаго въ боль-
шомъ употребленіи лѣтъ тридцать тому назадъ,
т.-е до открытія приготовленія нынѣшнихъ за-
жигательныхъ химическихъ свичекъ. Несмотря
на то что самый фактъ извѣстенъ намъ во всей
его подробности, истинная причина явленія не
объяснена до-сихъ-поръ удовлетворительнымъ
образомъ.

Самовозгаранія случаются нерѣдко и внутри
нѣдръ земныхъ. Такого рода явленія могутъ слу-
чатся на различной глубинѣ: но чѣмъ ближе
онѣ къ поверхности, тѣмъ-менѣе представляютъ
опасностей для живыхъ организмовъ, населяю-
щихъ нашу планету. Такъ—напримѣръ, въ Стаф-
фордширѣ загорѣлся слой каменнаго угля и го-
реть уже около 80 лѣтъ. Глубина этого слоя
подъ земною поверхностью около четырехъ са-
женъ, а толщина въ четыре фута. Земля обго-
рѣла на протяженіи многихъ десятинъ, и на-
чѣмъ невозможно потушить этого пожара.

Когда-же самовозгаранія случаются глубоко
въ земной корѣ, то мы бываемъ свидѣтелями
ужасныхъ явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ
землетрясеній и изверженій огнедышущихъ горъ.
Но этотъ предметъ не можетъ входить въ кругъ
нашего разсказа.

Упомянемъ только, для памяти, о вѣчныхъ ог-

няхъ близъ Баку, на полуостровѣ Апшеронѣ, на берегу Каспія, внутри предѣловъ нашего отечества. Тамъ горять пары горнаго масла, или нефти, просачивающейся на поверхность земли, и близъ этихъ вѣчныхъ огней живутъ нѣсколько гвевровъ огнепоклонниковъ — жалкіе остатки маговъ, прославившихъ нѣкогда учение Зердуста, или Зороастра. Гораздо полезнѣе было бы устроить тамъ какой-либо заводъ и пользоваться даровымъ топливомъ.

Можно насчитать нѣсколько мѣстъ, гдѣ истекающіе изъ земли горючіе газы служатъ на пользу челоуѣка. Неподалеку отъ Рейна, въ Гаттесгабской соляной копѣ, есть колодезь, прозванный *вътрянымъ*, изъ котораго уже болѣе 70 лѣтъ струится токъ горючаго газа. Онъ горитъ блестящимъ бѣлымъ пламенемъ и состоитъ изъ чистаго углеводорода съ небольшою примѣсью углекислоты и сѣрноводорода. Около двадцати лѣтъ тому назадъ, г. Редеръ, управлявшій готтесгабскою соляною копью, провелъ этотъ газъ помощію трубы въ свой домъ и пользуется имъ не только для освѣщенія, но и какъ даровымъ топливомъ.

Въ Сѣверной Америкѣ, на берегахъ озера Эріо, близъ деревни Фредонія, горючій газъ струится во многихъ мѣстахъ изъ почвы и упо-

требуется жителями деревни какъ освѣтительный матеріалъ.

Въ 1828 году, въ Шотландіи, было сдѣлано неожиданное открытіе Въ небольшомъ ручейкѣ, пересѣкающемъ дорогу изъ Глезго въ Эдинбургъ, сильно струится изъ берега воспламеняющійся газъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ сажень. Газъ горитъ яркимъ желтоватымъ пламенемъ. Собирались провести его въ Глезго, для освѣщенія улицъ; но я не знаю, осуществилась-ли эта идея.

Струя горящаго газа вытекаетъ съ большою силою изъ земли, въ Южной Америкѣ, въ гористомъ и необитаемомъ мѣстѣ, при слияніи рѣкъ Кататумбо и Суліа. Свѣтъ этого горящаго столба видѣнъ на разстояніи 60 верстъ, и такъ-какъ онъ находится недалеко отъ устья Маракаибо и на одномъ меридіанѣ съ каналомъ, ведущимъ въ Маракаибской заливъ, то и названъ *маякомъ Маракаибо*.

Заклучимъ нашу статью разсказами о таинственныхъ явленіяхъ, долгое время ставившихъ науку въ тупикъ и только недавно поясненныхъ Либихомъ, Бишофомъ и Девержи. Мы разумеешь здѣсь такъ-называемыя *самосжаренія человѣческаго тѣла*.

Съ древнѣйшихъ временъ существовало мнѣ-

ніе, что человѣческое тѣло можетъ загораться самопроизвольно и сгорать вполнѣ или частію, не отдѣляя пламени. Но примѣры этого особенно часты въ средніе вѣка и новыя времена. Петръ Бовито (Bovisteau) говоритъ, что одинъ молодой человекъ загорѣлся и сгорѣлъ отъ электрической искры, сыпавшихся при чесаніи его волосъ. Віана повѣствуетъ, что жена доктора Фрейдаса, бывшаго врачомъ при толедскомъ архіепископѣ, кардиналъ Роясъ, отдѣляла самовозгаравшуюся испарину. Петръ Борелли рассказываетъ почти тоже самое объ одномъ крестьянинѣ. Тома Бартолинъ подтверждаетъ эту повѣсть, приговаривая, что подобная горячая испарина встрѣчается преимущественно у людей, пристрастившихся къ неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ. Езекиаль де-Кастре приводитъ странный примѣръ Александра Магата, врача, изъ костей котораго показалось дѣмя. Можно прибавить еще множество такихъ примѣровъ, бодѣ или менѣе баснословныхъ,

Нѣсколько подробнѣе и вѣроятнѣе описаны нѣкоторые случаи самовозгаранія, бывшіе не такъ давно. Кохаузенъ рассказываетъ объ одномъ польскомъ дворянинѣ, выпившемъ задуше два стакана водки и сгорѣвшимъ вслѣдъ за тѣмъ посредствомъ внутренняго огня. Бартолинъ го-

ворить о самовозгараніи старухи, предавшейся пьянству, а Стурмиусъ о трехъ курляндцахъ, побившихся объ закладъ, кто больше выпьетъ водки: все трое сторбли вследствие внутренняго огня.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ случаевъ этого рода разсказанъ Іосифомъ Біанкини. Семидесятидвулѣтняя дама, графиня Корнелія Зантари, изъ Цезены, легла вечеромъ въ постель совершенно здоровою и, проговоривъ часа два съ своею горничною, заснула. На другой день горничная вошла въ комнату своей госпожи — и къ величайшему ужасу нашла, вмѣсто ея, кучу пепла въ двухъ шагахъ отъ постели: уцѣлѣли только руки, ноги и половина головы. Воздухъ комнаты былъ наполненъ сажею; въ лампадѣ, стоявшей на ночномъ столѣ, очутился вмѣсто масла пепелъ, а воскъ отъ свѣчекъ, стоявшихъ на канделябрѣ, исчезъ, оставивъ свѣтильны не тронутыми. Постель и постельное бѣлье остались невредимыми. Судебное изслѣдованіе и общее мнѣніе приписали этотъ случай самовозгаранію, объясняемому обыкновеніемъ графини катраться ежедневно камфарнымъ спиртомъ.

Подобный случай произошелъ въ 1744 г. въ Иезвѣчѣ, въ Англии. Жена рыбака, Гретъ Пэтъ, сошла вечеромъ съ лѣстницы, чтобы, по

своему обыкновенно, выкурить трубку. Дочь ее, спавшая въ одной постели съ матерью, весьма удивилась, когда, проснувшись рано утромъ, не нашла матери подлѣ себя. Одѣвшись, она побѣжала внизъ и нашла трупъ матери близь очага, обугленный и еще сильно тлѣвшійся, впрочемъ безъ пламени. На крикъ дѣвушки сбѣжались сосѣди и стали обливать трупъ водою; но, видѣтъ съ водянымъ паромъ, изъ трупа распространился такой сирадь, что все разбѣжались. Оказалось потомъ, что на очагѣ не было огня, а отъ трупа остались только кости, покрытыя блѣлою золою. Полъ и платье, лежавшее подлѣ сгорѣвшей, не только не подверглись дѣйствию огня, но даже на нихъ не было замѣтно и слѣдовъ близости къ такому источнику теплорода.

Неожиданный случай пролилъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ. Процессъ по поводу убійства графини Герлицъ такъ извѣстенъ многимъ читателямъ газетъ и журналовъ, что мы считаемъ за лишнее рассказывать здѣсь его подробности. Припомнимъ только, что 13-го июня 1847 г., около одиннадцати часовъ вечера, графиня найдена была въ своемъ кабинетѣ до половины обгорѣвшею и окруженною остатками горячей мебели. Немедленно были призваны докторъ Зибольдтъ и Штейнмайеръ, изъ кото-

рыхъ первый составилъ судебно-медицинскій актъ, въ которомъ заключалъ, что графиня Герлицъ погнбла отъ *самосжаранія*. Впрочемъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи этого дѣла, оказалось довольно вѣроятнымъ, что пожаръ, котораго жертвою сдѣдалась графиня, былъ слѣдствіемъ преступленія, и подозрѣнія въ совершеніи послѣднего пали на камердинера графини, Ивана Штауфа. Завязался передъ гессенъдармштадтскимъ уголовнымъ судомъ процессъ. За актомъ Зибольда послѣдовало (14-го іюля 1848 года) донесеніе доктора Графа отъ имени гессенскаго медицинскаго факультета; за тѣмъ, судебно - медицинская консультація докторовъ Графа и Бюхнера, съ заключеніемъ медицинской коллегіи, и наконецъ донесеніе присяжныхъ экспертовъ: Бюхнера, Бишофа, Графа, Гогеншильда Лейднера, Либиха, Марка, Бигера и Зибольда (въ мартѣ 1850 г.). Въ дополненіе слѣдуетъ еще упомянуть о статьѣ Либиха «О самовосжараніи человѣческаго тѣла», напечатанной въ 87, 88 и 89 нумерахъ журнала «Annales d'hygiène», и о статьѣ Девержи по тому-же предмету, явившейся въ октябрьской книжкѣ того-же журнала (въ 1851 году).

Многочисленные и разнообразныя изслѣдованія, произведенныя столь многими знаменитыми

врачами и химиками, необходимо должны были если не рѣшить окончательно вопросъ о *самозосгараніи человеческого тѣла*, то по-крайней-мѣрѣ бросить на него новый и весьма сильный свѣтъ. Такъ и случилось, въ самомъ дѣлѣ. Конечно, здѣсь, какъ и вообще въ подобнаго рода ученыхъ вопросахъ, обошлось не безъ личностей, пристрастій, односторонностей и уклоненія, всегда болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ для достиженія истины. Для насъ всѣ эти споры стороннее дѣло, и мы можемъ откровенно сказать, что хотя спорный вопросъ не рѣшенъ еще положительно для всѣхъ случаевъ вообще, однакоже онъ разъясненъ до такой степени, что окончательное рѣшеніе сдѣлалось возможнымъ, при будущемъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Большая часть полутайственныхъ исторій о самозосгараніяхъ пояснилась и сбросила свой темный покровъ: этимъ значительно облегчились будущія изслѣдованія науки. Что же касается до частнаго вопроса о смерти графини Герлицъ, то онъ, очевиднымъ образомъ, не имѣтъ принадлежать къ случаямъ произвольнаго самозосгаранія, и уличенный преступникъ получилъ законное возмездіе.

Но изъ всѣхъ ученыхъ изслѣдованій и выводовъ, порожденныхъ смертію графини Герлицъ

и процессомъ ея убійцы, самыя замѣчательныя принадлежать, безспорно, Либиху и Девержи, изъ которыхъ первый рѣшительно относитъ всѣ случаи самовозгаранія человѣческаго тѣла къ сказкамъ или къ явленіямъ, дурно наблюденнымъ и еще хуже объясненнымъ; второй-же находитъ приговоръ гассенскаго химика слишкомъ рѣшительнымъ и доводы его не вполне убѣдительными. Дѣйствительно, какъ ни подробны, точны и остроумны опыты ученаго барона, французскій токсикологъ справедливо замѣчаетъ, что изъ опытовъ надъ трупами и безжизненнымъ матеріаломъ нельзя заключать о явленіяхъ, совершающихся подъ вліяніемъ процесса жизни.

Такъ-какъ ни одинъ изъ русскихъ журналовъ не передалъ публикѣ сущности идей Либиха объ этомъ любопытномъ предметѣ, то я считаю долгомъ представить здѣсь краткій очеркъ соображеній знаменитаго профессора.

Послушаемъ барона Юстуса.

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ ²⁹, наши обгорѣлыя остатки жены реймскаго жителя, Милле, въ полутора футахъ отъ кухоннаго очага. Все тѣло превратилось въ пепель, за исключеніемъ ногъ, позвоночнаго столба и части головы. У

²⁹ Въ 1725 году.

Милле была служанка, красавица, и на него пало подозрѣніе, что онъ умертвилъ и сжегъ свою жену, съ цѣлю жениться на служанкѣ. Начался уголовный процессъ; но эксперты приписали смерть госпожи Милле самовозгаранію, и мужъ ея былъ оправданъ.

По всей вѣроятности, это одинъ изъ первыхъ достовѣрныхъ случаевъ такого рода.

Ученый химикъ замѣчаетъ при этомъ, что такое объясненіе экспертовъ состоялось въ то время, когда идеи о горѣніи были еще совершенно-ложныя. Процессъ горѣнія извѣстенъ не болѣе осьмидесяти лѣтъ, именно со времени Лавуэе, а обстоятельства, сопровождающія горѣніе, объяснены полвѣка тому назадъ опытами Деви.

Послѣ вышеупомянутаго перваго официально — извѣстнаго случая насчитываютъ по сіе время отъ 45-ти до 48-ми подобныхъ-же. Въ разсказахъ, дошедшихъ до насъ, замѣчаются во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдующія общія черты:

1) Всѣ случаи самовозгаранія человѣческаго тѣла, положительно-ислѣдованные, случились зимою.

2) Всѣ жертвы были пьяницы или случайно пропитаны спиртными жидкостями.

3) Почти всѣ случаи произошли въ странахъ,

гдѣ комнаты отопляются каминами и очагами, какъ-напримѣръ: во Франціи, Англіи и Италіи. Въ Россіи-же и Германіи, гдѣ комнаты нагрѣваются печами, случаи самовозгаранія необычайно-рѣдки.

4) Нѣтъ ни одного случая самовосгаранія, совершившагося при совершенно достовѣрныхъ свидѣтеляхъ.

5) Фактъ не былъ наблюдаемъ лично ни однимъ изъ врачей, писавшихъ объ этомъ предметѣ.

6) Нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ сгорѣвшаго горячаго матеріала, и

7) Неизвѣстно съ точностью, сколько времени продолжалось полное горѣніе, отъ начала до конца.

Либихъ не говоритъ о случаяхъ самовосгаранія, происшедшихъ ранѣ XVIII вѣка, считая ихъ баснословными и искаженными до-нельзя. Даже всѣ случившіеся въ прошедшемъ столѣтіи, описаны не врачами, а лицами, непривыкшими къ ученымъ наблюденіямъ. Всѣ эти описанія носятъ на себѣ печать невѣроятности. Такъ-напримѣръ, часто упоминается, что весь трупъ исчезъ, оставивъ по себѣ только жирное пятно и небольшіе остатки костей, тогда-какъ несомнѣнно извѣстно, что кость, при сжиганіи, те-

раетъ только отъ 35 до 40 процентовъ вѣса, бѣлветъ и, по большей части, сохраняетъ первоначальную форму.

Часто неизвѣстно, отъ какой причины загорѣлось тѣло: отъ искры-ли, отъ свѣчи, отъ углей или чего-другаго? Безъ посредства огня, отличнѣйшіе врачи ³⁰ не допускаютъ возможности горѣнія тѣла; а изъ 45-ти случаевъ самовозгаранія, собранныхъ Франкомъ ³¹, ояъ допускаетъ присутствіе вѣшняго огня въ трехъ только случаяхъ. Самый - положительный изъ нихъ есть слѣдующій.

Бартоли отправился на ярмарку въ Фильето и остановился на ночь у одного изъ своихъ зятей. Вдругъ слышатъ въ его комнатѣ шумъ: прибѣгаютъ и находятъ его лежащаго на полу и покрытаго легкимъ пламенемъ, которое погасло отъ волненія воздуха, причиненнаго вошедшими людьми. Кожа на правой рукѣ и тѣло на спинѣ, до поясицы, исчезли; только плечи, покрытыя къ ночи платкомъ, остались цѣлы, равно-какъ и платокъ. Вездѣ, гдѣ сгорѣло тѣло, сгорѣла и сорочка; тамъ-же, гдѣ рубашка цѣла,

³⁰ Дюпютрень, Девержи, Франкъ.
Frank, «Dissertatio inauguralis».

цѣло и тѣло. Нижнее платье и ноги нѣсколько не повреждены.

Докторъ Маркъ считаетъ этотъ случай весьма-важнымъ и старается объяснить его электричествомъ.

Этотъ фактъ, главный аргументъ возможности самовозгаранія, возродилъ идею объ особенномъ огнѣ, пежиряющемъ животное тѣло, не касаясь окружающихъ его горючихъ веществъ. Маркъ и Франкъ забыли одно обстоятельство. Въ комнатѣ, гдѣ случилось происшествіе, находилась зажженная лампа, которая потомъ найдена пустою ³². Такъ-какъ тѣло сгорѣло только тамъ, гдѣ сгорѣла рубашка, то всего вѣроятнѣе, что огонь лампы зажегъ рубашку, слѣдствіемъ горѣнія которой были ожоги кожи и тѣла. Что же касается до того, что тѣло горѣло особеннымъ огнемъ, не зажигавшимъ постороннихъ предметовъ, то Либихъ возражаетъ, что, по свидѣтельству Батоля, описавшаго случай съ Бертоли, шапочка послѣдняго, надѣтая на его головѣ, сгорѣла совершенно, не опаливъ волосъ. Что вывести изъ такихъ разнорѣчивыхъ показаній одного и того-же повѣствователя?

Второй случай не заслуживаетъ вниманія про-

³² По словамъ Девержи и Мунка.

свѣщеннаго человѣка. У субъекта загорѣлись пальцы правой руки и зажгли панталоны и пальцы лѣвой руки: огонь невозможно было потушить ни водою, ни пескомъ.

Третій случай относится къ одному американскому пастору. Онъ внезапно почувствовалъ какъ-бы уколъ въ икру лѣвой ноги и увидѣлъ на этомъ мѣстѣ легкое пламя, которое онъ тотчасъ погасилъ руками. Послѣ того оказалась обжога въ 3 дюйма длиною и 9 линій шириною; впрочемъ, тутъ не вскочило даже пузыря, а только кожа сморщилась, почернѣла и засохла. Платье подъ этимъ мѣстемъ сгорѣло ³³.

Подобнаго рода случаи, по словамъ Либиха, часто случаются съ курильщиками сигаръ. Впрочемъ, весь рассказъ очень похожъ на американскій журнальный *пуфъ*.

Очень много другихъ подобныхъ-же случаевъ самовозгаранія принадлежитъ къ такимъ-же *пуфамъ*. Либихъ упоминаетъ и разбираетъ многие изъ нихъ, гдѣ врачи были обмануты рассказами самихъ пациентовъ или свидѣтелей явленія.

Въ 45-ти случаяхъ самовозгаранія, кончившихся смертью субъектовъ, описанія допускаютъ, что горѣніе занялось отъ присутствія *огня*.

³³ «Overton», American Journal, March, 1845.

ФОКУСЫ И ДИКОВИНКИ ХИМИИ.

Зато, послѣ этого начала, тѣло продолжало, какъ говорятъ, горѣть безъ помощи внѣшней. Правда, что тѣло человѣческое горитъ весьма трудно; но защитники самовозгаранія допустили что оно, вслѣдствіе особаго болѣзненнаго состоянія и будучи пропитано виноспиртомъ, можетъ горѣть, не такъ, какъ щепка, которая скоро гаснетъ, но такъ, какъ солома или свѣча, которая, будучи однажды зажжена, горитъ, покуда не превратится въ золу или уголь.

Жаль, прибавляетъ Либихъ, что никто не объяснилъ, что это за странное болѣзненное состояніе тѣла. Покуда, не представлено еще ни малѣйшихъ доказательствъ его возможности. Никто изъ защитниковъ самовозгаранія не потрудился даже повѣрить свои идеи путемъ опытныхъ изысканій.

Мы не сомнѣваемся, говорить знаменитый профессоръ, въ истинѣ всѣхъ фактовъ, но невѣримъ произвольному и невѣроятному ихъ объясненію. Идеи, что человѣкъ можетъ сгорѣть самъ собою, основывается не на знаніи всѣхъ предшествовавшихъ случаю обстоятельствъ, а, напротивъ того, на совершенномъ невѣдѣніи всѣхъ причинъ и условій причинившихъ горѣніе. Для объясненія непонятнаго случая смерти руководствуются поверхностными указаніями и

приписываютъ его непонятной причинѣ. Ни одинъ изъ писателей, защищавшихъ самовозгараніе, не зналъ въ подробности дѣйствія, оказываемаго огнемъ на животныя тѣла.

Мы не можемъ слѣдить за гессенскимъ химикомъ въ подробномъ и строго-ученомъ разборѣ, которому онъ подвергаетъ мнѣніе и доводы защитниковъ возможности самовозгаранія человеческого тѣла. А все-таки, читая статью Девержи, нельзя не согласитья, что выводы Либиха, основанные на явленіяхъ, представляемыхъ тѣлами лишенными присутствія жизни, не могутъ быть примѣнены прямо къ тѣмъ, которыя совершаются подъ влияніемъ этого еще не разгаданнаго наукою дѣятеля.

Доказывая, что ни присутствіе большаго количества жира, ни пропитаніе тѣла виноспиртомъ нисколько не объясняютъ возможности самозгаранія, Либихъ говоритъ:

«Допустить возможность большей части разсказовъ о подробностяхъ случаевъ такого горѣнія, значитъ оскорблять здравый смыслъ просвѣщеннаго человѣка. Результаты, къ которымъ приводитъ теорія самозгаранія, такъ противны опытнымъ выводамъ, что объясненія защитниковъ этой теоріи не нашли отголоска ни въ од-

номъ изъ ученыхъ или врачей знакомыхъ съ физическими науками.

Такое заключеніе слишкомъ рѣзко и односторонне, по мнѣнію Девержи и многихъ другихъ ученыхъ. Тѣсная связь между стараніемъ тѣла и злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ такъ ясна и ощутительна, что не для-чего прибѣгать къ невѣроятнымъ хитросплетеннымъ объясненіямъ. Пьяный человекъ, потерявъ правильность сужденія, способенъ на самые невѣроятные поступки; тутъ не мудрено, что онъ сожжетъ самого себя самымъ естественнымъ образомъ. Нельзя, однакоже, отрицать, что весьма часто, сила жара, развиваемаго горючими матеріалами, окружавшими субъектъ, весьма достаточна для обугленія трупа, и вообще не ответственна результатамъ. Но кто поручится, что въ живомъ тѣлѣ виноспиртъ не рождаетъ особыхъ условій горючести животныхъ тканей, несуществующихъ безъ вліянія жизни?

Уголовный процессъ, начавшійся въ первыхъ числахъ марта 1850 года, продолжался двадцать засѣданій и не открылъ никакихъ особенныхъ обстоятельствъ. Штауфъ, не смотря на запрательство, объявленный виновнымъ въ убійствѣ госпожи своей, приговоренъ къ пожизненному заключенію. Когда онъ увидѣлъ, что все

кончилось и его отвезли въ маріеншлотскую тюрьму, то онъ сдѣлалъ тамъ полное сознаніе въ своемъ преступленіи. Дѣло было вотъ какъ: Штауфъ, войдя въ комнату, чтобы доложить ей о преднамѣренной отлучкѣ, не засталъ тамъ никого и увидѣлъ, что бюро, въ которомъ лежали деньги и драгоценныя вещи графини, было отворено. Онъ не въ состояніи былъ противиться искушенію; но графиня поймала его на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ въ рукахъ. Тутъ завязалась между ними борьба, и Штауфъ, чтобы скрыть первое свое преступленіе, задавилъ свою госпожу, потомъ, посадивъ трупъ на кресло, близь бюро, окружилъ его попавшими подъ руку горючими вещами и зажегъ. Послѣдствія извѣстны.

VI.

О ЧЕРНОКНИЖИИ И ВОЛШЕБСТВѢ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Убѣжденіе въ возможности повелѣвать міромъ духовъ и, помощію этихъ дѣятелей, скрытыми силами природы, было главнымъ источникомъ чернокнижія и волшебства. *Ев. Сальвертъ.*

Волшебство или *Магія* представляетъ науку, процвѣтавшую уже въ самой глубокой древности. По всей вѣроятности, это была наука такъ-называвшихся священныѣхъ таинствъ, для познанія которыхъ у язычниковъ существовали различнаго рода посвященія, и которая открывалась принимаемому адепту жрецами постепенно и подъ обѣтомъ строжайшаго молчанія. Нескромность неминуемо была наказываема смертію, обыкновенно посредствомъ яда. Это обстоятельство, въ совокупности съ таинственнымъ, символическимъ образомъ выраженіи, было причиною, что непосвященному было весьма трудно и едвали возможно проникнуть въ сущность и

смыслъ языческихъ мистерій. Въ наше время известно множество памятниковъ древней магіи, и, не смотря на всѣ наши современныя вспомогательныя знанія, мы все-таки становимся въ тушикъ при чтеніи магическихъ и кабалистическихъ твореній, въ родѣ Сеферъ-Іезаръ, Сохаря и т. п. Въ особой статьѣ мы постараемся изложить исторію магіи, о которой скажемъ здѣсь только нѣсколько словъ и перейдемъ прямо къ преслѣдованію чернокнижія въ ирачной памяти средніе вѣка.

Магією (волшебствомъ) назвали греки науку, полученную ими отъ древнихъ *маговъ (волхвовъ)*, жрецовъ древне-персидскаго вѣроученія Зороастра или Зердуста. Но не всѣ историки приписываютъ основаніе магіи Зороастру. Аммианъ Марцеллинъ, напримѣръ, увѣряетъ, что Зороастръ только усовершенствовалъ волшебную науку халдеевъ ¹. По увѣренію Арнобія ², въ битвахъ бактріанскаго царя Зороастра противъ знаменитаго Нина сражались не столько обыкновеннымъ оружіемъ, сколько волшебными чарами. Существуютъ преданія, что земля была наполнена волшебниками гораздо ранѣе эпохи

1) Ammian. Marcell, lib. XXVI, cap. 6.

2) Arnob. lib. I.

рожденія Зороастра ³. У св. Эпифанія ⁴ мы читаемъ, что Нимвродъ, основатель Бактры, принесъ туда астрономическія и магическія знанія, которыхъ открытіе несправедливо приписывается гораздо позднѣйшему Зороастру. Кассіанъ ⁵ упоминаетъ о волшебной книгѣ, приписываемой Ноеву сыну Хаму, и существовавшей еще въ V вѣкѣ. Эпифаній относитъ начало волшебства еще далѣе, именно къ временамъ Іаредъ, четвертаго потомка Сивоа.

Магія играетъ важную роль въ европейскихъ преданіяхъ. Древніе обитатели земли Ханаанской извѣстны были за отъявленныхъ волшебниковъ ⁶. Амалекиты, сражаясь противъ евреевъ, по выходѣ ихъ изъ Египта ⁷, и Балаамъ, осажденный въ родномъ своемъ городѣ, прибѣгаютъ къ пособію чародѣяній ⁸. Даже въ самой Индіи египетскіе жрецы считались самыми-искусными волшебниками ⁹. Да и вообще всѣ явленія, выходившія изъ обыкновеннаго порядка вещей,

3) Zend—Avesta , I, 2 часть, стр. 10—18.

4) S. Eriphan, advers. hoeres. lib. I, tom. I.

5) Cassian. Conferen. lib. I, cap. 21.

6) Кн. Премудрости, гл. XII, ст. 4.

7) De Vita et morte Mosis etc., page 35.

8) Ibid., page 18—21.

9) См. «Тысячу и одну ночь»: Ночь 307.

объяснялись въ древніе и средніе вѣка посредствомъ магіи ¹⁰.

Но если магія процвѣтала въ Халдеѣ, Персіи и Египтѣ, то не меньшимъ почетомъ и вниманіемъ пользовалась она и въ Индіи. Извѣстный новѣйшій нѣмецкій демонологъ, докторъ Хорстъ, о которомъ мы подробнѣе будемъ говорить въ послѣдствіи, утверждаетъ, что въ *Ведахъ* заключается цѣлая наука волшебства. Въ законахъ Ману перечисляются, напримѣръ, формулы волшебныхъ заклинаній, позволенныхъ или запрещенныхъ для брамина. Въ Индіи и въ Китаѣ вѣрили, что помощію постовъ и другихъ лишеній можно пріобрѣсти таинственную власть надъ стихіями, силами природы и даже надъ невидимымъ міромъ духовъ. Въ безчисленныхъ легендахъ индійской міеологіи мы непрерывно встрѣчаемъ отшельниковъ, которые, пріобрѣтя чародѣйную силу, владычествуютъ даже надъ богами.

На западѣ и на сѣверѣ волшебство было извѣстно также съ древнѣйшихъ временъ. Гре-

10) Justin. lib. XXXVI, cap. 2. — «Magus est; clandestinis artibus omnia illa perfecit: Aegyptiorum ex adytis, angelorum potentia nomina et remotas furatur est disciplinas». Arnob. Disput. adv. gent. lib. I.

ческіе и римскіе писатели упоминають о чародѣйствахъ жрецовъ въ Великобританіи и Галліи ¹¹. Жрецы и жрицы Одина занимались волхвованіями. Ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, магическое ученіе въ Скандинавіи было древнѣе Одина. Откуда проникла на сѣверъ магія—понынѣ неизвѣстно, но навѣрное не отъ грековъ и не отъ римлянъ, какъ то доказали Мунтеръ ¹² и Тидманъ ¹³. Однакоже, всегда и вездѣ магія считалась таинственной наукою, помощію которой можно было управлять и повелѣвать не только естественными, но и сверхъестественными силами.

Въ исторіи чародѣйства, которой мы посвятимъ особую статью, мы расскажемъ, какими путями, сквозь ряды тысячелѣтій, магія дошла не только до мрачныхъ среднихъ вѣковъ, но даже до настоящаго времени. Да, до настоящаго времени! Мы говоримъ это серьезно, потому—

11) Plin. Hist. Natur. lib. XVI, cap. 14, lib. XXIV, cap. II; lib. XXV, cap. 9; lib. XXIX, cap. 3; lib. XXX cap. I.

12) Munter, Mém. de la soc. d'Antiq. de France, II, p. 230, 231.

13) Tiedman, De Questione quae fuerit artium magicarum origo, etc.... (Marburgi, in 4° p. 94, 95). Эта диссертация увѣнчана геттингенскою академіею въ 1787 году.

что люди, вѣровавшіе въ дѣйствительность магіи какъ науки, существовали еще въ нынѣшнемъ столѣтіи, существуютъ еще и понынѣ, и мы можемъ доказать это печатными фактами. Такъ, лѣтъ около тридцати тому назадъ, въ ученой Германіи, существовало періодическое изданіе, исключительно—посвященное предметамъ чародѣйства. Это былъ родъ «Сборника» статей, относящихся къ тайнымъ наукамъ. Сотрудники были всѣ, почти безъ исключенія, люди ученые, положительные, серьезные, нерѣдко выказывавшіе сильный скептицизмъ, и, при всемъ томъ, серьезно-толковавшіе о такихъ вещахъ, что волосы становились дыбомъ, и при томъ читатель раздражался гомерическимъ хохотомъ. Странныя писанія этихъ новѣйшихъ мистиковъ и демонологовъ отличались какою-то необъяснимою смѣсью наивности, учености, глубокомыслія и легковѣрія; отъ всего этого вѣяло чѣмъ-то непонятнымъ, таинственнымъ. Редакторомъ журнала былъ Георгъ-Конрадъ Хорстъ, велико-герцогскій гессенскій церковный совѣтникъ, а самое изданіе носило длинное заглавіе:

«Zauber-Bibliothek, oder von Zauberei, Theurgie und Mantik, Zauberern, Hexen und Hexen-Processen, Dämonen, Gespenstern und Geistererscheinungen etc.»

Что значить:

«Библіотека волшебства, или о волшебствѣ, «теургіи и мантикѣ, волшебникахъ, колдунахъ «и процессахъ надъ колдунами, демонахъ, «привидѣніяхъ и явленіяхъ духовъ и т. д.

Этотъ сборникъ выходилъ въ Майнцѣ и явившіеся его выпуски составляютъ два большихъ тома.

Читая «Сборникъ» Хорста, становишься втупикъ и спрашиваешь себя, какъ люди почтенные и съ здравымъ смысломъ могли писать и печатать подобную галиматью, придавая ей, впрочемъ, самую-систематическую форму? Тамъ вы найдете цѣлый этикетъ, іерархію и церемоніалы духовъ и привидѣній и описанія ихъ жилищъ, несравненно-точнѣйшія, чѣмъ свѣдѣнія наши о Суданѣ, Тѣмбукту или внутреннихъ странахъ Австраліи. Все это пересыпано цитатами изъ Ямблиха и Порфирія, ссылками на Главвіля, Деланкра, Шпренгера и тому-подобные авторитеты. Непостижимо!

Странно, что подобные вздоры имѣютъ въ себѣ много-привлекательнаго не только для празднаго любопытства необразованной толпы, но и для человѣка спеціально-преданнаго изученію наукъ. Когда я рылся въ пыли фоліантовъ парижской бывшей королевской, а нынѣ

императорской библіотеки, собирая матеріалы для моей «Исторіи чародѣйства и тайныхъ наукъ», то по цѣлымъ днямъ не могъ оторваться отъ варварскихъ страницъ какого-нибудь *Великаго-Альберта, Краснаго - Дракона, Энциридіона папы Льва III, или Discoverie of Witchcraft Реджинальда - Скотта*. Сколько истратилъ я времени надъ томами Деланкра «*De l'inconstance des mauvais anges*», изъ котораго были представлены, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, любопытныя выписки въ «Военно-Медицинскомъ журналѣ». Но едва-ли нелюбопытнѣе прочихъ извѣстная «*Черная книга чародѣевъ*», приписываемая доктору Фаусту; она встрѣчается въ библіотекахъ подъ названіемъ:

«*Mirakel, Kunst und Wunder-Buch, oder der Schwartze Kabe, auch der dreifache Höllenzwang beparnt*».

Въ этомъ «*Черномъ-Воронь*» найдете всѣ формулы заклятій, вызыванія духовъ, заключенія договоровъ съ нечистою силою и тому подобныя диковинки. Тутъ-же найдете адресъ-календаръ темныхъ силъ и росписаніе, кто изъ демоновъ какимъ чародѣйствомъ специально завѣдываетъ и занимается, каковъ онъ нрава, какъ и гдѣ проводитъ время. Эта систематиче-

ски-обработанная галиматья написана такимъ тономъ убѣжденія, со столькими цитатами и ссылками, что, право, другой разъ становится какъ-то дико на умѣ. Такъ сильна въ человѣкѣ, даже занимающемся науками, склонность ко всему таинственному, ко всему фантастическому.

Даже малѣйшія привычки подземныхъ жителей въ подробности описаны въ «*Черномъ-Воронѣ*» и у господъ демоологовъ—Шаренгера, Дель-Ріо и Бодинуса, какъ-будто эти господа долгое время жили въ самой-короткой связи съ Люциферомъ и его адскими товарищами. Мало-того: вы можете отыскать свидѣтельства, что адскій владѣтель зимою 1626 года проживалъ въ Миланѣ подъ именемъ герцога Мамона и тратилъ тамъ страшную кучу денегъ. Ученый докторъ Лотихіусъ лично былъ знакомъ съ нимъ и часто являлся къ нему на обѣды и вечера. По такимъ-же достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, нечистый посѣтилъ въ 1669 году Швецію, гдѣ захворалъ отъ сильной простуды: его вылечили кровопусканіями; но увѣряютъ, что здоровье его поправится совершенно развѣ только по прошествіи тысячелѣтій.

Всѣ эти средневѣковыя бредни кажутся намъ теперь смѣшными потому, что онѣ лишены

прежней своей необходимой обстановки. Такъ кажется намъ смѣшнымъ индійскій идолъ, съ чудовищною рожею и исковерканными членами, потому—что мы видимъ его отдѣльно стоящаго, или въ группѣ другихъ предметовъ нашихъ музеевъ. Но поставьте этого идола въ темный альковъ его капища, на берегахъ Ганга или Брахмапутры, и пусть снова, какъ въ былыя времена, полетѣтъ передъ нимъ потоками кровь человѣческихъ жертвъ, тогда смѣшное уступитъ мѣсто ужасному. Окружите рассказы о колдунахъ и волшебникахъ приличными и какъ-бы родственными имъ принадлежностями—тюрьмами и кострами инквизиціи, подземными колодцами, куда низвергались живые люди съ высоты ста футовъ, или таинственными комнатами въ башняхъ древнихъ замковъ, гдѣ внезапно проваливалась подъ ногами опускающаяся дверь; вспомните о камерахъ для пытокъ въ феодальныхъ замкахъ, и тогда смѣхъ застынетъ на губахъ и невольная дрожь пробѣжитъ по вашему тѣлу. Сколько крови было пролито самымъ мучительнымъ образомъ! Сколько претерпѣно пытокъ изъ-за суевѣрныхъ бредней, надъ которыми теперь мы смѣемся!

Идея о возможности сношенія съ невидимымъ міромъ, котораго существованіе было

смутно понимаемо всѣми народами, породила волшебство и чародѣйство; послѣднія разнились соответственно направленію ложныхъ понятій о сверхъестественныхъ существахъ. Эти существа представлялись совершенно-различно египетскому гимнософисту, вессалійской колдуньѣ и средне-вѣковому волшебнику. Лютеръ, бросившій свою чернильницу въ демона, явившагося къ нему въ Виттенбергѣ (гдѣ и мнѣ показывали на стѣнѣ широкое чернильное пятно и сочли невѣжою, когда я осмѣлился усомниться въ достовѣрности факта), вѣрно видѣлъ этого демона совершенно въ другомъ образѣ, чѣмъ дикій, рыжеволосый финъ, среди пустынныхъ озеръ и скалъ своей полудикой родины, гдѣ издревле тайныя науки привились къ классической почвѣ чародѣйства и колдовства.

Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится;
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой,
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный:
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ и самая любовь.

(Руслакъ и Людмила)

Демонологи XIV вѣка описываютъ злаго духа въ образѣ человѣка въ сажень ростомъ, очень смуглаго лицомъ, съ густыми, курчавыми, черными волосами. Ноги его хотя и обуты въ сапоги со шпорами, но онѣ похожи на копыта козла, а тѣло покрыто гніющими струщьями; въ глаза ему нельзя смотрѣть прямо, потому что отъ взгляда демона дѣлается дурно; прикосновеніе его жжетъ, какъ раскаленное желѣзо, а дыханіе рождаетъ проказу или припадки моровой язвы. Другіе описывали еще болѣе темными красками.

Совсѣмъ другое читаемъ у многихъ средневѣковыхъ писателей, которые представляютъ его какимъ-то негоднемъ и уродомъ, — смѣсю подлости и безобразія. Самъ Данте не хотѣлъ его нѣсколько облагородить:

*Gli occhi ha vermigli, e la barba unta et atra,
El ventre largo, ed unghiate le mani,
Graffia gli spirti, gli scueja, od isquatra.*

Но несмотря на то, что изъ него дѣлали каррикатурнаго сатира, онѣ часто является у тѣхъ-же авторовъ существомъ страшнымъ, при всей своей пошлости. Развѣ смѣсь ужаснаго съ смѣшнымъ не заставляетъ насъ содрагаться?

Самыя печальныя страницы въ исторіи чародѣйства заключаютъ въ себѣ систематическое

преслѣдованіе колдуновъ обоюго пола. Пока на западѣ не обращали вниманія на волшебниковъ, о нихъ едва было слышно; но послѣ буллы папы Иннокентія VIII, данной въ 1484 году, полились рѣки невинной крови, едва изсякшія въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ. Всякій изъ нашихъ читателей, вѣроятно, не разъ слышалъ, что, бывало, въ старые годы, жгли колдуновъ на кострахъ или пытали ихъ; но они не могутъ себѣ даже вообразить, въ какихъ широкихъ размѣрахъ развилось преслѣдованіе волшебства и сколько жертвъ погибло въ мукахъ.

Едва Иннокентій VIII издалъ свою буллу, какъ Шпренгеръ съ братією занялись составленіемъ законной формы слѣдствій и суда, по поводу волхвованія: плодомъ этихъ безумныхъ трудовъ было извѣстное твореніе «*Malleus Maleficorum*». Съ появленіемъ этаго сочиненія, имѣвшаго официальное значеніе, колдуны и колдуньи стали вездѣ являться чуть не толпами, по пословицѣ, «что на ловца и звѣрь бѣжитъ». Вслѣдъ за Иннокентіемъ загремѣли противъ чародѣйства папы: Александръ VI, Левъ X и Адрианъ II. Александръ VI, представитель адскаго семейства Борджіевъ, возсталъ, въ своей буллѣ, противъ связей мнимыхъ колдуновъ съ злымъ духомъ, какъ нѣкогда Брутъ противъ

Кесаря. Плодомъ такихъ сумасбродныхъ распоряженій было то, что, по свидѣтельству современныхъ историковъ западная Европа превратилась тогда въ родъ Пандемоніума, и вездѣ совершались шабаши вѣдьмъ, какъ на Лысой горѣ: рѣдкій былъ не причастенъ чародѣйству, потому-что тотъ, кто не былъ колдуномъ, считалъ себя околдованнымъ. Дель-Рю рассказываетъ, что въ первой четверти 1515 года въ одной Женевѣ казнено слишкомъ 500 лицъ, уличенныхъ въ чародѣйствѣ; Вареломей да-Спина говоритъ, что въ одномъ Комскомъ приходѣ казнено ихъ въ упомянутомъ году до тысячи, и въ послѣдующіе за тѣмъ годы по нѣскольку десятковъ въ каждый мѣсяць. Ренигій съ самодовольствіемъ объявляетъ, что, завѣдывая Лотарингією, онъ въ теченіе 15-ти лѣтъ (съ 1580 по 1595) сжегъ до 900 колдуновъ. Въ царствованіе Карла IX, колдунъ Труазешель (*Troisechelles*) оговорилъ въ одномъ Пуату (*Poitou*) слишкомъ 1,200 человекъ виновныхъ въ чародѣйствѣ; а Бодинъ говоритъ, что при Карлѣ IX истреблено болѣе 30,000 волшебниковъ.

И все-таки Франція далеко отстала отъ Германіи, гдѣ папскія буллы противъ колдовства производили ужасныя опустошенія, особливо въ

Бамбергъ, Падеборнъ, Вюрцбургъ и по всему протяженію владѣній нынѣшняго Баварскаго королевства; впрочемъ и другія части Германіи не остались свободными отъ ужаснаго зла. Хауберъ въ своей « Волшебной библіотекѣ » (*Bibliotheca magica*) приводитъ списокъ 157 лицъ обоего пола, уличенныхъ въ чародѣйствѣ и казненныхъ въ Вюрцбургѣ съ 1627 по 1629 годъ, и всѣ эти казни совершились въ 29 приѣмовъ. И кто-же эти лица? дѣти отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ и старухи отъ 70 до 107 лѣтъ, четырнадцать каѳедральныхъ викаріевъ, два молодыхъ дворянина изъ весьма богатыхъ семей, сенаторъ Штолценбургъ, Эмма Гобель, первая вюрцбургская красавица, другихъ двадцать двѣнушекъ, изъ которыхъ двѣ слѣпыхъ и четыре глухо-нѣмыхъ!... Грустно становится на душѣ, и перо не хочетъ выписывать далѣе!!!... Какъ тутъ не воскликнуть вмѣстѣ съ древнимъ поэтомъ:

Sanguine placarunt Divos et virgine caesa!

Въ Линденскомъ округѣ, заключавшемъ въ себѣ не болѣе 600 жителей, въ теченіе четырехъ лѣтъ (1660—1664) казнено за волшебство 30 человекъ! Если взять только въ соображеніе тѣхъ несчастныхъ, о казни которыхъ намъ сохранились положительныя и официальные свѣ-

дѣнія, то мы, безъ малѣйшаго преувеличенія, можемъ утверждать, что въ Германіи погибло болѣе ста тысячъ человѣкъ за мнимое преступленіе колдовства.

Въ вѣнской публичной библіотекѣ хранится любопытный документъ относительно предмета, о которомъ мы бесѣдуемъ, и мы сами имѣли его въ рукахъ. Это баллада, сочиненная въ 1629 году подъ заглавіемъ:

«*Drutenzeitung*, или хроника колдовства, изображающая замѣчательные процессы и казни проклятыхъ негодяевъ, продавшихъ свои души нечистому, во Франконіи, Вюрцбургѣ и Бамбергѣ, аранжированная на голосъ извѣстной пѣсни — *Meine liebe Doris*.»

Это произведеніе украшено многими рисунками, изображающими разныя любопытныя сцены демонологіи.

Подобное безуміе господствовало въ Европѣ отъ крайнихъ южныхъ предѣловъ Италіи и Испаніи до береговъ Балтики и пустынной Финляндіи.

Упорство такихъ преслѣдованій было виною, что увѣренность въ противоестественныхъ сношеніяхъ съ подземнымъ міромъ укрѣпилась въ западныхъ народахъ, распространилась на всѣ классы общества и на всѣ возрасты и порожд-

дала эпидемическое извращеніе умственныхъ способностей, извѣстное подъ названіемъ *халлюцинаціи* (*hallucinatio*). Этимъ болѣзненнымъ состояніемъ мозга объясняются болѣе или менѣе добровольныя признанія несчастныхъ объ ихъ присутствіи на адскихъ пиршествахъ злыхъ духовъ и на таинственныхъ шабашахъ вѣдьмъ; и не только судьи и свидѣтели, но даже сами подсудимые, раздѣляя общее настроеніе и помраченіе разсудка, превращали фантастическія видѣнія, порожденныя разстройствомъ воображенія, въ дѣйствительные факты. Мудрено-ли, что, послѣ этого, первые, съ полнымъ убѣжденіемъ въ правосудіи, посылали послѣднихъ на костеръ, и сами несчастныя жертвы погибали съ полуувѣренностью въ собственной виновности.

Не всегда, однакоже, признанія въ дѣйствительности занятій чародѣйствомъ были слѣдствіемъ умственного разстройства: весьма часто такія признанія вырывались у несчастныхъ подъ вліяніемъ пытки. Вотъ, наприимѣръ, одинъ изъ рассказовъ, приводимыхъ демонологомъ Дель-Ріо.

Одинъ вестфальскій дворянинъ не понравился своему сосѣду, который и обвинилъ его въ колдовствѣ: онъ донесъ, что упомянутый дворянинъ выходитъ по ночамъ изъ дому, оборачивается

волкомъ ¹⁴, и, рыская по окрестностямъ, давить прохожихъ. Несчастнаго схватили и, продержавъ три недѣли въ тюрьмѣ, потребовали къ допросу. Несмотря на все невѣжество свидѣтелей и самого доносчика, несмотря на желаніе судей непременно найти обвиняемаго виновнымъ, не было даже никакихъ поводовъ полагать, что могутъ отыскать противъ узника необходимыя свидѣтельства. Но случай помогъ ослѣпленнымъ фанатикамъ. Свидѣтельствуя состояніе тѣла обвиняемаго, открыли, что у него на лѣвомъ плечѣ есть родимое пятно: такое обыкновенное и весьма-естественное явленіе сочтено было, однакоже, достаточнымъ поводомъ къ подозрѣнію въ сношеніяхъ съ демономъ (положившимъ, какъ говорили, свою печать въ этомъ родимомъ пятнѣ). Несчастнаго подвергли пыткѣ, но все-таки не могли добиться признанія въ небываломъ преступленіи. Наконецъ дали выпить измученной жертвѣ стаканъ воды, настоянной бѣленою ¹⁵, и тогда, подѣ влияніемъ наркотическаго яда, во временномъ умопомѣшательствѣ, несчастный признался во всѣхъ возможныхъ преступлені-

14) Этого рода оборотни назывались *ликантропами*, т.-е, *волкочеловѣками*. У французовъ—*Loup garou*; у нѣмцевъ—*Wehrwolf*.

15) *Atropa belladona*.

ихъ ¹⁶. Прида въ себя, онъ однакоже съ твердостью вновь отстаивалъ свою невинность; но признаніе одурѣвшаго отъ яда было совершенно въ присутствіи судилища, и бѣднаго вестфальца сожгли на кострѣ.

Сэръ Джоржъ Мэкензи (*Sir Georges Mackenzie*) пишетъ, что онъ разъ допрашивалъ цѣлый десятокъ колдуній, оговоренныхъ одною нищею старухою: онѣ не признавались и ихъ хотѣли-было отпустить, тѣмъ-болѣе, что старуха-доносчица призналась, что она сдѣлала свой доносъ съ надеждою получить за него денежное вознагражденіе. Но прибывшій въ то время инквизиторъ взялъ дѣло въ свои руки. Иѣмецкій доминиканецъ приказалъ пытать и доносчицу и тѣхъ, на кого она доносила и собственноручно подписалъ подъ протоколомъ:

«Ich liess die Hexen foltern, tüchtig foltern, und zu meiner Freude alle haben gestanden» ¹⁷.

Эта наивная приписка говоритъ лучше всѣхъ разсужденій. Правда, что послѣ пытки колдуньи вошіяли, что признаніе исторгнуто у нихъ нестерпимою болью. Не смотря на то, ихъ сожгли,

16) Del Rio, II, 415.

17) Я приказалъ колдуній пытать, хорошенько пытать, и, къ моей радости, всѣ онѣ признались.

за исключеніемъ одной молодой женщины, которая никакъ не хотѣла признаться въ небываломъ преступленіи и умерла, вслѣдствіе истязаній пытки, выслушавъ рѣшеніе суда, ее оправдывающее.

Случалось, что пытка самаго обвиняемаго казалась недостаточною, и часто ей подвергали родственниковъ лица, подозрѣваемаго въ волшебствѣ, друзей его, а иногда даже вовсе пострѣляли ему лицъ. Такъ, на примѣръ, при судопроизводствѣ надъ Алисою Персонъ, пытали ее десятилѣтнюю дочь, сына (11 лѣтъ) и племянницу (7 лѣтъ!). Семидесятидвулѣтній старикъ, часто бывавшій въ домѣ Персонъ, два кушца, у которыхъ Персонъ закупала товары, были пытаны какъ свидетели¹⁸. Весьма часто, если не рѣшались пытать свидетелей тѣлесно, то подвергали ихъ пыткамъ моральной¹⁹.

Обманы чувствъ, порожденные не нормальнымъ возбужденіемъ мозга и нервовъ, часто бывали принимаемы за дѣло волшебства и злыхъ духовъ. Еслибы видѣнія Николаи (*Nicolai*) и Никольсона (*Nicolson*) случились въ шестнадцатомъ или семнадцатомъ вѣкѣ, то какой-бы

18) Leloyer. Discours des spectres, IV, 27.

19) Thiers. Traité des superstitions. I, 42.

ужасъ вселили онѣ въ необразованныхъ ихъ современникахъ: къ счастію, описаніе этихъ случаевъ находится не въ «*Malleus*» и не въ «*Flagellum Daemонит*», но въ «*Запискахъ берлинской академіи наукъ*»²⁰ и въ «*Философскомъ журналѣ*»²¹.

Несчастный Башко, въ Кенигсбергѣ²², въ началѣ нынѣшняго вѣка, не смотря на свой умъ, былъ смущаемъ призраками, за которые, лѣтъ двѣсти тому назадъ, могъ-бы попасть на костеръ съ многочисленною свитою. То негръ, съ безобразнѣйшимъ въ мірѣ лицомъ, садился противъ него въ кабинетѣ; то чудовище, съ совиною головою, открывало занавѣсы его постели; то змѣи обвивались вокругъ его въ то самое время, какъ онъ сидѣлъ за бумагами. Подобныя и еще удивительнѣйшія видѣнія случались и прежде, но тогда за нихъ жгли; теперь-же стараются подавать медицинскую помощь. Медицина объяснила подобные таинственные призраки и подвела ихъ подъ довольно строгіе законы, вслѣдствіе чего пытаются, и часто съ успѣхомъ, дѣйствовать противъ нихъ по правиламъ науки. Но прежде было совсѣмъ другое дѣло: тог-

20) 1799 года.

21) Въ XV томѣ.

22) Въ 1806 году.

да было повсюду распространено убѣжденіе въ сверхъестественныхъ сношеніяхъ. Извѣстный докторъ Ди (*Dee*) имѣлъ такое убѣжденіе, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, докторомъ Ричардомъ Неперомъ, родственникомъ знаменитаго изобрѣтателя логаарифмовъ. Ученѣйшіе изъ тогдашнихъ врачей полагали, что для полезнаго дѣйствія лекарствъ необходимо давать ихъ больному съ извѣстными таинственными обрядами.

Часто кошмары и сонныя грезы принимались за истину: такъ были живы и отчетливы ощущенія мучимыхъ ими лицъ. Одинъ аптекаръ, въ Оверни, утверждалъ, что по ночамъ приходитъ его беспокоить одинъ изъ его товарищей, котораго онъ обвинилъ поэтому въ колдовствѣ. Ночью аптекаръ проснулся съ страшнымъ крикомъ, увѣряя, что его давитъ привидѣніе, котораго видъ онъ описалъ съ совершенною подробностью. Методическое леченіе изгнало навсегда подобныя грезы ²³.

Одинъ отставной офицеръ, человѣкъ твердый и неустрашимый, вскакивалъ по-ночамъ и кричалъ какъ безумный. Когда являлись къ нему

23) Shoenskius, obs. 253. См. также *Смарру* Карла Нодье.

со свѣчемъ, то онъ увѣрялъ, что четыре чело-
вѣка, которыхъ онъ узналъ въ лицо и называлъ
по имени, влѣзли въ окно и хотѣли его убить,
но что онъ защищался отчаянно и убійцы, услы-
шавъ шаги людей, бѣжавшихъ къ нему на по-
мощь, скрылись въ окно. Лица, которыя обви-
нялись въ этомъ покушеніи, находились за сотню
верстъ оттуда, и даже одинъ изъ нихъ давно
умеръ, а другой въ то время лежалъ въ пара-
литѣ. Таже исторія повторялась каждую ночь,
и оказалось на повѣрку, что причиною такихъ
видѣній былъ задержанный геморой ²⁴.

Одинъ очень-степенный челоувѣкъ увѣрялъ,
что не только ночью, но часто днемъ (когда онъ
бываетъ одинъ), ему является одна знакомая
дама, и, плюнувъ ему въ лицо, дѣлаетъ его не-
подвижнымъ. Послѣ того она мучитъ его до-
тѣхъ-поръ, пока не слышится чьи-либо посто-
ронніе шаги, и тогда она выскакиваетъ въ окно
или уходитъ въ дверь. Эготъ очень-умный въ
прочихъ отношеніяхъ челоувѣкъ былъ вполне-
увѣренъ, что упомянутая дама ничто иное,
какъ злая колдунья, и ничто не могло убѣ-
дить его въ противномъ ²⁵.

24) Duboscquet. Dissertation sur le cauche-
mar, стр. 8, 1815 г.

25) Jason. De morbis cerebri, XXVI.

Подобнаго рода кошмаръ дѣйствуетъ иногда эндемически, и этому трудно было-бы повѣрить, еслибы не имѣлись положительныя доказательства. Вотъ что говоритъ докторъ Паранъ ²⁶.

Первый батальонъ латурь-довернского полка, въ которомъ докторъ Паранъ служилъ батальоннымъ врачомъ, получилъ однажды приказаніе выступить изъ своего гарнизона (Пальми, въ Калабріи) и спѣшить къ морскому берегу, для воспрепятствованія непріятельскому десанту. Послѣ труднаго суточного перехода, батальонъ расположился ночлегомъ въ развалинахъ древняго аббатства, о которомъ шла молва, что въ немъ обитаетъ домовой. Солдаты съ вечера смѣялись надъ предостереженіями крестьянъ сѣдной деревни и расположились подъ полуразрушенными сводами. Но каково-же было общее удивленіе и ужасъ, когда, въ самую полночь, болѣе сотни человекъ солдатъ повскочили на дворъ въ ужасномъ испугѣ, увѣряя, что по нимъ бѣгалъ домовой, въ видѣ огромной черной собаки. Французскіе солдаты были не трусы и не боялись пустяковъ, но тутъ они увѣряли, что это было не привидѣніе, а истина. Несмотря на

26) *Parent*, въ статьѣ «Incube». См. *Grand dictionnaire des sciences médicales*, XXXIV.

на какіе доводы, они стояли на своемъ. На слѣдующую ночь всѣ офицеры расположились дежурить во время ночи, чтобы успокоить солдатъ; но, не смотря на то, вчерашняя сцена повторилась во всѣхъ ея подробностяхъ. Больше человѣкъ ветерановъ описывали домового въ видѣ черной собаки совершенно-однообразно и имѣли видѣніе въ одно и тоже мгновеніе. Разумѣется, офицеры ничего не видали, и никакая черная собака не забѣгала въ временную казарму; но солдаты стояли на-своемъ и лучше рѣшились спать подъ открытымъ небомъ, чѣмъ еще разъ испытать тягостное прикосновеніе привидѣній. На третій день батальонъ выступилъ изъ этого мѣста, и никогда ничего подобнаго не было впредь замѣчаемо. Развалины древняго аббатства находились близъ города Тропеа (*Tropea*).

Можно найти у авторовъ множество примѣровъ сонныхъ грезъ, которыя, въ былое время, инакъ объяснились—бы, какъ содѣйствіемъ привидѣній. Вальтеръ-Скоттъ въ своей *Демонологии* рассказываетъ, что шотландскій помѣщикъ Боулендъ имѣлъ процессъ о значительной суммѣ денегъ, которая, какъ ему было извѣстно, давно уже уплачена его покойнымъ отцомъ; но онъ не могъ представить въ под-

твержденіе того, ни росписки, ни другаго документа; въ добавокъ, обыкновенный адвокатъ его семейства утверждалъ, что черезъ его руки не прошелъ ни одинъ шиллингъ на уплату этого долга. Наканунѣ рѣшенія этого дѣла въ судѣ, отецъ Боуленда, уже давно умершій, явился своему сыну во снѣ и объявилъ ему, что деньги дѣйствительно заплачены, но что это дѣло, по особымъ причинамъ, шло черезъ нѣкоего М... въ Инвернесѣ, у котораго осталась и квитанція. Привидѣніе прибавило: М... забылъ объ этомъ дѣлѣ, но онъ сейчасъ о немъ припомнить, если обратить его вниманіе на то обстоятельство, что между нами возникъ тогда споръ о португальской золотой монетѣ, и мы рѣшились, для прекращенія спора, прокутить ее въ тавернѣ, что и было исполнено, къ обоюдному удовольствію.

На другой день Боулендъ увидѣлся съ М..., который вовсе позабылъ о дѣлѣ съ покойникомъ. Но когда ему напомнили о португальской золотой монетѣ, пропитой въ тавернѣ, то онъ немедленно припомнилъ и прочія обстоятельства дѣла и отыскалъ для Боуленда росписку.

Аберкромби приводитъ достовѣрный случай одного пастора изъ окрестностей Единбурга, ко-

торый, прибывъ по дѣламъ своимъ въ столицу Шотландіи, увидѣлъ ночью во снѣ, что домъ его горить. Онъ проснулся и, вскочивъ на лошадь, помчался домой, куда поспѣлъ именно въ пору, чтобы спасти отъ пламени свою жену и дѣтей ²⁷.

Ферриаръ рассказываетъ, что король Іаковъ прибылъ въ Англію во время лондонской чумы, и остановившись на ночлегъ у сэра Роберта Коттона, увидѣлъ во снѣ сына своего (еще ребенка) съ кровавымъ крестомъ на лбу. На другое утро онъ объявилъ объ этомъ снѣ своей свитѣ, и вскорѣ было получено извѣстіе, что ребенокъ погибъ отъ чумы въ ту же самую ночь ²⁸.

Мы не будемъ повторять здѣсь извѣстнаго древняго анекдота о двухъ друзьяхъ, прибывшихъ въ Мегару, изъ которыхъ одинъ явился во снѣ другому съ доносомъ на трактирщика, посагнувшаго на его жизнь. Симонидъ расска-

27) *Abercrombie*. Inquiries concerning the intellectual powers and the investigations of truth, XI edition. London, 1841, стр. 291.

28) *Ferriar*. An Essay of apparitions. стр. 58.— Этотъ рассказъ заимствованъ Ферриаромъ у Бенъ Джонсона, а этимъ послѣднимъ у Друмонда (См. Drummond's works, стр. 224).

зываетъ, что, отправившись къ морскому берегу для совершенія морскаго путешествія, онъ нашель трупъ неизвѣстнаго человѣка, который и предалъ погребенію. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь погребенный покойникъ явился Симониду во снѣ, съ предостереженіемъ не садиться на стоявшій въ то время въ гавани корабль и обождать другаго. Симонидъ послушался совѣта мертвеца, и потомъ узналъ, что этотъ корабль потонулъ въ морѣ со всѣми пассажирами ²⁹.

Исторія упоминаетъ о множествѣ вѣщій сновъ. Такъ, Калпурнія, жена Юлія Кесара, наканунѣ дня, въ который погибъ знаменитый римлянинъ, видѣла во снѣ всю будущую сцену убійства, совершившагося въ сенатѣ. Мы могли-бы привести еще другіе анекдоты древности, но и въ новѣйшее время ихъ случилось довольно.

Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что Кондорсе не разъ оканчивалъ во снѣ вычи-

29) *Cicero*. De divin. I, § XXVII, стр. 77. *Valer. Maxim* I, — гл. I. *Плутархъ*: Объ оракулахъ Пифіи, стр. 154.—*Филостратъ*: Жизнь Аполлонія, VIII, гл. X.—*Gauthier*. Histoire du somnambulisme и *Traité pratique du magnetisme et du somnambulisme*, и множество другихъ сочиненій.

сленія, которыхъ не въ состояніи былъ кончить во время бодрствованія. Франклинъ призывался Кабанису, что лучшія его политическія идеи развивались въ сновидѣніяхъ. Композиторъ Тартини видѣлъ во снѣ, что къ нему въ спальню вошелъ демонъ и, взявъ скрипку, началъ играть сонату: эта соната такъ врѣзалась въ памяти маэстро, что онъ, проснувшись, тотчасъ написалъ ее. Она извѣстна подъ названіемъ *Чортовой сонаты*.

Возвратимся опять къ колдуньямъ и колдунамъ. Многіе авторы находятъ въ показаніяхъ этихъ полусумасшедшихъ какое-то странное сходство, которое кажется имъ необъяснимымъ. Мы тутъ ничего не находимъ страннаго. Въ средніе вѣка господствовало довольно однообразное мнѣніе о колдовствѣ, привидѣніяхъ, шабашахъ и тому подобныхъ предметахъ: немудрено, что на допросахъ, лица изнуренныя заключеніемъ и страданіями, часто полупомѣшанныя, объясняли одинаковые предметы тожественнымъ образомъ. Много тому способствовалъ и самый обрядъ допросовъ, совершавшихся однообразно по шпенгерову руководству, изложенному въ его *Malleus*, такъ-что самъ судья облакалъ свой вопросъ въ форму, обуславливающую самый отвѣтъ, и подсудимому приходилось отвѣ-

чать простыми словами: да, нѣтъ. Несчастные, подвергавшіеся суду инквизиціи, въ мукахъ пытки объявляли все то, о чемъ спрашивали у нихъ, и воображеніе ихъ невольнымъ образомъ настраивалось такъ, какъ желалъ того допрощикъ.

Въ XVII вѣкѣ заблужденія воображенія, основанныя на идеяхъ о волшебствѣ, дѣйствовали, такъ-сказать, эпидемически, и что всего страннѣе, эта непонятная нервная болѣзнь распространялась даже между дѣтьми. Мы не приводимъ здѣсь подробности объ извѣстномъ мойрскомъ дѣлѣ, экстрактѣ человѣческаго сумасбродства. Мы не будемъ излагать подробностей о сношеніяхъ колдуновъ и колдуній съ демономъ на Блокулѣ (въ Швеціи), ни понятій того времени объ образѣ жизни злаго духа и занятіяхъ колдуновъ и волшебниковъ³⁰. Скажемъ только что судьи и значительнѣйшіе обыватели Далекарліи, въ званіи присяжныхъ, судили несчастныхъ, обвиненныхъ по мойрскому дѣлу, гдѣ смѣшное спорить съ

30) Блокула въ Швеціи тоже что Брокенъ или Блоксбергъ въ Германіи, или Лысая гора у насъ, близъ Кіева. Это избранныя мѣстности для шабашей вѣдьмъ и колдуновъ.

ужаснымъ. Подробности сумасбродныхъ фантастическихъ оргій подтверждались собственными признаніями старцевъ и дѣтей, и на основаніи этихъ признаній казнено разомъ 62 женщины (21 старше 60 лѣтъ, а 27 моложе 20 лѣтъ) и 15 дѣтей (отъ 14 до 5 лѣтъ), уличенныхъ въ волшебствѣ и чародѣйствѣ!!

Лѣтъ тридцать раньше мойрсекаго дѣла случилось нѣчто подобное въ Лильскомъ дѣтскомъ пріютѣ. Старшая изъ дѣтей, Антуаннета Буриньонъ, вообразила себѣ, что цѣлое стадо маленькиѣхъ бѣсенятъ, съ длинными, черными хвостами, летаетъ надъ головами дѣтей, и указывая на нихъ, совѣтовала беречься нечистой силы. За такія предостереженія ея посадили подъ арестъ, въ карцеръ пріюта. Но, несмотря на желѣзную рѣшетку въ окнѣ и толстую дубовую дверь, запертую двумя замками и болтомъ, она ушла оттуда ночью. На вопросъ: какимъ образомъ она это сдѣлала? она отвѣчала, что имѣя съ пятилѣтняго возраста сношенія съ демономъ, она прибѣгнула къ его помощи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ теченіе полугода, всѣ дѣвочки этого пріюта стали утверждать, что ихъ посѣщаетъ злой духъ, и что онѣ являются къ нему на пиръ по ночамъ. Тутъ начались всевозможныя продѣлки

капуциновъ, и между ними и іезуитами завязался страшный споръ: первые утверждали, что дѣйствительно дѣти околдованы и находятся въ сношеніяхъ съ нечистымъ, іезуиты же отвергали дѣйствительность демонскихъ наитій. Дѣло надѣлало много шума и соблазна, а полупомѣшанная Автуаннета чуть не попала на костеръ.

Приведенный разсказъ можетъ служить примѣромъ, какъ заразительно дѣйствуютъ фантастическіе призраки на пылкое воображеніе дѣтей.

Сцены этого рода имѣли мѣсто еще въ Хорнскомъ и Амстердамскомъ пріютахъ. Процессъ луденскихъ монахинь, по поводу котораго погибъ несчастный Урбанъ Грандье, описанъ живымъ перомъ автора Сень-Марса и подробно разобранъ ученымъ Фигье и графомъ Гаспареномъ въ ихъ сочиненіяхъ: *о чудесномъ въ новѣйшее время*. Такого-же рода сцены повторялись неоднократно и въ Англіи, гдѣ впрочемъ случилось въ 1699 г. утѣшительное для ума зрѣлище. Несмотря на признаніе одной семилѣтней дѣвочки въ сношеніяхъ съ демонскою силою, присяжные объявили ее невинною. Но сколько до того времени и даже еще позже было пролито невинной крови! Доносы въ волшеб-

ствѣ служили орудіемъ частной мести: стоитъ только вспомнить процессы Эделина, Урбана Грандье, маршалши д'Анкрь во Франціи, доктора Флита и Сидоніи Ванворкъ въ Германіи, Петра Альбано въ Италиі. Не должно забывать, что въ упомянутыхъ сейчасъ процессахъ ни обвинители, ни судьи не вѣрили въ дѣйствительность и даже въ возможность преступленія. Но мщеніе удовлетворялось, судьи и сыщики богатыли; есть примѣры, что жены ихъ спорили съ женами маркизовъ и бароновъ въ роскоши.

Наконецъ безумныя преслѣдованія, разразившіяся надъ Вюрцбургомъ, впервые открыли глаза ослѣпленному вѣку. Пока взводили на костры несчастныхъ нищихъ старухъ, да неразумныхъ дѣтей, дѣло обходилось безъ большихъ хлопотъ и мало находилось охотниковъ раздѣлить участь Эделина или Флита. Когда же наконецъ обвиненія въ чародѣйствѣ коснулись высшихъ слоевъ общества, общее мнѣніе приняло, въ отношеніи къ чародѣйству, другой оборотъ.

Изданіе книги *Cautio Criminalis* ³¹ нанесло жестокой ударъ инквизиціонной системѣ

31) Въ 1631 году.

въ Германіи, уже потрясенной сочиненіями Понцонибіуса, Віеруса, Петра Апони и Реджинальда Скотта. Замѣчательно, что первое философское и вполне рациональное разсмотрѣніе вопроса о волшебствѣ написано іезуитомъ, Фридрихомъ Спэ (Spée), происходившимъ изъ вестфальской дворянской фамиліи. Чтеніе этой кнѣжки, въ которой яркими красками описывались допросы и пытки мнимыхъ чародѣевъ, такъ сильно подѣйствовало на Филиппа Шенбрунскаго, который былъ сперва епископомъ въ Вюрцбургѣ, но впоследствии сдѣлался архіепископомъ — курфирстомъ майнцкимъ, что немедленно, но достиженіи верховной власти, владѣтельный прелатъ уничтожилъ въ подвластныхъ ему земляхъ судебное преслѣдованіе чародѣйства. Этому умному примѣру вскорѣ послѣдовалъ герцогъ брауншвейгскій, а за нимъ нѣсколько другихъ германскихъ владѣтелей. Курфирстъ бранденбургскій Фридрихъ-Вильгельмъ рескриптомъ отъ 4-го ноября 1654 года, запретилъ пытать колдуновъ, прежде чѣмъ допросы покажутъ на нихъ сильное подозрѣніе ³². Онъ же впервые измѣнилъ смерт-

32) Этотъ рескриптъ былъ изданъ по поводу замѣчательнаго процесса Анны Элерброкъ.

ный приговоръ, произнесенный надъ колдуньей Катериной Земпель, изъ Нейендорфа. Въмѣсто того, чтобы взойти на костеръ, подобно десяткамъ тысячъ предшествовавшихъ ей жертвъ, она была осуждена только на вѣчное заточеніе.

Тотъ-же курфирсть имѣлъ благоразуміе рассмотреть вновь уставъ о пыткахъ и вовсе отмѣнилъ нѣкоторые изъ нихъ, прямо бросавшіяся въ глаза своею негѣпостью. Къ числу такихъ пытокъ принадлежала пытка водою и каленымъ желѣзомъ. Первая изъ нихъ производилась или горячею или холодною водою; послѣдняя производилась четырьмя различными способами, смотря по предмету обвиненія, а иногда по произволу судьи: самый обыкновенный способъ заключался въ томъ, что желѣзная, до бѣла раскаленная полоса кидалась въ холодную воду, откуда обвиняемый обязанъ былъ тотчасъ-же ее вынуть; вслѣдъ за тѣмъ рука, вынувшая полосу, завязывалась, и если по прошествіи трехъ сутокъ не оказывалось на ней слѣдовъ обжога, то обвиняемый считался оправданнымъ.

Этотъ процессъ, равно какъ и большая часть другихъ здѣсь упоминаемыхъ, будутъ разсказаны въ моей *Исторіи волшебства и проч.*

Въ 1701 году мракъ невѣжества, относительно волшебства, началъ рѣдѣть до того, что Томазіусъ рѣшился публично защищать въ гальскомъ университетѣ свой знаменитый тезисъ *о невозможности чародѣйства какъ преступленія*. Это сочиненіе было принято съ всеобщимъ одобреніемъ, хотя за полвѣка ранѣе оно повело-бы автора въ тюрьмы инквизиціи, а оттуда, послѣ мученій пытки, на костерь. Главные аргументы и лучшіе примѣры Томазіусъ почерпнулъ изъ сочиненій Беккера и изъ трактата фонъ-Даля объ оракулахъ; но онъ умѣлъ освободиться отъ оковъ картезіанизма, помѣшавшихъ успѣху Беккера и фонъ-Даля.

Диссертация Томазіуса чрезвычайно способствовала уменьшенію процессовъ по поводу колдовства, но не вполне прекратила ихъ. Преслѣдованія опять возобновились въ 1739 году въ Сигединѣ ³³, гдѣ тринадцать человекъ были пытаны девятью родами пытокъ, напоминающихъ времена Борджіевъ, и потомъ взведены на костерь всѣ, за исключеніемъ одного умершаго. Подобныя сцены повторились и въ Бамбергѣ, столь знаменитомъ преслѣдованіями колдуновъ, пока наконецъ потрясающій

33) Въ Венгріи.

душу процессъ и казнь Маріи Ренаты, изъ Вюрцбурга, не положилъ предѣла ужасамъ, запятнавшимъ лѣтописи Баваріи. Процессъ Маріи Ренаты, обвиненной въ составленіи привораживающихъ зелий, возбудилъ всеобщій ропотъ въ Германіи, Франціи и Италиі, и этотъ ропотъ былъ такъ силенъ, что сами инквизиторы принуждены были бѣжать и скрываться, опасаясь за свою личную безопасность.

Въ Швейцаріи судебное преслѣдованіе волшебниковъ прекратилось еще во второй половинѣ XVII вѣка и послѣдній колдунъ, сожженный въ Женевѣ, погибъ въ 1652 году. Тѣмъ невѣроятнѣе покажется, неподлежащее впрочемъ никакому сомнѣнію, свидѣтельство, что въ 1786 году въ Гларисскомъ кантонѣ была присуждена къ смертной казни и кончила жизнь на кострѣ старуха, уличенная будто-бы въ сношеніяхъ съ нечистою силою. Какъ объяснить такую аномалію?

Эдиктъ о колдунахъ, изданный Людовикомъ XIV ³⁴, свидѣтельствуетъ, что французскій законодатель считалъ колдовство обманомъ, и потому опредѣлялъ наказаніе только за распространеніе суевѣрія, за проявленіе лож-

34) Въ 1682 году.

ныхъ чудесъ и мнимыхъ сверхъестественныхъ сношеній съ неземнымъ міромъ. Такія предсудительныя дѣйствія весьма справедливо наказываются и понынѣ законами образованнѣйшихъ государствъ и въ томъ числѣ у насъ въ Россіи, гдѣ, впрочемъ, подобныя преступленія рѣдки ³⁵. Упомянутый эдиктъ французскаго короля былъ изданъ вслѣдствіе протеста нормандскаго парламента, сдѣланнаго по поводу отиѣненія казни одного лица, приговореннаго къ смерти за волшебство. Въ этомъ протестѣ совѣтники парламента умоляли короля позволить имъ казнить колдуновъ и продолжать судебнымъ порядкомъ преслѣдованіе чародѣйства, основываясь на многочисленныхъ прежде бывшихъ примѣрахъ. Благоразумный король обуздалъ рьяныхъ членовъ нормандской магистратуры.

Англійскій писатель докторъ Френсисъ Хускинсонъ увѣряетъ, будто-бы изъ всѣхъ государствъ западной Европы Англія позже прочихъ стала преслѣдовать мнимое преступленіе волшебства и ранѣе другихъ прекратила подобныя преслѣдованія. Мы отнюдь не раздѣляемъ подобнаго мнѣнія, потому-что находимъ явное его

35) См. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, статьи 1159—1164.

опроверженіе въ процесѣ Болингброка и Маргариты Журданъ ³⁶, въ статутахъ Генриха VIII, Елизаветы и Іакова I ³⁷. Стоитъ прочесть въ *Худибрасъ* о подвигахъ Хопкинса противъ несчастныхъ бѣдняковъ Линкольнскаго графства, которые бродили безъ пристанища и одежды отъ крайней бѣдности, но которыхъ Хопкинсъ, по этому самому, подозрѣвалъ въ колдовствѣ и осуждалъ на висѣлицу.

Національное чувство Хускинсона весьма похвально; но въ историческихъ изслѣдованіяхъ истина дороже всего. Захарій Грей, издатель *Худибраса*, собственными глазами читалъ списокъ пяти тысячъ лицъ, казненныхъ за колдовство во время владычества *добраго парламента*. Хейвудъ и Шадуэль почтили драматическимъ воспоминаніемъ несчастныхъ жертвъ мнимаго колдовства, казненныхъ въ Уэрбайстъ и Ланкаширѣ безумнымъ злодѣемъ Робинсономъ. Ученый Хель (Hale), на основаніи са-

36) Шекспиръ въ своей трилогіи «Генрихъ VI» рассказываетъ о чарованіяхъ этой знаменитой колдуньи.

37) Замѣчательно, что статуты Іакова I противъ чародѣйства изданы въ то время, когда знаменитый Бэксъ (Bacon) былъ членомъ верхняго парламента и свѣтлый умомъ Кокъ засѣдалъ на креслѣ генераль-прокурора.

ныхъ странныхъ и невѣроятныхъ свидѣтельскихъ показаній, противорѣчившихъ здравому разуму и одно другому, осудилъ на смерть Эми Дони (*Аму Дону*) и Розу Каллендусъ ³⁸. Правда, что вслѣдъ за тѣмъ, при главной судѣ Хольтъ ³⁹, старуха Маннингъ, несмотря на гораздо вѣроятнѣйшія показанія свидѣтелей, была оправдана присяжными, благодаря свѣтлomu уму Хольта, доказавшему всю нелѣпость и много чародѣйства. Оправданіе старухи Маннингъ было первымъ примѣромъ своего рода въ цѣлой Англии. Благодѣтельный примѣръ подѣйствовалъ, и десять процессовъ о колдовствѣ, произведенныхъ съ 1694 по 1701 годъ, окончились оправданіемъ обвиненныхъ. Тѣмъ страннѣе кажется намъ ужасный процессъ, гдѣ присяжные осудили много колдуна на основаніи самыхъ сумасбродныхъ показаній. Главный судья Поуэль (*Powell*), человекъ весьма умный, ясно выставилъ на видъ присяжнымъ невозможность преступленія; но, несмотря на то, суевѣрные присяжные объявили обвиненнаго виноватымъ. Тогда Поуэль, рѣшившійся просить объ отмѣнѣ наказанія, для большаго ус-

38) Въ 1664 году.

39) Въ 1694 году.

пѣха, захотѣлъ выставить наружу сумасбродство присяжныхъ. Онъ спросилъ ихъ, по произнесеніи роковаго слова—*виноватъ*, считаютъ-ли они преступника виновнымъ въ сообщеніи съ демономъ въ видѣ кошки? Присяжные, не обинуясь, отвѣчали утвердительно. Подобный отвѣтъ показался высшей власти до того страннымъ, что приговоренный къ смерти былъ немедленно освобожденъ, какъ осужденный присяжными, находившимися не въ полномъ разсудкѣ.

И все-таки въ хваленой, просвѣщенной Англии въ 1716 году, мистрисъ Эйксъ (Hicks) была повѣшена, вмѣстѣ съ девятилѣтнею своею дочерью за воображаемую связь съ нечистою силою ⁴⁰. Ихъ обвиняли преимущественно въ томъ, что онѣ, намыливая по утрамъ свои чулки, привлекали грозу изъ облаковъ!! У дитяти были черные башмачки съ красною подошвой, и слѣдователь заключилъ изъ такого сочетанія цвѣтовъ, что башмаки подарены малюткѣ демономъ, чему еще большимъ доказательствомъ могъ служить непріятный запахъ отъ кожи тѣхъ башмаковъ!!

40) Это происшествіе случилось въ Хуннигдонѣ и отличается драматическими подробностями.

Извѣстный юридическій писатель Баррингтонъ полагаетъ, что въ Англіи казнено по крайней-мѣрѣ 30,000 человекъ обоого пола за мнимыя волхвованія ⁴¹; въ томъ числѣ онъ насчитываетъ до 140 дѣтей ни же десятилѣтняго возраста!!

Смертная казнь за волшебство уничтожена въ Англіи въ 1766 году и замѣнена позорнымъ столбомъ и тюремнымъ заключеніемъ «за вызываніе злыхъ духовъ и за стараніе войти съ ними съ сношенія». Не смотря на успѣхи просвѣщенія, въ 1809 году и 1827 годахъ были процессы, гдѣ ввоздѣлись явныя обвиненія въ колдовствѣ.

Въ суевѣрной Шотландіи волшебство считалось преступленіемъ весьма частымъ и почти обыкновеннымъ. Тамъ особенно славились искусствомъ волхвованія Тома Херсильдоунъ, Михаилъ Скотъ и лордъ Соулисъ. Народная молва о второмъ изъ нихъ перешла даже за Альпы, и Данте Алгіери помѣстилъ Михаила Скота въ своемъ *Адѣ* ⁴², между монтефельтрскимъ астрологомъ Банатто и Асденте изъ Пармы:

41) Въ разсужденіяхъ на 20-й статутъ Генриха VI.

42) См. XX пѣснь дантова *Ада*.

Quell' altro che nei fianchi è così poco
 Michele Scotto fu che veramente
 Delle magiche frodi seppe il girocco.

Не смотря на древность идей о существованіи волшебства въ Шотландіи ⁴³, колдуны едва-ли были преслѣдуемы судебнымъ порядкомъ ранѣе царствованія Маріи Стюартъ. Несчастная графиня Глеммисъ (*Glamis*), любовница Іакова V, погибла, обвиняемая не столько въ волшебствѣ, какъ въ составленіи отравляющихъ зелій: она была одинаково виновна въ обоихъ преступленіяхъ. Только 73 статутомъ девятаго парламента Марія шотландской опредѣлена смертная казнь всякому уличенному въ колдовствѣ. При наслѣдникѣ ея, Іаковѣ VI, Шотландія была наводнена чародѣями, и самыя знатныя лица находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ колдунами. Стоитъ прочесть Вальтеръ Скотта, чтобы убѣдиться въ страшныхъ заблужденіяхъ тогдашней эпохи. Приведемъ только два примѣра, заимствованные изъ *Демонологіи* знаменитаго шотландскаго романиста. Сэръ Люйсъ Баллантинъ ⁴⁴, предсѣдатель шотландскаго уголовного суда ⁴⁵, допрашивая колдуна Ричарда Грз-

43) Упомянутые волшебники жили въ XIII вѣкѣ.

44) Sir Lewis Ballantyne.

45) Lord justice clerk,

ма ⁴⁶, спросилъ его: можетъ-ли онъ показать ему нечистаго духа. Колдунъ согласился, и демонъ, послушный заклятію, явился передъ судьей на дворѣ его дома ⁴⁷: несчастный юристъ до того испугался, что захворалъ и вскорѣ умеръ. Когда въ 1558 году судили Аису Пирсонъ, то Патрикъ Андамсонъ ⁴⁸, бывшій въ то время также больнымъ, посылалъ въ тюрьму къ мнимои колдунѣ уполномоченныхъ, обѣщая ей свое покровительство и защиту, если она согласится вылечить его помощію заклинаній или нашептаннаго питья. По этимъ двумъ примѣрамъ, гдѣ идетъ дѣло о такихъ сановникахъ, какъ Баллантинъ и Андамсонъ, можно судить о состояніи умовъ остальнаго современнаго имъ населенія Шотландіи. Мудрено-ли послѣ этого, что въ архивѣ эдинбургскаго уголовного суда находятся тысячи процессовъ колдуній и колдуновъ.

Замѣчательно, что въ тѣ времена преступленіе отравленія ядомъ обыкновенно предполагало вмѣшательство и помощъ нечистой силы и колдовства.

При Карлѣ I, отъ 1625 по 1640 г., въ Шотландіи было восемь процессовъ о колдов-

46) Richard Graham.

47) Въ Кэнонгетъ (Canongate).

48) Архіепископъ сентъ-эндрусскій.

ствѣ, при чемъ только одно лицо было оправдано. Въ одномъ изъ этихъ судебныхъ производствъ, ⁴⁹ адвокатъ подсудимаго вздумалъ утверждать, что взводимое на мнимаго колдуна обвиненіе, будто-бы онъ, зарывъ въ яму двѣ на крестъ положенныя лучинки съ тремя камешками, останавливалъ тѣмъ колеса мельницъ, находившихся отъ него въ разстояніи нѣсколькихъ миль, не заслуживаетъ никакого вѣроятія, и остановку мельницъ должно приписать естественному недостатку вѣтра. За такое *странное объясненіе дѣйствій* колдуна сочтено не только *неприличнымъ*, но *лишеннымъ здраваго смысла*, судъ приказалъ вывести адвоката изъ судейской залы и запретилъ ему продолжать начатую имъ защитительную рѣчь.

Кромвель и его парламентъ жгли колдуновъ не хуже прежняго, и въ 1659 году, въ городѣ Глезго ⁵⁰, сожжено заразъ 110 человекъ, уличенныхъ въ сношенія съ нечистою силою. Дѣло дошло наконецъ до того, что, для облегченія уго-

49) Именно въ процессѣ Юнга. Подобное этому случилось и въ процессѣ Катерины Освальдъ. Подробности этихъ процессовъ можно найти въ Foreign Quarterly Review на 1830 годъ, откуда мы сокращенно извлекли нѣсколько страницъ.

50) Glasgow.

ловныхъ судовъ, право судить, осуждать и даже казнить смертью всѣхъ колдуновъ предоставлено было помѣщикамъ, ихъ управителямъ и даже пасторамъ англиканскихъ церквей. Самые счастливые изъ несчастныхъ, подвергшихся суду этихъ лицъ, были тѣ, которые не обвиняясь признавались во всемъ, что на нихъ возводили: тогда они отдѣлывались только смертью на кострѣ или висѣлицѣ.

Карль II, уничтожившій большую часть кромвелевскихъ постановленій, не только оставилъ во всей силѣ законы о преслѣдованіи колдуновъ, но еще учредилъ множество судебныхъ комиссій для розыска, суда и наказанія лицъ, занимающихся волшебствомъ. Эти комиссіи дѣйствовали окончательно, и на ихъ рѣшенія недопускалось апелляціи.

Преслѣдованіе сдѣлалось однакожь слабѣе около 1662 года, такъ-что съ 1662 по 1669 г. ни въ Англіи, ни въ Шотландіи не было ни одной казни колдуновъ. Мало того: нѣкто Джемсъ Уэльтъ былъ публично наказанъ за доносъ подобнаго рода, что прежде всегда сопровождалось не только общею похвалою, но еще и наградою со стороны судебной власти. Правда, въ 1678 г. были казнены десять женщинъ, вслѣдствіе личнаго ихъ признанія въ сношеніяхъ съ

адамъ. Даже въ 1697 г. повторилась исторія подобная той, которая разсказана въ «Сенъ-Марсъ» Альфреда-де-Виньи о луденскихъ монахиняхъ. Около двадцати человекъ обоого пола были обвиняемы въ неестественныхъ конвульсіяхъ, и въ томъ числѣ четырнадцатилѣтняя дѣвушка и двѣнадцатилѣтній мальчикъ: всѣ были приговорены къ смерти, но, къ счастью, погибли только пятеро, а смертная казнь остальныхъ отмѣнена.

Послѣдній судебный приговоръ за преступныя сношенія съ подземными силами былъ произнесенъ въ Шотландіи 3-го мая 1708 года. Колдуна Эльспета Рула изгнали изъ отечества; а колдунья, его сообщница, осуждена на сожженіе.

Сожженіе живымъ на кострѣ было, дѣйствительно, самою обыкновенною и почти исключительно формою казни лицъ, обвиненныхъ въ чародѣйствѣ. Всѣ такого рода несчастные подвергались этой казни, не смотря ни на званіе, ни на полъ, ни на возрастъ. Есть примѣры епископовъ, бароновъ, знатныхъ дамъ, семидесятилѣтнихъ старцевъ и малолѣтнихъ дѣтей обоого пола, сожженныхъ за мнимое преступленіе колдовства. А есть даже въ наше время люди, которые приходятъ въ восторгъ отъ порядка ве-

щей, существовавшего въ средніе вѣки, и наивно утверждаютъ, что инквизиція была однимъ изъ благодѣлительнѣйшихъ учрежденій для человечества, какъ и все что исходило и исходитъ отъ римскаго владыки. Потрудитесь, прочитатъ, что, въ наше время, пишутъ въ Парижѣ, въ центрѣ всемірнаго просвѣщенія, рьяные поборники такъ — называемаго ультрамонтанизма — графъ Монталамберъ, маркизъ Мирвиль, Вейльо, бывший редакторъ папистской газеты «*L'Univers*», нынѣ запрещенной Людовикомъ — Наполеономъ, къ радости всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ людей. Нынѣ даже существуетъ въ Парижѣ особая секта демонологовъ и спиритуалистовъ, которые не шутя занимаются вопросами о чародѣйствѣ, во славу римскаго престола. Объ этихъ зуавахъ папизма мы скажемъ нѣсколько словъ въ концѣ этой статьи. Теперь же поспѣшимъ окончить начатый нами рассказъ.

Мы сказали, что смерть на кострѣ была почти единственною формою казни за волшебство; но казни предшествовали многочисленные и длинные допросы. Во время этихъ допросовъ несчастныхъ подвергали разнообразнымъ и весьма-мучительнымъ пыткамъ. До насъ дошли весьма-точные и подробныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ истязаніяхъ; но мы не рѣшаемся терять

нашихъ читателей описаніемъ такихъ ужасовъ, при чтеніи которыхъ волосы становятся дыбомъ и морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Ограничимся только упоминаніемъ о главнѣйшихъ видахъ пытки, употреблявшихся противъ лицъ, обвиненныхъ въ волшебствѣ, и вообще въ сношеніяхъ съ духомъ тьмы.

Пытка *веревкою* заключалась въ томъ, что одинъ изъ членовъ тѣла (руку или ногу) обвязывали крѣпкою веревкою и потомъ, пропустивъ между нею и тѣломъ толстую палку, поворачивали послѣднюю помаленьку, закручивая веревку. Отъ этого происходило давленіе на тѣло столь—сильное, что веревка не только прорѣзала кожу, но даже самое мясо до костей.

Пытка *подъшиваніемъ* состояла въ завязываніи за спиною рукъ, близъ локтей, и въ поднятіи потомъ страдальца за связанныя руки, помощію веревки, перекинутой черезъ блокъ. Степень жестокости соотвѣтствовала большей или меньшей высотѣ, на которую поднимали, въ быстрѣйшемъ или медленнѣйшемъ спусканіи сверху и въ привѣшиваніи къ ногамъ гирь. При этой пыткѣ почти всегда руки и ноги подвергались вывихамъ изъ суставовъ.

При пыткѣ *водою*, привязывали человека къ низкой скамьѣ, такъ-чтобы голова была на нѣ-

сколько дровъ дыше нить и сетью вполнаю
 наливала черезъ воронку въ горло колоду
 воду въ опромномъ количестве. Иногда закрывали ротъ и носари и крепко садясь на, малюторую безпрестанно подливали воду. Пытаемый долженъ былъ инстинктивно глотать ея, чтобъ не задохнуться.

При пытанъ о немъ, медленно сажигали (глюпомощію) раскаленныхъ углей или горячий железы жельза. Также казали на кону расплавленнымъ свинцомъ, смеломъ и кипящимъ масломъ.

Иногда завязывали руку или ногу между двумя дубовыми досками и эти доски сжимали опомощію тисковъ. При пытанъ тисками забивали еще деревянные гвозди въ ногти руцныхъ и ножныхъ пальцевъ.

Судебные протоколы предъзаетъ поинволабстаѣ весьма—интересны. Дни призра привидимъ адѣоъ изаказаніе изъ уголовного процесѣа надъ знаменитымъ чернокнижникомъ Хуиѣла, память о которомъ сохранилась въ видѣ въ народныхъ преданіяхъ и сказаннахъ створной Франціи. Это страшнаде оставоси въ народной памяти не подѣ действительнымъ своимъ именемъ, а подѣ презвидамъ *Свейнбарды* (Barbe-Bleue).

(«Въ-самомъ-дѣлѣ») у Жиль-де-Лавала, владѣтеля Разу, маршала Бретани (Gilles de La-
val, Seigneur de Raiz, maréchal de Bretagne) была такая черная борода, что она казалась си-
нею; гласить то или иное можно видѣть на его
портретѣ, находящемся въ маршальскомъ залѣ,
въ Версали. Жиль былъ чадовѣкъ, ярабый,
богатый, и вѣднѣе роскошную и усердно
занимавшійся чернокнижьемъ. Тщательный про-
смотръ аудубнаго о немъ оцѣдговя, немо пона-
зываетъ, что у Сливой-бороды мозгы не были въ
совершенномъ порядкѣ.

Разстройство умственныхъ способностей мар-
шала первоначально выкавалось (быть) что оцѣ-
высказалъ изъ своего замка не иначе какъ въ
сопровожденіи нѣсколькихъ капеллановъ, одѣ-
тый въ богатые шьскоцскія одежды и цѣлаго
хора дѣвнхъ, составленнаго изъ красиво-одѣ-
тыхъ и обуенныхъ пѣнн мальничковъ. Передъ
маршаломъ, какъ-бы передъ однимъ изъ выс-
шихъ предатровъ, несли крестъ и хоругвь.

Мальчнн, изъ которыхъ состоялъ хоръ Жи-
ля, брались отъ бѣдныхъ родителей, съ обяза-
ннемъ вывести дѣтей въ люди и устроить ихъ
будущность; но съ условіемъ, чтобы родители
не могли требовать дѣтей своихъ обратно и да-
же навѣщать ихъ, безъ особаго разрѣшенія.

Мальчиковъ одѣвали и кормили очень хорошо; только каждую недѣлю одинъ изъ нихъ, поочередно, былъ требуемъ къ маршалу и уже не возвращался назадъ. Остальнымъ строго было запрещено развѣдывать объ участи ихъ товарища.

Впрочемъ наружное благочестіе Жюль было одною личиною, подъ которою скрывались ужаснѣйшія злодѣйства.

Роскошная и неразсчетливая жизнь маршала разстроила его состояніе и онъ прибѣгнулъ для поправленія его къ алхиміи. Заложивъ свои имѣнія и получивъ значительныя суммы, за огромные проценты, онъ занялся приготовленіемъ философскаго камня; но деньги улетали въ трубу, не подвигая впередъ алхимическаго добыванія золота. Тогда Жюль де-Лаваль, доведенный до крайности, рѣшился прибѣгнуть къ чернокнижію, дабы помощію нечистой силы добыть столь-нужное ему золото. Сообщивъ въ этомъ мрачномъ дѣлѣ онъ избралъ своего дворецкаго Силла, одного разстриженнаго священника изъ Сенъ-Малё и флорентинца Прелати, людей посвященныхъ въ таинства черной магіи.

Лаваль проживалъ въ своемъ родовомъ замкѣ Машкулѣ. Внутри этого замка находилась

башня, дверь которой была на-глухо заложена камнями. Маршалъ увѣрялъ, что башня внутри очень-вѣтха и потому строго запретилъ подходить къ ней, изъ опасенія, чтобы она не разрушилась и не убила своимъ паденіемъ неосторожныхъ.

Башня была по этому необитаема; но супруга владѣтеля (женщина весьма-знатнаго рода) неоднократно замѣчала по ночамъ огонь внутри на-глухо замурованной башни. Она не осмѣливалась говорить объ этомъ открытіи своему мужу, человеку мрачному и сердитому, котораго она чрезвычайно боялась.

Въ самый день св. Пасхи 1440 года рыцарь торжественно простился съ женою, объявивъ, что онъ отправляется на поклоненіе св. Гробу. Баронесса была беременною и мужъ позволилъ ей, на все время его отсутствія, пригласить къ себѣ ея сестру, чтобы беременной дамѣ не было скучно.

Баронесса не замедлила рассказать гостѣ о своихъ опасеніяхъ, о ночномъ освѣщеніи таинственной башни и объ исчезаніяхъ дѣтей, случавшихся каждую пятницу. Любопытство обвѣхъ женщинъ было возбуждено въ высочайшей степени; но его было не легко удовлетворить, потому—что рыцарь, передъ самымъ своимъ

отъездомъ, строго подтвердилъ, чтобы никто не осмѣливался приближаться къ старой заколоченной башнѣ.

Сестры сообразили, что такъ-какъ двери въ башню были замурованы, то, вѣроятно, въ нее проникали сквозь какой-либо потаенный входъ. После долгихъ и тщетныхъ поисковъ, онѣ открыли наконецъ потайную дверь, скрытую за алтаремъ капеллы. За этою дверью находилась лѣстница, опускавшаяся въ подземный ходъ, который велъ въ заповѣдную башню.

Въ первомъ этажѣ они нашли рѣдъ капеллы; вокругъ алтаря были поставлены черныя восковыя свѣчи; кромѣ-того на алтарѣ лежала книга въ черномъ переплетѣ и бронзовая статуйка чудовищнаго существа (вѣроятно изображавшая злаго духа), передъ которою горѣла лампада съ чернымъ масломъ.

Во второмъ этажѣ находились печи, перегонныя снаряды, стеклянки, уголь и вообще всѣ принадлежности лаборатори алхимика.

Комната третьяго этажа была безъ оконъ и наполнена отвратительнымъ зловоніемъ. Сестры попытались выйдти изъ этой ужасной темноты, но баронесса уронила въ-теропяхъ сосудъ съ какою-то густою вонючею жидкостью, которая замарала ей платье и ноги.

Сестра баронессы, Аннушка, пораженная ужасомъ, хотѣла тотчасъ-же бѣжать изъ страшной башни; но у супруги владѣтеля Машкула любопытство было сильнѣе страха. Она спустилась въ часовню, зажгла тамъ одну изъ черныхъ свѣчей и отправилась въ комнату третьяго этажа. Тамъ вдоль стѣнъ стояло множество мѣдныхъ сосудовъ, наполненныхъ какою-то жидкостью и перемѣченныхъ нумерами. Посреди комнаты находился столъ изъ чернаго мрамора и на немъ лежалъ трупъ недавно-исчезнушаго юноши. Одинъ изъ мѣдныхъ сосудовъ, уроненный г-жею Рвзъ, лежалъ на полу.

Когда обѣ женщины опомнились отъ ужаса, онѣ рѣшились скрыть слѣды своего посѣщенія ужасной башни. Для этого онѣ принесли воды и губокъ и начали мыть полъ; но пятно никакъ не смывалось. Во время такихъ занятій, дамы вдругъ услышали шумъ на дворѣ замка и множество голосовъ громко призывали баронессу, крича, что господинъ ихъ возвращается въ замокъ. Обѣ сестры спѣшили убрать воду и губки и хотѣли уйти изъ башни въ замокъ, но спускаясь съ лѣстницы, онѣ услышали голоса людей въ часовнѣ. Аннушка поспѣшно побѣжала наверхъ и спряталась на платформѣ башни; но сестра ея поскользнулась, упала и

велѣдъ затѣмъ очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ страшнымъ мужемъ, по бокамъ котораго находились разстриженный паперъ и флорентинецъ Прелати.

Жиль де-Лаваль схватилъ жену за руку и, не говоря ей ни слова, потащилъ въ часовню. Тогда Прелати сказалъ маршалу: «Сама судьба за насъ! Жертва добровольно является къ намъ! Неужели вы не видите въ этомъ вѣрнаго залога будущихъ успѣховъ?» Баронъ подумалъ съ минутой и потомъ рѣшительнымъ голосомъ сказалъ: «Это правда! Я согласенъ. Начинайте черную мессу!»

Разстрига повиновался; а маршалъ, вынувъ изъ ящика, находившагося внутри алтаря, ножъ, сѣлъ подлѣ своей супруги, которая лежала почти замертво на широкой скамѣ, поставленной у стѣны внутри часовни. Святотатственное служеніе злему духу началось со всѣми обрядами, установленными въ чародѣйныхъ книгахъ.

Для поясненія всего описаннаго выше должно сказать, что Лаваль вовсе не думалъ ѣхать въ Палестину, какъ о томъ объявилъ женѣ и домашнимъ, а отправился въ Нантъ, гдѣ тогда имѣлъ пребываніе чернокнижникъ Прелати. Рыцарь, придя къ нему, началъ его упрекать въ недѣйствительности обѣщаннаго ему содѣйствія

нечистой силы при изготовленіи философскаго камня и грозился убить Прелата. Мошеникъ, чтобы выиграть время и выманить еще денегъ у легковѣрнаго рыцаря, объявилъ ему, что демонъ требуетъ за свое содѣйствіе окончательной жертвы. По настоятельному требованію послѣдняго, онъ объявилъ, что сатана требуетъ, чтобы рыцарь принесъ ему въ жертву своего собственнаго ребенка. Жиль ничего не отвѣчалъ, но взявъ съ собою Прелата и разстригу, немедленно отправился съ ними въ Манкуль, гдѣ и засталъ свою жену въ рековой башнѣ.

Въ то время, какъ въ часовнѣ совершалось служеніе злему духу, сестра Аннушка сидѣла на платформѣ башни, никѣмъ незамѣченная. Вдругъ она увидѣла вдаль скачущихъ по дорогѣ къ замку двухъ рыцарей со свитою вонновъ. Тутъ она вспомнила, что два ея брата, жившіе по сосѣдству въ своихъ замкахъ, будучи увѣдомлены объ отъѣздѣ владѣтеля Манкуля въ Палестину, обѣщали навѣстить сестру, чтобы утѣшить ее въ одиночествѣ. Аннушка узнала въ рыцаряхъ своихъ братьевъ и дѣлала имъ съ башни знаки платномъ, приглашая ихъ поспѣшить прибытіемъ въ замокъ. Черезъ нѣсколько минутъ топотъ всадниковъ послышался на дворѣ замка. Лаваль, увидѣвъ изъ ок-

на башни постой, приказавъ прекратить мессу и обратясь къ жонѣ, сказалъ: «Вотъ что и вышло. На этотъ разъ вы спасены; я дарю вамъ жизнь, и, если вы въ темнотѣ не исполните мою волю, я обещаю вамъ, что о джозѣ и о насъ не будемъ сегодня ни одного слова. Сейчасъ идите въ вашу уборную, одѣньтесь въ парадное платье, и немедленно приходите въ естивни, гдѣ я приму вашихъ братьевъ. Но смотрите, если вы не увидите меня хотя однимъ словомъ, хотя однимъ знакомъ, если вы увидите малѣйшее колебаніе или что-либо случилось, то немедленно поутѣте господей и приведу васъ сюда, мы будемъ протѣ дождать вашу черную мессу и съ того времени и вѣта, гдѣ мы останемся». Помните, что васъ ожидаютъ.

Несчастливая женщина вышла къ братьямъ одѣтая по праздничному. Мужъ не спускалъ съ нея глазъ и смущеніе блвдой баронессы достигло до такой степени, что братья, замѣтивъ все, стали бевнекопаться о здоровьи сестрѣ. «Эта ничтожная овѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ; вѣщо отъ безрешимности!» Она не смѣла продолжать и братья готовы уже были удалиться, чтобъ мать покойной больной сестрѣ, какъ вдругъ дверь отворилась съ шумомъ и въбѣжавшая Аннушка бросилась къ

братствъ, притомъ: «Спасите насъ!» Жаль де-ла-
вель чернойнижники и дубица! Черезъ четверть
часа послѣ вашего отъезда насъ не будетъ въ
живыхъ!» И несчастная, въ короткіи словахъ,
рассказала братвѣ о случившемся ед. . .

«Братья, обидѣвъ мечу, стали передъ со-
страми и тремко звали на помощь своихъ сыну.
Войны ихъ не замедлили собраться, и шедъ ямъ
защитой обѣ стороны были выведены на вышнѣ
и увезены! Какъ ни бѣсовался Лаваль, не
могъ однакоже воспрепятствовать этому, по-
тому-что собственныя его войска уназдъ онром
изшедшемъ, и обожая добрую волю, весьма
неохотно повиновался приказаніямъ, а общен
наго рыцаря, и въсто- того, чтобы сражаться
противъ братьевъ, спѣшили скрываться ямъ
самна, или приставади къ защитникамъ ба-
ронессы. . .»

Братья съ сестрами приехали въ столицу
Бретани и явились во дворецъ владѣтельнаго
герцога, прося его о правосудіи и защитѣ! На
другой-же день герцогъ Іоаннъ V приказалъ
осадить Машкуль и привести къ нему параша.
Такъ-какъ больша часть гарнизона разбитна-
лась, то Лаваль подался безъ сопротивленія.
Британскій парламентъ нарядилъ елѣдствие, и по
которому онавалось, что въ защитѣ Машкуль и

Шантоса было умерщвлено нѣсколько сотъ дѣтей. Найдено около двухъ сотъ женскихъ скелетовъ, но преступникъ сознавался, что еще большее количество скелетовъ было сожжено.

Жиль де-Лаваль былъ судимъ за чернокнижніе судомъ церковнымъ, а за убійства бретанскимъ парламентомъ. По приговору обонхъ судовъ, онъ былъ сожженъ живою на площади Магдалины въ Нантѣ. Онъ требовалъ и получилъ позволеніе идти на казнь съ пышностью, къ которой онъ привыкъ въ теченіе цѣлой жизни. Онъ умеръ безъ покаянія и всѣ дѣяствія его, отвѣты передъ судомъ и поведеніе передъ казнью свидѣтельствуютъ, что этотъ несчастный былъ столько-же злодѣй, какъ и сумасшедшій.

Этого поучительнаго призра, намъ кажется, довольно для ознакомленія читателей съ образомъ дѣяствій и понятій средневѣковыхъ чернокнижниковъ.

Мы обѣщали сказать, въ заключеніе, нѣсколько словъ о нашихъ современникахъ, занимающихся демонологическими вопросами, о лицахъ просвѣщенныхъ и даже ученыхъ, считающихъ волшебство за дѣйствительную науку и печатно заявляющихъ объ этомъ во второй половинѣ XIX вѣка. Не думайте, чтобъ эти господа доволь-

ствовались какими-нибудь мимолетными журнальными статьями: они пишутъ большіе, громадные томы специальныхъ сочиненій, создаютъ цѣлыя научныя теоріи, даже издають журналы, посвященные исключительно предметамъ магіи. Трудно повѣрить, а между-тѣмъ доказательство передъ глазами. Мы даже не будемъ касаться Америки, гдѣ существуетъ цѣлая литература по поводу вертящихся столовъ, стучащихъ духовъ и медиумовъ, служащихъ для сообщенія съ невидимымъ таинственнымъ міромъ, гдѣ издается нѣсколько журналовъ по этому предмету, и гдѣ образовалось нѣсколько десятковъ клубовъ, чтобы сообща заниматься такими интересными вопросами. Ограничимся пока однимъ Парижемъ. Что сказать напримѣръ о г. Эльфасѣ Леви, уже издавшемъ три огромные тома о магіи? ⁵¹ Этотъ перекрещенецъ изъ евреевъ, человѣкъ ученый и весьма начитанный, доказываетъ, что *магія* — не только дѣйствительная наука, но даже высшая изъ всѣхъ наукъ; что еврейское ученіе *каббалы*, изложенное въ книгахъ *Сефаръ - Іезира*, *Сохаръ* и *Талмудъ* — нес plus ultra человѣческой мудрости; что по-

⁵¹ Dogme et rituel de la haute magie, par El. Levi, 1856, 2 gr. vol. av. fig., и «Histoire de la Magie», 1860.

мощью каббалы можно повелѣвать всѣми силами природы; что только ключъ къ этимъ тайнамъ потерянь, и что онъ, Элифасъ Леви, отыскалъ его. Онъ даже приглашаетъ желающихъ брать у него уроки въ каббалистической мудрости! Всего забавнѣе то, что этотъ бывший еврей сдѣлался нынѣ отчаяннымъ папистомъ, и излагая самыя дикія идеи, непрерывно оговаривается, что онъ подвергаетъ свои выводы верховному суду римской цензуры и обязывается вѣрить такъ, какъ она прикажетъ!

Не менѣе забавенъ, но притомъ иезуитски отвратителенъ маркизь Мирвиль, авторъ *Pneumatologie* (Des esprits et de leurs manifestations fluidiques) и книги *Question des esprits*. Этотъ милый великосвѣтскій писатель, движимый усердіемъ къ пользамъ папизма, серьезно-ученымъ образомъ старается доказать, что всѣ рассказы о волшебствѣ, о средневѣковыхъ бѣсоватыхъ и о колдовствѣ вполнѣ несомнѣнны; что эти случаи законно принадлежать вѣдѣнію инквизиціи, благотѣльнѣйшаго изъ учрежденій римской церкви, и что должно радоваться, припоминая, что кроткое судилище сожгло нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ за чародѣйство, которое г. Мирвиль съ братьею признаютъ величайшимъ изъ человѣческихъ преступленій!!

Въ томъ-же духѣ ратуеть и г. Демуссо и г. Алланъ Кардекъ, издающій журналъ, посвященный сношеніямъ съ міромъ духомъ. Подобный журналъ издается и Мореномъ. Но я откровенно сознаюсь, что начавъ говорить объ этомъ предметѣ, долженъ посвятить ему или особую статью, или отказаться отъ возможности дать о немъ читателю хотя поверхностно нѣсколько ясное понятіе. Поэтому я рѣшаюсь изложить въ отдельной статьѣ идеи, стремленія и сущность писаній демонологовъ и спиритуалистовъ нашего столѣтія. Дѣйствительно, чудныя диковинки творятся на нашихъ глазахъ въ центрѣ образованной Европы!

Окончимъ эту статью утѣшительнымъ сознаниемъ, что несмотря на отдѣльныя аномаліи, на особыхъ вырожденіяхъ нашего вѣка, въ родѣ Мирвиля и братіи, число ихъ весьма незначительно, и что огромное большинство перестало вѣрить въ сумазбродство магіи, —этого зеркала, въ которомъ отражается самая темная сторона нашего ума и чувствъ.

VIII.

ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДУНЫ И ВѢДЬМЫ ВЪ СТАРИННОЙ
РОССІИ.

Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки на огонь вала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала...
Капля канула коню на гриву,
У коня грива загорѣлася.

Старин. русск. пѣсня.

Въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что наука волшебства хранится въ семьяхъ, передаваясь изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну.

Очерки Арханг. губерніи.
Стр. 187. *Верещанинъ.*

Слѣдующія свѣдѣнія о колдовствѣ на Руси въ старину мы извлекаемъ преимущественно изъ ученыхъ и чрезвычайно любопытныхъ изслѣдованій извѣстнаго знатока русской старины А. Н. Аванасьева ¹.

Въ язычествѣ колдунъ и вѣдьма были служителями божествъ *свѣта* и *теплоты*; они приносили богамъ жертвы, произносили заклятія, заговоры и предвѣщанья и созерцали

1) Совр. 1857 г. Апр. Комета 1857 г.

очищенія; дѣломъ ихъ было также силою заповѣдныхъ словъ прогнать нечистую силу, отстранять зловредное ея вліяніе и низводить на землю, на животныхъ и людей плодородіе, въ дома-же обиліе и покой. Христіанская религія, показавшая всю нелѣпость язычества, главное свое претиводѣйствіе направила противъ представителей и хранителей языческаго культа, колдуновъ и вѣдьмъ.

При самомъ введеніи христіанскаго ученія не обошлось безъ враждебныхъ дѣйствій со стороны служителей языческихъ боговъ. Іоакимовская лѣтопись сохранила намъ свидѣтельство о возстаніи новгородцевъ, не желавшихъ крещенія; лѣтопись эта говоритъ: «Богомилъ, *высшій надъ жрецы* словянъ, вельми претилъ люду покоритса», (т. е. креститься)². По свидѣтельству Несторова Временника, въ XI столѣтіи, противъ христіанства открыто выступали волхвы, и, пользуясь своимъ вліяніемъ на массу народа, старались увлекать ее за собой. Такъ въ 1071 г., въ самомъ Кіевѣ явился волхвъ, предсказавшій, будто бы по внушенію пяти боговъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, земля греческая станетъ на мѣстѣ русской, а

2) Татищ. Рос. Истор. Ч. I, стр. 39.

русская на мѣстѣ греческой; прочія земли измѣнять также свое мѣстоположеніе. Въ народѣ нашлись *невегласи* (непросвѣщенные христовымъ ученіемъ), которые слушали волхва и вѣрили его словамъ. Но «вѣрные» посмѣялись ему, говоря: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу»,— и дѣйствительно волхвъ пропалъ въ ночь безъ вѣсти. Подобнымъ образомъ волхвъ, явившійся въ Ростовѣ въ 1091 году, *вскорѣ погибе*. Волхвы подвергались строгому преслѣдованію. Изъ другихъ данныхъ мы узнаемъ объ этомъ положительно. Янъ, посланный для сбора княжеской дани на Бѣлоозеро, самъ, вѣдѣвъ съ двѣнадцатью вооруженныхъ отроковъ, выходилъ противъ волхвовъ и приказывалъ избивать ихъ. Волхвы, подкрѣпляемые своими послѣдователями, рѣшились защищаться; одинъ изъ нихъ бросилъ въ Яна топоромъ, но промахнулся. Тогда Янъ, оборота топоръ, ударилъ своего противника тульемъ. Волхвы бѣжали въ дѣсь, но были, по настоянію Яна, схвачены бѣлозерцами и выданы. На вопросъ Яна: какому Богу они вѣруютъ?—волхвы отвѣчали: антихристу, т. е. прямо объявили себя врагами христіанства.

Но и по утверженіи христіанскаго ученія, не всѣ старинныя повѣрья утратились вдругъ и вышли изъ убѣжденій массы народа вполне;

еще *стайны* продолжали совершаться старые обряды и жить старья повѣрья; *стай* еще прибѣгали къ колдунамъ и испрашивали ихъ помощи. Знахари и знахарки долго пользовались довѣренностью, врачевали болѣзни, заклинали нечистую силу (заговорами) и заправляли игрищами. Эти остатки древнихъ вѣрованій гранились въ семьяхъ, и потому легко укрывались отъ посторонняго взгляда.

Духовенство, особенно въ высшихъ своихъ представителяхъ, видѣло вредъ этой привязанности съ древнимъ преданіямъ и обрядамъ и старалось ей противодействовать. Оно старалось искоренить суевѣрную народную довѣренность къ волхвамъ, колдунамъ и вѣдьмамъ, и преслѣдовало эти лица, какъ скоро обнаруживались ихъ зловредныя дѣйствія. Кириллъ Туровскій говоритъ противъ волхованія и запрещаетъ искать и посѣщать волхвовъ. Противодействіе волшебству, чарамъ и ворожбѣ встрѣчаемъ во всѣхъ памятникахъ, писанныхъ противъ народныхъ суевѣрій: въ грамотахъ игумена Памфила, и митрополита Фотія, въ Стоглавѣ и друг. Въ поученіяхъ священнослужителямъ 1499 года сказано, чтобъ они не принимали въ храмъ приношеній отъ волхва, потворника, игреца (скомороха?); а въ дополни-

тельному къ судебнику указъ 1552 года велѣно было *кликать* по торгамъ, чтобъ «къ волхвамъ и къ чародѣямъ и къ звѣздохетцамъ не ходили», подѣ спасеніемъ опалы и духовнаго запрещенія.

Колдуны и колдуньи издревле занимались врачеваніемъ, которое долго пользовалось довѣренностью. Духовенство старалось истребить этотъ обычай. Изъ вопросовъ кирака XII вѣка узнаемъ, что тотъ, кто приносилъ къ волхвамъ дѣтей для привязки амулетовъ (наузъ, узловъ), или искалъ у волхвовъ изцѣленія отъ своихъ болѣзней, подвергался эпитеміи. Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 года), царская окружная грамота 1648 года и Домострой, также запрещаютъ всякое сношеніе съ волхвами.

Другое явленіе, обращавшее на себя особенное вниманіе духовенства, были народныя игрища. Игрища эти сопровождались музыкой, пѣснями и пляской; въ древности онѣ составляли языческія празднества, на которыхъ совершались религиозныя обряды, жертвоприношенія, браки, гаданія и прочее. Вотъ почему и музыка, и пѣсни, и пляска вызвали противъ себя строгія сопротивительныя мѣры со стороны духовенства. По языческимъ представленіямъ, музыка и

пѣсни имѣли чудодѣйную силу, какъ слова заговора, и вмѣстѣ съ пляскою принадлежали къ числу языческихъ религиозныхъ обрядовъ. Преслѣдованіе ягръ, пѣсенъ, плясокъ и музыки началось съ первыхъ временъ христіанства. Кириллъ Туровскій уже осуждалъ *гусли* и игры бѣсовскія; древній лѣтописецъ говоритъ: «дьяволъ льститъ... всяческими лестями, прибавляя ны отъ Бога *трубами и скоморохи, гуслими и русальи* (русальи — игры, сохранившія свое названіе до позднѣйшаго времени); «видимъ бо игрища утолчена и людій много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, «позоры дѣюще отъ бѣса». Стоглавъ вооружается противъ слѣдующихъ явленій: «въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органныки и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ... (да предъ свадебнымъ поѣздомъ) со всеми тѣми играми рыщутъ... да по дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупляяся ватагами многими по шестидесять и по семидесять и до сто человекъ... На погостахъ (кладбищахъ), егда учнутъ скоморохи и гудцы и прегудницы играти, тогда все присутствующіе, преставъ отъ плача, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити и пѣсни «сатанинскія пѣти». Такимъ образомъ Стоглавъ

говори́лъ противъ пѣсенъ, музыки и плясокъ, сопровождавшихъ всѣ обрядовыя церемоніи: и свадьбу, и праздники въ честь мертвымъ, и разныя игрища. Противъ этихъ явленій предохраняетъ не только Стоглавъ, но и старинныя лѣтописцы, и посланіе игумена Памфила (1505 г.) ко псковскимъ властямъ, и патріаршій указъ Іоакима 1684 года, и Царская грамота 1648 года³. Последній актъ особенно любопытенъ по своимъ подробностямъ; онъ требуетъ, чтобы православные не призывали къ себѣ скомороховъ съ *дамрами, сурнами, волюнками* и всякими играми, и на улицахъ и поляхъ и во время свадебъ «бѣсовскихъ» пѣсенъ не пѣли бы, и по ночамъ не плясали, и въ ладони не били, и *скоморошья платья и личинъ на себя не накладывали*. Воеводамъ предписывалось отбирать у всякаго музыкальные инструменты, ломать и *жечь*; а тѣхъ, у кого они найдутся, бить батогами исылать въ крайнія мѣста⁴. Такой строгій взглядъ

3) Сахар. сказ. рус. нар. Т. 2., стр. 8, 100 и 101. Сусирасл. рукоп., стр. 169. Доп. къ А. Ист. т. I., № 22. Сибѣир. Рус. прост. празд. Ч. I, стр. 37 — 38.

4) Ак. Ар. Экс. Т. IV., № 98. Скоморохи, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ, бродили толпами по селамъ и деревнямъ, и съ XV ст.

на скоморошество понятенъ. Скомороху принадлежало въ языческомъ мірѣ значеніе особенное; самая пѣсня и пляска были необходимыми обрядами при языческихъ жертвоприношеніяхъ и воззваніяхъ къ божествамъ. Въ одномъ старинномъ сборникѣ сказано: «не подобаетъ крестьянамъ игоръ бѣсовскихъ играти, иже есть пляска, гудьба, пѣсни бѣсовскія и жертва идольская»⁵; здѣсь пляски и музыка прямо отнесены къ одному разряду съ идольскою жертвою.

Не одни обряды, принадлежавшіе колдовству, вызывали противъ себя различныя мѣры; лица, занимавшіяся совершеніемъ этихъ обрядовъ, колдуны и колдуньи, были преслѣдуемы еще болѣе, потому-что они были хранителями остатковъ прежнихъ языческихъ вѣрованій. И свѣт-

уже мало пользовались въ народѣ довѣріемъ. Вѣчно праздные, они, по извѣстію Стоглава, грабили клѣти, насильно ѣли и пили у крестьянъ и разбивали по дорогамъ. Вѣроятво по этому въ жалованьяхъ отъ князей грамотахъ иногда писалось: «а скоморохи у нихъ въ селѣхъ не играютъ», или: «а скоморохомъ у нихъ посельской играти не освобождаютъ». Ак. Ар. Экс. Т. I, №№ 86, 240.

5) Описан. Рум. Муз. Восток. Стр. 228—229, 551.

504 ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДУНЫ И ВЪДЬМЫ

ская и духовная власть подвергала обвиненныхъ въ колдовствѣ строгому суду и наказанію.

Дѣла о волшебствѣ издревле принадлежали у насъ завѣдыванію духовной власти. Въ церковномъ уставѣ Владиміра св. къ вѣдомству духовнаго суда отнесены: «вѣтьство, зеленичество, потворы, чародѣянія, волхованья» ⁶. Наказаніе волхвамъ и чародѣямъ было *сожженіе*; какъ сжигались музыкальные инструменты и «черныя» (чародѣйныя) книги, такъ подобной-же участи подвергались и колдуны и чародѣи. Въ 1227 году, по сказанію лѣтописца, въ Новгородѣ «изжгоша волхововъ четыре, творяхуть я (ихъ) потворцы дѣюща, а *Богъ въсть*, и сожгѣша на *Ярославль дворь*». По свидѣтельству *Никоновской лѣтописи*, волхвы были привезены новгородцами не на княжескій, а на архіепископской дворъ, и тамъ сожжены, не смотря на заступничество боярь. Въ началѣ XV столѣтія во Псковѣ было сожжено десять *въщилъ жонокъ* ⁷. Въ повѣсти о волхованіи, написанной для Іоанна Грознаго, утверждается необходимость строгихъ наказаній для чародѣевъ, и въ

6) П. С. Л. т. IV, стр. 29. Карамзина И. Г. Р. Т. III, примѣч. 316.

7) Руднева: Истор. ерес. и раскол., стр. 10.

примѣръ представляется одинъ царь, который вмѣстѣ « съ епископомъ написати книги повелѣ « и утверди, и проклять чародѣянiе, и въ вѣсѣхъ « заповѣда такихъ (чародѣевъ) *огнемъ по- жечи* » ⁸. Котошихинъ говоритъ, что въ его время мужчинъ за богохульство, церковную татьбу, *волховство и чернокнижество* и ереси *сожигали*, а женщинъ за тѣ-же преступленiя живыхъ *закапывали въ землю* по грудь, отъ чего онѣ и умирали на другой или третiй день. Эта форма наказанiя за чародѣйство согласовалась съ общимъ народнымъ убѣжденiемъ (въ XVI и XVII столѣтiяхъ). Такъ въ старину, во время повальныхъ болѣзней, поселяне зарывали въ землю женщину, заподозрѣнную широмъ въ злыхъ умыслахъ. Въ Украинѣ сохраняется преданiе о сожженiи женщины, обвиненной въ чародѣйномъ похищенiи росы ⁹. Народная пѣсня поетъ, какъ дѣвица—чародѣйка пекла змѣй и варила зелье, чтобы этимъ снадобьемъ извести своего брата. Но братъ провѣдалъ объ этомъ зломъ намѣренiи и

8) Москвит. 1844 г., № 1, стр. 249.

9) Сахар. Сказ. Рус. нар. Т. II, стр. 13. Иллюстр. годъ 1., статья Даля, стр. 415. Малор. и червон. нар. думы и пѣсни, стр. 100.

306 ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДУНЫ И ВѢДЬМЫ

Снималъ онъ съ сестры буйну голову,
 И онъ бралъ съ костра дрова,
 Онъ клалъ дрова среди двора;
 Какъ смеетъ ея тѣло бѣлое,
 Что до самого до пепелу.
 Онъ развѣлалъ прахъ по чисту полю,
 Заказалъ всѣмъ тужить, плакати ¹⁰.

Изъ слѣдственныхъ дѣлъ XVII столѣтія видно, что за чародѣйство и ворожбу наказывали ссылкой въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь на покаяніе; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія легчайшія наказанія. Очевидно, при назначеніи наказанія принималась въ расчетъ степень виновности.

При постепенномъ усвоеніи народомъ новыхъ здравыхъ воззрѣній на суевѣрія, повѣрья, связанные съ понятіемъ колдовства, приняли другой видъ; то, что прежде въ язычествѣ казалось благимъ, теперь получило смыслъ отрицательный. На колдуна и вѣдьму стали смотрѣть какъ на существа злобныя, преисполненныя грѣха, которыя находятся въ самыхъ близкихъ связяхъ съ нечистою силою. По народному повѣрью, колдунъ и вѣдьма заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, продавая ему свою душу; договоръ этотъ скрѣпляютъ роспискою, которую пишутъ своею

10) Терещ. Быть рус. нар. Ч. I, стр. 107.

кровью ¹¹. Въ простонародьи существуетъ много ходячихъ рассказовъ о томъ, когда, какъ и при какихъ особенныхъ обстоятельствахъ отчаянные грѣшники продавали дьяволу свои души. Колдуны все чудесное и страшное творятъ силою демонскою; они и властелины и рабы нечистой силы: они могутъ ею повелѣвать, но нечистая сила требуетъ отъ нихъ безпрестанной работы. Если колдунъ, по народному повѣрью, не принцетъ для нея занятія, то нечистая сила замучитъ его; потому колдуны придумали заставлять чертей, чтобъ они вили изъ песку и воды веревки и дѣлали подобныя невыполнимыя работы. Въ связи съ означенными повѣрьями образовались еще другія: 25-го марта, когда повѣтъ здоровый весенній воздухъ, *черти* провѣтриваются надъ *трубами* избъ колдуновъ; если въ вихрь, внезапно поднявшійся, воткнуть въ средину ножъ, то вертящійся въ вихрѣ *дьяволъ* застонетъ и побѣжитъ *собакою*, или *кошкою*, или оборотится въ *вѣдьму* ¹². Надо замѣтить,

11) Иллюстр., годъ I, статья Даля, стр. 184 (здѣсь и вездѣ при ссылкахъ на Иллюстрацію разумѣется старая Иллюстрація, издававшаяся Н. Кукольниковъ, а не нынѣшняя, изд. В. Р. Зотовымъ).

12) Абевега, стр. 74, 187. Сахар. Сказ. рус. нар. Т. I., стр. 52. Терещ. Ч. VI., стр. 17.

что колдунъ и вѣдьма любятъ обращаться и въ собаку и въ кошку. Малороссійская пѣсня поеть о Савѣ Чаломъ: «и за бѣсами, ставъ за право и борзо *знахарюе*». Колдовство — *знахарство*, по повѣрью, совершается бѣсовскою помощью; дьяволы даютъ колдунамъ и колдуньямъ *черную книгу* (*черный* — нечистый, грѣховный, гибельный, въ противоположность словамъ: *свѣтлый, красный*; отсюда *чернокнижје*). Черная книга надѣляетъ своего владѣльца силою вызывать нечистыхъ духовъ. Кто найдетъ ее, хотябъ случайно, и станетъ читать, тому тотчасъ предстанетъ множество чертей съ требованіями работы. Колдуны всегда оставляютъ эту книгу въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, передавая имъ и всѣ свои тайныя знанія. Если колдунъ позабудетъ отказать передъ своею смертію черную книгу, то встаетъ за нею изъ могилы ¹³. Первоначальный смыслъ этого повѣрья тотъ, что заговоры и таинственные обряды язычества хранились въ семьяхъ старѣйшими, и передъ смертію этихъ послѣднихъ передавались ближайшимъ родичамъ. Такимъ образомъ языческія повѣрья и заповѣдныя слова хра-

13) Илл., годъ I, стр. 183—184. Абеверг., стр. 74. Украинск. пѣсни Максимов., стр. 91.

нились въ тайнѣ, изъятыя изъ всеобщаго обиходнаго вѣдѣнія ¹⁴. Повѣрье о черной книгѣ указываетъ на позднѣйшее образованіе подобныхъ представленій о демонской силѣ колдовства, ибо самая грамотность есть явленіе позднѣйшее. Къ такимъ чернымъ книгамъ старинные памятники относятъ: *Волховникъ*, *Чаровникъ*, *Мысленникъ*, *Колядникъ*, *Громникъ*, *Остроловъ*, *Острономію*, *Звѣздочетіе*, *Путникъ* (книга о значеніи встрѣчъ), *Вороноградъ* (о значеніи полетовъ птицъ), *Шестокрылъ*, *Аристотелевы врата* (и *Аристотель*), *Рафли* и другія ¹⁵. Названія эти свидѣтельствуютъ, что естественныя познанія о природѣ были смѣшиваемы съ вѣрованіями языческими. Такое явленіе условливалось самымъ характеромъ язычества, которое обоготворяло природу и небесныя свѣтила. Въ такія-же близкія отношенія съ демономъ поставлена въ народныхъ повѣрьяхъ и вѣдьма, которая представляется мстительною и злобною: она трудится только на пагубу людей, *сдружается* съ нечистою силою и *улетѣтъ* съ нею по ночамъ; при

14) Малорос. и червонор. нар. думы и пѣсни, стр. 99.

15) Къ этимъ книгамъ относили даже иногда геометрію и отчасѣи лечебники.

510 ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДУНЫ И ВѢДЬМЫ

ней необходимы *черная кошка* и *черный петухъ*. Съ этими животными въ старину даже зарывали вѣдмъ въ землю ¹⁶. Оттого-то названія «колдунъ» и «вѣдма» стали употребляться въ укоръ и брань.

Колдунъ и колдунья явились существами враждебными, злыми, тѣмъ благотворнымъ жизненнымъ силамъ, которыя прежде охранялись ими, теперь, вслѣдствіе отрицательнаго вліянія новыхъ воззрѣній, они стали вредить. Первоначально мольба (заговоръ) колдуна и вѣдмы, обращенная къ свѣтиламъ, призывала покровительство этихъ свѣтлыхъ божествъ и прогоняла нечистую силу, смерть, болѣзни и безплодіе—такъ вѣрилъ язычникъ. Въ позднѣйшую эпоху создано повѣрье, что колдуны и вѣдмы не только не охраняютъ здоровья, а напротивъ, сами посылаютъ на человѣка болѣзни, сушатъ его, напускаютъ на него *мару* или отводятъ *глаза*, такъ что онъ видитъ все въ обманчивыхъ образахъ ¹⁷. По первобытному представленію, колдунъ и вѣдма низводили съ неба оплодотворяющій дождь и теплоту; позднѣе, они стали скрадывать и дождь, и росу, и свѣтъ, и производить

16) Илл. Годъ I, стр. 415.

17) Иллюстр. Годъ I, стр. 184, статья Дам.

безплодіе и голодъ; стали вредить своими заговорами земледѣльческимъ работамъ ¹⁸, отнимать у коровъ молоко и вообще у животныхъ и людей силу плодородія. У насъ въ простонародьи вѣрятъ, что колдуны могутъ жениха, невѣсту и весь поѣздъ сглазить и обратить въ стадо *волковъ* или *собакъ*, для чего будто колдуны варятъ *медвѣжье* мясо или сало, или сушатъ *волчье* сердце и потомъ бросаютъ это снадобье на дорогу свадебнаго поѣзда. Чара эта заставляетъ лошадей становиться на дыбы и нести въ сторону ¹⁹. Существуетъ примѣта: если сорока стрекочетъ, то *беременная* женщина не должна выходить изъ избы; иначе вѣдьма, которая любитъ обращаться въ сороку, испортитъ ее или *выкрадетъ изъ ея утробы младенца* ²⁰; самый младенецъ можетъ быть испорченъ колдуномъ и вѣдьмою еще до появленія на свѣтъ.

18) Круги на поляхъ, которые считаются слѣдомъ отъ хороводныхъ плясокъ колдуновъ и вѣдьмъ, окапываются, какъ *зловредный знакъ* (Сахар. Сказан. рус. нар. Т. I, стр. 58. Терещ. ч. VI, стр. 53).

19) Абеveg., стр. 68. Иллюстр. Годъ I, стр. 183.

20) Абеveg., стр. 74, 271. Иллюстр. Годъ I, стр. 415.

Въ старину рожденіе уродовъ объясняли дявольскимъ вліаніемъ, вызваннымъ черезъ колдовство (21). Такимъ образомъ колдуны и колдуньи служатъ нечистой силѣ и стараются *портить* людей и животныхъ; *порча* эта состоитъ въ насланіи болѣзней, безплодіи, безобразіи и въ обращеніи людей въ животныхъ. Испорченные колдовствомъ называются *кликушами* 22, которые кричатъ голосомъ разныхъ животныхъ, неистово вопятъ, мечутся и увѣряютъ, что въ нихъ поселилось множество бѣсовъ, и что бѣсы эти грызутъ ихъ внутренность. По народному повѣрью, колдуну и вѣдьмѣ ничего нестоитъ насажать въ человѣка бѣсовъ или гадинъ 23. Кликушами обыкновенно признавались тѣ несчастные, которые страдали падучею или другими непонятными для простаго человѣка болѣзнями, соединенными съ

21) Полн. Соб. Зак., т. V, № № 3159, 3160. Всякую свадьбу охраняли отъ колдовства, для чего призывались *доки* и совершались особенные обряды (Абев., стр. 190).

22) Названіе «кликуша» чаще даютъ женщинамъ; въ Сибири испорченнаго мужчину называютъ *мірякомъ*. Есть поговорка: «просватать міряка за кликушу».

23) Чт. О. И. и Др. (Словотолк. Макар.). Годъ 3, № 3, стр. 106. Абевег., стр. 222. Иллюстр., годъ I, стр. 203.

бредомъ, корчами и пѣною на губахъ. Впослѣдствіи, нѣкоторые стали притворятся испорченными изъ своекорыстныхъ расчетовъ. Потому указомъ Петра Великаго (1715 г.) велѣно было хватать кликушъ обоего пола и приводить въ приказы для розыску, дѣйствительно-ли это больные, или они нарочно накладываютъ на себя порчу (24).

Когда колдуны и вѣдьмы получали злое и враждебное значеніе, создались въ простонародьи и различныя предохранительныя средства противъ ихъ вліянія. Средства эти отчасти были заимствованы изъ тѣхъ обрядовъ язычества, которые употреблялись противъ нечистой силы, смерти и болѣзней, отчасти принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ и проникнуты ея воззрѣніемъ. Въ заговорахъ стали просить защиты, отъ «бабь-

24) П. С. Зак. Т. V, № 2906. Перенесенію на вѣдму и колдуна демонскаго характера, вѣроятно, много содѣйствовало то языческое вѣрованіе, по которому сила жертвоприношеній и мольба могли вызывать исполненіе всякаго желанія и добраго и злаго (заговоры на враговъ). Сверхъ того, колдуны и вѣдьмы, по своему жреческому значенію, могли завѣдывать обрядами поклоненія не только свѣтлой силѣ, но и нечистой, которая необходимо требовала умиловительныхъ жертвъ.

ихъ зазоръ, отъ хитраго черно книжника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ *слѣпаго* (25) знахара, отъ старухи (бабы) — вѣдуньи, отъ вѣдъмы кievской и злой сестры ея муромской» (26). Противъ колдуновъ и вѣдъмъ стали употреблять силу таинственныхъ травъ: крапивы, плакунъ-травы, чернобыльника и другихъ; слѣдовательно, народъ обратилъ противъ нихъ тѣ снадобья, которыя самими колдунами и вѣдъмами употреблялись для ихъ чаръ и противъ нечистой силы 27. Мало того: противъ однихъ колдуновъ и вѣдъмъ стали призывать на помощь другихъ, какъ это замѣчается въ обычныхъ свадебныхъ церемоніяхъ и въ слѣдующемъ обрядѣ: 18-го января, когда вѣдъмы предаются особенному веселью и стараются портить коровъ, знахари, ровно въ полночь, заго-

25) *Нечуй-траву*, которую собираютъ знахари для своихъ чаръ, могутъ, по народному повѣрью, находить только *слѣпые* (Сахар. Т. I, стр. 44 — 45). *Зрѣніе* и *глаза* — даръ свѣтлыхъ божествъ, какъ *слѣпота* (мракъ) — даръ нечистой силы.

26) Сахар. Сказ. рус. нар. Т. I, стр. 19 (Заговоры).

27) Иллюстр. Годъ 1, стр. 415. Статья Далл. Рус. простон. праздн. Ч. IV, стр. 33. Сахар. Сказ. рус. нар. Т. I, стр. 44.

вариваютъ *трубы*, забивая *подъ князекъ колья* и насыпая на заignetку *золу*, взятую изъ семи *печей*; подобные-же заговоры производятся на краю села, у *западнаго* изгородья. Обрядъ этотъ совершается противъ *вѣдьмъ*, которыя, обыкновенно, прилетаютъ въ домъ черезъ *трубу*. а въ село всегда возвращаются съ *запада* ²⁸. Такой возвратъ *вѣдьмы* съ западной стороны указываетъ на ея *нечистое* значеніе. Противъ *вѣдьмы* употребляютъ *золу* какъ символъ очага ²⁹; вбиванье *кольевъ* *подъ князекъ* (печи) намекаетъ на тотъ обрядъ, по которому въ грудь колдуна, *вѣдьмы* и *ушья* вбиваютъ *осиновый колъ*, чтобъ они не вставали изъ могилъ и не вредили людямъ ³⁰. Знахари еще даютъ противъ *вѣдьмъ* какія-то *снадобья*; но *вѣдьмы* умѣютъ *отхаживать ихъ назадъ пятками* ³¹. Г. Аванасьевъ сообщаетъ еще слѣдующія подробности о *вѣдьмахъ*.

28) Сахар. Сказ. рус. нар. Т. 2, стр. 7—11.

29) Очагъ, бывшій въ язычествѣ мѣстомъ совершенія жертвоприношеній *вѣдьмами*, послѣ былъ обращенъ противъ самихъ *вѣдьмъ*. Отсюда образовалось повѣрье, что *вѣдьма* боится *домоваго* («Москвитянинъ» 1846 г., № № 11 и 12, стр. 150. Критика.)

30) Терещ. Быть рус. нар. Т. VI, стр. 101.

31) Т. е. уничтожаютъ силу этихъ *снадобь*.

По ночамъ вѣдьма обыкновенно *расчесываетъ по плечамъ косы, надѣваетъ бѣлую рубашку, садится верхомъ на помело (вѣнчикъ, ухватъ, лопату, кочергу, метлу), завариваетъ въ горшкѣ зелье и вмѣстѣ съ дымомъ очага уносится въ трубу на вольный свѣтъ*. Такъ отправляется она портить молодцовъ и дѣвицъ, доить чужихъ коровъ и гулять на Лысую гору. У вѣдьмы всегда хранится чудодѣйственная вода, вскипеченная вмѣстѣ съ пепломъ отъ купальскаго костра: когда она захочетъ летѣть по воздуху, то *обрызгиваетъ себя этою водою и тотчасъ уносится, куда захочетъ* ³². Но главные полеты вѣдьмъ бываютъ два раза въ году *на Лысую гору (или Чертово бережище)*. На Лысую гору летаютъ не однѣ вѣдьмы, но и колдуны (также на помелахъ, метлахъ, лопатахъ) и бабы-яги ³³, и нечистая сила (черти). Если схватиться за вѣдьму, когда

бѣй противодѣйствующими обрядами. Оттого *вѣдьму* должно бить не просто, а *наотмашъ оборотивъ ладонь*. Сахар. Сказ. рус. нар. Т. 2, стр. 45—46. Иллюстр. Годъ I., стр. 415.

32) Иллюстр. Т. I. (статья Даля), стр. 415.

33) Баба-яга летаетъ по воздуху въ ступѣ, съ помеломъ и пестомъ (костылемъ). Иллюстр. Т. I., стр. 298. Терещ., ч. VII., стр. 162.

она собирается летѣть, то она вынесетъ вмѣстѣ съ собою на мѣсто ихъ *сборища*. Полеты колдуновъ и вѣдьмъ совпадаютъ съ двумя главнѣйшими празднествами язычества—колядою и купалою

Что же дѣлаютъ, по народнымъ повѣрьямъ, колдуны и вѣдьмы на Лысой горѣ? — Они собираются туда для *совѣщаній* и общаго *веселья, пиршества*. Изъ преданій народныхъ видно, что колдуны и вѣдьмы на Лысой горѣ *веселятся* (гуляютъ) до безпамятства и *сдружаются* съ нечистою силою. Это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ характеру языческихъ празднествъ. Празднества эти соединялись съ общественными пирами, на которыхъ бѣли жертвенныя яства и пили жертвенныя напитки (медъ) до излишества. Поклоненіе оплодотворяющей силѣ солнца и молніи роудило нецѣломудренный праздникъ Ярилы. Лѣтописцы, проникнутые духомъ христіанскаго ученія, смотрѣли на эти празднества какъ на крайнее явленіе разврата и безнравственности. Несторъ, описывая религіозныя игры нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, на которыхъ совершалось обрядовое похищеніе женъ, замѣчаетъ, что брака у этихъ племенъ не было. Неизвѣстный лѣтописатель передаетъ это сззаніе Нестора въ болѣе

подробныхъ, но тѣмъ не менѣе вѣрныхъ чертахъ:
 «А Радимичи и Вятичи и Стѣвера.... живущіе въ
 «въ лѣсахъ, и срамословіе и нестыдненіе
 «взлюбиша и предъ отцы и снохами и ма-
 «терьми и брацо невозлюбиша. но играша
 «межи сель и ту слегахуся, рыщуще на пляса-
 «ніа, и отъ плясаніа познаваху, котораа жена
 «или дѣвица до младыхъ похотеніе имать. и отъ
 «очнаго воззрѣнія и отъ обнаженія мышца....
 «тажъ потомъ цѣлованія съ лобзаніемъ и плоти
 «съ сердцемъ разжегшися слагихуся». Остатки
 подобныхъ празднествъ и игръ остались въ на-
 родѣ до позднѣйшаго времени, о чемъ свидѣтель-
 ствуетъ Стоглавъ, Царская грамота 1648 г.,
 посланіе Памфила, игумена Елеазарова монасты-
 ря, пековскимъ властямъ, и патріаршій указъ
 Іоакима (1684 г.).

Г. Сахаровъ напечаталъ четыре пѣсни, при-
 писываемыя вѣдьямъ: одну онѣ поютъ *при по-*
летѣ на Лысую гору, другую на самой Лы-
 сой горѣ, двѣ—*на шабашѣ* (изъ нихъ одну на
роковомъ (?) шабашѣ). Объ этихъ пѣсняхъ су-
 ществуетъ такое повѣрье, что онѣ *извѣстны*
только однимъ вѣдьямъ и знахарямъ ³⁴.

34) Одна пѣсня была открыта дѣвушкою,
 которая была вѣдомою, но послѣ оставила это
 состояніе.

Пѣсня, которую поютъ на роковомъ шабашѣ, можетъ обогатить того, кто ее пропоетъ; а слово «абракадабра», наполняющее собою одну изъ вѣдовскихъ пѣсенъ, имѣетъ силу *изцѣлять* отъ лихорадки (*прогонять* эту болѣзнь)³⁵. Отправляясь на игрища и при самомъ ихъ совершении, вѣдьмы пѣли таинственныя пѣсни, силою которыхъ визионосилось на человѣка здоровье и богатство. Пѣсни, подобно заговорамъ, представляли въ язычествѣ моленія, и потому получили чудесное свойство призывать божества къ дарованію всякихъ благъ. Къ сожалѣнію, языкъ этихъ вѣдовскихъ пѣсенъ непонятенъ³⁶; между прочими, въ нихъ часто слышатся звуки: за! уу! оо! ее! згипь! мяу! Подобныя восклицанія раздаются и при совершении обряда оплакиванія. Что пѣсни эти понятны и знакомы только колдунамъ и вѣдьмамъ, это повѣрье знаменательно. Знахарямъ главнымъ образомъ извѣстны и заговоры и шептанья, составляющіе ихъ *тайну*³⁷. Они хранятъ старинныя мольбы и

35) Сахар. Сказ. рус. нар. Т. I, стр. 46—47.

36) Неужели звуки этихъ пѣсенъ ничего болѣе не представляютъ, какъ смѣсь странныхъ, непонятныхъ словъ?

37) Малор. и червон. нар. думы и пѣсни, стр. 100.

заклинанія. Вѣдьмы даже имѣютъ свой таинственный счетъ ³⁸.

Травы въ язычествѣ, вмѣстѣ съ кореньями и цвѣтами, пользовались особеннымъ уваженіемъ; имъ приписывалась цѣлебная и чудодѣйственная сила, а потому онѣ были необходимы при религіозныхъ очищеніяхъ и врачеваніяхъ. Травы и цвѣты, символъ весны и лѣта, были знаками юности и полноты жизни. Такое значеніе травъ и цвѣтовъ родило религіозный обрядъ ихъ собиранія; обрядъ этотъ въ языческую эпоху принадлежалъ къ числу богослуженныхъ. По народнымъ повѣрьямъ, въ травахъ скрывается таинственная сила, вѣдомая только чародѣямъ; травы и цвѣты могутъ говорить, но понимать ихъ умѣютъ только знахари, которымъ онѣ открываютъ, къ чему бываютъ полезны, т. е. противъ какихъ болѣзней должно ихъ употреблять ³⁹. Колдуны и вѣдьмы собираютъ травы, и потомъ употребляютъ ихъ для врачеваній, отогнанія нечистой силы, открытія кладовъ, совершенія чаръ, отвращенія бѣдъ и даже для предвѣщаній. Вѣдьма по ночамъ ва-

38) Иллюстр. Т. I, стр. 416 (Статья Дала).

39) Сахар. Сказ. рус. нар. Т. I, стр. 42. Москвит. 1846 г. № 11 и 12., стр. 153 (Объ украин. предан.).

рить въ горшкиѢ разныя таинственныя травы, снадобья и зелья, и *когда онѣ кипятъ*, сама унося:ся въ трубу. Для совершенія чаръ вѣдьмѣ необходимы: *шалфей, рута и терличь*; послѣдняя трава обладаетъ силою *превращенія*. Трава *прикрышъ* употребляется знахарями на свадьбахъ, для охраненія молодыхъ; *плакунъ* и *папоротникъ* смирятъ нечистую силу; послѣдняя трава служитъ также для добыванія кладовъ; *сонъ* — трава, положенная подъ подушку, посылаетъ *ельщій сонъ*, предсказывающій будущее; всѣ эти травы собираются и хранятся колдунами и вѣдьмами съ большою таинственностью. Трава—*одолень* одолеваетъ всякое зло и всякую чару; въ одномъ заговорѣ разсказывается, что эту траву поливаютъ *дѣвки простоволосыя, да бабы самокручки*, т. — е. вѣдьмы. Въ заговорахъ дѣлаются заклятiя противъ старухи (бабы) вѣдуньи и дѣвки простоволосой⁴⁰. Главное время собиранiя чародѣйныхъ и таинственныхъ травъ былъ кунальскiй праздникъ, когда растительность достигаетъ полного своего развитiя, когда папоротникъ расцвѣтаетъ *огневымъ цвѣтомъ*, когда сила жи-

⁴⁰ Сахар. Сказ. рус. нар. Т. I, стр. 42—44, 18—20.

зни, юности и здоровья вполне переходятъ въ травы и цвѣты. Въ ивановскую ночь, въ которую совершались самыя торжественныя языческія игрыща, вѣдьмы собираютъ чудесныя травы *но Лысой гортѣ*; въ тоже время и на той же гортѣ знахари срываютъ траву терличъ ⁴¹. Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье, что въ ивановскую ночь вѣдьмы прилетаютъ изъ Кіева на одинъ островъ *Иванцовъ*, въ видѣ сорбѣкъ, и, собравши на немъ чудесныя травы, уносятъ ихъ съ собою въ Кіевъ ⁴². Въ зимній праздникъ коляды, собранія травъ не бываетъ, потому что зима убиваетъ лѣтнюю растительность. Существуетъ только одно повѣрье, будто трова *нечуи — влтеръ*, которая прогоняетъ бурю, собирается въ январѣ, въ глухую полночь ⁴³.

По народнымъ сказкамъ, колдуны имѣютъ у себя *живую, мертвую и змѣиную* воду.

41) Ibid. стр. 43. Рус. прост. правд. Снегирева ч. I, стр. 75.

42) Дашкова. Опис. Олонец. губ., стр. 190. Грамота Игумена Памфила 1505 г. говорить о собраніи травъ и копаніи дивныхъ кореньевъ (Д. къ А. Т. I (№ 22). См. также Иллюстр. т. I., стр. 262.

43) Сахар. Сказ. рус. нар. т. I, стр. 44—45.

Мертвая вода срощаетъ разрозненныя части тѣла; живая оживотворяетъ трупъ; змѣйная даетъ богатырскую силу ⁴⁴. Эти чудесныя воды выражаютъ девныя свойства дождя и росы. Дождь, проливаемый при громѣ и молніи, названъ преданіями змѣйнымъ, потому-что слеза молніи олицетворялась въ мифическомъ образѣ *огненнаго змѣя*. Изъ древнѣйшаго вѣрованія въ близость вѣдьмы къ божествамъ свѣта и плодородія—возникло въ послѣдствіи повѣрье, что женщина, съ которою имѣеть сношеніе огненный змѣй, есть вѣдьма ⁴⁵.

44) Записк. Авдѣев. о стар. и нов. рус. бытѣ, стр. 138. Нар. сказки, изд. Сахар. Предисловіе, стр. СІ. Народн. сказки, изд. Бронницына, ч. I, стр. 25 и 41. Въ одномъ заговорѣ читаемъ (Сахар. т. I, стр. 26), что кievская вѣдьма посадила на Буянь — островъ ворона, всѣмъ воронамъ старшаго, и приказала ему своимъ *заповѣднымъ* словомъ добыть изъ подь огненнаго змѣя ключъ отъ терема съ богатырскою соруею.

45) Иллюстр. Годъ I, стр. 203. Статья Даля. Отсюда объясняются позднѣйшія повѣрья, что вѣдьмы сами летаютъ къ своимъ любовникамъ—въ видѣ огненныхъ змѣевъ, обогащаютъ своихъ молодцовъ, но эта любовь сушитъ послѣднихъ (Рус. Нар. пр., ч. 2, стр. 103 и дал.). Сравни съ сказаніями объ огненномъ змѣѣ.

Въ эпоху христіанскую, колдунъ и вѣдьма получили характеръ злобный, враждебный, что не могло не отразиться на мнѣѣ доенія коровъ, тѣмъ болѣе, что мнѣѣ этотъ въ язычествѣ имѣлъ глубокой смыслъ. Доеніе получило значеніе гибельное; отъ него высыхаютъ у коровъ сосцы и пропадаетъ молоко, а самыя коровы дѣлаются тощими и вскорѣ издыхаютъ. Вѣдьмы, жадныя къ доенію или высасыванію молока, которымъ упиваются до безпамятства, стали представляться *вѣчно — голодными*. Въ эту эпоху, доеніе луны магесницами смѣшалось съ луннымъ затмѣніемъ, которое въ древнѣйшее время язычества объяснялось нападеніемъ на свѣтило нечистой силы ⁴⁶. Самое названіе *скрадыванія* свѣтиль говоритъ о враждебномъ дѣйствіи. Колдуны и вѣдьмы призывали боговъ сойти въ поднебесья на помощь и покровительство людямъ; чародѣйная сила ихъ мольбы была такъ велика, что боги не могли не исполнить прошенія: они должны были явиться на зовъ. Слѣды этого вѣрованія сохранились въ

46) Болгары во время затмѣнія луны стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, чтобы воспрепятствовать магесницамъ доить это свѣтило (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. дек., стр. 208). Критика на Арх. Калач. (Современ. 1850 г. № 4).

заговорахъ, въ которыхъ читаемъ: «мѣсяцъ ты красный, *сойди въ мою клятвѣ*; солнышко ты привольное, *взойди на мой дворъ*, звѣзды вы ясныя, *сойдите въ чашу брачную*, уймите отъ вина раба такого-то; *сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака*; твоя сила могуча; *опоясываясь я частыми звѣздами, облакаюсь я облакомъ*» и др. ⁴⁷. Вызовъ боговъ заповѣднымъ словомъ въ послѣдствіи получилъ значеніе скрадыванія. Подобнымъ образомъ и полеты вѣдьмъ и колдуновъ на Лысую гору получали враждебный характеръ. Въмѣсто помель и другихъ орудій очага, вѣдьмы стали употреблять для своихъ поѣздокъ на Лысую кievскую гору душу спящаго человѣка, который потому на другой день чувствуетъ себя *измученнымъ и полумертвымъ* ⁴⁸. Въ христіанскую эпоху

47) Сахар. Сказ. Рус. нар., т. I, стр. 19—25 (Заговоръ).

48) Москвит. 1846 г. № 11 и 12, стр. 150, критика. Силою чаръ вѣдьмы могутъ призывать къ себѣ всякаго, какъ бы онъ далеко ни находился. Для того они *варятъ* какой то корень и *чѣмъ сильнѣе онъ кипитъ, тѣмъ быстрѣе летитъ* призываемый. Иногда вѣдьмѣ удавалось ѣздить на человѣкѣ, который

противъ вѣдьмъ и колдуновъ были придуманы разныя средства, чтобы не допускать къ коровамъ. Средства противъ вѣдьмъ и колдуновъ стали употреблять тѣже, что и противъ нечистой силы. Употребляются еще, какъ предохранительныя средства отъ вѣдуновъ и вѣдьмъ, *жучія* и *колючія* травы (крапива, шиповникъ и др.), которыя иногда замѣняютъ купальскій костеръ, а этотъ послѣдній служилъ для очищеній; *убитая сорока* страшна для вѣдьмъ, потому-что образъ сороки — любимое ихъ обращеніе; *папоротникъ* и *осина* теже самыя надежныя средства противъ нечистой силы. Папоротникъ, какъ извѣстно, добывается колдунами и вѣдьмами; осина необходима для многихъ обрядовъ (напр. для прогнанія смерти). Обрядъ собиранія росы знахарями на порчу домашнаго скота получилъ враждебный смыслъ въ эпоху христіанскую, потому-что роса, даръ зари, въ язычествѣ считалась цѣлебною и собиралась на здоровье и плодородіе животныхъ: такое значеніе роса сохранила и до-сихъ-поръ.

везетъ ее черезъ трубу на бѣлый свѣтъ; но бывали примѣры, что знающій человекъ самъ выѣзжалъ на вѣдьмѣ (Иллюстр., стр. 415). Всѣ эти повѣрья принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ.

Любопытны и важны для насъ народныя сказанія о томъ, какъ вѣдьма можетъ доить коровъ: стоитъ ей только *воткнуть ножъ въ соху или столбъ — и молоко потечетъ по острию ножа* ⁴⁹.

Такимъ образомъ силою моленій и жертвоприношеній колдуны и вѣдьмы 'управляли дождями и бурями, ведромъ и непогодю, плодородіемъ и неурожаемъ. Въ язычествѣ дѣйствія ихъ были направлены на добро, на урожай; а въ христіанствѣ дѣйствія эти получили злой характеръ. Знахарь, говоритъ народъ, можетъ располагать дождемъ и градомъ, по желанію. Бывало, во время жатвы надвинется вдругъ туча; всѣ бросятся складывать снопы и собираться домой, а знахарю и нужды нѣтъ. Не будетъ дождя, скажетъ онъ, и туча прійдетъ мимо. Разъ сдѣлалась страшная буря, все небо почернѣло, но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ. Вдругъ откуда ни взялся, летитъ къ знахарю *черный* человекъ на *черномъ* конѣ.—Пусти, говоритъ

49 Иллюстр. (статья Даля). Годъ I, стр. 415. Москвитян. 1846 г., № 11 и 12, стр. 150 (Критика). Когда вѣдьма доить коровъ и хозяинъ поджаритъ ее, тогда вѣдьма заставляетъ его силою заклятій сидѣть на одномъ мѣстѣ до-тѣхъ-поръ, пока не позволить ему встать.

онъ. — Не пушу, отвѣчаетъ знахарь.—Пусти, сдѣлай милость!—Не пушу!—Бѣдокъ увѣхалъ, тучи побѣлѣли: всѣ ожидали граду. Несется къ знахарю другой бѣдокъ, весь *блѣлый* и на *блѣломъ* конѣ. —Пусти, просить онъ. —Не пушу!—Пусти ради Бога!—Не пушу!—Эй пусти, не выдержи!—Тогда знахарь разогнулся и сказалъ: ну, ступай, только въ той долинь, что занивою Бѣдокъ исчезъ, и градъ зашумѣлъ въ долинь за нивою ⁵⁰.

О вѣдмахъ рассказываютъ, что онѣ *крадутъ съ неба дождь и росу*, унося ихъ въ завязанномъ горшкѣ или мѣшкѣ и *посылаютъ градъ и бурю*; по суевѣрному мнѣнiю народа, вообще все *обилiе и плодородiе* находится во власти вѣдмъ. Въ народѣ ходитъ такой разсказъ. Жили три брата и занимались звѣриною охотою и рыбною ловлею; ловля и охота ихъ всегда была счастлива: *закинутъ—ли сѣти, а онѣ уже полны рыбою, зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлы*. Дѣло въ томъ, что мать у нихъ была вѣдма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тайкомъ тенеты и

⁵⁰) Статья о повѣрьяхъ украинскихъ. собр. Кулешемъ. Москвит. 1846 г., № 11 и 22, стр. 153—154.

ружья, пошли на охоту за зайцами, а матери сказали, что идуть ловить рыбу. Что-же? Раскинули тенета—и вмѣсто зайцевъ полѣзли въ нихъ окуни, караси и лещи! ⁵¹.

Еще недавно на Украинѣ народъ вѣрилъ, что вѣдьма и колдунъ могутъ скрывать огромные запасы хлѣба, денегъ и пр. Изъ вышеприведеннаго народнаго разсказа о трехъ братьяхъ ясно, что вѣдьмамъ приписывается вліяніе и на обиліе рыбъ и животныхъ. Еще недавно вѣдьмамъ народъ приписывалъ общественныя бѣды: голодъ, засуху и неурожай. Въ старину, при всякой повальной болѣзни закапывали въ землю *бабу, заподозрѣнную міромъ въ злыхъ умыслахъ*. Г. Даль увѣряетъ, что на Украинѣ существуетъ сказаніе, взятое изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкой, обвиняла ее въ *скрадыванні росы*. Обвиненную признали вѣдьмою и сожгли ⁵². Даже самые знахари и вѣдьмы потеряли

51) Москвит. 1846 г. № 11 и 12 стр., 150—151.

52) Иллюстр. Годъ I, стр. 415. Статья Даля. Сахар. Сказ. рус. нар. Т. 2, стр. 13. Грамату Михаила Федоровича о бабѣ-вѣдунь, которая наговариваетъ на хмѣль, съ цѣлю навести *морозовъ повѣтріе* (Ак. Авр. Экс. т. III, № 197.

530 ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДУНЫ И ВѢДЬМЫ

всякое пониманіе старинныхъ обрядовъ и вѣрованій. Они дѣйствительно стали совершать заломы и доеніе коровъ, съ пѣлію повредить своему заклятому недругу. Это видно изъ завиванія ржи знахаремъ на *пагубу людей* и изъ словъ стиха съ обрядѣ доенія: *вѣдьма корову доить, а потомъ молоко выливаетъ въ землю и забиваетъ въ то мѣсто осиновый колъ* ⁵³. Вѣдьмъ стали обвинять въ томъ, что онѣ портятъ беременныхъ женщинъ и крадутъ у нихъ изъ утробы дѣтей; колдуны тоже отнимаютъ у женщинъ плодородіе, сушатъ ихъ и напускаютъ на людей болѣзни ⁵⁴.

Кромѣ разобравныхъ чародѣйныхъ дѣйствій, народныя повѣрья приписываютъ колдунамъ и вѣдьмамъ еще превращенія. Колдуны и вѣдьмы могутъ и сами обращаться въ различныхъ животныхъ, птицъ и даже въ неодушевленные предметы; могутъ обращаться въ нихъ и другихъ людей. Вѣра въ *обращенія* и *оборотней* весьма древняя. Что означаетъ этотъ мифъ? Рѣ-

53) Обрядъ этотъ сходенъ съ нѣкоторыми чарами.

54) Иллюстр. Годъ I, стр. 415, 184. Абев., стр. 27—74; колдуны дѣлаютъ жениховъ недѣйствующими, а у невѣстъ скрываютъ половой органъ.

шеніе этого вопроса, надо признаться, затруднительно, потому — что онъ тѣсно связанъ со множествомъ другихъ вѣрованій и преданій.

Народныя преданія ставятъ въ близкое соотношеніе съ обращеніями *появленіе мертвецовъ*. По сербскому повѣрью, мертвецы выходятъ *поночамъ* изъ могилъ и *сосутъ кровь* у живыхъ людей, во время ихъ сна, отчего многіе умираютъ ⁵⁵. Колдуны и вѣдьмы также встаютъ изъ могилъ и бродятъ послѣ смерти; они также сосутъ кровь изъ живыхъ людей, оттого ихъ смѣшиваютъ съ *упырями*, извѣстными на Украинѣ и у Славянъ южныхъ ⁵⁶. Нѣкоторые увѣряютъ, что *коровья смерть* есть оборотень, который принимаетъ образъ *черной* коровы и гуляетъ вмѣстѣ съ стадами, напуская на нихъ порчу и морь. Наконецъ существуетъ повѣрье, что оборотень есть дитя, умершее *некрещенымъ*, или *впроотступникъ*, душа котораго *нигдѣ* на томъ

55) Вѣстникъ Евр. 1829 г. № 24, стр. 254 и 255. Иллюстр. Годъ I, стр. 415, статья Даля. Ж. М. Н. Пр. 1847 г. дек., стр., 205 и дал. (о вампирахъ, варколакахъ и пр.)

56) Малорос. Словарь (Тр. Об. Любит. Рос. Слов.). *Упирь*—природный колдунъ, человекъ съ *хвостомъ*, стр. 320.

свѣтъ не принимается. На сѣверѣ Россіи оборотня называютъ *кикиморою*; въ другихъ мѣстахъ кикимора признается младенцемъ, похищеннымъ нечистою силою ⁵⁷. Смерть для язычника не прекращала существованія совершенно: она только измѣняла это существованіе. Славянинъ-язычникъ вѣрилъ, что жертвецы продолжали жить, но иною жизнью, загробною. Умершій дѣлался достояніемъ смерти; трупъ его обезображивался предсмертными страданіями и подлежалъ распаденію. Вотъ почему мертвецы становятся преданіями въ двойкія отношенія къ живымъ. Если они, съ одной стороны, и по смерти сочувствуютъ интересамъ своей семьи, своего рода, то, съ другой, вообще завидуютъ живымъ и ихъ наслажденіямъ, стараются пугать людей и даже вредить имъ. Души умершихъ, по языческимъ представленіямъ, носились надъ могилами въ образѣ блуждающихъ огоньковъ, летали вмѣстѣ съ птицами по деревьямъ ⁵⁸, и вообще оставались въ томъ же мѣрѣ, въ какомъ жилъ и человекъ живой; такое

57) Иллюстр. годъ I, стр. 299.

58) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 39 (чернон.). Бусл. Овліян. хр. на сл. язык., стр. 71—72.

неопредѣленное состояніе душъ по смерти говорить о томъ, что у нашихъ Славянъ, въ язычествѣ, понятія о загробной жизни не успѣли еще установиться. Впослѣдствіи, въ эпоху христіанскую, родились повѣрья, что только души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія или заспанныхъ матерями, также души выкидышей⁵⁹ и вѣроотступниковъ лишены по смерти пристанища и блуждаютъ по міру. Представлять души въ не матеріальныхъ формахъ славянинъ-язычникъ не могъ, потому—что форма для его грубаго и малоразвитаго созерцанія была главнѣе всего; безъ формы онъ не въ силахъ былъ ничего представить. Какіе-же образы долженъ былъ придать славянинъ умершимъ? Другихъ образовъ онъ не могъ дать, кромѣ тѣхъ, какіе видѣлъ и зналъ въ окружающей природѣ. Мертвецы, какъ достояніе темной силы смерти, представляются въ образахъ необыкновенныхъ, пугающихъ все живое: при созданіи этихъ образовъ фантазія народная обращалась къ природѣ внѣшней. Сверхъ-того, міръ мертвецовъ есть міръ таинственный, міръ темныхъ, невидимыхъ

59) *Июма*—выкидышь, еще необразовавшийся младенецъ, а потому представляется безъ рукъ и ногъ. Припомнимъ еще вѣрованія о русалкахъ.

силъ; все въ немъ должно было представляться неопредѣленнымъ, неустановившимся. Оттого мертвецамъ стали придавать самыя разнообразныя формы: изъ одной формы они могли переходить въ другую, изъ другой въ третью, и такъ далѣе. Отсюда родилось вѣрованіе въ оборотней, принимающихъ образы различныхъ животныхъ, и въ переселеніе душъ. Оборотень, какъ жидецъ другаго міра, подвластнаго смерти, считается недобрымъ духомъ, предвѣстникомъ бѣдъ. Онъ не иначе является, какъ на бѣгу или на лету, мелькомъ, съ кошачьимъ крикомъ или воемъ, а иногда подкатывается клубкомъ, клочкомъ сѣна и комомъ снѣга. Оборотень мечется человѣку подъ ноги и перебѣгаетъ ему дорогу; онъ измѣняетъ видъ свой во что вздумаетъ, перекидываясь въ кошку, собаку, сову, пѣтуха, ежа, камень, копну и пр.; въ лѣсу встрѣчали его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ. Днемъ его рѣдко удается видѣть: онъ любитъ проказить въ сумерки и ночью, и тогда въ глазахъ прохожаго онъ не рѣдко принимаетъ нѣсколько разъ то тотъ образъ, то другой⁶⁰. Очевидно, что съ явленіемъ оборотней поночамъ и въ сумерки, т.-е. во время владычества темныхъ силъ,

60) Иллюстр. Годъ 1, стр. 299.

смѣшалось представленіе, основанное на дѣйствительномъ наблюденіи. Кто не знаетъ, что въ полумракѣ и въ темнотѣ всѣ предметы для глаза принимаютъ различныя фантастическія формы, которыя съ каждымъ шагомъ прохожаго видоизмѣняются. На Украинѣ народъ думаетъ, что человѣкъ можетъ быть попеременно: муравьемъ (наѣкомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою и снова человѣкомъ ⁶¹—видимый остатокъ отъ древней вѣры въ переселеніе душъ. Душа человѣка совершала кругъ, переходя всѣ формы животнаго царства; но она могла также переходить и въ растенія: въ тополь, яворъ и др. ⁶² Мертвецы свободно могутъ выходить изъ своихъ могилъ и вредить живымъ, нанося ихъ хозяйству разстройство или высасывая у спящихъ кровь. Последнее повѣрье о высасываніи крови мертвецами (упырями) родилось изъ представленіи, соединяемаго съ смертью: вѣчно-голодная, она ненавидитъ жизнь и стремится пожирать все живое, похищая людей и животныхъ. Смерть оставляетъ одни холодныя и безжизненные трупы; кровь ихъ она высасываетъ, и этимъ только насыщаетъ себя. Такое

61) Москвит. 1846 г. № 11 и 12, стр. 152.

62) Моск. 1850 г. Статья Бусл. Объ Укр.

представленіе было потомъ перенесено и на мертвецовъ. Чтобы отвратить гибельное вліаніе мертвецовъ, простолюдины вбиваютъ имъ между лопатокъ въ спину осиновый колъ ⁶³.

Главнымъ образомъ выходъ изъ могилъ суевѣріе приписываетъ колдунамъ и вѣдьмамъ, которые и умираютъ не такъ, какъ обыкновенные люди. Когда умираетъ вѣдьма, то вся природа выражаетъ свою печаль: земля трясется, звѣри воютъ, скотъ на дворъ нейдетъ, отъ воронъ отбою нѣтъ, въ избѣ все не на мѣстѣ. Душа вѣдьмы и колдуна (или знахаря) долго не хочетъ разстаться съ тѣломъ; чтобы облегчить ея выходъ изъ тѣла, разбираютъ уголь крыши и вынимаютъ изъ потолка доску ⁶⁴. Такое повѣрье

63) *Осика* въ язычествѣ имѣла благое значеніе, какъ дерево исполненное избытка жизни: листья ея всегда дрожать, колеблются, разговариваютъ между собою. Оттого дерево это почиталась особенно спасительнымъ противъ всякой нечистой силы (осиною прогоняютъ коровью смерть, ее употребляютъ при народномъ врачеваніи отъ лихоманки и паралича). См. Иллюстр. годъ I, стр. 250. Терещ. Быть рус. нар., ч. III, стр. 79, ч. V, стр. 75, ч. VI, стр. 101. Въ христіанскую эпоху родилось повѣрье, что на осинѣ удавился Іуда, и потому она вѣчно колеблется.

64) Сахар. Сказ. рус. нар. Т. 2, стр. 45—

объясняется только тѣмъ великимъ жреческимъ значеніемъ, какое имѣли вѣдуны и вѣдьмы: ихъ заклинаніямъ были покорны самыя божества; они *долги* свѣтлыя божества и повелѣвали посредствомъ чаръ нечистою силою ⁶⁵. Въ народѣ существуетъ любопытный разсказъ о томъ, что три молодыя дѣвицы — сестры повѣдьмились, совершали чудныя дѣла, и что по смерти *души ихъ горятъ на небѣ яркими звездами* ⁶⁶. Души колдуновъ и вѣдьмъ и по смерти должны были сохранить свое могущество.

Но если при смерти душа отдѣляется отъ тѣла навсегда, то при жизни она, по мнѣнію народному, можетъ отдѣляться отъ него на время: кромѣ *смерти*, существуетъ еще *обмиранье*. Обмираньемъ называютъ припадокъ, извѣстный подъ именемъ летаргическаго сна. Народъ думаетъ, что въ этомъ состояніи душа улетаетъ изъ тѣла, странствуетъ въ другомъ мірѣ, видитъ и рай и адъ, а потомъ снова возвращается въ прежнее тѣло ⁶⁷. Обмиранье

46. Иллюстр. годъ I, стр. 415. Только вѣдьмы могутъ купаться съ русалками (Терещ. ч. VI, стр. 132).

65) Верещаг. Очер. Архан. губ., стр. 187.

66) Ск. рус. нар. Сахар., т. 2, стр. 62—63.

67) Любопытный народный разсказъ объ обмираньи, см. въ Москв. 1846 году, № 11 и 12,

главнымъ образомъ предписываетъ суетвѣріе колдунамъ и вѣдьмамъ; ихъ *вльщія* души, отдѣляясь отъ тѣла, могутъ сообщаться съ таинственнымъ міромъ, ожидающимъ человека по смерти: тамъ душа вѣдьмы или колдуна узнаетъ все чудесное, и прошедшее и будущее, и волю боговъ, и тайны языческой религіи, тамъ она получаетъ даръ вѣдѣнія и предвѣщаній⁶⁸. 30-го іюля, по народному повѣрью, вѣдьмы *обмираютъ, опившись молокомъ*, слѣдовательно обмиранье тѣсно связывается съ доеніемъ коровъ. Только при совершеніи религіозныхъ обрядовъ, силою той же мольбы, которая вызываетъ все-плодотворяющую влагу, душа вѣдуна и вѣдьмы можетъ исполниться дара предвѣдѣнія и предвѣщаній. При языческихъ игрищахъ и жертвенныхъ пирахъ, вѣдуны и вѣдьмы впадали въ состояніе изступленное, въ которомъ произносили предсказанія и заговоры.

стр. 155. (Преданья собр. Кулешемъ). Душа человека, тоскующаго въ разлукѣ по другѣ, можетъ вызвать душу своего любимца, какъ бы далеко онъ не находился (Малоросс. рассказ. Кулеша).

68) Вспомнимъ кстати повѣрье о томъ, что вѣдьмы летаютъ на Лысую гору на душѣ спящаго человека.

Это подтверждается самымъ характеромъ языческихъ празднествъ и тѣмъ повѣрьемъ, что заклинатель, произнося заговоръ, самъ *разслабляется и теряетъ силы* ⁶⁹.

Душа, отдѣлившаяся отъ тѣла, могла и должна была принимать разнообразныя формы. Объ этомъ находимъ положительное свидѣтельство у Экзарха Болгарскаго: «се же есть первое: *«тѣло свое хранитъ мертво и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, «рыщутъ лютымъ звѣремъ, и вепремъ, и дикимъ «волкомъ, летаютъ змиемъ, рыщутъ рысію и «медвѣдемъ* ⁷⁰.» Такимъ образомъ души колдуна и вѣдьмы могли принимать разныя формы. При дальнѣйшемъ развитіи вѣрованій и ихъ затемненій, не только душа колдуна могла принимать

69) Молоросс. и Червонорус. нар. думы и пѣсни, стр. 99—100. Когда вѣдьма обмираетъ, то должно жечь ея пяты соломою; тогда она очнется. Вспомнимъ поговорку: «душа въ пятки ушла». Солому палили въ честь умершихъ (см. Стоглавъ). Огонь очищаетъ отъ всякой нечистой силы (смерти и болѣзни). Кликуши женщины, *попорченныя колдунами и вѣдьмами, кричатъ голосами разныхъ животныхъ и пророчатъ о гнѣвѣ Божіемъ и скоромъ свѣтопреставленіи* (Иллюстр., годъ I., стр. 203).

70) Экзархъ Болгарскій, стр. 211.

различные образы, но колдунъ и вѣдьма могли по произволу измѣнять свой видъ и оборачиваться въ различныхъ животныхъ и различные предметы, не отдѣляя своей души отъ тѣла. Крестьяне увѣряютъ, что не рѣдко случалось, снимая шкуру съ убитой волчицы или медвѣдицы, находить подъ нею бабу въ сарафанѣ ⁷¹.

Мало того, не только колдуны и вѣдьмы сами могутъ оборачиваться, они присвоили себѣ силу оборачивать и другихъ: явились оборотни невольные, въ слѣдствіе злобы вѣдуна или вѣдьмы. Такія повѣрья, очевидно, позднѣйшаго образованія. Народъ вѣритъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ сдѣлать его оборотнемъ, а потому имя, данное при крещеніи, надо скрывать, называясь другимъ. Часто, по злобѣ, колдуны обращивали своихъ знакомыхъ въ разныхъ животныхъ; на Украинѣ такихъ оборотней называютъ *волкулаками*, т. е. обращенными въ волка, потому—что всего чаще вѣдьмы и кол-

71) Абевега, стр. 80. Иллюстр. годъ I, стр. 415. Статья Даля. Вѣдьма любитъ обращаться въ сороку. Одинъ старикъ поймалъ такую сороку за хвостъ; но она вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ старика осталась женская сорочка. (Описан. Олонец губ., стр. 190—191, соч. Дашкова).

дуны обращаютъ въ это животное. Одна вѣдьма обратила волкомъ своего сосѣда, который впоследствии, когда возвратился въ прежнее состояніе, рассказывалъ, что подружился съ однимъ волкомъ и ходилъ съ нимъ на добычу, что хотя и чувствовалъ себя человѣкомъ, но жилъ по волчьи. Человѣкъ, обращенный колдуномъ или вѣдьмою въ волка, приближаясь къ людямъ, жалостливо смотритъ на нихъ; мясо, которое ему даютъ, не ѣстъ, а кусокъ хлѣба пожираетъ съ жадностію ⁷².

Теперь необходимо обратить вниманіе на двѣ стороны даннаго вопроса: 1) какими *средствами* совершается обращеніе, и 2) какіе *образы* преимущественно избираютъ колдуны и вѣдьмы при своихъ обращеніяхъ?

Для того, чтобы *оборотиться*, вѣдьмы употребляютъ *чародѣйныя мази*, приготовляемыя изъ сока травъ. Силою превращеній главнымъ образомъ обладаетъ трава *тирличъ*, которая достается въ удѣлъ однимъ вѣдьмамъ и колдунамъ; изъ этой травы они выжимаютъ сокъ, и когда пожелають оборотиться, то натираютъ этимъ сокомъ у себя подъ мышками. Въмѣсто мазей и сока тирлича, колдуны и вѣдьмы, желая

72) Москвит. 1846 г. № 11 и 12, стр. 152,

оборотиться, ударяются о землю или кувыркаются через голову и через двѣнадцать ножей⁷³ Мать сыра-земля подаетъ силу всякому, кто о нее ударится; а ножъ—орудіе жертвенное. Отсюда видно, что превращенія совершались силою тѣхъ таинственныхъ чаръ, которыя, по характеру своему, принадлежали къ древнимъ языческимъ обрядамъ и имѣли значеніе символическое. Въ народныхъ сказкахъ сохранилось даже свидѣтельство, что при обращеніи произносился заговоръ: «схватила «Марина Добрыню за бѣлы руки, бросала его «отъ полу до печи, отъ стѣны до большаю «угла и нашептывала заклинанье великое «и оборачивала его туromъ⁷⁴.

Вѣра въ колдовство продолжала жить въ народѣ долгое время, хотя старинныя преданія во многомъ измѣнились, а связь ихъ утратилась. Вѣра эта, составляя теперь суевѣрную принад-

73) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 43. Терещ. Быть рус. нар., ч. VI, стр. 30, 38. Иллюстр., годъ I, стр. 299, 415. Вѣстн. Евр. 1828 г. № 5 и 6, стр. 90. Тр. об. л. рос. сл. ч. 3, стр. 90. Еще лубошн. сказки: О сѣромъ волкѣ, о царь-дѣвицѣ и др. Москв. 1846 г. № 11 и 12, стр. 152.

74) Нар. сказки, изд. Сахар. Стр. 30, 33, 36.

лежность престою народья, до Петра Великаго была общимъ достояніемъ и равно жила во всѣхъ слояхъ общества. Такое явленіе условливалось тѣмъ, что самыя общественныя разряды не были строго разграничены. Обычаи, освященные давностію, одинаково хранились и въ боярскихъ палатахъ и въ семьѣ крестьянина, на что прямо указываютъ обряды свадебныя и весь обиходъ домашней жизни разныхъ классовъ. Должно замѣтить, что повѣрья о колдовствѣ, проживъ нѣсколько столѣтій, представлялись въ странной смѣси. Если, съ одной стороны, довѣр्या силѣ волшебства, прибѣгали къ ворожбѣ и чарамъ, то съ другой стороны, колдуновъ и колдуній преслѣдовали какъ представителей силы губельной и демонской. Отсюда вытекли многія столкновенія въ жизни, которыя живо рисуютъ передъ нами прошлое, съ его внутренней стороны. Остановимся на этихъ явленіяхъ, вызванныхъ вѣрою въ волшебство, въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Изъ Домостроя узнаемъ, что бабы колдуньи ходили по домамъ, лечили разные недуги, гадали, переносили вѣсти, и были принимаемы довольно охотно. Стоглавъ говорить, что тяжущіеся, какъ скоро доходило до поля (т.-е. до судебного поединка), призывали на помощь волхвовъ, «и—въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣ-

544 ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДУНЫ И ВЪДЬМЫ

«совскихъ наученій пособіе имъ творять, ку-
«десы бьютъ, и въ Аристотелевы врата и въ
«Рафли смотрять и по планетамъ гадають и
«смотримъ дней и часовъ... и на тѣ чарованія
«надѣяся, поклепча и ябедникъ не мирится и
«крестъ цѣлуютъ и на поли бьютца и поклепавъ
«погибають». Вслѣдствіе того современный
Стоглаву указъ требуетъ, подъ опасеніемъ опа-
лы и духовнаго запрещенія, чтобъ къ чародѣ-
ямъ и къ звѣздохетцамъ не ходили-бы и у поля-
бы чародѣи не были ⁷⁵.

Такъ было не въ одномъ простонародьи; духъ
времени одинаково проникалъ во все обществен-
ные слои. При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ
была составлена повѣсть, направленная противъ
волшебства. О Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ
Кубасовъ говоритъ: «и къ волхованію прилежа-
ше.» ⁷⁶ Изъ крестоцѣловальныхъ записей на
вѣрность царямъ Борису Годунову, Василію
Шуйскому и Михаилу Ѳеодоровичу видно, что
все обязаны были клясться: «а лиха мнѣ, госу-
«дарю, царицѣ и ихъ дѣтемъ не хотѣти, не мы-
«слити и не дѣлати ни которою хитростію; ни

75) Сахар. Сказ. рус. нар., т. 2, стр. 100. Ист.
арт., т. I, № 154, 11.

76) Москв. 1844 г., № 1, стр. 246. Достопр.
рус. т. I, стр. 175.

«*въ гьсть, ни въ пить, ни въ платъ, ни въ иномъ чемъ никакого лиха не учинити, и зелья лихаю и коренья не давати, и не испортити, да и людей своихъ съ вьдовствомъ да со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, и вьдуновъ и вьдуней не добывати на государево лихо, и ихъ государей на сльду всякимъ вьдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вьдовствомъ по вьтру никакого лиха не посылати и сльду не выимати*». Даже если кто узнаеть о подобныхъ злыхъ намѣреніяхъ другаго человѣка, то долженъ его схватить или сдѣлать на него извѣтъ ⁷⁷.

При царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ была отправлена во Псковъ грамота съ запрещеніемъ покупать у литовцевъ хмѣль, потому-что посланные за рубежъ лазутчики объявили, что есть въ Литвѣ баба вьдунья, и наговариваетъ она на хмѣль, вывозимый въ русскіе города, съ цѣлю навести черезъ то на Русь моровое повѣтріе ⁷⁸. 1625 года велѣно было выслать въ Москву изъ Верхотурья переселенца Якова, вмѣстѣ съ воровскимъ кореньемъ, такъ-какъ

77) Ак. арх. вкс., т. II, №№ 10, 41. Допол. къ А. Ист., т. II, № 1. Юр. акт., № 333.

78) Ак. Ар. вкс., т., 3, № 197.

во время обыска у него найдено было, и въ коробки трава багрева, три кореня да комокъ перече-вать бѣль», и въ допросѣ онъ самъ признался, что эти снадобья далъ ему казакъ Степанко *козьи ноги* ⁷⁹. Подобный процессъ о кореньяхъ и травахъ былъ въ 1680 году. Изоземецъ Зинка Ларіоновъ сдѣлалъ извѣтъ на нѣкоторыхъ крестьянъ въ лихихъ кореньяхъ и подалъ въ приказной избѣ поличнаго «крестъ жѣд-ный, да корешекъ невеликъ, да травки немного связано въ узлишкѣ у креста». Крестьянинъ Ивашка, изъ числа обвиняемыхъ, призналъ крестъ своимъ, и сказалъ: «корень тотъ «девесилный, а травка въ огородахъ растеть, а какъ ее зовутъ—не вѣдаеть; а держитъ корешокъ и травку отъ лихорадки, а лихихъ де травъ и коренья онъ не знаетъ и за дурномъ не ходитъ». Призванъ былъ въ приказную избу посадской осмотрѣть коренья; онъ объявилъ: «корешшко де «имянуеца девятины, отъ сердечныя скорби держать, а травшку де держать отъ гнетешенныя скорби, а лихого де въ томъ ничего нѣтъ». Другой подсудимый объявилъ, что ему положили вязокъ травы въ то время, какъ онъ былъ на кружевномъ дворѣ пьяный, въ безпамятствѣ.

79) Ист. Акт., т. 3, № 137,

Обвиненныхъ пытали, а потомъ били батогами, чтобъ впередъ неповадно было напиваться до безпамятства и носить при себѣ коренья; за тѣмъ они были выпущены изъ приказной избы, за росписками ⁸⁰.

Въ 1606 году были поданы двѣ довольно странныя жалобы въ Перми, по которымъ велѣно было произвести слѣдствіе, которое, однако, намъ неизвѣстно. Оба челобитчика сдѣлали извѣтъ: одинъ на крестьянина, что тотъ *напустилъ икоту* на его жену, а другой на посадскаго, что *напустилъ икоту* на его товарища по торговлѣ ⁸¹.

Въ архивахъ нашихъ сохранились весьма интересныя *вѣдовскія дѣла*. Намъ знакомы нѣкоторыя, принадлежащія XVII столѣтію. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ Москвѣ по разнымъ сторонамъ жили бабы-ворожейки, или колдуньи, къ которымъ прѣзжали даже боярскія жены, просить помощи противъ ревности мужей и совѣтоваться о своихъ любовныхъ интригахъ и о средствахъ, какъ умѣрять чужой гнѣвъ или изводить недруговъ.

Вотъ извлеченіе изъ двухъ сыскныхъ дѣлъ о колдуньяхъ, при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ, на-

80) Акт. Юрид., № 30.

81) Истр. Акт., т. II, № 66.

печатанныхъ г. Забѣлинымъ въ «Кометѣ 1851 года».

Любопытное содержаніеэтихъ сыскныхъ дѣлъ не совсѣмъ будетъ ясно безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ подробностей. Случаи, которые подали поводъ къ розыску, относятся къ первой половинѣ XVII столѣтія; большая часть лицъ болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ главнымъ обстоятельствамъ принадлежитъ къ низшимъ разрядамъ придворнаго штата царицы Евдокіи Лукьяновны, супруги царя Михаила Ѳеодоровича. Все это заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ вообще о составѣ придворнаго штата царицъ въ XVII вѣкѣ.

Суровый обычай, удалявшій женщину допетровской Руси изъ общества мужчины, сохранялся и въ царскомъ быту. Супруги нашихъ древнихъ царей жили въ совершенномъ уединеніи и не принимали никакого участія во всемъ, что происходило на половинѣ государя, во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и въ разныхъ празднествахъ. У царицы была своя половина, свои отдѣльныя хоромы, стоявшія въ глубинѣ дворца, куда немногимъ дозволялось входить даже изъ тѣхъ лицъ, которыя, по своимъ обязанностямъ, имѣли постоянное пребываніе во дворцѣ. Увидать царицу кому-нибудь изъ мужчинъ, кромѣ

ближайшихъ ея родственниковъ, было совершенно невозможно. Когда царица выходила на богомолье въ Кремлевскіе соборы и монастыри, то до всѣмъ воротамъ Кремля въ это время ставились отряды стрѣльцовъ, ворота запирались и никто не смѣлъ войти въ Кремль; даже жители Кремля не смѣли являться на улицахъ во все то время, когда совершалось богомолье царицы. Въ выѣздахъ экипажъ царицы былъ совершенно закрытъ или завѣшенъ со всѣхъ сторонъ какою-нибудь шелковою тканью. Если царица выходила пѣшкомъ, то около нея точно также несли шелковыя или суконныя занавѣсы, совершенно скрывавшіе ее отъ народа.

Дворовый чинъ или штатъ царицы состоялъ преимущественно изъ женщинъ. Мужчины занимали самыя низшія должности и едва-ли когда могли видѣть царицу. Впрочемъ изъ мужчинъ бывали также и *стольники*, прислуживавшіе за столомъ государыни; но это были такъ сказать пажи, большею частію дѣти царицыныхъ родственниковъ, вступавшіе въ это званіе лѣтъ десяти, и по достиженіи 17 лѣтъ переходившіе въ придворный штатъ государя, подъ именемъ *ближнихъ людей*. Всѣ остальные должности заняты были женщинами, изъ ко-

торыхъ самыя почетныя мѣста принадлежали дворовымъ боярынямъ.

Дворовыя боярыни жили всегда во дворцѣ, въ хоромахъ царицы, и по своимъ занятіямъ носили разныя наименованія. *Боярыня казначея* завѣдывала вообще всѣмъ обиходомъ царицы, ея казною или имуществомъ и всѣмъ придворнымъ штатомъ. Подъ вѣдѣніемъ боярыни-казначей находились также мастерицы—швеи, «мужни жены и вдовы и дѣвицы честныхъ и середнихъ чиновъ дворовыхъ людей». Однѣ изъ нихъ назывались *мастерицами золотными*, потому-что шили золотомъ, серебромъ и шелками, низали жемчугомъ, *садили* драгоценными самоцвѣтными камнями разныя вещи для царскаго обихода и нерѣдко въ монастыри различную церковную утварь, по обѣщанію царицы и другихъ лицъ государевой семьи. Другія мастерицы, шившія одно только бѣлье, назывались *бѣлыми*. Всѣ онѣ собирались для своихъ занятій каждый день въ особое отдѣленіе дворца; которое состояло изъ нѣсколькихъ *свѣтлицъ*, большихъ, чистыхъ и свѣлыхъ комнатъ. При мастерицахъ находилось также нѣсколько *ученицъ*, которыхъ онѣ обучали и которыя потомъ сами поступали въ мастерицы. Кромя-того, при рабочей свѣтлицѣ состояли: *свѣтлишная писица* и *свѣтлим-*

лые знаменщики, которые рисовали, знаменовали узоры для вышиванья, также надписи и даже цѣлыя церковныя стихи на священной утвари.

Упомянемъ еще о *мамахъ царевичей и царевенъ*, выбиравшихся изъ извѣстныхъ боярскихъ родовъ, о кормилицахъ, учительницѣ, которая учила малолѣтнихъ царевенъ грамотѣ, о комнатныхъ бабахъ, вѣроятно нянюшкахъ, находившихся при каждой царевнѣ, о *псаломщицѣ*, которая читала въ хоромахъ царицы молитвы, каноны и т. п. Сверхъ-того, въ придворномъ штатѣ царицы находились также *карлицы, карлы, шутихи и дурки*, забавлявшіе государыню и ея дѣтей. Наконецъ дѣти боярскіе *царицына чина* употреблялись для посылокъ, сопровождали царицу въ походахъ, и дежура по очереди во дворцѣ, оберегали покои царскаго семейства. Вотъ въ краткомъ очеркѣ составъ всего двороваго чина царицы. Число лицъ, принадлежавшихъ къ нему, было довольно велико; въ 1701 году въ втоиъ штатѣ находилось 499 человекъ: двѣ мамы, 26 боярынь, 42 дѣвицы боярышни, 12 казначей, 9 кормилицъ, 16 карловъ и карлицъ (въ томъ числѣ 8 карловъ состояли при государѣ), 102 постельницы, 10 комнатныхъ бабъ, мастерицъ и зна-

менщиковъ 22 человека, 36 портоной, комнатныхъ, постельныхъ, шовныхъ и стѣнныхъ отопниковъ 96 человекъ, сторожей тѣхъ-же наименованій 125 человекъ. Въ Москвѣ была даже особая слобода, гдѣ поселены были лица двороваго чина царицы. Слобода эта называлась Кисловкою. Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, всѣ лица этого вѣдомства и особенно приближенные къ царицѣ давали также обѣщанія и присягу оберегать во всемъ ея здоровье и ничѣмъ, ни въ ѣствѣ, ни въ питъѣ, ни въ платьѣ государя, государыню и ихъ дѣтей не портити, никакого дурна не учинити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ и нигдѣ не положить и отъ всего подобнаго оберегати на-крѣпко ⁸¹. Поэтому всѣ вещи домашняго обихода царицы, наприм. платье, бѣлье и т. п., поручались въ храненіе самымъ довѣреннымъ лицамъ, которыя обязаны были беречь все это подъ личнымъ своимъ надзоромъ, за своею печатью, строго наблюдая, чтобы никто изъ постороннихъ не могъ касаться оберегаемыхъ предметовъ. Такія предосторожности, доходившія до чрезвычайныхъ подробностей и мелочей,

81) Извѣстіе о дворянахъ російскихъ. Миллера. Спб. 1790. Стр. 238 и слѣд.

были неизбежны въ то время, когда и во всей Европѣ, болѣе просвѣщенной, слѣпо вѣрили въ колдовство и страшно его преслѣдовали въ лицѣ всѣхъ чародѣевъ, вѣдьмъ и разнаго рода волшебниковъ. Мы думаемъ, что нѣкоторыя событія въ царской домашней жизни XVI и XVII столѣтій, какъ на примѣръ дѣла о государевыхъ невѣстахъ, достаточны были для того, чтобы возбудить эти подозрѣнія и предосторожности въ сильнѣйшей степени. Невѣста царя Михаила Феодоровича, Марья Хлопова, и невѣста царя Алексѣя Михайловича, Евфимія Всеволожская, по свидѣтельству современныхъ имъ актовъ, были *испорчены* неблагонамѣренными людьми. По дѣлу Евфиміи Всеволожской посланъ былъ въ Кирилловъ монастырь, подъ крѣпкое начало, крестьянинъ Мишка Ивановъ за *чародѣйство, за косной разводъ и за наговоръ*, отъ котораго пострадала несчастная невѣста ⁸². Такія происшествія не могли не вызвать особенной предосторожности со стороны правительства, которое, въ отвращеніе подобныхъ случаевъ, включило въ клятвенныя записи того времени необходимое условіе избѣгать всякой ворожбы, колдовства, порчи и тому подобныхъ предметовъ.

82) Акты. Арх. Эксп., т. IV, № 18.

Въ 1635 году, 30-го января, одна изъ золотныхъ мастерицъ царицы, Антонида Чашникова, выронила нечаянно, у мастерицъ въ палатѣ, гдѣ онѣ работали, платокъ, въ которомъ былъ заверченъ корень, «невѣдомо какой». Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе даже своихъ подругъ, другихъ мастерицъ. Платокъ съ корнемъ подняли двѣ бѣлыя мастерицы: Фекла Черепова и Прасковья Ваулина и тотчасъ-же объявили, т.-е. представили государю и государынѣ. На другой день государь повелѣлъ дьяку царицыной мастерской палаты, Сурьянину Тараканову, *сыскати* объ этомъ *накръпко*. Дьякъ началъ розыскъ разспросомъ: «гдѣ мастерица Чашникова тотъ корень взяла, или кто ей тотъ корень и для чего дасть, и почему она съ нимъ ходитъ къ государю и государынѣ въ верхъ, т.-е. во дворець?» На эти вопросы Чашникова отвѣчала, что «тотъ корень не лхой, а носить она его съ собою отъ сердечныхъ болѣзни, что сердцемъ больна.» Разумѣется, что такой простой отвѣтъ не могъ удовлетворить дьяка; царское слово *сыскати накръпко* требовало самаго полного и строгаго изслѣдованія. Дьякъ снова, со всякою пригрозкою, началъ допросъ словами: «если она про тотъ корень, какой онъ словеть и гдѣ она

его взяла, и для чего данъ, или кто ей далъ подлинно не скажетъ и государю въ томъ вины своей не принесетъ, то, по царскому повелѣнiю, ее будутъ пытать накрѣпко». Послѣднiя слова сильно подѣйствовали на бѣдную женщину; она повинилась и сказала, что въ первомъ разспросѣ не объявила про корень подлинно, блюдаясь отъ государя и отъ государыни опалы, но теперь все откроетъ. «Ходить-де въ царицыну слободу, въ Кисловку, къ государевымъ мастерицамъ, къ Авдотѣ Ярышкиной и къ инымъ, жонка, зовутъ ее Танькою. И она-де той жонкѣ была челомъ, что до нее мужъ лихъ, и она ей дала тотъ корень, который она выронила; и велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣться, и до нее-де будетъ мужъ добръ. А живетъ та жонка на Здвиженской улицѣ». Дьякъ тотчасъ велѣлъ сыскать жонку Таньку.

Когда посланные за ней дѣти боярскiе поставили ее къ допросу, она сказала, что «зовутъ ее Танькою, а мужа ея зовутъ Гришка плотникъ, а живутъ они на Знаменкѣ на дворничествѣ, т.-е. въ дворникахъ, у дворянина Головачова». Потомъ жонка Татьяна, какъ нужно было ожидать, во всемъ заперлась и отвѣтила, что «она отнюдь въ царицыну слободу въ Кис-

ловку ни къ кому не ходитъ и золотной мастерицы Антонида Чашниковой не знаетъ и иныхъ никакихъ мастерицъ не знаетъ и къ нимъ не ходитъ». Ихъ поставили съ очей на очи. Мастерница говорила, что «она, Танька, въ Кисловку къ мастерицамъ ходитъ, что тамъ у ней съ нею и познать учинилась, что она была ей челомъ, что до нее мужъ лихъ, бьетъ и увѣчитъ, и она, Танька, дала ей корень, а велѣла положить его на зеркальное стекло, да въ то зеркало и смотрѣтца и до тебя-де будетъ мужъ добръ».

Ворожея запералась, говорила, что ее тѣмъ клепятъ. «Да объ томъ у нихъ межъ себя было спору много». Дьякъ, видя такой споръ, началъ спрашивать ихъ, разводя порознь, со всякою пригрозю. Но ворожея стояла на своемъ. Дьякъ снова разспрашивалъ ее наединѣ со многою пригрозю», и присовокупилъ, что будетъ въ томъ пытати на-крѣпко и огнемъ жечь. Не смотря на это, ворожея призналась только въ томъ, что дѣйствительно дала корень мастерицѣ отъ лихова мужа, но въ Кисловку ни къ кому не ходитъ и никого тамъ не знаетъ. Этимъ и заключился предварительный допросъ.

Черезъ пять дней, 5-го февраля, государь, слушавъ это дѣло, велѣлъ «ѣхать къ пыткѣ околь-

ничему Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурьянину Тараканову и про то дѣло сыскывать и мастерицу и женку Таньку разспрашивать накрѣпко. Въ первыхъ своихъ рѣчахъ Антонида Чашникова сказала, что ей жонка Танька дала корень отъ сердечныхъ болѣзни; потомъ сказала, что для того, чтобъ до нее мужъ былъ добръ, слѣдовательно рѣчи свои рознила, потому и должна открыть все подлинно. Да при томъ, если и дѣйствительно она пыталась у той жонки избавиться отъ лихова мужа, то по своему воровству ей довелось тотъ корень держать у себя на подворьѣ, а къ государю во дворецъ его носить не пригоже. А коли она тотъ корень принесла въ верхъ, и для чего она принесла и по какому умышленью и его государя и царицу и ихъ царскихъ дѣтей портить не хотѣла-ль, и иной ее кто съ тѣмъ не засылалъ-ли? А жонка Танька сказываетъ, что тотъ корень дала мастерицѣ для того, чтобъ до нее мужъ былъ добръ, и она-бъ сказала подлинно: какой тотъ корень словоеть и гдѣ она его взяла и сколь давно она тѣмъ промышлетъ, и кому инымъ или ей, Антонидѣ, опричь того какія коренья давала-ли, и въ царицыну слободу въ Кисловку ходить-ли, и съ мастерицами знаетца ли, и буде знаетца, и по-

чему у нихъ съ ними познать; и государя съ государынею и ихъ царскихъ дѣтей не порчивала-ли, и инымъ кому портить не волшебала-ли, и коренья имъ не давала-ли, и на то дѣло кто у ней самъ или засылкою не пытался-ли?» Таково было содержаніе царскаго указа. Ввечеру окольникій В. И. Стрешневъ и дьякъ Таракановъ ѣздили къ пыткѣ и спрашивали ихъ, разводя порознь, по статьямъ.

У пытки мастерица говорила свои прежнія рѣчи, прибавивъ, что корень во дворецъ принесла сироста, безъ всякаго умыслу и портить никого не хотѣла. Не смотря на то, ее велѣли попытать слегка, повторивъ тотъ-же самый допросъ съ нѣкоторыми незначительными дополненіями; но такой-же отвѣтъ былъ полученъ и съ пытки.

Болѣе подробностей рассказала у пытки во-рожен и коренница Танька; вотъ ея слова: «родомъ она изъ города Орла, бывала стрѣлецкая жена, да послѣ того овдовѣла и пошла за бродящаго человѣка за Гришку плотника. Оба они живутъ на Москвѣ на дворничествѣ у Метлова Головачова. Въ нынѣшнемъ въ 1635 году января 27-го, прислала та мастерица Антонида Чашникова къ ней малова своего, чтобъ она у ней побывала; и какъ къ ней пришла и она ей говорила, чтобъ она ей сдѣлала, чтобъ ее мужъ любилъ; и она

дала ей корень, зовутъ его *обратимъ*, а велѣла ей тотъ корень положить на зеркалѣ на стекло, да въ то зеркало смотрѣтца». Въ остальномъ во всемъ она заперлась, ничего не прибавивъ и во время пытки, даже тогда, когда ее стали жечь огнемъ.

Сказала только, что «корень дала мастерицѣ не съ умышленья, по ея прошенью, а держала его у себя съ проста. И государя и государыню и ихъ царскихъ дѣтей кореньемъ и инымъ ничѣмъ не порчивала и портить ихъ не хачивала, и засылки къ ней объ томъ отъ верхнихъ боярынъ и отъ постельницъ и отъ мастерицъ и изъ иныхъ чиновъ ни отъ какихъ людей не бывало, и въ царщину она слободу къ мастерицамъ и къ инымъ никакъ кому не ходить, и съ ними она не знаетца». Тѣмъ и кончился этотъ розыскъ. О судьбѣ этихъ лицъ въ сыскомъ дѣлѣ находимъ слѣдующее извѣстiе. «Сосласны въ Казань за опалу, въ вѣдовскомъ дѣлѣ, царщынъ сынъ боярскій Григорій Чашниковъ съ женою, и велѣно ему въ Казани дѣлати недѣли и поденной кормиъ ему указано давати противъ иныхъ такихъ-же опальныхъ людей. Да въ томъ-же дѣлѣ сосланы съ Москвы на Чаронду Гриша Плотникъ съ женою съ Танькою, а велѣно имъ жити и кормится на Чарондѣ, а къ Москвѣ ихъ отпустить не велѣно, пото-

му-что та Гришина жена вѣдомая вѣдунья и съ пытки сама на себя въ вѣдовствѣ говорила.

Лѣтъ черезъ 5, въ ноябрѣ 1638 года, случилось другое подобное происшествіе. Оно возникло вслѣдствіе ссоры нѣсколькихъ мастерицъ по случаю какой-то пропажи. Подозрѣніе пало на мастерицу Марью Сновидову, сестра которой, Дожна Волкова, просила ея мужа, чтобъ онъ «жену свою поучилъ гораздо», и потомъ сама хотѣла «выучить ее въ свѣтлицѣ передъ всѣми мастерицы, чтобъ она впередъ не дуровала.» Но подозрѣніе можетъ быть было несправедливо. Оправдываясь, мастерица Марья Сновидова замѣтила: «то де на насъ поносить мастерица Дарья Ламанова и только-де она въ томъ на насъ посягаетъ, ино де и то будетъ наружѣ, какъ она на слѣдъ государыни царицы сыпала песокъ!» Услышавъ такую страшную угрозу, одна изъ присутствовавшихъ при этомъ мастерицъ Авдотья Ярышкина ударила Марью плетнымъ батогомъ въ голову: «не ври де ты, жидовка, какъ де ты то слово говоришь, отъ чего головѣ твоей пропасть». Но Марья Сновидова, оскорбленная напраслиною, осталась при своемъ и вѣстѣ съ своею подругою Степанидою Арапкою сдѣлала извѣтъ государю и въ подробности раскрыла поведеніе Дарьи Ламановой. Въ извѣтѣ, кромѣ

другихъ обвиненій, она указала, что къ Дарьѣ, во время царскаго отсутствія изъ Москвы въ Троицкій монастырь, приходила невѣдомо какая жена.

Розыскъ опять порученъ былъ окольникову Василью Ивановичу Стрешневу и дьяку Сурьянину Тараканову. При первомъ разспросѣ, Дарья Ламанова объяснила, что къ ней приходила въ верхъ золовка ея, Тимохина жена Бахарева, Матренка; и стояла она съ нею у нижней свѣтлицы, да стоявъ у той свѣтлицы взяла ее Матренку она Дарья къ себѣ въ верхнюю свѣтлицу и подчивавъ ее медомъ, отпустила на подворье.

Подобнымъ-же образомъ она объяснила и другіе пункты обвиненія, а въ главныхъ заперлась: что на слѣдъ царицы песку не сыпала, а говорила своимъ подругамъ, которыя на нее извѣщаютъ, только бѣ де ее Дарью государыня пожаловала, а онѣ де ей всѣ не дороги; но послѣ, когда сказали ей, что будутъ пытать на крѣпко и огнемъ жечь, она, постоявъ немного, заплакала и учала винитца, въ томъ де она словѣ, что будто на слѣдъ государыни сыпала песокъ передъ государынею виновата, нечто де будетъ, то слово она подругамъ своимъ молвила со шьяна и въ томъ де воленъ государь и государыня царица». Но о женѣ, которая приходила къ

ней въ свѣтлицу, она подтвердила только прежнія свои рѣчи.

Черезъ нѣсколько дней была назначена пытка съ новымъ допросомъ: «какъ та мастерица Дарья на слѣдъ государыни царицы сыпала песокъ и какъ она Дарья звала съ собою за Москву рѣку Степаниду Арапку къ бабѣ; и та мастерица Дарья для-ль государскія порчи хотѣла итти къ бабѣ или для иного какова дѣла, и кто съ нею въ томъ дѣлѣ и какіе люди въ думѣ были, и въ верхъ къ ней Дарьѣ въ свѣтлицу та ли баба, которая живетъ за Москвою рѣкою, приходила или какая иная и для чего приходила?»

У пытки золотная мастерица Дарья Ламанова повинилась: «Въ томъ-де она передъ государемъ и передъ государынею виновата, что къ бабѣ къ ворожеѣ подругу свою Степаниду Арапку за Москву рѣку звала, а тоѣ-де бабу зовутъ Настасьицею, живетъ за Москвою рѣкою на вспольѣ; а спознала ее съ нею подруга ея, золотная жъ мастерица Авдотья Ярышквина, для того, что она людей привораживаетъ, а у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаеть; а наговариваетъ на соль и на мыло, да тоѣ соль даютъ мужьямъ въ ѣствѣ и въ питьѣ, а мыломъ умываютца; да и надъ мужемъ де она Авдотья своимъ тожъ дѣлала и у него къ себѣ сердце и умъ

отняла: что она Авдотья ни дѣлаетъ, а онъ ей въ томъ молчить. Да тажъ баба давала, наговариваючи, золотной же мастерицѣ Аннѣ Тяпкиной, чтобъ мужъ ее, Алексѣй Коробановъ, добръ былъ до ее Аннинныхъ дѣтей».

Во время самой пытки Дарья Ламанова сказала только, что она ѣздила къ той бабѣ и пыталась для мужа, чтобъ ее мужъ любилъ; желала только приворожить мужа, и что колдунья въ свѣтлицу къ ней не приходила. Но когда велѣли пытать другую мастерицу, Марью Сновидову, утверждавшую противное, «и какъ ее учили разболохать», мастерица Дарья стала просить, чтобъ ее не портить, присовокупивъ, что «какъ сыщутъ тоѣ бабу, съ которою она спозналась черезъ Авдотью Ярышкину, тутъ все объявитца, а она ту бабу укажетъ, и гдѣ живетъ, она дворъ знаетъ».

Послали за колдуньей, которая въ разспросѣ сказала, зовутъ ее Настасьецею, Иванова дочь, родомъ черниговка, а мужъ у ней литвинъ, зовутъ его Янкою Павловъ. На очной ставкѣ ее всѣ признали за ту именно бабу, которая приходила во дворецъ. Сама Дарья Ламанова сказала, что у ней та жонка въ свѣтлицѣ была, и медомъ она ее подчивала. Но Настасьеца во всемъ запералась: «мастерицѣ она никого не знаетъ и

въ свѣтлицѣ не бывала». Ее велѣли пытать на крѣпконогнемъ жечь. «И послыша то, мастерица Дарья Лажанова учала винитца и плакать, а той жонкѣ Насткѣ говорить, чтобъ повинилась: помнишь ты сама, говорила она ей, какъ мнѣ про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина, и я по ее сказкѣ къ тебѣ пришла и воротъ черной своей рубашки, отодравъ къ тебѣ принесла, да съ тѣмъ же воротомъ принесла къ тебѣ соль и мыло. И ты меня спросила, прямое-ли имя Авдотья, и я сказала тебѣ, что прямое, и ты въ тѣ поры той моей рубашки воротъ на омокѣ у печи сожгла, и на соль и на мыло наговаривала, а какъ наговорила и ты велѣла мнѣ тотъ пепель сыпать на государской слѣдъ, куда государь и государыня царица и ихъ царскіе дѣти и ближніе люди ходять; и тебѣ де въ томъ и отъ государя и отъ царицы кручины никакія не будетъ, а ближніе люди учнутъ любить. А мыломъ велѣла ты мнѣ умыватца съ мужемъ, и соль велѣла давати ему жъ въ питъѣ и въ ѣствѣ, такъ де у мужа моего сердце и ревность отойдетъ и до меня будетъ добръ. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья; приходила послѣ того со мною жъ къ тебѣ Васильевна жена Колодничя, Семенова жена Суровцова, ты имъ, наговоря, соль и мыло давала.

Не смотря на эти улики, сопровождаемая пыткой, ворожея запиралась. Мастерница-же говорила, что именно отъ нея получила пепель и сыпала на слѣдъ государыни. Стали пытаться женку Настасьицу; въ другой разъ она не выдержала и призналась, что мастерницамъ, Дарьѣ Ламановой, и ея подругамъ, которыхъ знаетъ, а иныхъ и не знаетъ, сожегши женскихъ рубашекъ ворота и наговоря на соль и мыло давала, и пепель велѣла сыпать на государской слѣдъ, но не для лихова дѣла, а для того, какъ тотъ пепель государь и государыня перейдетъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается, да отъ того бываетъ государская милость и ближніе люди къ нимъ добры. А соль и мыло велѣла она давать мастерницамъ мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры.

Но этого было недостаточно. Предложенъ былъ новый вопросъ: «сколько она давно тѣмъ промысломъ промышляетъ и отъ литовскаго короля къ мужу ея, литвину Янкѣ, присылка или заказъ, что ей государя или государыню испортить, былъ ли; и чѣмъ она и какими лихими дѣлы ихъ государей портила; и давненько она тому дѣлу, что мужей привораживать, научилась, и кто ее тому училъ, и мужъ ея про то вѣдаетъ-ли?» Калдунья отвѣчала,

«что къ мужу ея, къ литвину Янкѣ, и къ ней изъ Литвы отъ короля для государскія порчи приказу и иного никакого заказу не бывало и сама она ихъ государей не порчивала. Только она дала мастерицѣ Дарьѣ Ломановой пепель, а велѣла сыпать на государской слѣдъ, чтобъ государь и царица и ближніе люди до нее были добры. А что она мужей приворачиваетъ и она только и наговорныхъ словъ говорить: какъ люди смотрятца въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену, да не на. смотрѣлся; а мыло сколь борзо смоецца, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка, какова на тѣлѣ была, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ, да и иные де она не лихіе слова наговаривала, чтобъ государь и государыня жаловали, а ближніе люди любили, а учила ее тому на Москвѣ жонка Манка, словеть Козлиха, а живетъ за Москвою рѣкою у Покрова.

Тотчасъ отысгали и Манку Козлиху и поставили ихъ съ очей на очи. Онѣ, какъ и слѣдовало, завели споръ. Настасьяца сказывала, что ее ворожить учила она Манка, а Манка сказала, что не учивала. Стали пытатъ; почти тоже она сказала и съ пытки: «ворожить не знаетъ, а только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ, да жабы, у кого прилучитца во ртѣ,

Уговариваетъ, да горшки на брюхо наметываетъ, опричь того и ничего не знаетъ». Начали пытатъ другой разъ на-крѣпко и огнемъ жечь, но колдунья не сознавалась ни въ чемъ.

Въ числѣ уликъ, ворожея Настасьица сказала между прочимъ, что еще за годъ назадъ приводилъ къ ней, Настыкѣ, на подворье сынъ Манкинъ, дѣтина, Якимкомъ зовутъ, мастерицу Дарью Ламанову, которая принесла къ ней наговаривать соль да мыло. И она, Настыка, ему сказала: для чего къ ней съ тою мастерицею мимо матери своей ходить. И тотъ сынъ Якимко отвѣтилъ, что мать его спить пьяна. И она Настыка, наговоря соль и мыло для привороту, ей Дарьѣ дала. А наговаривала ту соль отнимаючи ревность у мужей. Все это подтвердила и мастерица, но Манка Козлиха не сознавалась ни въ чемъ. Ее велѣли пытатъ въ третій разъ, на-крѣпко, и огнемъ жечь.

«И жонка Манка съ пытки повинилась, а сказала, что она сама ворожить и Настасьицу ворожить учила. А ей Манкѣ тоѣ ворожбу оставила при смерти мать ее родная Оленка. А какъ матери ее не стало, тому нынѣ седмой годъ. А ворожа она, въ приворотѣ на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: какъ смотрятца въ зеркало да не насмотрятца, такъ бы мужъ на

жену не посмотрѣлся; а на соль: какъ тоѣ соль люди въ вѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любить; а на мыло наговаривала: сколь скоро мыло съ лица смоецца, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ. А ворота рубашечныя жогши приговаривала: какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ. А жаба у кого прилучитца во ртѣ, уговариваетъ: святыи ангелъ хранитель умири и исцѣли у того именовъ, у кого прилучитца, болѣзнь сію. А инова она ничего лихова опрчь того не знаетъ и лихимъ словомъ не наговариваетъ. Да и не одна она тѣмъ ремесломъ промышляетъ; есть на Москвѣ и иныя бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить. Одна живетъ за Арбацкими ворота, зовутъ ее Ульянкою, слѣпая; а двѣ живутъ за Москвою рѣкою, одна въ Лужникахъ, а другая, зовутъ Дунькою, въ Стрѣлецкой слободѣ.

Такимъ образомъ явились еще ворожеи, баба Улька, Дунька, да Феклица, всѣ слѣпая. Въ разспросѣ, когда ихъ поставили къ дѣлу, онѣ сказали, что Манки не знуютъ и сами не ворожатъ и съ ворожеями не знаются. Но та подтверждала, что «они сами ворожатъ и ворожиться къ нимъ изъ многихъ дворовъ всякіе люди ходятъ». Начали пытать. Женка Улька съ пытки сказала, что «она толь-

ко и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходитъ, кто поболитъ и она ихъ смываетъ, и жабы во ртѣ уговариваетъ, да горшки на брюхо наметываетъ, а наговорные слова у ней таковы: Ангелъ хранитель утѣши во младенцѣ семъ, у кого объявитца, болѣзнь сію, да наговора на воду, дѣтей смываетъ; а жабы во ртѣ давить, да тѣмижъ слова заговариваетъ». Потомъ, во время новой пытки, она прибавила, что «не однимъ тѣмъ промышляетъ, есть-де за нею и иной промысль: у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ залажетъ, и она тѣмъ торговымъ людямъ наговариваетъ на медъ, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умываться, сама приговариваетъ: какъ пчелы ярыя роятца да слетаютца, такъ-бы къ тѣмъ торговымъ людямъ для ихъ товаровъ купцы сходились. И отъ того наговору у тѣхъ торговыхъ людей на товары купцы бываютъ скорые. А какъ она мужей къ женамъ приворачивала, и она наговаривала на хлѣбъ съ селью да на мыло, а наговариваючи на тотъ хлѣбъ съ солью, велѣла женамъ ѣсть: какъ-де хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ-бы мужъ жену любилъ; а мыломъ велѣла умываться жонамъ: сколь-скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь-бы скоро мужъ полюбилъ. А у кого случитца сердечная болѣзнь или лихорадка, или иная какая внутренняя бо-

570 ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДУНЫ И ВѢДЬМЫ

лѣзнь, и она тѣмъ людямъ, наговариваючи на вино, да на чеснокъ, да на укусъ, давала; а въ приговорѣ наговаривала: утиши самъ Христось въ томъ человѣкѣ болѣзнь сію, да Уваръ Христовъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михаилъ Архангелъ, да Тихонъ святой и инныя божественныя слова, а не лихіе, и отъ того тѣмъ людямъ бывала легость».

Другая ворожея, Дунька слѣпая, объяснила съ пытки, что «ворожбы и вѣдовства никакого не знаетъ, а только знаетъ, что малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ, да жабы во ртѣ уговариваетъ. Да она-жь у кого что пропадетъ, смотреть. А на кого скажутъ невѣрну и она, посмотри на сердце, узнаетъ, потому—что у него сердце трепещетъ».

Третья, Оеклица, жена Гришки сапожника, созналась только, что «грыжи людямъ уговариваетъ, а наговариваетъ на громовую стрѣлку, да на медвѣжій ноготь, да съ тоѣ стрѣлки и съ ногтя даетъ пить воду; а приговариваючи говоритъ: какъ-де ей старой жонкѣ дѣтей нераживать, такъ-бы, у кого та грыжа, и болѣзни не было; да она-жь, у кого лучитца, на брюхо горшки наметываетъ».

Не смотря на жестокия пытки и сженіе огнемъ, что повторялось нѣсколько разъ, всѣ эти

жонки колдуньи ничего болѣе не открыли. Дѣло по разнымъ обстоятельствамъ приостановилось почти на четыре мѣсяца. Въ теченіе этого времени, въ январѣ 1639 года, послѣ непродолжительной болѣзни, умеръ пятилѣтній царевичъ Иванъ Михайловичъ, а въ мартѣ 25-го новорожденный царевичъ Василій Михайловичъ. Эти несчастныя событія не остались безъ вліянія и на ходъ разсматриваемаго дѣла.

1-го апрѣля, слѣдовательно черезъ нѣсколько дней по смерти новорожденного царевича, государь указалъ снова разспросить и пытатъ накрѣпко и мастерицу и вѣдунью женку Настьку. Содержаніе новыхъ допросовъ было слѣдующее: въ прежнемъ разспросѣ повинилась она мастерица Дашка, что «къ бабѣ ворожеѣ къ Настькѣ Черниговкѣ, которая, ворожа, людей привораживаетъ и у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаетъ, ѣздила на Москву-рѣку для того, чтобъ та баба сдѣлала, чтобъ до нея Дашки государь и государыня и ихъ государскія дѣти и ближніе люди были добры. И та-де жонка Настька, зжегши ее Дашкины рубашки воротъ, велѣла ей сыпать на государственой слѣдъ; а какъ-де государь и государыня перейдетъ тотъ слѣдъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье и то дѣло сдѣлается; и она Дашка на слѣдъ царицы

пепель сыпала... а колдунья жонка Настька въ прежнемъ разспросѣ и съ пытки сказала тоже самое. И послѣ того ихъ воровства, какъ мастерица на слѣдъ государыни сыпала вѣдовской рубашечный пепель, государыня царица Евдокія Лукьяновна учала недомогать и быти печальна; да послѣ того-же вскорѣ грѣхъ учинялся, государя царевича Ивана Михайловича не стало; а послѣ тоѣ-жь скорби вскорѣ государыня царица родила государя царевича Василья Михайловича больна, и послѣ еѣ государскихъ родинъ и того государя царевича Василья Михайловича не стало вскорѣ-жь. И нынѣ государыня передъ прежнимъ скорбна-жь и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попржнему... И то знатно, кабы съ того времени, какъ она Дашка по вѣдовству жонки колдуны Настьки Черниговки на слѣдъ государыни сыпала пепель и отъ того времени и до сихъ мѣсть межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровьѣ помѣшка... и она-бъ мастерица Дашка и вѣдунья жонка Настька сказала про то подлинно въ правду, для чего она Дашка вѣдовской рубашечный пепель на слѣдъ государыни царицы сыпала; а та вѣдунья Настька, что подлинно надъ тѣмъ пепеломъ наговаривала и на государской слѣдъ сы-

пять велѣла: надъ государемъ и надъ государынею и надъ ихъ государскими дѣтьми какое лихое дѣло не умышляли-ль и ихъ государей не портили-ль, и дѣтей ихъ государскихъ у нихъ государей не отнимали-ль, и совѣтъ ихъ государскій межъ ихъ государей своею вѣдовскою рознью къ развращенью не дѣлали-ль, и дѣтямъ ихъ государскимъ въ ихъ многолѣтномъ здоровьѣ тѣмъ своимъ вѣдовскимъ дѣломъ, порчею, лѣтъ не убавляли-ль, и много какого зла имъ государемъ и ихъ дѣтемъ не умышляли-ль, и умысла что, не дѣлали-ль, про то-бъ про все сказали вправду?»

При особенной пригрозѣ, при новыхъ пыткахъ и сженіи огнемъ, и мастерица и колдунья говорили тѣже рѣчи, что и напередъ того сказывали, именно, что одна сыпала, а другая велѣла ей сыпать песокъ на слѣдъ государыни для того, чтобъ царица ее Дарью жаловала, а не для лихова дѣла. Затѣмъ истязанія прекратились, и колдуньи Настасьицы вскорѣ не стало—она умерла. Умерла также и другая колдунья Ульянка слѣпая; прочіе подсудимые были розданы приставамъ подъ стражу, до окончанія дѣла.

Спустя мѣсяца четыре, въ августъ того-же года, допросили съ пытки и другихъ мастерицъ

Прасковью Суровцову и Прасковью Колодничу, подругъ Дарьи Ламановой, которыя, по ея указанію, также ходили за ворожбою къ колдунѣ Настасьицѣ, за Москву-рѣку.

Прасковья Суровцова повинилась въ томъ только, что она дѣйствительно «у колдуньи Настьки Черниговки пыталась, и наговорную соль и мыло, и рубашки своей ворота жженой пепель у нее имала, и тѣмъ мыломъ велѣла дочери своей умываться, а соль и пепель сыпала въ питье, да давала пить зятю своему Мурзту Петелину, чтобъ зять ея добръ былъ до ея дочери». Другая мастерица, Прасковья Колоднича, призналась также въ одномъ только, что ходила за Москву рѣку къ бабѣ Настькѣ Черниговкѣ и мыло и бѣлила и соль наговорную у ней брала, и тѣмъ мыломъ умывалась и бѣлилами бѣлилась, а соль мужу своему давала въ ѣствѣ, для того, чтобъ мужъ ея Василій Колодничъ добръ былъ. И она Прасковья, убѣясь, вышла къ своему мужу, какъ онъ пришелъ во дворъ, и мужъ въ тѣ поры ее убилъ (зашибъ, прибилъ); и она, видя, что въ томъ наговорномъ мылѣ и въ бѣлилахъ и въ соли помочи нѣтъ, взяла да и достальное мыло и соль разметала».

Въ сентябрѣ того-же 1639 года всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу мастерицъ велѣно выслать изъ дворца и впредь въ царицынѣ чину имъ не быть. Дарья Ламанова съ мужемъ сослана въ Сибирской городъ Пелымъ. Колдунья Манка Козлиха въ Соликамскъ, и Феклица слѣпая съ мужемъ на Вятку, а Дунька слѣпая къ Соли Вычегодской.

Въ заключеніе не можемъ не припомнить дѣла о заточеніи ближняго боярина Артемона Сергѣича Матвѣева. Враги не могли придумать лучшаго средства для отдаленія Матвѣева отъ двора и дѣлъ, какъ обвинить его въ чардѣйствѣ. Это тѣмъ болѣе было легко исполнить, что бояринъ Артемонъ Сергѣичъ любилъ сближаться съ иноземцами. Велѣдствіе подговора, Давидко Берловъ, лекарь, и карла Захарка, проживавшій въ домѣ Матвѣева, довели на него, что будто онъ вмѣстѣ съ докторомъ Стефаномъ, запершись въ палату, читалъ *черную книгу*, и въ то время явилось къ нимъ множество нечистыхъ духовъ. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Пустозерскій острогъ; боярство у него отнято, а имѣнія отобраны въ казну. Матвѣевъ писалъ въ Москву къ государю, патриарху и боярамъ

нѣсколько челобитныхъ, въ которыхъ оправдывался, но долго не имѣлъ успѣха. Въ одной челобитной его царю весьма интересны слѣдующія строки, изъ которыхъ видно, что подобные доносы были въ то время довольно обыкновеннымъ явленіемъ: «при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Федоровичѣ—говоритъ Матвѣевъ—также ненависти ради подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославскаго, будто онъ имѣетъ у себя перстень волшебной думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому письму немного не пришелъ въ конечное разореніе: былъ за приставомъ много время, животы пересматриваны и запечатанье были и ничего не найдено... и за свою невинность «свобожденъ... А при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ также завистию и ненавистию извѣтъ былъ составной же и наученой о волшебствѣ на боярина С. Л. Стрѣшнева, и за тотъ извѣтъ «страдалъ невинно, честь была отнята и сосланъ былъ на Вологду, а животы и поместья и отчины и дворы не отняты. Да и на многихъ, великій государь, такихъ воровскихъ писемъ было, а на иныхъ и въ смерт-

« номъ страху были... А и я, холопъ твой,
 « отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ
 « же твоємъ государевѣ великомъ государѣ не-
 « много не пострадалъ: такожде воры, составля
 « письмо воровское подметное кинули въ гра-
 « новитыхъ свѣтхъ и въ проходныхъ, и хотѣ-
 « ли учинить Божіей волѣ и отца твоего го-
 « сударева намѣренію и къ супружеству вто-
 « рому браку препону, а написали въ письмѣ
 « кореня ⁸⁴. »

Такихъ любопытныхъ свѣдѣній можно-бы отыскать множество въ нашихъ архивахъ.

Со временъ реформы Петра Великаго, вѣра въ чародѣйныя силы стала уменьшаться, но это

84) Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, изданіе второе, 1785 года, стр. 11, 161 — 163. Въ артикулахъ воинскаго устава (1716 г.) сказано: если кто изъ воиновъ будетъ чернокнижникъ, ружья заговорщикъ и богохульный чародѣй, такого наказывать шпицрутеномъ и заключеніемъ въ желѣзахъ или сожженіемъ. Въ толкованіи прибавлено, что сожженіе есть обычная казнь чернокнижникамъ, входящимъ въ обязательство съ дьяволомъ (П. С. З. т. V, № 3,006, глава I, арт. 1 и 2).

уменьшеніе совершалось очень медленно и постепенно. Въ прошедшемъ столѣтіи мы были очень далеко позади другихъ европейскихъ народовъ въ отношеніи къ цивилизаціи; а, въ тоже самое время, въ Парижѣ, въ самомъ центрѣ образованности, играли весьма важную роль и обращали на себя общее вниманіе даже двора и знати, таинственные лица, въ родѣ графа Сенъ-Жермена и Каліостро. Даже въ наше время, какъ мы уже упоминали, вѣра въ возможность сверхъестественныхъ сношеній съ невидимымъ міромъ сильно распространена во Франціи и въ Соединенныхъ-Штатахъ: учреждены клубы и издаются книги и журналы, посвященные таинственнымъ сношеніямъ съ міромъ духовъ. Благодаря Бога, мы, русскіе, еще не заражаемся этою сумазбродною эпидеміею и, сколько мнѣ извѣстно, никто у насъ не занимается перепискою съ мертвецами, въ которой дѣятельно упражняется баронъ Гюльденштуббе, въ Парижѣ, и о результатахъ которой онъ издалъ прекуръезную книгу подъ заглавіемъ:

«Pneumatologie positive et expérimentale.
«La Réalité des esprits et phénomènes merveilleux de leur écriture directe, démontrée.
«par le *Baron de Guldenstubbe*. Paris, 1857».

Гораздо любопытнѣе суевѣрiя, которыя понынѣ въ сильномъ ходу у насъ на Руси, почти между всѣми классами людей. О нихъ мы поговоримъ въ другой разъ.

- КОНЕЦЪ.